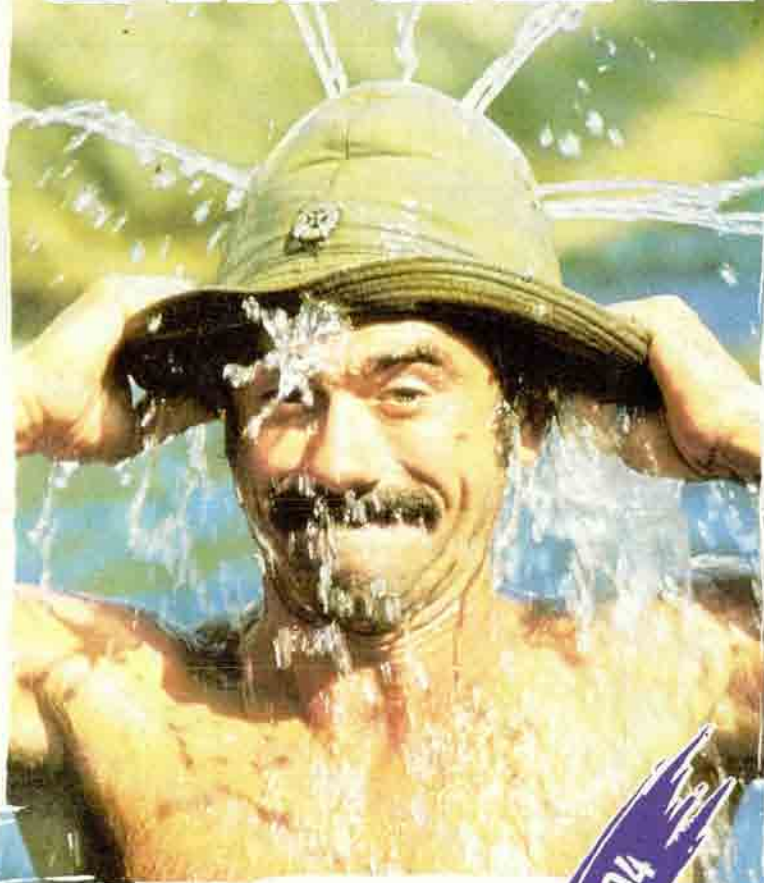

ОЛЫГА ЧАЙКОВСКАЯ ■ ПЯТЬ ГОПОРОВ АНАТОЛИИ ДЕРЯБИШ ■ МИЛЛИОНЩИКИ

СМОЖУ

ISSN 0131 — 6656

ТАТЬЯНА КРАСНОБОРОДЬКО ■ ОЛЕГ, СЫН КОНСТАНТИНА

ГРЕГОРИ МАКДОНАЛЬД ■ ПЕРВОЕ ДЕЛО

7'94

ФЛЕТЧА

▼ Н. ЯРОШЕНКО. Студент, фрагмент.

▲ И. РЕПИН. Портрет В. И. Искуль фон Гильденбандт. 1889.

▲ И. РЕПИН. Портрет художника В. С. Сварога. 1915. (Читайте стр. 124)

7'94 СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 20.04.94.
Подписано к печати 19.05.94.
Формат 84×108¹/₂.
Бумага «Газетная». Печать офсет-
ная. Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-
отт. 17,64. Уч.-изд. л. 23,10. Ти-
раж 92 100 экз. Заказ № 1420.
Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации. Рег. №166.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака об-
ращаться в издательство «Пресса»
257-28-30, 257-41-03.

7 (1557) ИЮЛЬ

© Издательство «Пресса».
© «Смена», 1994.

В НОМЕРЕ:

Проза

38

АЛЕКСЕЙ АТЕЕВ. ЗАГАДКА СТАРОГО КЛАДБИЩА
Мистическая повесть

180

ГРЕГОРИ МАКДОНАЛЬД. ПЕРВОЕ ДЕЛО ФЛЕТЧА
Детектив

Поэзия

13

ИРИНА ЕРМАКОВА, ВИТАЛИЙ АСОВСКИЙ

Человек и общество

4

АНАТОЛИЙ ДЕРЯБИН. МИЛЛИОНЩИКИ

18

ТАТЬЯНА КРАСНОБОРОДЬКО. ОЛЕГ, СЫН КОНСТАНТИНА

172

КИРИЛЛ НАБУТОВ: «ВСЮ ОЛИМПИАДУ Я ПРОВЕЛ
В ДОМАШНИХ ТАПОЧКАХ»

Мораль и право

26

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. БЕЗ ПРИЗОРА

112

ОЛЬГА ЧАЙКОВСКАЯ. ПЯТЬ ТОПОРОВ

Культура, музыка, искусство

92

БРОНИСЛАВА ПОГОРЕЛОВА. «...НЕ ПРЕСЫЩЕН Я ЭТОЙ
ЖИЗНЬЮ ХМЕЛЬНОЙ!»
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

124

АЛЕКСАНДР БЕНУА. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
В XIX ВЕКЕ

На нашей
обложке:
фотозтюд
ВЛАДИМИРА
ОГЛОБЛИНА

162

МАСТЕР ПАРАДОКСОВ.*Очерк об американском рок-музыканте
ФРЭНКЕ ЗАППЕ*

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

8-94

3

■ НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ. «КРОВЬ АЛАЯ».

И вновь — встреча с любимым героем, полковником МУРа Львом Ивановичем Гуровым. События романа происходят в разгар подготовки к выборам президента России. Гуров занимается расследованием загадочных убийств. Но ситуация, в которую он попадает, необычна — преступления совершаются не в уголовном мире, а в высших эшелонах власти...

■ ГАЙТО ГАЗДАНОВ. РАССКАЗЫ.

Русская литература — явление уникальное, аналог которому трудно найти в истории мировой культуры как по масштабам творческих индивидуальностей, так и по своеобразию талантов. Среди имен Ивана Бунина, Михаила Булгакова, Леонида Леонова, Владимира Набокова, Пантелеимона Романова органично вписывается имя Гайто Газданова, принадлежащего к числу тех, кого мы в свое время окрестили эмигрантскими писателями. В его разнообразном и богатом творческом наследии поднимаются вечные проблемы — о смысле жизни, трагизме человеческого бытия, добре и зле, красоте и величии любви. Рядом с иронией и скептицизмом живут удивительная нежность к человеку и сожаление об ограниченности его бытия.

Значительная часть созданного Газдановым уже пришла к русскому читателю. Мы же предлагаем вашему вниманию два из еще неопубликованных рассказов — «Шрам» и «На острове».

АНОНС:

МИЛЛИО

АНАТОЛИЙ ДЕРЯБИН,
доктор экономических наук

Портрет богатых

Нувориши как сине-зеленая водоросль

Поговорим о миллионерах. О наших, российских.

Почему они нам интересны?

Россия сейчас переходит от одного строя к другому. Обычно такие периоды называются революциями. У нас процесс идет эволюционно. Но преобразования очень глубоки. Они меняют социальный состав общества: большинство народа нищает, а с другой стороны появились очень состоятельные люди, которые строят себе загородные дома в четыре этажа с бассейном, покупают отели за границей...

Богачей не так много, но о них уже можно говорить как о явлении. А любое явление подлежит научному анализу: надо объяснить его происхождение, внутренние

пружины, механизмы развития, оценить его полезность... Биологи, изучая, скажем, сине-зеленые водоросли, делают вывод о состоянии водоема — так и экономисты могут лучше понять и оценить обстановку в России, пытаясь ответить на вопросы: откуда взялось богатство у отечественных миллионеров? Сколько их, богачей? Полезны ли они для страны?

О терминологии

Лучшее средство сделать человека миллионером — инфляция. Из-за повышения цен редкий россиянин — не миллионщик. Даже стоимость комнаты в коммуналке (а не владеет ею разве что бомж) выражается нынче цифрой с шестью нулями. Прибавьте к этому предметы домашнего обихода (мебель — холодильник — телевизор), и получится, что миллионер

НИЩЕ

на нищем фоне

в России — почти каждый.

Разумеется, разговор пойдет не о таких «денежных мешках». Во всем мире принято называть миллионером того, кто владеет миллионом и более долларов — наличными, на счетах в банках, в виде недвижимого и иного имущества. Такие люди есть среди россиян. Больше того — их немало.

Были ли богачи раньше?

В Советском Союзе миллионеры были всегда — не только несчастный Корейко, перетаскивающий чемодан с банкнотами с вокзала на вокзал. Миллионщиков в «светлые застойные времена» было гораздо больше, чем мы думаем. Полагаю, тогда существовали десятки тысяч «долларовых» миллионеров. Самый яркий пример — наш бывший генсек

Леонид Ильич Брежнев. Когда он скончался, после него осталось наследство (по западным оценкам) на полтора миллиарда рублей (тех, доинфляционных) — или на миллиард долларов. Он был одним из самых богатых людей мира! Да, ему не принадлежала государственная дача или лимузин, однако Брежнев владел огромной коллекцией автомобилей, счетами в банках, мебелью, ювелирными изделиями... Западные эксперты не сомневаются, что миллионером также был (и остается) Михаил Сергеевич Горбачев.

Однако «застойные миллионеры» концентрировались главным образом не в Москве. Больше всего их было в Средней Азии и особенно в Закавказье. Не только из числа партийной номенклатуры, но и среди «обычных людей» — удачливых подпольных торговцев, которые благодаря проводившейся тогда «ленинской националь-

ной политике» могли наживаться на монополии на чай, цитрусовые, а также благодаря слабому контролю за производством товаров народного потребления в этих республиках. Вспомните «хлопковое дело»! А ведь московские следователи особо рьяно не интересовались, скажем, Закавказьем... Сколько их могло быть, дел, аналогичных «хлопковому», так навсегда и останется неизвестным.

Абсолютно все (подчеркиваю — абсолютно все!) капиталы застойного времени имели криминальное происхождение, нажиты были незаконным путем.

Было наше — стало чье-то

Во время реформ миллионеров стало намного больше. Почему?

Огромные богатства, принадлежавшие государству, исчезли неведомо куда. Точнее будет сказать — оказались неведомо в чьих карманах.

Приведу небольшой подсчет, своего рода инвентаризацию того, что у нас было — и чего не стало.

Во-первых, золото. По всем западным оценкам (у нас сведения о золотом запасе страны были совершенно секретными), его величина в СССР составляла около 2,5 тысячи тонн. Самым большим запас был в момент смерти Сталина — 2,8 тысячи тонн. А в 1990 году оказалось — и почему-то сообщил об этом не кто-то из государственных деятелей, а экономист Явлинский, — что в стране осталось всего... 200 тонн золота!.. Куда делось около двух тысяч тонн? Ведь это, по мировым ценам, около 25 миллиардов долларов! Золото исчезло! Буквально испарилось в короткую перестроечную эпоху, с 1985 по 1990 годы...

Мы отказались от помощи братским странам, которые входили в СЭВ и Варшавский договор. Она оказывалась не в виде кредитов или прямых поставок, а за счет заниженных цен на продаваемые в эти государства сырье и энергоносители и благодаря завышенным ценам на их продукцию, которую покупала Россия. Сколько мы фактически тратили на эту помощь — были разные оценки, и я приведу не только свою, но и другие: от 20 до 50 миллиардов долларов ежегодно мы перекачивали в страны — члены СЭВ.

Помогали мы также государствам «третьего мира». По различным оценкам, расходовали на это от 20 до 40 миллиардов долларов.

В союзные республики из России шло (эти цифры приводил Ельцин, и я с ним согласен) около 70 миллиардов долларов ежегодно.

Все эти суммы мы теперь не тратим. Где они?

Далее, резко сократились расходы на оборону. В 1992 году они уменьшились примерно на треть — это должно было дать около 50 миллиардов долларов.

Накопления населения на 1 января 1992 года составляли 380 миллиардов рублей — по тогдашнему курсу не меньше 200 миллионов долларов.

Еще одна статья — стратегические запасы, то есть прибереженные на случай войны, стихийных бедствий и крупных катастроф продовольствие, законсервированное военное оборудование, топливо и все то, что обеспечивает работу военной промышленности — например, металл. Поскольку мы были милитаризованной державой, запасы для «автономного существования» были очень большими: по моим подсчетам, на сумму около 100 миллиардов долларов. Они тоже были из-

рядно «оципаны» за последние два года.

Итого получается, что за 1992—1993 годы Россия потеряла (это лишь оценка, реальная цифра может быть гораздо больше) от 485 до 535 миллиардов долларов. Точнее сказать — была ограблена на такую астрономически колоссальную сумму!.. Мы сейчас униженно просим у Запада займы два-три миллиарда, а сами потеряли в двести раз больше! Гигантские деньги!.. Где они?

Меньше социализма — больше капиталистов

Вспомним закон Ломоносова: ничто бесследно не исчезает. Если у России денег стало меньше, значит, у кого-то их стало больше. Полбеда, если бы они оставались в стране: ну, ограбили всех нас, зато богатыми стали Кузнецов, Гогоберидзе, Петров, Цукерман и Сидоров. Тогда по крайней мере была бы надежда, что новоявленные миллионщики станут вкладывать средства в отечественную промышленность и сельское хозяйство. Но большую часть нашего богатства утащили в ближнее и дальнее зарубежье. Вот это — беда!

Разумеется, никто и никогда не узнает во всех подробностях, как богатство из государственной казны утекло в частные руки. Те, кто слишком любопытен, долго не живут. Однако, когда есть «дыры» в законодательстве, а многие чиновники и правоохранительные органы коррумпированы, существует тысяча и один способ перекачки денег из государственного кармана в частный. Даже десять тысяч и один!

Как это могло происходить?

В России была отменена монополия на внешнюю торговлю. На

вывоз нефти, металла, леса и других природных богатств выдавались лицензии. Государственные чиновники выдавали их фирмам. Каким? За какие заслуги? Сколько взяток при этом получили бюрократы? Эти «детали» покрыты мраком...

Но вот глава российской фирмы получает лицензию на вывоз, скажем, нефти и заключает контракт на экспорт по ценам, которые отличались от официально провозглашаемых. В бумагах, представляемых всем официальным органам, он указывает цену за тонну на несколько долларов меньше, чем на самом деле платит покупатель. Эта разница, а она при большой партии зашкаливала за миллион долларов, оказывалась на личном счету нашего дельца...

А вот иной способ. Мне рассказывали о директоре крупного ленинградского завода, который года три назад, уходя на пенсию, сказал, обращаясь к коллективу: «Я вас обеспечил всем на десять лет вперед», — имея в виду запас металла, в том числе и стратегический. Сегодня на складах этого предприятия нет ничего.

И это неудивительно. Государственная монополия на экспорт отменена. Предприятия самостоятельны. Границы долгое время были прозрачны, да и теперь они легко преодолимы... Почему бы не вывезти в Эстонию металл?

Замечу, что эта республика, не имея своего производства цветных металлов, вышла на шестое место в мире по их экспорту!.. Что же она вывозила? Конечно, российские запасы! Целые страны, в основном прибалтийские, создали свое благополучие на наших богатствах. Если посмотреть статистику, то увидим, что, например, Россия в 1992 году потребила и вывезла алюминия больше, чем произвела. Откуда добавка?

Из стратегических запасов... Конечно, на таких распродажах озолотились чиновники, посредники, фирмачи за рубежом.

Обогащению Запада и нашей «компрадорской буржуазии» за счет России помог предельно завышенный в 1991—1992 годах курс доллара по отношению к рублю. По нашим подсчетам, он был завышен в 15—17 раз! (Сейчас покупательная способность «зеленого» в России снизилась раз в пять, и Геращенко, умелый государственный, ведет дело так, что курс доллара растет медленнее, чем цены). А год-два назад иностранец, приезжающий сюда, через подставных лиц мог в десятки раз дешевле, чем у себя на родине, купить лес, нефть, металл...

Деньги лежат не только в тумбочке

Средства, полученные от мошеннических операций, главным образом осели на личных счетах в зарубежных банках. По самым скромным подсчетам, от распродажи стратегических резервов и материалов, сэкономленных из-за сокращения ВПК, от экспорта по заниженным ценам частные лица получили около 40 миллиардов долларов. Я думаю, цифра значительно больше, потому что, естественно, нет никакой статистики, сколько денег хранят новоявленные миллионеры в западных сейфах.

Никто почему-то не принимает во внимание, сколько российские нувориши закупили недвижимости за рубежом. А они приобрели «за бугром» огромное количество домов, коттеджей, гостиниц и прочего — я думаю, на сотни миллиардов долларов. Иметь недвижимость более выгодно, чем хранить

деньги в банке — она всегда дорожает быстрее, чем растут проценты.

Конечно, у «нью-воришек» очень много наличных долларов — по нашим оценкам, от 20 до 30 миллиардов.

Наконец, «прихватизированные» у государства деньги пошли на создание новых коммерческих структур — банков, акционерных обществ, компаний, которые, в свою очередь, очень часто обслуживают толстосумов — помогают им купить недвижимость «за бугром», вложить деньги в западные банки... Посмотрите на рекламу! «Откроем счета за рубежом, переводим деньги за границу под любой договор...» Никого не стесняясь, не боясь ничего, средства от распродажи Родины перекачивают за рубеж.

Кто они, новые богачи?

Если взять всех российских миллионеров за сто процентов, то, думаю, процентов 80—90 из них нажили свои деньги нечестным путем.

Среди них много настоящих уголовников; торговцы наркотиками и оружием, крупные банковские аферисты и рэкетиры. Вряд ли кто-то из них решит вложить «грязные деньги» в производство, а если сделает это — не избавится от уголовных повадок. Не думаю, что с этими людьми общество может связывать надежды на процветание.

Почему-то считается, что многие «миллионщики» — это бывшая номенклатура. Не думаю. Конечно, те люди, что посмекалистей, хоть что-то умеющие делать, смогли нахалать. Но светлых умов в номенклатуре было мало. Когда я еще не встречался с крупными партийными боссами, считал, что

они очень талантливые люди: чтобы наверх подняться, думал я, надо недюжинные силы иметь. Но как только я начал соприкасаться с деятелями в ранге замминистра или министра прежнего союзного правительства, то увидел: многие совершенно некомпетентны. Удивляюсь, как они ухитрялись удерживаться в своих креслах?.. Отбор шел по подлости, но, полагаю, у многих не хватило ума обогатиться, даже когда деньги сами плыли в руки. Но уж те, кто хоть что-то соображали, нахапали себе будь здоров!

Стали «денежными тузами» некоторые руководители предприятий. Здесь я должен оговориться. Я сам выступал за то, чтобы часть наших директоров вполне официально сделать миллионерами. Но каких директоров? Тех, чьим талантом, чьей волей, усердием и трудом создана та или иная всемирно известная фирма. Особенно много таких в военно-промышленном комплексе — к примеру, КБ Сухого, Микояна, Туполева, которые продолжают удивлять мир своими разработками. Директора этих фирм по праву могли получить значительную долю собственности, созданной их трудом. Если умный и деловой руководитель станет хозяином не только номинально, но и фактически, он еще больше сил и таланта будет отдавать своему заводу. От таких миллионеров выиграл бы весь народ!.. Однако наряду с подобными директорами обогатилось множество проныр, которые думают не о развитии своего предприятия, а о том, как поскорее довести его до банкротства — ведь при продаже завода с «молотка» директор, как крупный акционер, получит миллионы! За примерами далеко ходить не надо. Директор ГАЗа владеет значительной долей акций своего предпри-

ятия. За что такая награда? Какими достижениями блещет этот завод, который чуть ли не тридцать лет выпускает одну и ту же машину?

Появились и совсем новые миллионеры — выросли из научных сотрудников, руководителей центров НТТМ, программистов... Им помогли умение и удача. Причем везение играло — и играет! — главную роль. Мы в России настолько не обучены рыночным отношениям, что любой сообразительный человек (или даже тот, кому случайно пришла в голову одна — одна! — хорошая идея) может, при удачном стечении обстоятельств, моментально разбогатеть. Посмотрите, сколько в Москве частных магазинов — а ведь торговая точка в бойком месте «тянет» сейчас на миллион долларов! Кто их хозяева? Как правило, люди, не имеющие особого образования, не блещущие развитием... Просто в нужный момент они сообразили, как этот магазин заполнить. Им помог случай!

Сейчас удача играет очень большую роль. Но в конечном счете победит более образованный и дельный. Кто просто везуч, но не умен, рано или поздно все потеряет.

Портрет в интерьере

Как выглядят наши «миллиончики»? Практически все, на 99 процентов, это люди молодые — до тридцати пяти лет. Толстосумов за сорок я знаю всего с десяток человек. А тех, кому за шестьдесят — по пальцам одной руки можно пересчитать.

Иногда о человеке в годах думают, что он миллионер, тогда как он просто влиятельное лицо. Порой честный директор завода распоряжается миллиардами, но лич-

но за ним больших денег не стоит, он не «подгреб» под себя ничего.

О сущности любого явления много может рассказать его внешняя сторона. Миллионеров, как носителей определенной культуры, представляет их одежда. Выглядят они прилично, но скромно. Ничего вызывающего. Вот жена или любовница может и бриллианты выставить напоказ, и шубку норковую надеть... Правда, есть миллионщики, кичащиеся своим богатством: кольцо с бриллиантом, золотая цепь, платиновый «Роллекс»... Но это накипь, пена. Такие, разодетые с «кавказским шиком», через год-два разорятся, исчезнут... Что роднит серьезных, умных миллионеров — у них хорошая, прочная обувь и — обязательно! — паркеровская ручка с золотым пером. Если он ездит на иномарке, то это американская машина — не самая большая, не «линкольн» восьмиоконный, а чаще всего «форд каприс» или «каприс» производства «Дженерал Моторс». Хотя немногие используют и «мерседес».

Сейчас появилось немало «псевдомиллионщиков», которые пыжатыся изобразить очень богатых, чтобы придать себе вес на переговорах. Как отличить их от настоящих «денежных мешков»? Все, кто претендует на то, чтобы его считали «воротилой», но на самом деле миллионером не является, почему-то считают шиком отпустить бороду. Выдают их и некоторая помятость костюма, определенная несурaziца в одежде... Если уж человек заработал миллион, он может купить услуги хорошего модельера... Псевдобогача, даже прекрасно одетого, порой выдает какая-то физическая нечистоплотность: запах алкоголя, пота, запах изо рта... Такие мелочи показывают, что даже если человек приехал на прекрасной маши-

не и одет роскошно — ничего за ним нет, он только хорохорится... И еще одно. Можно встретить рассеянного профессора, который забывает галоши, теряет платки, но рассеянного бизнесмена вы не увидите никогда. Миллионер всегда собран.

Сколько у нас миллионеров?

Полагаю, миллионеров в России уже наберется миллион. Много? Не думаю. В Америке каждая вторая семья имеет имущества больше чем на миллион долларов. Каждая вторая!

Зачем нужны нам «буржуины»?

И все-таки богатые люди для России — благо. Не жулики, которые схватили и убежали, а те, кто подтянут, организован, элементарно честен, те, кто занят делом, кто приумножает богатство страны, а значит, и наше с вами. Имена многих из них на слуху: Валерий Неверов, глава концерна «Гермес»; Владимир Грошев, руководитель «Инвестпула»; офтальмолог-предприниматель Святослав Федоров... Эти серьезные миллионеры прокладывают дорогу нашему капитализму. При них люди поднимаются с колен и начинают жить. Раскрепощаются десятки, сотни, подчас тысячи сотрудников, окружающих их. Настоящие «денежные тузы» — словно дрожжи в тесте, благодаря которым поднимаются те, кто рядом с ними. Допустим, миллионщик богатеет в десять раз, а те, кто рядом, — в три раза. Худо ли?... И чем больше подобных «буржуинов», тем лучше будет жить народ.

Пусть это не проявляется напрямую. Вот банк построил себе здание. Мы часто смотрим на него,

как на чужое. Но оно не чужое! Оно на века останется, будет и после нас. Мы-то все временные здесь, а то, что построено банком «Столичный» или, скажем, Инкомбанком, будет всегда. И внукам нашим послужит... Вот финансист возвел себе коттедж — после него останутся жить там его дети. Значит, не потребуются им квартира в городе, достанется она другим. Когда национальное богатство увеличивается, всем достается немножко побольше...

Другое дело, что тех, кто заботится о приумножении, очень мало: десять, может быть, пятнадцать процентов. Остальных, чьи капиталы имеют криминальное происхождение, конечно, нельзя назвать «дрожжами экономики». Такие богачи как раз противоположны обществу: они набивают карманы за счет обнищания других. Когда все беднеют и лишь немногие богатеют, это вызывает социальную напряженность. Настоящий миллионер, который думает о собственном будущем, о благополучии своих детей и внуков, не допустит нищеты вокруг себя — потому что тогда не выжить ни ему, ни его детям: снова, рано или поздно, придут «экспроприировать». Может, такая «делёжка» и была бы справедлива в отношении криминальных миллионеров, но не заслужена теми, кто заработал деньги праведно. А такие есть, я их лично знаю, и они приумножают не только свое богатство, но и благополучие страны.

Убить Кинг-Конга?

«Мерседесы» обгоняют переполненные автобусы, в казино шампанское льется рекой, а у метро старушки приторговывают сигаретами. Семья жует макароны с подсолнечным маслом под теле-

визионные призывы съездить на Багамы... Многие цены в России уже обогнали мировые, а средняя зарплата в десятки раз ниже американской. Расслоение — тоже следствие реформ. Меня, надеюсь, никто не сможет упрекнуть, что я «крепко задним умом» — о том, как надо было действовать, я писал много (в том числе в «Смене» — № 11 за 1989 год, № 1 за 1993 год).

Реформы у нас начали, не введя нормальных таможенных пошлин, и в Россию ринулись товары из-за границы, которые благодаря своей дешевизне и порой более высокому качеству сразу же задавили наших производителей. Например, в 1992 году производство в легкой промышленности упало катастрофически — ничего не было выгодно делать внутри страны. А раз предприятие выпускает 20 процентов от того, что может, — значит, упали зарплаты. А если на заводах не создается пресловутая прибавочная стоимость, то из чего платить рабочему, врачу, военному, судье? Если сейчас у нас уровень производства — 40 процентов от 1989 года, то есть в 2,5 раза меньше — как можно поднять зарплаты?

Сейчас ввели высокие таможенные пошлины — но поздно, наша промышленность уже почти разорена. Многие эксперты считают, что некоторые отрасли так и не поднимутся. Никогда.

Реформаторы рассуждали: раз наша продукция не выдерживает конкуренции с импортной, значит, будут закрываться производства, а рабочие займутся чем-то нужным. Так может говорить человек чисто книжный: «Рабочий пойдет шить костюмы...» Куда металлург пойдет, какие костюмы шить?! В доменной печи нельзя самогон гнать — только чугун выплавлять!.. По-гайдаровски структур-

ную перестройку можно провести легко и просто: это не выгодно выпускать? — остановиться! — начать делать другое!.. Но сначала надо придумать это «другое», вложить капитал, людей переучить!

Если у нас все дороже, за счет чего мы жить-то будем? Мы протянем какое-то время благодаря продаже нашей территории и природных богатств, которые на ней находятся, просуществуем еще пять лет. И все. А потом будем вымирать, потому что просто так нас никто кормить не станет.

Инженерный подход к живому хозяйственному механизму был очень характерен для Рыжкова, и я думал, это — край. Но оказалось, что наши монетаристы еще более механистичны. Они еще более примитивно представляют экономику, как некий автомат. А на самом деле народное хозяйство — живое. Это Кинг-Конг, огромная здоровая обезьяна, которой дал Бог физической силушки, но вот голова, то есть управление, у него не очень... А вспомните, девушка, которую Кинг-Конг на ладошке держал, — как она гармонична, красива! Но чтобы получить из Кинг-Конга девушку, потребовались миллионы лет эволюции. А если убить обезьяну — разве из нее человек получится?.. Экономика — тот же живой организм, его нельзя убивать, — только менять генетически! Подход реформаторов: «Раз у меня левая рука топором не машет, давай я ее отрублю этим же топором!» Или: «Зачем мизинец на ноге — потребляет только! Давайте покончим с ним!» Но ведь люди что-то свои мизинцы не рубят...

Я стану миллионером?

Любой двадцатилетний юноша сегодня может стать миллионе-

ром. Желание быть богатым есть у всех; но нужно еще усердие, способность работать больше обычного, порой отказываясь от встреч с девушками, не обольщаясь выпивкой, и, если есть талант, вы можете сделать миллион. В короткий срок, не завтра, а именно сейчас. Причем безо всякого криминала. У нас непочатый край работы. Чем бы вы ни занялись: производством, сельским хозяйством, транспортом, финансовой сферой — можно достичь успеха. Даже не имея огромных знаний, высокого образования, а самые элементарные навыки к труду, можно озолотиться. Сколько получает хороший мастер по ремонту автомобилей? В этой профессии слишком много пьяниц, которые ничего не умеют, кроме как тянуть с клиента. На этом фоне честный, хороший мастер, который делает автомобиль удобным и безопасным для седока, может очень здорово заработать. И стать миллионером!

И так — в любой профессии. У нас уже есть, и я знаю их, миллионеры-певцы, артисты, телевизионщики, адвокаты, режиссеры...

Но, конечно, есть и останется масса крайне неудовлетворенных людей, которые думают, что деньги сами поплывут им в руки — без усердия, без работы, за стаканом вина или чашечкой кофе... Их ждет глубокое разочарование: ничего у них не будет.

Ни-че-го!

Мальчишка спит. И бледностью зеркальной,
и мокрым чубом вздыбленным — к луне,
он пролетает над страной печальной,
крылом худющим дергая во сне.

Под ним свистят пустые веси, души,
присыпанные пеплом города,
колючие стеклянные баклуши
здесь бьет луна, здесь холодно всегда.

Он видит: дыры черных ртов швыряют
промоглые слова к нему наверх,
он сжался, он — в осколках, он петляет,
пытаясь улететь от них, от всех.

Остановись — луна течет по коже,
проснись! Ты не растешь, летая там.
Ты слышишь? Почему он должен
опять все это видеть по ночам?

Луна к стеклу прилипла, дышит рядом.
Летит, летит... Коленей уголок...
Пернатая подушка... Нет, не надо,
не надо, не буди, мне снится Бог.

Гудят миры. Цветут музыки.
Высвобождает мрамор плоть.
С изнанки — мусор, нитки, клики,
дремучий страх — не запороть.

Неназванные ощущения,
непопадания, сырье...
Вот здесь запахивалась в тень я,
дабы не приняли всерьез.

Вот здесь — пробел, вина каретки,
вот здесь — горячий сгусток линий
и все. Сижу на табуретке
посередине.

По жилам — виноградные чернила.
По яварю, дружок, по яварю...
Да мало ли чего я говорила,
да мало ли чего я говорю.

Но объясни, затем, что все понятно,
текст — безъязык, под ним зашит птенец.
Метель твоя — подкожная, виноградна,
душа — сырой и впитанный леденец.

С оказией явилось в эту вьюгу,
здесь так метет — почти не видно слов,
по кругу, по кольцу зрачка, по кругу,
я не могу произнести любовь.

Она под языком, не потакай ей,
октавой выше — все равно снесет,
и — посмотри, оказия какая:
она сама себя произнесет.

Птенец вина пригубит, оперится,
играй, не обращай, по январю,
он хочет зверем — он не хочет птицей,
играй, я знаю, что я говорю.

ЕВАНГЕЛИСТЫ

Лука — лукав, литературен,
Матфей — мастит, суров и рьян,
Марк — изначален в квадратуре,
но всех тревожней Иоан.

Дух осизаем, тают швы,
сминая времени пространство,
четырёхмерность христианства —
путь к сердцу мимо головы.

ВИТАЛИЙ АСОВСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы из деревни возвращались
в еще безоблачном году.
Деревья медленно вращались
и уходили на ходу.
И та кладбищенская роща,
что возле речки поднялась,
была уверенней и проще
и убедительнее нас.
Но даже зависти в то время
мы не умели ощущать,
едва осиливая бремя
спешить, надеяться и ждать.
Мы торопились в ожиданье,
неслась надежда впереди.
И ни терпеньем, ни стараньем

нас не успели наградить,
Мы проходили по дороге,
считая мерой правоты
легко ступающие ноги
и отстающие кресты,
пока жалея не о многом,
и не о том, что тяжела, —
а что короткая дорога
нам в мире под ноги легла.

≡
Звезда повисла над водой,
огромная звезда,
ошеломляя наготой,
не ведая стыда.

Под нею — гладкая река,
не видно, что течет,
белеет только, как рука,
как голое плечо.

Все в эту дьявольскую ночь
обнажено кругом,
но не горяч июльский ключ,
а отливает льдом.

И наготы молочный свет
как панцирь — без тепла.
Из серебра ночная ветвь
мне под руку легла.

Мир под налившейся луной
лежит, необозрим,
тая насмешку надо мной
бесстрастием своим.

ОЗЕРО

Лист упал и накрыл отраженье свое.
Небо в озере шарообразно.
Осень, беличьей кисти качнув острием,
в толщу синего капнула красным.
В толщу мира!
Прекраснее участи нет:
капнешь — в небо,
а взмоешь — туда же,
где закружит прозрачный и праздничный свет,
листопадом беспешным украшен.

Справа — окунь парит,
слева — голубь плывет.

Совершилось с листом волшебство.
Этот мир — словно синий налившийся плод,
лист — как семечко в сердце его.

≡
Сегодня в целом мире холода.
Тревога в каждой щели затаилась.
В стеклянных гранях — острая вода.
Моя река почти остановилась.

Рискованно глотнуть твоей воды —
парализует холодом дыханье,
Бессмысленны упорные труды,
бесплодно постоянное старанье.

В туманном от мороза ореоле
далекая холодная звезда...
Все замерло и в городе, и в поле
Сегодня в целом мире холода.

≡
...Многоточие ставлю, как будто еще не конец,
словно что-то еще непременно должно
состояться.

Но залог — легковесен,
за будущим мне не угнаться,
и не тою тропой поскакал от «сегодня» гонец.
Точки — точно следы; невидимка исчез за
строкой.
Прокричишь — и на зов отвечает невнятно
и близко.
Я в соседнюю даль ни к чему посылаю
записки:
если будет ответ — вновь такой же знакомо
немой.
Что случилось? Куда ненароком меня занесло?
Не всегда в зеркалах я свое узнаю отраженье
Без надежды почти, многоточие, словно
спасенье,
ставлю, зная о том,
что оно никого не спасло...

ХУДОЖНИК

Кто там в поле заснеженном плачет, упав на
колени?
Кто, не пряча лица, так рыдает, рыдать не
умея?
А сверху небеса декабрем неудачным болеют,
поле жалко, открыто, и ветер становится
злее...

Разве сердцу снести эту тяжесть неровного поля,
этот мир бесконечный и жизни людской
моментальность?
Здесь любая песчинка живет изучением боли,
и сухой стебелек преисполнен пугающей
тайны.
Перед всеми виновен, сюда прихожу
не случайно,
в одиночестве должен смиренно принять эту
кару —
неизбывные муки, горчайшие эти печали,
воплощенные в ветре и в поле, лежащем под
паром.
Я вину признаю перед домом и каждым
живущим...
Пусть любому воздастся при жизни его по
заслугам...
Позже, к людям вернувшись,
приму обвиненье
в бездушье,
осужденье — от матери,
ложь — от любимой,
измену — от друга...

Олег, сын

В 1911 году императорский Александровский (бывший Царскосельский) Лицей торжественно праздновал свой вековой юбилей. Заветному дню посвятили свои книги выпускники разных лет и поколений. Особое место в этом ряду занимает необычное издание — «Рукописи Пушкина. I. Автографы Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея. Выпуск I». Выполненное с изящной простотой и безукоризненным вкусом, оно включает факсимиле семнадцати стихотворных произведений «первого лицеиста». Среди них — «Воспоминание в Царском Селе», «Пирующие студенты», лицейское послание «К Дельвигу»; листы белой рукописи «Кавказского пленника», покрытые пушкинскими рисунками на полях, «19 октября 1825 года» и два листочка с «лицейскими» строфами «Евгения Онегина»... Внешнее сходство факсимиле с оригиналами удивительно: оттенок чернил, цвет, размеры, даже сама фактура бумаги, аналогичной пушкинской, усиливают иллюзию подлинности. «Появление первого

выпуска, — писала в 1912 г. «Русская мысль», — родит большие надежды и дарит большую радость».

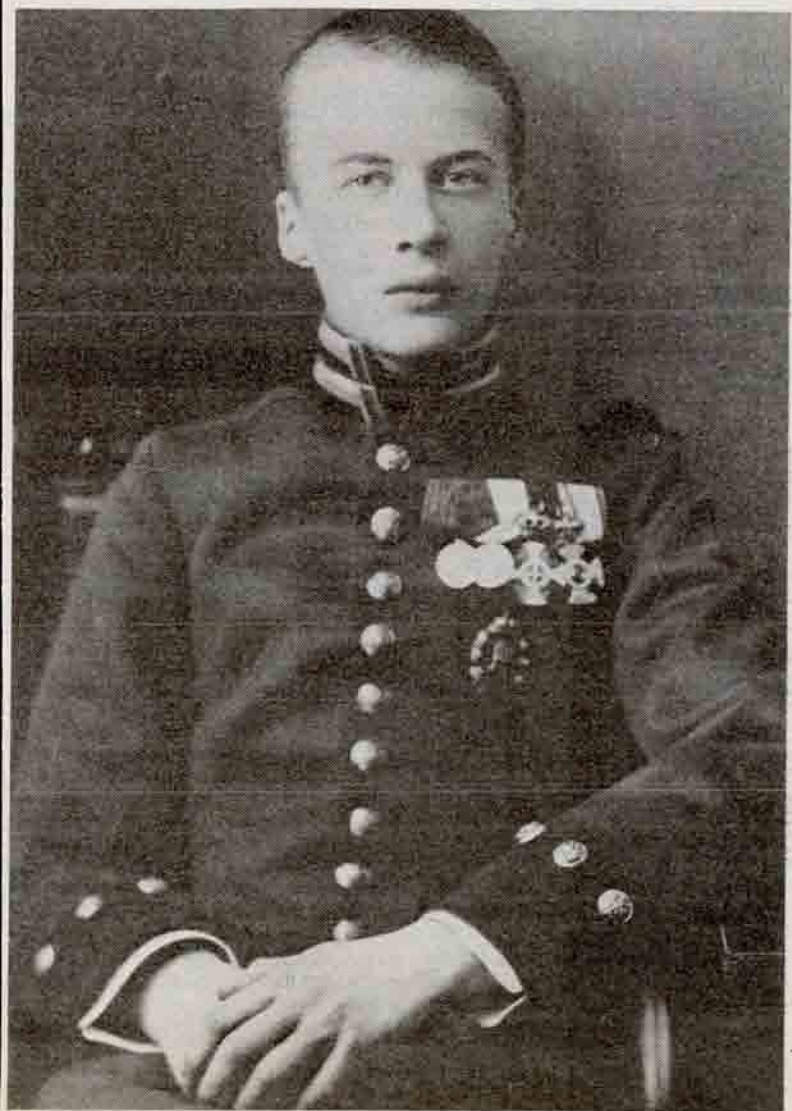
Этот дар преподнес Лицею воспитанник XIX курса князь Олег Константинович — сын великого князя Константина Константиновича, президента Академии наук и августейшего поэта, писавшего под псевдонимом К. Р.

Однако издание, столь успешно начатое, прекратилось на первом же выпуске, а имя издателя, принадлежавшего к императорской фамилии, «естественно» оказалось забытым. Небольшой архив князя Олега Константиновича, перевезенный из Мраморного дворца* в Пушкинский дом осенью 1920 года, в течение всего последующего времени оставался невостребованным...

Князь Олег Константинович был натурой недюжинной, разнообразно и счастливо одаренной. Он прожил красивую, но, увы, недолгую жизнь. Говоря пушкинскими словами, был «рожден для вдохновенья, для звуков сладких и молитв», но погиб в самом нача-

* Мраморный (Константиновский) дворец являлся собственностью великих князей. Принадлежал великому князю Константину Николаевичу, затем перешел его сыну Константину Константиновичу, семья которого владела дворцом до Октябрьской революции. С 1937 г. в нем размещался филиал Центрального музея В. И. Ленина, а в 1992 г. дворец передан Русскому музею.

Константина

ле первой мировой войны — в неполных 22 года. Четвертый сын К. Р., он унаследовал литературное и артистическое дарование своего отца: серьезно занимался музыкой, был прекрасным пианистом, писал рассказы, пьесы, стихи, вел дневники.

В князе Олеге воплотились лучшие семейные традиции Константиновичей — самоотверженная любовь к России и ко всему русскому, глубокая религиозность, развитое чувство долга и стремление оправдать свое высокое происхождение и положение, постоянное нравственное самосовершенствование и склонность к самоанализу, прекрасная память, благородная и тонкая душевная организация.

Об этом выразительно свидетельствуют дневники князя Олега Константиновича, раскрывающие перед нами непрерывающийся процесс самовоспитания и самопознания. Эпиграфом к одной из дневниковых тетрадей князь Олег избрал наставление Преподобного Серафима Саровского: «Каждодневно выметай свою избу, да хорошим венником».

Вот несколько записей.

Первые две сделаны 12-летним мальчиком — они по-детски трогательны, простодушны, наивны и не по-детски глубоки и серьезные.

Январь 1905 года: «До чего мы дожили!.. Стессель сдал Порт-Артур. Не было возможности держаться. Кондратенко убит. Он был нашего корпуса. Да, много героев пало под Порт-Артуром. Кто во всем виноват? Русская халатность. Мы, русские, живем на «авось». Это «авось» нас делает виноватыми. Когда же наконец пройдет эта ужасная халатность? У нас управляют не русские, а немцы. А немцам до нас нет дела. И понятно, оттого-то русские

езде и проигрывают. Они с малолетства не стараются воспитать себя. И выходят ненужные люди для отечества. С малолетства себя воспитывать надо».

17 сентября 1905 года: «В моей жизни случилось счастье: нам разрешили носить медали императора Александра III. Первая медаль в жизни! Но заслужил ли я ее? Нисколько. Отчего я ее получил? За то, что я — лицо царской фамилии. Значит, я должен за все эти привилегии поработать. Хватит ли у меня на это сил? Не знаю. Что надо для этого делать? Учиться. Итак, я приложу к этому все мои старания».

Следующие дневниковые фрагменты принадлежат перу юноши.

1910 год, князь Олег Константинович возвращается из двухмесячного путешествия по Европе: «В окне тянулась мимо меня однообразная немецкая равнина, что подходит к самой русской границе. Она вся обработана, вся засеяна — нет живого места, где глаз мог бы отдохнуть и не видеть всей этой, может быть, первоклассной, но скучной и назойливой культуры. «...» Теперь я подъезжаю к милой России. Позади меня осталась Франция с вечно ликующим, славным и талантливым народом, с Парижем, Версалем и гробницею Наполеона. Теперь я проезжаю по скучной Германии и должен через час быть в России... Да, через час я буду в России, в том краю, где все хранит еще что-то такое, чего в других странах нет... Там, где по лицу земли рассыпаны церкви и монастыри... Там, где в таинственном полумраке старинных соборов лежат в серебряных раках русские угодники, где строго и печально смотрят на молящегося темные лики Святых... В том краю, где сохранились еще и дремучие леса, и необозримые степи, и непроходимые болота... Отчего-то

мне вдруг припомнилось в связи с этими мыслями стихотворение:

Приди ты немощный,

приди ты радостный,

Звонят ко всеобщей,

к молитве благостной.

5 мая 1913 года: «Нет, прошло время, когда можно было почитать на лаврах, ничего не зная, ничего не делать нам — князьям. Мы должны высоко нести свой стяг, должны «оправдать в глазах народа наше происхождение». В России дела так много!.. Мне вспоминается крест, который мне подарили на совершеннолетие (великокняжеское совершеннолетие — 20 лет. — Т. К.). Да, моя жизнь — не удовольствие, не развлечение, а крест. <...> В пример себе я ставлю Папа. Мне хочется довести себя до того нравственного совершенства, которого достиг он. И тут-то я чувствую, насколько я хуже его. Меня пугает моя страстность, страстность во всем, что я делаю».

30 марта 1914 года: «Боже! Как мне хочется работать на благо России!.. Но не одна военная служба должна быть нашим прищем. В сущности говоря, мы ничуть не ушли от павловских обычаев и нравов. Если бы нам вернуть ботфорты и парики, то мы бы стали настоящими капралами: «Направо! Налево! Здорово, братцы!» Нет, не это должно быть нашим занятием. Нам надо бы делать дела покрупнее».

«Быть писателем — это моя самая большая мечта, и я уверен, убежден, что никогда не потеряю желания писать». — признавался князь Олег в автобиографическом сочинении «Сцены из моей жизни».

Эта глубокая любовь к отечественной литературе и истории, стремление к самостоятельному научному исследованию, природная склонность к гуманитарным

наукам, вероятно, и определили решение великого князя Константина Константиновича поместить сына после окончания Полоцкого кадетского корпуса на старший университетский курс императорского Александровского Лицея. Такое неординарное решение шло вразрез с традициями русского царствующего дома, представителем которого получали только специальное военное образование. Когда в начале XIX века возникла идея первого в России учебного Лицея, там, по замыслу Александра I, должны были воспитываться его младшие братья — Николай и Михаил, но прецедент все-таки создан не был. И вот весной 1910 года, накануне столетия Лицея, на его XIX курс был зачислен успешно выдержавший вступительные экзамены князь императорской крови — правнук Николая I. Секретарь Лицея и курсовой воспитатель А. А. Рубец вспоминал позднее, что, когда состоялось решение, «многие были смущены этим обстоятельством и опасались, чтобы это поступление не было фиктивным и тем самым не было бы нарушено обычное течение лицейской жизни».

Опасения оказались напрасными. Простота и доступность, благожелательное отношение к людям, чуждость этикету в неофициальной обстановке помогли князю Олегу легко войти в лицейскую семью и следовать ее вековым заветам. Кроме того, великий князь Константин Константинович стремился до минимума свести этикетные требования: преподавателям предложено было обращаться к августейшему воспитаннику по имени и отчеству, без титула «Ваше Высочество». Скорее всего инициатива великого князя была и в том, что специальной резолюцией Николая II князю Оле-

гу разрешалось носить лицейский мундир. Это обстоятельство, существенное для лицейского устава, требует пояснения. Известно, что Лицей отличался строгим корпоративным духом и верностью традициям. И если бы Его Высочество стал посещать занятия в военной форме, это только подчеркивало бы его высокое происхождение и воспринималось бы лицеистами как отступление от незыблемых традиций. Их не нарушил августейший воспитанник, проникшийся лицейским духом. Так, курсовой воспитатель в своих воспоминаниях счел необходимым отметить, что «во время юбилейных торжеств по случаю столетия Лицея в январе 1912 года князь Олег находился в рядах воспитанников своего курса, а не с особами императорской фамилии, также и в Зимнем дворце на обеде сидел вместе с товарищами».

22 Занимался Олег Константинович страстно, увлеченно, со свойственным ему трудолюбием и усердием, нередко выходя за пределы учебной программы, и получал за ответы и письменные работы высший, как правило, балл — «12».

По требованию врачей Олег Константинович, часто болевший, в 1910/11 году жил преимущественно в Павловске и не мог ежедневно посещать занятия. Лекционный курс этого года он осваивал в домашних условиях под руководством крупных ученых, имевших к тому же опыт практической деятельности. Философские науки изучал под началом Э. Л. Радлова, историю русского права ему преподавал профессор Ф. В. Тарановский, римское, гражданское, государственное право — профессор Б. В. Никольский, лекции по статистике, политической экономии, финансам читал сена-

тор В. Т. Судейкин, а по уголовному праву и судопроизводству — министр юстиции И. Т. Щегловитов. «Репетиции» и экзамены за первый учебный год князь Олег блестяще сдал экстерном. Это было единственное исключение, сделанное в Лицее для высокооплаченного воспитанника.

Курсовое сочинение Олега Константиновича было посвящено М. М. Щербатову-публицисту; выпускная диссертация — юридическим воззрениям Феофана Прокоповича. Ее тему князь Олег выбрал самостоятельно и писал под руководством барона Б. Э. Нольде — видного юриста и историка русской юридической школы, публициста, политического деятеля, тогда — лицейского профессора. «Помню, — сообщал А. А. Рубец составителям сборника в память Олега Константиновича, — как он ездил по букинистам, отыскивая старые издания, с какой любовью показывал он мне книги, как волновался за успех своей работы». Выпускное сочинение Олега Константиновича «Феофан Прокопович как юрист» за литературные достоинства было отмечено серебряной «Пушкинской» медалью. Для золотой медали ему не хватило всего сотых долей балла, «но в Лицее не прибавляют этих «сотых», и князь Олег получил серебряную медаль». Позднее, когда Олег Константинович был отмечен знаком ордена Святого Андрея Первозванного, он признался одному из своих собеседников, что Пушкинская премия и медаль за окончание Лицея особенно дороги ему, потому что «эти награды заслужены трудом».

Накануне лицейского юбилея историк литературы, библиограф и пушкинист В. И. Саитов решил сделать августейшему лицеисту щедрый дар. О нем известил своего воспитанника Н. К. Кульман 16

октября 1911 года: «Поздравляю Вас с чудным подарком, который Вам делает Владимир Иванович Саитов. Вы будете иметь собственный свой автограф Пушкина, заключающий в себе два его стихотворения. Живо представляю Вашу гордость и душевно разделяю ее. Кульман». На следующий день по императорскому телеграфу из Павловска в Петербург была передана телеграмма взволнованного и растерянного князя: «Считаю себя недостойным иметь автограф Пушкина. Одна мысль об этом делает меня невменяемым. Олег». Впрочем, подарок Его Высочество все-таки принял...

К этому времени идея князя Олега издать рукописи Пушкина уже обрела свое реальное воплощение. Она отличалась поистине великокняжеским размахом, фундаментальностью и издательским максимализмом. Олег Константинович хотел издать все автографы Пушкина — как переданные на хранение в государственные учреждения, так и находящиеся у частных собирателей. Все работы по изданию князь Олег взял на себя, ревниво оберегая свою самостоятельность в этом деле. «Иначе мне не было бы смысла издавать их», — писал он лицейскому воспитателю с той категоричностью, которая не может не вызывать симпатии.

В бумагах Олега Константиновича сохранилось несколько черновиков писем и телеграмм, адресованных членам комиссии по этому изданию — Н. К. Кульману, В. И. Саитову, П. Е. Щеголеву. Они свидетельствуют о том, сколько кропотливого труда и старания вложил в издание 19-летний «пушкинианец», какую редкую ответственность проявил он на всех этапах работы: от выработки общего плана издания, отбора рукописей для первого выпуска и кратко-

го описания графических подробностей, которые не удалось воспроизвести, до сличения готовых снимков с подлинниками, правки корректурных оттисков и оформления папки.

«Нет сомнения, он был бы и обзорным издателем», — свидетельствовал позднее П. Е. Щеголев.

Первый выпуск «Рукописей Пушкина» вышел в 1912 году и не был обойден благожелательным вниманием критиков. Авторы журнальных откликов (среди них — библиофил В. М. Андерсон, пушкинисты Н. О. Лернер и Н. К. Пиксанов) подчеркивали прежде всего научную, общекультурную и просветительскую ценность издания:

«Осуществляется план как бы изъятия пушкинских рукописей из крепко-накрепко замкнутых музейных витрин и библиотечных шкафов, доступ к которым возможен лишь полноправным членам «ордена пушкинианцев», а не простым смертным» («Русский библиофил»).

«Издание дает прямо эстетическое наслаждение, и первое, что думаешь, любясь им, — это что надо его иметь в лучших русских средних школах. В самом деле, не знаю лучшего способа приблизить учеников к Пушкину, как показывая им эти тетрадки и листочки его автографов» («Русская мысль»).

Тираж первого выпуска составил 1000 экземпляров; 890 из них Олег Константинович принес в дар Лицею, от имени которого они и распространялись. Все вырученные средства (стоимость одного экземпляра определили в пять рублей) поступали в доход Лицея. После публикации в «Новом времени» объявления о продаже издания в числе первых заявок в канцелярию Лицея пришла открытка из имени Маркутье под

Вильно, где жила Варвара Алексеевна Пушкина, вдова младшего сына поэта.

Министр народного просвещения «признал целесообразным рекомендовать издание к приобретению в библиотеки средних учебных заведений», и свыше 200 экземпляров «Рукописей Пушкина» было послано в адрес многих российских гимназий, реальных и средних технических училищ. Все же первый выпуск расходился медленно, и князь Олег переживал, что «это дело может интересоваться не очень многих людей».

К Рождеству 1912 года предполагалось приступить к изданию второго выпуска, куда вошли бы автографы прозаических произведений из лицейского собрания. Однако подготовка выпускного сочинения приостановила работу, и князь Олег писал секретарю Лицея А. А. Рубцу 7 января 1914 года: «Воображаю, как меня бранят все пушкинианцы за то, что не продолжаю работы! Но они горько в этом случае ошибутся: над Пушкиным я работаю больше, чем когда-либо, и намерен, как только появлюсь на горизонте, сразу двинуть работу». Этим же днем датирована и дневниковая запись, в которой князь Олег отмечает, что почти весь день провел за чтением первого выпуска «Пушкин и его современники», академического повременного издания. Листы сборника сплошь покрыты карандашными отметками, подчеркиваниями, маргиналиями издателя пушкинских автографов. Не пропущено ни одного упоминания рукописных оригиналов поэта, отмечены все государственные собрания и частные коллекционеры, располагающие пушкинскими подлинниками, в каталоге библиотеки села Тригорского обозначены все экземпляры с владельческими и дарительными надписями, особо

выписана фамилия фотографа Окружного суда Малевинского, делавшего в начале века снимки с пушкинских автографов для академического издания сочинений поэта.

Князь Олег был полон творческих замыслов: мечтал написать биографию деда — великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала, председателя Государственного Совета в 1865—1881 годах, одного из крупных деятелей эпохи реформ Александра II; издать альбом «Павловск» и пригласить для работы над ним одного из лучших петербургских фотографов и мастеров русской иллюстрированной открытки — С. М. Прокудина-Горского; разобрать библиотеку Павловского дворца, составить ее каталог и... создать собственный оркестр, с которым можно было бы «переиграть» всего Бетховена и Чайковского.

Но перед сыновьями великого князя Константина Константиновича не стоял вопрос, где им надлежит быть после вступления России в войну. «Мы, все пять братьев, идем на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту царская семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все втягиваем на войну». Это последняя дневниковая запись, которую князь Олег сделал в Петрограде.

Гусарский полк, с которым выступил в поход корнет Олег, входил в состав первой действующей армии и уже в начале августа 1914 года получил боевое крещение в Восточной Пруссии. Хотя князь служил при штабе и вел полковой дневник, ему нередко приходилось бывать на передовой, под огнем. В письмах

к родителям он подробно рассказывал о новой для него воинской жизни — о переходах, длящихся ночь, и пятиминутных остановках для короткого сна прямо на земле, об отставших обозах с едой и бельем, о лошадях, не кормленных три дня, о радости, которую доставляют посылки с теплыми вещами и едой, и тут же просил посылать больше — «у солдат нет папирос, табаку».

Многолетней привычке вести дневник Олег Константинович был верен и в армии, но между записями — большие перерывы. Эта сделана в полевой книжке накануне последнего боя: «26 сентября. Пятница. Выступили в 8 часов утра. Предположено идти на Дайнен затыкать дырку, образовавшуюся между стрелковой бригадой и 56-й дивизией с целью зайти немцам, сидящим в Шукле, в тыл. Конечно, мы знали, что это не будет сделано. Мы сейчас сидим на одном фольверке (уже 11 часов), не дойдя еще до Владиславова. Слышны пулеметы и артиллер <ийские> выстрелы. Отправляли письма домой через вольноопред <еляющегося> кирасира, который едет в Питер. Привезли раненого пехотного офицера. Немцы, говорит, выкинули белый флаг, кричали «Не стреляйте!», а под конец выстрелили. Может быть, это вранье? Стрельба чаще. Пехота отходит. Команда «Коням!».

27 сентября 1914 года взвод под командованием князя Олега атаковал неприятельский разъезд, и в этой атаке князь смертельно ранили. За мужество и храбрость он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, и за час до смерти сына великий князь Константин Константинович, прибывший в Виленский госпиталь, успел

приколоть ему Георгиевский крест его деда. Похоронили князя Олега не в великокняжеской усыпальнице, как того требовал обычай, а в милом его сердцу подмосковном Остаеве, на берегу реки Рузы, где еще 12-летним ребенком он выбрал место своего вечного упокоения. На могиле сооружен храм-усыпальница, освященный в память Святого Благоверного князя Игоря Черниговского и Святого Преподобного Серафима Саровского, особо почитаемых в семье великого князя.

К годовщине гибели Олега Константиновича в Лицее была учреждена памятная серебряная медаль за лучшее сочинение по отечественной литературе, а в типографии «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» издана биографическая книга о нем, составленная последним воспитателем князя генералом Н. Н. Ермолинским на основе воспоминаний тех, кто был свидетелем недолгой жизни Олега Константиновича — от раннего детства до героической гибели. В ней впервые опубликованы фрагменты дневников и литературные начинания князя Олега: несколько стихотворений, рассказ «Ковылин», автобиографические «Сцены из моей жизни». От книги, как и от документов архива, трудно оторваться — такова сила обаяния цельной и удивительно чистой личности князя Олега Константиновича. В рецензии на книгу В. В. Розанов писал: «Погибло прекрасное «обещание» для русской литературы, — это-то уже бесспорно, не преувеличено, и можно и должно это сказать, совершенно не считаясь с его великокняжеским лицом. Литературная братия потеряла одного из «своих», и ей совершенно следует помнить о нем, как о «своем».

ВЕЗДРА

Всего мы ожидали от этой жизни, но только не девятого вала детской беспризорности и подростковой преступности. Посмотрите внимательно на улицы, на вокзалы, автостанции, полутемные забегаловки: кто эти мальчишки и девчонки с быстрыми глазами и чересчур свободными манерами? Да, еще дети. Но дети опасные. Растреленные, с малых лет готовые на все, ибо чего еще ожидать, например, от мальчишки, который с десяти лет живет один по вокзалам в обществе бичей, бомжей, воров и проституток.

Если армия взрослых преступников, по данным Генеральной прокуратуры России, за последние пять лет выросла на тринадцать процентов, то «кодла» несовершеннолетних — аж на шестьдесят три! Только в прошлом году к стае уголовников примкнуло как минимум полмиллиона подростков. Это, разумеется, только зарегистрированных. А сколько мальчишек и девчонок «просто» поставлены на учет в милиции? Ведь уголовная ответственность за тяжкие преступления предусмотрена с четырнадцати лет, за нетяжкие — с шестнадцати.

Торговля анашой, проституция, кражи и грабежи — это, простите меня, еще «семечки». А теперь представьте себе наемного убийцу в возрасте тринадцати лет и шести месяцев. Убийцу, который может сделать все, вплоть до сожжения заживо, и ему «ничего не будет». Представьте также, кем он вырастет. Представьте, кем может вырасти подобранная на подольском вокзале девочка, которая в десять лет уже ворует и имеет половые связи...

Откуда-то из двадцатых годов вдруг пришло это слово —

АЛЕКСАНДРА АСТАФЬЕВА

«беспризорники». Только их, нынешних, лишила детства не гражданская война... Дети бегут из домов, из семей, из своих маленьких городов и стекаются в мегаполисы, где легче затеряться, где легче прокормиться, легче пристроиться к банде. И с каждым днем их все больше и больше. Из них, из беспризорников, и набирается значительная часть армии малолетних преступников.

Не хочу никого пугать, но, по некоторым наблюдениям, чума только начинается.

Приемник

Детей и подростков, подобранных на вокзалах, малолетних проституток, малышей, брошенных родителями-алкашами, бичами и бомжами, направляют сюда, во Владыкино, на окраину Москвы, где за высокими бетонными заборами на громадном пространстве раскинулось особое «государство» — Центральный приемник-распределитель несовершеннолетних МВД России. Да, с 20-х годов беспризорниками занимается у нас милиция. По нынешним временам это благо. Потому что военная организация — это военная организация. Порядок, четкость, исполнительность, чистота и уют. Да, уют, потому что территория только снаружи — типичный военный городок. А там, внутри, условия, конечно, не домашние, но гораздо лучше, чем во многих и многих детдомах и интернатах. Здесь детей отмывают, одевают, кормят, учат их, чтобы не отстали, чтобы легко могли вернуться в школы и быть там, как все... Брошенных малышей устраивают в интернаты, в детские дома, а «больших», чаще всего это мальчишки и девочки из других городов, возвращают туда, откуда они приехали.

Возвращают, прекрасно зная, что многие из них снова «сорвутся» в Москву, и снова попадут в милицию, и снова с ними здесь будут возиться, поить, кормить и возвращать...

Мальчишки

ЖЕНЯ ГОМЗЮКОВ, 14 лет, Ходжент, Таджикистан. Семья у меня вроде приличная. Отец — коммерческий директор на ковровом комбинате, мачеха — швея. В доме вообще все есть. Ну, отец меня бил с четырех лет. В основном когда с похмелья. Он раньше работал в милиции, с уголовниками дело имел. Это на него повлияло. Вот он приходил с работы и, как говорится, отыгрывался на мне... Бил, чем под руку попадет. Ведро там, стул. У меня пальцы на руках все переломаны.

Первый раз сбежал я года два назад, в двенадцать лет. Пошел на вокзал, больше идти некуда. Ну, стал по мелочам воровать. На рынке, вокруг. Потом думаю, чего бы не съездить в Москву, все ведь говорят: Москва, Москва, Москва... Проводнику помогал, он меня довез. Приехал, сразу сел в метро и поехал. Накатался до того, что меня тошнило. Пошел шататься по Москве, одет был побомжовски, меня сразу и зацапали, отправили обратно.

А когда я через два года сюда приехал, уже опытный был: пристроился к алкашу одному, на квартире у него жил, между прочим, не хуже вас. В деньгах по крайней мере недостатка не было. Один баул с кожанками «уведешь» на барахолке — отнесешь в магазин. Там продают, со мной делятся. Так завел знакомства нужные. Работу мне стали предлагать. Таковую, от которой только дурак откажется. Например, раз-

гружать такие вещи, которых в Москве еще нет. При этом можно взять сколько надо — и никто слова не скажет. А я не пошел. У меня уже другие планы. Воровать такое же последнее дело, как шестерить... грузчиком. А надо быть просто чуть поумнее и пошустрей других. У меня свое образование. Вот чего я не хочу, так это жить, как вы — ходить куда-то там на работу: «Ой, деньги, ой, скоро ли зарплата!» Я живу, как хочу, и че мне надо — иду и покупаю. У меня сейчас в Москве на разных квартирах миллионов шесть лежит. А вот на тех пацанов, которые бегут из дома и живут в подвалах, на вокзалах, я на них смотреть не могу. Я раньше тоже так спал, но как вспоминаю сейчас, у меня сразу отвращение... У меня тут уже место забито в коммерческом магазине.

А что в Ходжент отправят, так я уже не маленький. Нет, отец теперь меня не тронет. А если тронет, то найдутся люди, которым я только слово скажу... Да какие там родственные чувства! Мне там, вообще, никого не жалко, пусть все провалятся. Кроме бабульки. Вот за нее я хоть жизнь отдам...

СЕРГЕЙ ЧЕБОТАРЬ, 12 лет, с. Рэскиец, Молдова. Отец и мать нигде не работали, а только ходили по селу и воровали, что попадет. Потом продавали все за вино. Они ругались-ругались, потом разошлись и уехали куда-то. Я остался с младшим братом и сестрой, Людой и Андрейкой. А дом, где мы жили, был чужой. Нас оттуда забрали. Сестренку с братом, ему семь лет, а ей девять лет, куда-то увезли, где маленькие живут, а меня отдали в детдом в Поповку. Там меня сильные мальчишки сразу стали бить, чтобы я отдавал им всю еду. Я сбежал оттуда, попал на

вокзал. Там цыгане мне сказали: «Едем с нами в Москву, будешь нам помогать». Помогать — это деньги просить, сидеть с рукой. В Москве я от них убежал, стал бродить. Встретил одного дядьку на вокзале, который взял меня к себе. У него уже был еще один мальчик, Дима зовут, десять лет. Стали мы ходить по электричкам, деньги собирать. Он заходил в вагон и говорил, что он из Таджикистана, дом у него сожгли, жену и дочь убили, только мы одни остались, помогите, чем можете. Нам все помогали. Потом он напился водки, и я сбежал. Сидел на вокзале. Подошла дежурная, спрашивает. Я ей рассказывал. Она говорит: подожди, сейчас за тобой приедут. Привезли меня сюда. Теперь домой пошлют. Только я сказал Кларе Яковлевне (Клара Яковлевна Исаева — воспитатель), чтобы меня в Поповку не посылали в детдом, а то меня там снова будут бить...

ВОЛОДЯ ВЕРБИЦКИЙ, 14 лет, Новочеркасск. В Новочеркасске меня суд ждет — за кражу. До суда отпустили, а я в Москву сорвался. Думал купить здесь что-нибудь с товарищем, на юге продать. Попали на квартиру к одному мужику тридцатилетнему, он с проститутками работал. Вывез их продавать, его и взяли. Приехали на квартиру, а там я. И меня тоже замели. В Москве я чистый, ничего не натворил. А вот что будет в Новочеркасске, не знаю. Хорошо, если условно дадут, сразу же пойду учиться, на работу устроюсь. Даже если в «малолетку» посадят — отсижу и на работу пойду. Учиться начну, какую-нибудь специальность получу, корочки. Это не понт, честно говорю. Просто я понял уже, что такая жизнь не для меня, ничего у меня в такой жизни не получается.

Жизнь без иллюзий

Тяжело разговаривать с ними. Тяжело и от их рассказов, и оттого, что не знаешь, где правда, а где ложь. С Сережей Чеботарем вроде все ясно. Ему попасть в добрые руки, в хороший детдом — и жизнь наладится. Сложнее с Женей и с Володей. Кажется, у Володи Вербицкого много уже направилось в голову и в душе, но будем учитывать: эти мальчишки могут сказать вам все что угодно. И еще смеяться за спиной, как ловко «лапшу на уши навешали». Тот же Женя Гомзюков рассказывал, что отец его дома регулярно избивает. А воспитательница говорит, что отец Жени каждый день звонит ей из далекого Таджикистана и спрашивает, что и как, когда отправят Женю домой. Как-то не очень вяжется такая тревога за сына с образом домашнего самодура... Или Володя Вербицкий, который утверждает, что ему четырнадцать лет. Да, по сложению он — щупленький подросточек, но очень уж взрослый голос, манеры, очень взрослые глаза. Может, оттого, что многое пережил, и дай ему Бог устроить жизнь так, как он говорит. А вот Женя Гомзюков более чем далек от подобных планов: ПТУ, специальность, учеба, работа... Конечно, он фанфаронит, представляется, но понятно, что он уже вошел в этот криминально-торговый круг и будущее его тоже ясно. И, боюсь, таких, как он, становится все больше и больше. Так сказать, новая генерация. Дети без иллюзий.

Можно сколько угодно смеяться над идеологическими установками, что вбивались в детей и в подростков в прежних школах. Но разве не очевидно, что, отрицая идеологию, мы вместе с ней выбросили на свалку и то, что

делает из стада людей общество, общественные идеалы. Воспитание общественных идеалов.

И какая, должно быть, жуткая жизнь у нынешних мальчишек и девчонок, у которых нет даже спасительных иллюзий, а есть только циничная и жестокая действительность. Изнанка жизни.

Девчонки

АЛИНА САБИТОВА, 17 лет, г. Елабуга. Когда мне было двенадцать лет, отец нашел себе женщину на стороне. Ну деньги у него появились, то да се. А я узнала, кто она и где она, пошла к ней и устроила скандал, накинулась на нее с кулаками, с оскорблениями. Ну сами посудите: нас тогда было пятеро; мать беременна, тяжелая беременность, а он в это время гуляет с другой. Отец меня избил, и тогда я решила убежать. Сорвалась в Одессу, у меня тетка под Николаевом живет. В Одессе меня взяли, вернули. Отец сказал: ни денег тебе, ни мороженого, ни новой одежды — ничего не будет. А мне деньги нужны. Мы и сорвались в Москву. Нас четыре подруги, мы с шести лет дружим, до сих пор. Так и стали жить, с тринадцати лет. Зарабатывали где чем придется, где мелким воровством, где проституцией. Ну, как это делается? Как в первый раз было, когда мы приехали в Москву. Стоим на Казанском вокзале, подходит к нам парень, познакомились, поехали к нему на квартиру, там еще трое парней. Так и пошло... Но я с этим завязываю, потому что мой парень скоро на дембель уйдет, и мы поженимся. Ну откуда он узнает, что я с тринадцати лет проститутка? Я же в Москве работала, а не в Елабуге.

КАТЯ ДЕРЯБИНА, 14 лет, Казань. До прошлого года я не знала, что

у меня не отец, а отчим. Я выросла с ним, считала его отцом. До первого класса жизнь у нас была хорошая, каждую субботу-воскресенье в кино ходили, в парке гуляли. А потом, когда у него родились свои дети, он начал пить, бить меня. Как даст по башке: «Ты че такая тупая?!»

Два раза была в больнице: и психической, и неврологической. А он все равно бьет. Сбегала, прибегала в милицию, она напротив нашего дома, но там мне говорили: «Ты маленькая, иди домой». Так я стала совсем сбегать из дома, на вокзале жила. Стою раз на вокзале, подходит ко мне парень, начинает рассказывать, какая у него шикарная квартира, какая аппаратура. Ну, я пошла с ним, а там — блат-хата, кровать, стол и два стула. Ну, он пробовал меня напоить, но я тогда мало пила, просто разговаривали до ночи, а потом легли спать. У меня это уже не первый раз, мне одиннадцать лет было, когда меня изнасиловали. Потом он утром ушел, оставил меня на квартире, а туда пришел его друг. Взял меня, повел в какой-то магазин, там компания. Пустили меня по кругу... Я кричала, вырывалась, меня избивали. Мать, когда нашла меня, чуть с ума не сошла, отправила меня в больницу... В больнице мой врач решил, что я беременная, у меня была задержка менструации. Отчим сказал, что убьет меня. Вот мы вместе с Оксаной, с подружкой моей, и ушли. Оксана взяла из дома золотую цепочку, еще вещи из золота. Мы их продали, накупили всяких вещей, хотели в Ташкент уехать или в Сочи. Почему-то не получилось, остались мы в Казани, жили там с одной компанией, все время в кафе околачивались, в 56-м квартале, там все ребята меня знали.

Как-то я поехала в город одна,

кажется, за водкой. В принципе я пью мало, пьяной не бываю. Встретила по дороге знакомого парня, он повел меня к своему знакомому, там у него тоже девчонка. И говорит мне: поехали в Москву, в палатке работать устрою. А я уже работала в Казани в палатке. Ну, приехали мы в Москву, тут у него знакомые были, сразу поехали на квартиру. Там мне объяснили, как надо работать. Никакой палатки, конечно, не было. Надо сидеть в кафе, ловить клиентов, если удастся, напоить их клофелином...

Потом я от них ушла, встретила на вокзале знакомую девчонку, она познакомила меня с другими ребятами, мы стали там работать. В кафе «Клип», напротив Курского вокзала. Мы сидим вдвоем-втроем за столиком, а за другим столиком — наши ребята. Будто мы незнакомые. У нас по сто граммов. Подходят богатые клиенты, берут нас, мы едем к ним на квартиру и кидаем их. Или прямо в кафе пару капель клофелина капнешь им в рюмки — и готово. В то кафе ходить нельзя, там все такие, там простых людей нет. Одни воры и мы.

ОКСАНА ФЕДОРЕНКО, 15 лет, Иркутск. В Москве я сразу же попала к сутенерше Ольге. Ей двадцать шесть лет, она из Калуги. Там у нее муж, двое детей. А здесь она работает, снимает квартиру, где живут шесть девчонок. Все из разных городов, всем от четырнадцати до шестнадцати лет. Вечером она, Ольга, выводит их продавать. Наша точка была у Центрального телеграфа. Подъезжает клиент на машине, спрашивает у сутенерши: «Сколько?» Та отвечает: «Сто пятьдесят». Он передает ей деньги, выбирает девчонку и увозит ее. Утром она возвращается на квартиру. Вот и все. Ну, у каждой сутенерши есть «крыша», так на-

зываются «крутые» из уголовных группировок, которые нас охраняют и берут за это деньги. Часто — две «крыши». «Крутые» и милиция. У Центрального телеграфа, на нашей «точке», милиционеры брали по тридцать тысяч за каждую девочку, а у гостиницы «Минск», девочки говорят, только по десять тысяч. Если присмотреться, то легко можно увидеть: например, у гостиницы «Минск» стоит группа девочек вместе с сутенершей, во дворе под арками сидят в машине «крутые», а возле остановки — милицмейская машина...

Когда я второй раз приехала из Иркутска в Москву, я уже на «точке» не работала: Ольга взяла меня к себе в напарницы, в долю. Я девочек вербовала. Ходишь по вокзалу, смотришь. Сразу же видно тех, кто из дома сбежал: грязные, немывые, вид такой, что ясно. Подходишь к ней, спрашиваешь: «Хочешь работать?» А они уже знают, что это такое. Соглашались почти все. Ну, везешь ее на такси. Там она отмывается, одежду ей даешь получше, объясняешь, как и что. А через день выводешь на «точку». Для них это счастье: чистая одежда, еда, квартира, деньги. Это ведь не то же, что на вокзале с бичами и бомжами жить...

А сама я первый раз убежала из дома, когда мне было двенадцать лет: просто не могла терпеть больше побоев от отца и матери...

Мне тетки мои рассказывали: мама, когда маленькая была, тоже из дома бегала, и сестра двоюродная постоянно бегала из дому... Наверно, это заложено в родственной крови. А вот понять меня мама не хотела. Говорила: «Лучше б я тебя удавила в ногах, когда рожала...»

Сейчас я о многом думаю: как жить дальше, почему так получилась. Да потому, что деньги!

Деньги! Я всегда хотела, мечтала иметь много денег, быть богатой. У меня ведь почти не было новых вещей, все время чьи-то обноски. А в школе были девочки, которые так одевались, что смотреть на них не могла от зависти. И я заработала эти деньги. Меня ведь неожиданно забрали в милицию с нашей «точки». А там, на квартире, которую я снимаю, остались две шубы и тысячи четыре долларов. Отсюда мне не сбежать, отправят в Иркутск, придет на квартиру хозяйка и все заберет. А мне как-то уже и не жалко. Хочется начать нормальную жизнь. Я ведь беременная, на четвертом месяце. А в Иркутске меня ждет Игорь. замуж берет, он все-все обо мне знает и ни словом не попрекнет. Он парень простой, работает в коммерческом ларьке.

Неумирающий «принц»

В одной группе здесь дети от семи до семнадцати лет. Старшие — Оксана, Алина, Катя... И ведут они себя, как обычные старшие сестры в многодетной семье: ухаживают за маленькими, покрикивают на них ломающимися подростковыми голосами. То есть на какой-то миг они превратились в тех, кем были, есть и должны быть, — в пятнадцатилетних девочек, окруженных младшими сестренками и братишками. И в то же время у этих девочек за плечами такая жизнь, такая судьба, они через такое прошли, что никому из нас и во сне не привидится, и от этого невозможного соединения двух образов и двух реальностей впрямую свихнуться...

Из той, из ушедшей жизни у них иллюзии и самообманные рассказы о парне, который умоляет выйти за него замуж и ничего не знает

и не узнает или «знает все-все, но ни словом не попрекнул и не вспомнит, потому что любит».

Неужели все та же неумирающая мечта о принце?

А из этой, страшной жизни — неумолимая правда, в первую очередь для нас, о том, что детская и подростковая проституция в крупных городах — налаженный мощный бизнес, индустрия, в которой вращаются громадные деньги. А коли так, то здесь подкупается все, что только поддается подкупу.

Что посеешь, то и пожнешь

СТЕЛЛА ШАРМИНА, психолог. Сейчас мы пожинаем то, что посеяли давно. Как направились в тридцатые годы «девушки на трактор», так до сих пор не могут остановиться. Мать с утра до вечера на работе, а ребенок с трех лет уже отдан в казенное заведение. А раньше — так и с полутора лет! Больше мамам «гулять» и «бездельничать» не давало родное государство. Давайте марш-марш энтузиастов на производство, «ковать чего-нибудь железное». А в казенном заведении, куда попадает вчерашний еще грудничок, жизнь и нравы жесткие, без деликатничанья. Помню, американцев в наших детсадах больше всего поразила комната с горшками, в которой малютки всем коллективом садятся на эти самые горшки. Если уж акт сугубо интимный с детства происходит «в коллективе», на глазах у всех, то какой душевной чуткости, тонкости и нюансов души можно ждать от людей, с первых шагов осознанной жизни выросших в таких условиях?

Каждое поколение, изуродованное системой, воспитывало потом не то чтобы себе подобное, а еще

хуже. Раньше подростков держала все-таки жесткая идеология и мораль. Но они с каждым десятилетием размывались все больше и больше. Все чаще подростки стали задавать нам вопросы: «Ну вот, ты два института закончил, тридцать лет на заводе прокорпел, а чего добился?» Особенно страшен этот вопрос сейчас, когда пятидесятилетний профессор перебивается с хлеба на квас, а двадцатилетний неуч, но «крутой» торговец, раскатывает на «мерседесе». Иначе говоря, произошла полная смена ценностей, моральных критериев и общественных ориентиров. Еще десять лет назад худо-бедно, но держался как-то престиж образования. Сейчас он рухнул. В московские институты иногородние поступают зачастую только для того, чтобы получить здесь прописку, общежитие и заняться коммерческой деятельностью...

Наконец, дети наши абсолютно бесправны. Ребенок — своего рода собственность родителей. До восемнадцати лет он неправомочен. И отношение к нему в семье — соответствующее. А детская душа, подростковая особенно, ранима. В этом мире должен быть человек, с которым можно поделиться, посоветоваться, просто поговорить. С кем? Да ведь родителям не до него. После работы — по магазинам, а дома сил хватает только поесть да лечь на диван. Вот характернейший пример. Пришел ко мне отец, рабочий из Подольска, жена умерла, оставила троих детей. Он их растит, воспитывает, не женился. Старшие уже почти большие, а младшему только еще девять лет. Он убегает из дома, ездит с шоферами день-другой, возвращается и снова убегает. Отец недоумевает. Поговорила я с ним и убедилась: хороший он человек, добросовестный рабо-

тяга, добытчик. Но в доме-то одни мужчины, отношения сдержанные, суровые. В общем, казарма. А мальчишке нужно тепло, общение. И он находит это тепло у шоферов, у чужих людей, которые в дороге говорят с ним за жизнь, интересуются его взглядами, соображениями, сами о себе рассказывают. Согретьшись немного у чужого огня, мальчишка возвращается в свой холодный дом...

Да, раньше не было такого повального бегства подростков. Так ведь раньше система была жесткой — больше контроля, меньше свободы. А свобода, увы, имеет свойство вскрывать многие нарывы, что накапливались годами. Так «вдруг» вскрылось, что для многих детей жизнь в доме, в семье немила, невыносима. Раньше-то, при жесткой системе, куда ему было податься, уйдя из дома? Как прожить? Да никак. А сейчас оказалось, что подростки прекрасно могут обойтись без родителей: могут пристроиться возле коммерческих ларьков, что-то подать, принести, посторожить и даже заработать больше взрослых.

Думают ли они о будущем? Как психолог могу с точностью сказать: нет! Да, в подвалах, на чердаках, на вокзалах — это не жизнь. Но подростку она не в тягость. Во-первых, свобода, во-вторых, психология подростка такова, что он живет одним днем, даже одним часом. Захотелось ему поесть — начал думать, где бы перекусить, захотелось спать — стал искать место для ночлега. Нашел — и все прекрасно, никаких проблем. Даже о завтрашнем дне он не думает — вот в чем дело.

Дети

МАША ЕМЕЛЬЯНОВА, 7 лет. Дома я жила с мамой, ее тоже Машей

зовут. Она пока не работает. Просто ее выгнал один дядька. Он раньше муж был у нее, потом он избивал ее... А тот папа, который меня родил, он от меня отказался. Потому что у него уже есть дочь, и нас он оставил из-за своей дочери.

Без второго папы дома я жила нормально. Не было еды только. Потому что денег не было, нас подкармливали соседи, давали бутерброд, когда просили. Они были на девятом этаже. И они нам даже картошку, варенье, хлеб давали... Ну, в общем, чтоб мы выжили.

А мать была очень больна. Почему она вызвала «Скорую», потому что ей стало страшно, потому что у нее мог отключиться мозг. И она позвонила в больницу. Ее забрали, а меня сюда...

Мама меня мало учила, потому что я отказывалась. Читать училась, ну, писать пока еще нет... Я маму жду, когда она придет.

(Из документов приемника-распределителя: мама Емельяновой Маши (следует имя, фамилия, отчество) из психиатрической больницы выписана (число, месяц, год). Настоящее местонахождение неизвестно...)

ЛЕНА ЕРЕМЕЕВА, 10 лет. Я жила на Ленинском проспекте с мамой и папой, но они мне были не родные. Маму звали Лена, а папу Коля. Они продавали вещи всякие, в садик меня водили, в школу. Сейчас отец в тюрьме, а где мама — не знаю. Квартиру нашу запечатали, и бабушка взяла меня к себе. Утром мы с бабушкой проснулись, оделись, пошли в школу и там все рассказали. Меня после второго урока забрали в милицию, а потом привезли сюда.

ТАНЯ СМОЛЯКОВА, 9 лет. Моя мама продала квартиру, а это было неправильно, ее обманули, денег не дали. И живет теперь у тети Наташи, а у тети Наташи бабушка, ей

93 года, она парализована. Они там каждый день пьют, и бардак, ну я же не могу так жить. И я убежала от них уже второй раз, просто не хотела с ними жить. А эта тетя Наташа собирается квартиру менять, она же не может мою маму оставить. И у мамы рука сломанная... У тети Наташи есть дядя Толя, он как ударил ее и всю губу разбил. Я испугалась, побежала к тетеньке, которая меняет квартиру у тети Наташи, и говорю ей: «Вы не можете меня к себе взять?» Она говорит: «Нет, иди в школу или еще куда-нибудь». Меня увидела соседка, тетя Таня, она взяла меня, накормила и позвонила в телефон, чтобы меня забрали... Мне теперь некуда идти, потому что мама квартиру продала, а тетя Наташа меняется.

Брошенные

Людмила Ивановна Контанистова, старший воспитатель дошкольного отделения Московского приемника-распределителя. Дети всегда фантазеры. Только от этих фантазий мороз по коже. Таня Смолякова нафантазировала, что мать ее продала квартиру и они перешли жить к тете Наташе. Нет, просто мать завела на квартире притон, а ребенок неделями оставался чуть ли не на лестничной площадке голодным и холодным. Пока соседи не позвонили в милицию. Но эти фантазии Тани имеют под собой абсолютно реальную основу. Я имею в виду те случаи, когда пьяницы-родители квартиры продают, деньги пропивают с собутыльниками, а ребенка своего просто-напросто выбрасывают на улицу...

Ведь в законе о приватизации не были оговорены права детей...

Здесь у нас содержатся дети от трех до шести лет, брошенные ро-

дителями. Представьте себе: малыши от трех до шести лет! Многие из них только имена свои знают: ни фамилий родителей, ни адресов — ничего, что помогло бы разыскать этих людей, которых язык не поворачивается назвать родителями. Хорошо, что мы — милиция, мы умеем, знаем, как вести розыск. У нас налаженная система.

Вот у меня сейчас: неизвестная Вика, неизвестный Максим, неизвестный Павел... Значит, надо разыскать родителей, установить их личности, в крайнем случае определить возраст детей при помощи медицинских исследований и в дальнейшем устраивать их жизнь, их судьбу.

Бывает, что родители сами объявляются. Как явилась вчера Винникова Маргарита Евгеньевна, 1961 года рождения. За сыном пришла. Полгода назад она своего сына Кумала положила на лечение в больницу. За все время, пока он там лежал, мать навестила ребенка один раз. Из больницы ребенка, вылеченного, доставили к нам. Мы начали розыск. Узнали, что Винникова продала свою квартиру, переехала якобы в Лобню, но там не появилась и не прописалась. И вот вчера пришла. Вы бы видели, что случилось с ребенком: он плакал, цеплялся за ноги воспитателей, умолял не отдавать его, и в конце концов с ним случилась истерика. Ну представьте, как нам быть? Мы ведь живые люди! Не выдать его маме мы не имеем никакого права. Но отдавать ребенка этой женщине, один вид которой говорит обо всем, обо всей жизни ее, о том, что ждет там шестилетнего Кумала... Что делать? Связались мы с инспектором по опеке, она разрешила нам пока оставить ребенка здесь. Кумал счастлив, бегает, прыгает, смеется...

Привезли к нам с вокзала Рому Шатилова, пяти лет. Рассказывает, что жил на Курском вокзале, на Казанском. Показали его по телевизору, попросили откликнуться знающих его людей. Через некоторое время пришла за ним его мать, Елена Шатилова. История все та же: московскую квартиру обменяла на дом в деревне Кузьмарино Рязанской области, но ни в какое Кузьмарино, конечно, не поехала, а таскалась по вокзалам и ребенка таскала с собой. Отдали мы ей Рому. Через какое-то время милиционеры снова подобрали мальчишку и привезли сюда. Он сам говорит, что сбежал от матери.

Что делать? Ведь эту женщину нельзя лишить родительских прав хотя бы потому, что она нигде не прописана и неизвестно, какой административный орган ею должен заниматься.

Сейчас в нашем приемнике-распределителе — шестьдесят малышей от трех до шести лет. Шестидесят! А еще пять лет назад бывало не больше десяти — пятнадцати... Если б вы видели, в каком виде их сюда привозят. У малышей некоторых ручки и ножки, тельце все бывает изъедено вшами до кровавых запекшихся корок. А мы ведь живые люди, женщины. Новенькие, что приходят к нам на работу, плачут. А я не плачу. У меня уже просто нет слез...

Но не о нас речь. О детях. Об их судьбе. Даже в нынешние нелегкие времена мы все вместе можем многое сделать. Ну хотя бы не разрушать то, что уже создано. Я имею в виду систему приемников-распределителей МВД. Да, я понимаю, что воспитанием детей не должны заниматься люди в погонах (мы, кстати, на работе в мундирах не ходим, хотя мы милиционеры, я, например, майор милиции). Надо передать это дело

в систему социального обеспечения, образования. Но ведь не сразу, вдруг, как это уже было решено. (К счастью, указ приостановили до неопределенного срока...) Ведь вначале эту систему надо создать. А у нас за десятилетия налаженная служба. Речь идет еще и о розыске, о розыскных сложных мероприятиях, а кто же это сделает лучше, чем милиция?

И последнее. Непутевые родители пьянствуют, оставляют детей в голоде и в холоде не где-то за тридевять земель, а у нас на глазах, на глазах у соседей. Не ждите, когда они доведут их до состояния затравленных зверят, не ждите, когда они продадут свои квартиры и детей своих выбросят на улицы и на вокзалы. Звоните нам, в милицию. Помогайте.

Без любви

Государство, власти можно клеймить долго и упоенно. И действительно, почему не выполняется указ о бродяжничестве? Почему не действует закон о защите детства? Да, его надо менять, на мой взгляд, следует ввести в него жесткие наказания для родителей, лишаящих своих детей нормальной жизни.

В некоторых странах есть такое правило: сам ты, родитель, хоть под забором валяйся, это твое личное дело, но ребенка будь любезен обеспечить всем необходимым, а если не можешь, так и скажи, мы сами займемся и дадим твоему сыну все, что имеет среднестатистический пацан: отдельную комнату, стенку, велосипед-мотоцикл, аудио-видео и прочее. Чтобы он, мальчишка, вырос, не испытывая комплексов.

Отчего это делается? Наверное, от общего гуманистического настроения общества. И, несомненно,

оттого, что всем ясно: человек, с детства чем-то обделенный, выросший в зависти, отмеченный печатью несправедливости, со временем может стать опасным для общества. Очень опасным.

Да, мы многое можем объяснить: мол, у этих людей не было того-то и того-то, они стали такими потому-то и потому-то. И все время забываем о главном —

у них любви не было. И стали они такими, потому что выросли без любви.

Для того, чтобы представить, каким должно быть будущее страны, не надо иметь семи пядей во лбу. Для этого достаточно посмотреть на своего или соседского ребенка, который растет в атмосфере добра и любви. Добра и любви.

Только и всего.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ

«СМЕНЫ»-

МОСКВИЧИ И ЖИТЕЛИ ПОДМОСКОВЬЯ!

Если Вы хотите и впредь читать наш журнал, но не имеете возможности платить лишние деньги почте за доставку или киоскерам, продающим «Смену» с большой наценкой, приезжайте к нам в редакцию, и мы подпишем Вас с любого номера по цене, указанной в Каталоге. При этом у Вас будет стопроцентная гарантия, что Вы получите журнал в срок.

Более подробную информацию об условиях подписки мы даем по телефонам:

257-30-55, 212-15-07

Загадка

АЛЕКСЕЙ АТЕЕВ

старого

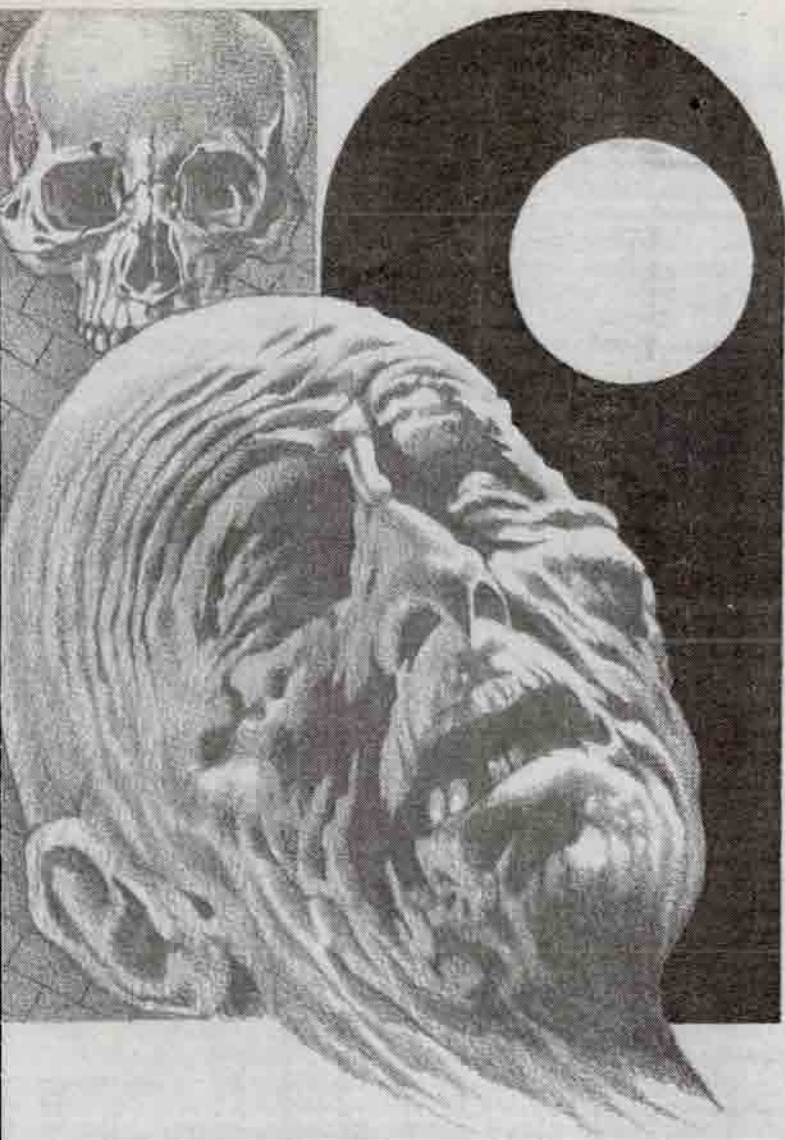

Рисунок ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

Кладбища

В четверг утром майор Тарасов был срочно вызван к начальнику управления.

— Итак, Николай Капитонович, — промолвил начальник, кивнув в ответ на приветствие майора, — хорошенькую ты мне свињу подложил.

Сказано это было спокойным тоном, однако Тарасов понял: сейчас последует вспышка гнева. Так оно и случилось.

Начальник рассвирепел. Из сбивчивой речи можно было понять, что еще затемно его разбудили неприятные телефонные звонки. Выяснилось, что в доме номер тринадцать по проспекту Химиков происходит черт знает что. Дом охвачен паникой, жильцы бегут, объятые ужасом. Совершенно неясно, что там случилось, однако ответственные товарищи настоятельно требовали разобраться и доложить.

— Ты, я знаю, — продолжал, успокаиваясь, начальник, — занимался этим домом. Там, по-моему, уже имели место происшествия?

Тарасов молча кивнул.

— Значит, занимался впустую? — вновь завелся начальник. — Одним словом, назначаю тебя главным по этому дому. Бери людей, сколько необходимо, хоть все управление, но я жду результатов! Разберись, что там происходит, а главное — предотврати дальнейшие происшествия. Не дай Бог, до области дойдет. Действуй!

И Тарасов отправился действовать.

Дом номер тринадцать, казалось, пережил стихийное бедствие. Во дворе стояли группки людей, кое-где прямо на землю были свалены вещи, укрытые от непогоды полиэтиленовой пленкой.

Все это напоминало обстановку после большого пожара.

Увидев милицейскую машину, народ расступился, но никто не подошел. Все угрюмо смотрели на следственную группу. В основном это были пожилые люди и детвора. Видимо, несмотря на ночные события, большинство обитателей дома все же отправились на работу.

— Что тут произошло? — спросил Тарасов у какой-то бабки.

Та ничего не ответила, лишь махнула рукой и сплонула. Зато другая охотно вступила в разговор.

— Нечистая сила в доме нашем завелась, — объяснила она. — Всю ночь покоя не давала. Форменный разгром учинила.

Женщина обрушила на майора поток жалоб, угроз и обвинений одновременно.

Не добившись ничего путного, майор отправился по квартирам. Никто ничего толком объяснить не мог. Звучали робкие предположения о землетрясении, о проседании грунта, но большинство опрошенных обвиняли нечистую силу.

Ясно было одно: аномальные явления затронули три первых подъезда дома. В других чудес не наблюдалось. Члены следственной группы побывали почти во всех квартирах, где проис-

ходили непонятные явления. Особых разрушений не было. Несколько разбитых зеркал, сдвинутая кое-где мебель — вот и все, что удалось обнаружить.

Покрутившись еще с полчаса в доме, милиция отбыла, провожаемая испуганными и разгневанными взглядами жильцов.

На вопрос, что же делать, как быть дальше, Тарасов только пожал плечами. Ответа он не знал.

Прибыв в отделение, Николай Капитонович Тарасов долго расхаживал по своему кабинету и мучительно искал выход из создавшегося положения.

Внезапно дверь отворилась, и на пороге кабинета появился Иван Кулик, из-за его спины робко выглядывала пожилая женщина. Иван победно улыбался.

— Знакомьтесь,— громко произнес он,— майор Тарасов, а это,— повернулся он к женщине и сделал церемонный жест рукой,— Валентина Сергеевна Петухова.

Тарасов взгляделся в лицо женщины. Ничего особенного, ничего рокового не было в этом лице. Обычная старушка из интеллигентных, одета весьма скромно.

— Валентина Сергеевна приехала сегодня утром, нашла меня и готова помочь нам,— продолжал между тем Кулик.

— Да, готова помочь,— спокойно сказала Петухова.— Но сомневаюсь, будет ли это помощью. Что я могу? Только подробно рассказать о случившемся со мной двадцать лет назад. Однако я повторяю то, что уже говорила Ивану Николаевичу.— Она посмотрела на Кулика.— Силы, с которыми вы пытаетесь бороться, неизмеримо могущественней вас, и вы неизбежно потерпите поражение.

Тарасов засмеялся:

— Вы так нас заинтересовали, что хочется померяться силами с могущественным «нечто».

— Зря смеетесь, молодой человек,— парировала старушка.— Вам ли с ними меряться силами? Мерялись и посильнее, чем вы. А кончилось все весьма печально. Я долго думала, прежде чем приехала сюда, не спала всю ночь. И сделала это только потому, что мне очень жаль, если кто-то повторит мои, наши,— поправилась она,— ошибки. Ладно, слушайте.

Рассказ Петуховой длился часа два. Наконец она закончила. Все молчали.

— Значит, вы считаете,— заговорил Тарасов,— что Асмодей Чернопяттов жив-здоров и продолжает справлять свои колдовские обряды?

— Я в этом не сомневаюсь.

— Почему же он не давал о себе знать на протяжении двадцати лет?

— Как сказать,— усмехнулась Петухова.— Откуда вы знаете, давал или не давал?

— Но для чего все затеяно?

— Скорее всего чтобы подтвердить свое могущество, а может, в отместку за то, что разрушен их мир, снесено кладбище, построена Лиходеевка. Ведь с этим даже они не смогли совладать. В свое время Струмс предсказал, что кладбище будет

уничтожено. Так и случилось. Но под землей-то могилы остались...

— Асмодея можно арестовать, изолировать,— задумчиво предположил майор.

— Что за глупости,— старуха засмеялась,— можно ли арестовать огонь, воду, воздух?..

— Вы нам все рассказали? — вступил в разговор молчавший до сих пор Кулик.

— Я постоянно чувствовала их присутствие,— задумчиво произнесла Петухова.— Явно это не проявлялось. Но в разных мелочах очень часто. Я вышла замуж за Митю Воробьева. После тех событий я постарела лет на десять, да и ему они не пошли на пользу. Однако после всего пережитого я обрела веру. Как ни смешно покажется, но религия выпрямила меня, сделала человеком. Я долгое время изображала из себя воинствующую атеистку и увлеклась этим не на шутку. Дьявол ли, Бог ли дал мне урок, но он пошел впрок. А вам обоим советую: отступитесь, иначе не сносить вам головы. Пока они только пробуют себя, играют, однако худо будет, когда проявят свою истинную силу.

Тарасов и Кулик задумчиво смотрели на Петухову. Она поднялась.

— Теперь совесть моя чиста. Я вас предупредила. Оставайтесь с Богом.— И вышла из кабинета.

— А может быть, она права? — грустно произнес Кулик.— Ну их к черту!

— Тем не менее выходит, что она обрела себя, пройдя через соприкосновение с силами зла,— заключил Тарасов.— И произошедшее с ней было самым значительным, что она имела в жизни. Так почему же я...

Он недоговорил. В этот момент зазвучал селектор, и его вызвали к руководству.

В кабинете начальника Тарасов увидел трех незнакомых мужчин в штатском. Окинув незнакомцев цепким профессиональным взглядом, он отметил, что они скорее всего какое-то начальство из области.

В присутствии посторонних начальник вел себя сдержанно. Сразу же попросил доложить обстановку по злополучному дому.

Тарасов кратко описал ситуацию.

— Ну и каково твое мнение? — осторожно спросил начальник.

Тарасов уклончиво заявил, что до сих пор ни с чем подобным не сталкивался, но, по его мнению, в данном случае анализ ситуации в доме номер 13 — дело, очевидно, не милиции, а скорее научных кругов.

Один из незнакомцев, молодой высокий парень лет двадцати пяти, иронически хмыкнул. Тарасов взглянул на него, но промолчал.

Начальник милиции сообщил Тарасову, что событиями в доме номер тринадцать как раз и заинтересовались ученые и он приказывает майору ввести их в курс дела и оказывать всяческое содействие.

— Можете идти, майор,— заключил начальник,— товарищи ученые подойдут к вам через несколько минут.

«Петухова оказалась права», — думал Тарасов, идя по длинному коридору управления в свой кабинет. Эти ученые, видимо, из того же ведомства, что и покойный Струмс. Быстро, однако, пронюхали. В его кабинете все еще сидел Кулик.

— Ну вот, — сказал Тарасов, — дождались варягов.

Иван удивленно покосился на него.

В нескольких словах майор рассказал Ивану о встрече в кабинете начальника.

Тот присвистнул:

— Бабка-то как в воду смотрела. Советую тебе не распространяться о наших похождениях.

— Останься, — сказал Тарасов, — сейчас они придут, я вас познакомлю.

— Я не возражаю. — Кулик засмеялся. — Даже наоборот: очень любопытно пообщаться.

Действительно, минут через пятнадцать в кабинете Тарасова появились прибывшие из области незнакомцы. Они вопросительно покосились на Кулика.

— Это наш руководитель НТО, он тоже занимается этим делом.

Старшим группы был Возген Арамович Саркисян, молодой парень оказался Лево́й. Третий же представился как Иван Петрович Кутепов.

— Из какого же вы учреждения? — полюбопытствовал Тарасов.

Возген Арамович уклончиво ответил, что их институт занимается различными аномальными явлениями.

— Так вы в подчинении Академии наук?

— Нет, — замылся Саркисян, — нами руководит другое ведомство.

Тарасов не стал больше задавать скользких вопросов, а принялся излагать ход событий. Ученые с любопытством слушали.

При упоминании термина «полтергейст» Лева переглянулся с Саркисяном и насмешливо заметил, что научно-популярная литература проникает в самые дальние уголки страны.

Тарасову надоела снобистская ирония парня, и он резко заявил, что если с ним будут разговаривать в подобном тоне, то могут работать без него.

Саркисян извинился и заметил, что Лева несдержан на язык.

— Я надеюсь, — сказал он, — что мы будем сотрудничать самым тесным образом. Наше ведомство однажды вело работы в этих местах, правда, довольно давно. Тогда они закончились трагически — погибли люди. С тех пор мы не выпускаем объект из зоны внимания, однако за двадцать лет это первый случай его активности. Откровенно говоря, — добавил он, — мы изучаем различные аномальные явления, которые в народе принято называть колдовством, черной магией. Учреждение секретное, о его деятельности знают считанные люди в стране. Я надеюсь, что офицеры милиции умеют хранить тайну.

— Мы кое-что слышали о событиях в этих местах, — заметил Кулик.

— Что же? — с интересом спросил Саркисян.

Слушая Кулика, он задумчиво кивал головой.

— Кладбище это — уникальная вещь. — Саркисян почесал свой вислый нос. — Что касается Лиходеевки, то у деревушки такая мрачная и таинственная история, что ей иной европейский город позавидует. Реликт своего рода. Когда тут начали строить город, мы было решили: все, конец Лиходеевке, ан нет!

— Так как же все-таки будем действовать? — спросил майор.

— Для начала нам нужно уяснить обстановку. Давайте отправимся на место.

— Сейчас вызову машину.

— Не надо, у нас есть автобус.

Во дворе по-прежнему стояли люди. Дождь прекратился. Похолодало. По небу ползли тяжелые серые тучи. Жмущиеся друг к другу люди выглядели сиротливо и потерянно. Они угрюмо переминались с ноги на ногу, перекидывались резкими словами и поглядывали на окна своих квартир.

— Так вы говорите, — поинтересовался Лева, — происшествие случилось только в трех первых подъездах?

Тарасов утвердительно кивнул.

«Рассказать или не рассказать о квартире Кнутобоевых?» — билась тревожная мысль. Он косился на Ивана, но посоветоваться с ним в присутствии ученых не решался. Некоторое время все молча сидели в автобусе. Наконец Кутепов первым открыл дверцу и вылез на улицу. Остальные двинулись следом. Побывали в квартире Голавлей, у Кочубеев, поахали, но чувствовалось, что разрушения не произвели на них особого впечатления. Видимо, ждали или искали чего-то другого.

Наконец Саркисян поинтересовался, с чего все-таки начались происшествия.

Тогда Тарасов решил и начал рассказывать о явлениях в квартире Кнутобоевых.

— А как попасть в эту квартиру? — спросил Саркисян.

— Нет ничего проще. — И они отправились на квартиру к Кнутобоевым. Во время своего рассказа Тарасов искоса поглядывал на Ивана, как тот прореагирует, но Кулик оставался бесстрастным.

— Значит, здесь вы увидели лицо и последующие картины, — заключил Лева, разглядывая кафельный пол.

— Именно здесь, — подтвердил Тарасов.

— Ну что ж, можно начинать отсюда. Я пошел за аппаратурой.

Через некоторое время Лева и Кутепов принесли какие-то приборы и начали их настраивать. В маленькой кухоньке нельзя было протолкнуться. Тарасова заинтересовали их приготовления, однако он вместе с Куликом удалился в комнату.

— Ну что, осуждаешь меня за длинный язык? — спросил он у Ивана.

— Сказал, ну и ладно. В конце концов они в этом разбираются лучше, чем мы.

Скоро в комнату влетел возбужденный Лева и сообщил, что под домом есть обширные пустоты.

«Это мы и без тебя знаем», — подумал Тарасов.

— Ну и?..— спросил он.

— Надо в них как-то попасть. Я предложил разобрать пол на кухне.

Кулик выразительно посмотрел на Тарасова: вот, мол, начинается.

— Не проще ли провести изыскание на улице, может быть, пустоты есть и под асфальтом?

— Но ведь вы видели лицо именно на кафельном полу,— возразил Лева.

— Он прав,— оборвал парня вошедший в комнату Саркисян.— Надо идти во двор.

Они снова ушли.

— Бедные Кнутобоевы,— иронически заметил Кулик.— Не видать им квартиры как своих ушей. Впрочем, они займут твою. Поскольку ты — главный виновник их бедствий.

Снова прибежал Лева и сообщил, что во дворе имеются значительные аномалии.

— Ну вот, видишь,— захохотал Иван,— квартира спасена. Теперь я убедился, что наша наука — самая лучшая в мире. Какая целеустремленность! Этот молодой человек выведет всех демонов на свет Божий, уж будь уверен. Нам с тобой тут делать нечего.

Зашел Саркисян и посмотрел на товарищей.

— Пустоты здесь кругом, но как в них попасть?

— Чего уж проще,— продолжал хохотать Иван.— Вызовите бригаду с отбойными молотками, они живо вскроют асфальт, а там до желанных пустот рукой подать.

— А это идея,— оживился Саркисян.— Где тут телефон?

Вид спящих по двору людей со странной аппаратурой, неизвестно чем занимающихся, привлек внимание людей. Собралась толпа и утрюмо следила за действиями странной группы. На удивление скоро пригнали компрессор, и застучали отбойные молотки. Толпа загомонила, лица людей повеселели. Они считали, что странные происшествия в доме номер 13 прекратятся, коли за дело взялись так основательно. Увы, они только начинались. Вместе со всеми в толпе стоял Стас Недоспас и с интересом наблюдал за действиями землекопов.

13

Старик встретил Стаса возле школы и в первый раз за все время их знакомства пригласил к себе домой.

Стас охотно пошел со стариком. Страха он не испытывал. После многочисленных ночных прогулок по древним подземельям, после волшебных походов в доме номер 13 он чувствовал себя близким старику. Мальчик почти физически ощущал, что и от старика исходят теплые волны если не нежности, то, во всяком случае, привязанности к нему.

По дороге они почти не разговаривали. Раз только спросил старик об успехах в школе.

— Две пятерки получил,— похвалился Стас,— по истории и по математике.

— Молодец, — одобрил старик, — грамота, она нужна обязательно. Ты парнишка толковый, легко все схватываешь. — Он задумался и до самого дома не сказал больше ни слова.

— Ну вот и пришли, — промолвил он, толкнув калитку с тяжелым железным кольцом. — Проходи в мои хоромы. Ноги, наверное, промокли, сейчас чаю попьем. Эй, там! — крикнул он.

Появилась толстая старуха. Она согнулась в почтительном поклоне.

— Сделай-ка нам чайку с малиной да дай мальчику теплые носки.

Когда Стас послушно переобулся, старик посмотрел на мальчика внимательно и остро:

— Садись к столу, поговорить с тобой хочу.

Стас сел.

— Так вот, хочу сообщить тебе свое настоящее имя, а то ты все дедушка да дедушка. Зовут меня Асмодей, фамилия — Чернопятов. Про себя ты зовешь меня волшебником. — Стас вздрогнул. — Так оно и есть, — продолжал старик, — я действительно волшебник, точнее, колдун.

Мальчик потушился.

— Что, испугался? — спросил старик.

— Да нет, — Стас прямо и открыто посмотрел на Асмодея. — Я давно догадался.

— Дурак бы не догадался, — усмехнулся старик. — До поры до времени тайл я от тебя правду, но теперь пришел час. Хочу... — Асмодей заговорил важно и медленно, — открыть тебе великую тайну, сделать могучим и сильным.

Стас засмеялся.

— Ты чего? — опешил старик.

— Говорите вы, как наш учитель географии.

— Ну, ты это брось. — Асмодей задумался, потом усмехнулся: — А, наверное, ты прав. Впадаю в риторику. Ладно, буду говорить попроще. Хочу я, Стас, чтобы ты стал моим преемником.

В этот момент толстая бабка внесла две большие чашки с дымящимся чаем.

Старик отхлебнул из своей чашки.

— Помнишь, я рассказывал тебе про Испанию, про студиязуса Рамиреса, как он познакомился с профессором Асмо Трабзони?

Стас кивнул.

— Так вот. Рамирес стал любимым учеником Трабзони. Профессор был первый в Испании чернокнижник и колдун и якшался с такими силами, что о-го-го. Так вот, настало Асмо Трабзони время умирать, и он решил передать Рамиресу всю свою силу, как уж он это сумел, не спрашивай. Умер Асмо, и стал Рамирес первейшим магом во всей кастильской земле. Однако инквизиция... Ты знаешь это слово? — Мальчик кивнул — ...дозналась и схватила Рамиреса.

— Как же его могли схватить, если он волшебник? — полюбопытствовал Стас.

— Э-э, — засмеялся старик, — они тоже не лыком шиты. Короче, схватили, стали пытаться. Потом пожаловал Великий инквизи-

тор. Вот тут-то и скрыто самое главное. Великий инквизитор был как две капли воды Асмо Трабзони.

Стас затаил дыхание.

— Сожгли его, — деловито закончил старик.

— Кого? — спросил мальчик.

— Рамиреса, конечно. Но он ни слова не сказал Великому инквизитору.

— Я что-то ничего не понимаю, — заявил Стас. — Был ли Великий инквизитор Асмо Трабзони?

Старик загадочно усмехнулся.

— Поймешь еще. Ну, короче говоря, — продолжал он, — от этого Рамиреса и пошел весь наш род: и я, и ты.

— Как же пошел, — возразил Стас, — когда его сожгли?

— Фу, глупый какой! — Старик раздраженно отодвинул от себя чашку. — Пошел еще до того, как его сожгли.

— А-а, — протянул мальчик, так ничего и не поняв.

— Надо сказать, — спокойно продолжал старик, — что дело наше широко разошлось по Европе. Сколько ни жгли, сколько ни вешали... А могуществом нас Его Сатанинское Высочество не обидел. Бывало, короли, князья и графы трепетали при появлении кого-нибудь из нас.

— Если трепетали, — резонно спросил Стас, — то почему жгли?

— С тобой, мальчик, очень тяжело говорить, — холодно сказал старик, — хоть пытливый ум делает тебе честь.

— Для чего же нужно ваше могущество? — продолжал мальчик. — Чтобы жить в глухой деревушке посреди леса? Какая же тут власть?

— С нами цари считались, — запальчиво воскликнул Асмодей, — бывало, собирали нас, колдунов, со всей Руси, советовались.

— Когда это было, — протянул Стас, — а теперь живете в какой-то избушке, даже телевизора у вас нету.

— Телевизор у меня, положим, есть, — твердо сказал старик, — а для чего все это нужно, я тебе объясню. Да, объясню... — замаялся он, как бы не находя нужных слов.

— А Бог есть? — неожиданно спросил мальчик.

— Бог? — оторопел старик, и его перекосило. — Бог, дьявол... Они высоко или глубоко, — поправился он. — Сколько существует земля, все время идет борьба добра со злом или зла с добром.

— И кто побеждает?

— А никто, — спокойно отозвался старик, — разве можно сказать, кто побеждает, день или ночь? Я скоро умру, а ты будешь на моем месте. Будешь хозяином здешних мест. Мой разум перейдет в твой, ты узнаешь все, что ведомо мне. Да ты и так уже много умеешь.

— Но я не хочу творить зло! — закричал мальчик.

— Какое зло, — пробормотал старик как бы про себя, — кто знает, что есть зло и что есть добро? Ты подумай! — Голос его возвысился. — Кого в этом несчастном доме мы обидели? Голая — вору? Кочубея или училку? Что они, хорошие люди?

Стас молчал.

— То-то, — наставительно произнес старик. — Мы не злодеи,

мы хранители древней мудрости, древнего знания, без нас нельзя. Наши братья и сестры кругом, по всему миру. А нас заасфальтировать решили ученые эти. Я им заасфальтирую! Пускай побольше их тут соберется. Прихлопнем одним ударом как мух!

Стас задумчиво молчал.

Старик тоже замолчал и выжидательно поглядывал на мальчика.

— Но почему все-таки я? — наконец промолвил тот.

— Ты от нашего корня. Кровь Рамиреса течет в твоих жилах.

Мальчик тяжело вздохнул.

— Ладно, согласен, но все равно зла я никому делать не буду, если только плохим людям...

— Вот и хорошо, — заключил Асмодей. — Плохие люди всегда найдутся. Тебе когда тринадцать лет исполняется?

— В эту субботу, — ответил Стас. — А что?

— А то, что по древним укладам тринадцать лет — совершеннолетие. Теперь ты полный хозяин всего. Нечисти разной вроде Мирона. Ты повелитель. Не обижай их, они тебе пригодятся.

Старик торжественно встал и положил обе руки на плечи мальчика.

— Знаю, — сказал он, — чувствую, что твое могущество превысит мое. Не всегда будет такая слякотная жизнь, как сейчас, скоро все перевернется.

Слова старика звучали торжественно и мрачно, и Стас невольно поддался их силе. Асмодей вдруг вздрогнул, как бы пришел в себя и крикнул:

— Эй, бабы, идите сюда!

В горницу вошли три женщины, две старые, а одна средних лет.

— Вот ваш новый господин! — властно произнес Асмодей. — Кланяйтесь!

Все трое упали на колени перед испуганным и удивленным Стасом.

14

Осенний день быстро подходил к концу. Отбойные молотки во дворе дома номер 13 заработали, когда уже было почти темно. Жители расходились. И хотя грохот особого восторга не вызывал, никто не ругался. Все были довольны, что их бедами наконец-то занялись. Рабочие пока не вскрывали асфальт, долбили в нем дыры, нечто вроде шпуров в разных местах двора. Довольно быстро грохот прекратился.

— Неужели все? — поинтересовался Тарасов у Левы.

— Да нет, какой там, все. Основная работа будет завтра.

— Ну дай вам Бог удачи, — пробормотал майор. — Вы где остановились?

— Нам гостиница не нужна, — сообщил Лева. — В нашем автобусе все приспособлено для ночлега, да и еду готовим там же.

— Удобно, — одобрил Тарасов.

— Конечно! — воскликнул Лева. — Ведь нам необходимо по-

стоянно присутствовать на месте происшествия. Вот и сегодня ночью мы намерены находиться в доме. Вы бы оставили нам ключи от тех квартир... Можете не беспокоиться, все будет в целостности и сохранности.

Майор отдал Леве ключи, а сам пошел в гости к Кнутабоевым, в свою собственную квартиру.

Следующее утро выдалось солнечным, но очень холодным. Дул сильный северный ветер. Он свистел между стен высотных домов и пронизывал до костей.

Часов в десять утра Тарасов вместе с Куликом из окна квартиры Кнутабоевых наблюдали за тем, что происходит во дворе дома. Тут же у телевизора сидели еще два милиционера в штатском. Несколько человек прогуливались среди любопытной толпы, внимательно следившей за действиями ученых. Наготове стояли компрессор с отбойными молотками и колесный экскаватор. Лева и Кутепов с наушниками на головах и какими-то приборами через плечо суетились во дворе. Они о чем-то возбужденно переговаривались. Примерно через час Лева начертил мелом на асфальте большой круг. Снова загрохотали отбойные молотки. Толпа придвинулась почти к самому кругу. До этого момента Саркисяна не было видно. Теперь же он вылез из автобуса, подошел к толпе и стал что-то объяснять, видимо, просил отодвинуться. Но толпа не только не отодвинулась, но все больше прижималась к компрессору и к рабочим с отбойными молотками.

— Надо бы вмешаться,— тревожно сказал Кулик.

Тарасов оторвал своих людей от телевизора и вместе с Иваном вышел во двор. Милиция стала отжимать людей от места раскопок. Толпа недовольно ворчала, но постепенно отодвинулась на приличное расстояние. В этот момент подъехал экскаватор и осторожно зацепил ковшом асфальт.

— Осторожно, осторожно! — кричал экскаваторщику Лева.

Примерно на глубине полутора метров обнаружилась кирпичная кладка свода подземного хода. Работы были прекращены, и все отправилось совещаться в квартиру Кнутабоевых, которая стала походять на штаб. То и дело заходили и выходили люди, непрерывно звонил телефон — начальство хотело быть в курсе!

Тарасов с тоской смотрел на затоптанный пол, в который уже раз корил себя, что вмешался в это дело.

— Итак,— сказал Саркисян, и его унылое лицо стало еще унылее,— пробиваем свод и опускаемся в подземелье.

Все согласно кивнули.

— Пойдем я и Лева, Степан Петрович останется наверху.

— И мы! — хором воскликнули Тарасов и Кулик.

— Ну что ж,— сказал он,— возьмем и милицию.

Рабочие ломами попытались пробить дыру в своде. Но старинная кладка не поддавалась.

— Придется отбойным молотком,— сказал Саркисян.— Только осторожнее. Чтобы свод не рухнул.

В кирпичном своде быстро образовалась приличная дыра. Толпа снова надвинулась и почти смела сдерживающих ее милиционеров.

Лева нагнулся и посветил в дыру мощным фонарем.

— Глубоко,— заметил он и вопросительно посмотрел на Саркисяна:— Ну что, будем спускаться?

Тот молча кивнул.

Появилась складная лестница, которую опустили в провал. Первым спустился Саркисян, за ним Лева, Тарасов и Кулик.

Ход был довольно высокий — метра три. Тарасов всегда думал, что подземные ходы бывают узкими и тесными. Этот, напротив, оказался просторным.

— Ну что, двинулись? — подал он голос.

— Подождите, Николай Капитонович, сейчас спустят приборы и фонари,— ответил Саркисян. Через минуту он вручил каждому по фонарю.

— Ну, с Богом.— И Тарасов с удивлением заметил, что Саркисян перекрестился.

Исследователи зашагали вперед. Тарасов светил фонарем под ноги, по сторонам, рассматривал кладку хода. Она хорошо сохранилась, ни одного вывалившегося кирпича. Да и сам кирпич был необычный. Большой, значительно крупнее современного, гладкий и ровный, точно отполированный. Как определил Тарасов, ход вел в сторону дома. Воздух в подземелье был свеж и чист, будто в нем работала современная вентиляция. На это же обратили внимание и остальные члены группы.

— Дышится-то как,— заметил Саркисян.

— Умели строить,— откликнулся Лева.

Внезапно впереди раздался сухой дробный звук, словно по полу покатилося что-то жесткое и покое.

— О! — воскликнул Саркисян и поднял с земли желтый человеческий череп. Мертвая голова скалилась прямо в лица исследователей, обступивших Саркисяна.

— Вот и первая находка,— задумчиво заметил ученый.

— И весьма зловещая,— в тон ему добавил Лева.

— А где остальные части скелета? — спросил Тарасов, светя себе под ноги фонарем.

— Других не наблюдается,— сказал Кулик.— Видимо, владелец потерял голову, не заметив этого.

— Череп старый,— заметил Саркисян,— принадлежал человеку преклонных лет, видимо, мужчине.

Он положил находку в бумажный пакет, и все двинулись дальше.

— Мы прошли примерно метров триста,— сообщил Лева.

В это мгновение произошло какое-то неуловимое движение, казалось, свод хода беззвучно содрогнулся.

Все остановились.

— Однако,— произнес Саркисян,— не случилось бы обвала.

И тут же, вслед за его словами, свод содрогнулся вновь, на этот раз сильнее. Сразу стало пыльно и душно.

— Спокойно, спокойно,— раздался голос Саркисяна.

Лучи фонарей уперлись в свод. Тот раскачивался, словно под чьими-то могучими ударами. По подземелью прошел гул. Тарасов инстинктивно присел у стены, стараясь попрочнее вжаться в нее. Позади раздался рохот. Свод подземного хода рухнул.

«Все!» — решил майор. Он приготовился к самому худшему. В эту минуту он забыл, что рядом люди. Огромное, никогда не испытанное одиночество затопило его. Не было ни страха, ни отчаяния, только одиночество... Грохот не прекращался. Кирпичи падали рядом с ним. И тут он почувствовал, что его крепко держат за руку.

«Иван, не так страшно умирать», — пронеслось в голове.

Грохот обвала внезапно прекратился. Наступила мертвая тишина. От пыли трудно было дышать, глаза щипало. Наконец тишину нарушил Саркисян.

— Вроде кончилось, — невозмутимо произнес он. — Не двигаться.

Пыль постепенно улеглась. Дышать стало легче.

— Итак, что будем делать дальше? — спросил майор.

— Мне кажется, — откликнулся Саркисян, — нужно продолжить наш поход. За это время завал разберут. Не сидеть же в ожидании у стенки?

— А если свод рухнет в другом месте? — вступил в разговор Кулик. — Скажем, впереди нас, а то и прямо на головы.

— Такая возможность не исключена, — подтвердил Саркисян. Он включил свой фонарь и осветил в сторону завала. Луч света выхватил из тьмы груды кирпича и земли, полностью загромождающие проход.

— Свод казался таким прочным, — удивленно сказал Лева.

— Думается, — заметил Саркисян, — здесь не обошлось без чьей-то помощи.

— В таком случае, — продолжил Лева, — не лучше ли оставаться на месте и ждать, пока нас откапают.

— Вот и оставайся, — сказал Саркисян. Тарасов с удивлением уловил в его тоне властные нотки.

— Вы меня не так поняли, Возген Арамович, — стал оправдываться Лева.

— Я думаю, — начал Саркисян, не обращая на Леву внимания, — что в задачу противоборствующих нам сил не входит наше уничтожение, во всяком случае, сейчас. Лев Борисович может подождать здесь, а если кто-то желает к нему присоединиться, то ради Бога.

— Возген Арамович! — взмолился Лева.

Тот молча двинулся вперед. За ним последовали остальные. Шли медленно, тщательно светили фонарями под ноги, внимательно осматривали свод, однако все было спокойно. Узкий ход внезапно вывел в большой сводчатый зал. Все остановились.

Зал был довольно большой и совершенно пустой, только на противоположной стороне его виднелась небольшая железная дверь.

— Интересно, для чего служило это помещение? — осматриваясь, произнес Кулик.

— Возможно, какое-то культовое назначение, — задумчиво ответил Саркисян. — Обратите внимание на ниши в стенах — напоминает склеп, только пустой.

В сознании Тарасова что-то щелкнуло, и он на минуту закрыл глаза. В памяти всплыл давний сон. Подземелье как две капли

воды походило на то, из сна, только не было мертвецов. Лева, видимо, желавший реабилитировать себя в глазах начальства и показать, что он не трус, почти бегом рванулся к железной двери.

— погоди, Лева! — крикнул Саркисян, но было поздно, дверь удивительно легко растворилась. Лева вскрикнул и отпрянул. На пороге стоял мертвец. Лучи фонарей уперлись в его оскаленное пергаментное лицо, в сверкающие стеклянным блеском, остановившиеся глаза. На заскорузлых лохмотьях виднелись покрытые зеленым налетом медные пуговицы. Видимо, некогда он был одет в военный мундир.

— Ну, вот, — спокойно заключил Саркисян, — перед нами идеальный образец так называемого зомби, кадавра и т. д., проще говоря, биоробот. Посмотрим, на что он способен.

Испуганный Лева отбежал к остальной группе. Тарасов и Кулик восприняли происходящее спокойно, с подобным они уже сталкивались.

Мертвец неожиданно шагнул вперед, будто кто-то подтолкнул его сзади. За ним показались еще фигуры.

— Что они собираются делать? — шепотом спросил Лева.

— Очевидно, уничтожить нас, — ответил Саркисян.

Мертвые все прибывали. Они медленно выходили из-за двери и выстраивались в широкий полукруг. Тарасов насчитал восемь фигур. Выстроившись, они замерли, словно повинувшись чьей-то незримой команде, потом медленно двинулись вперед. Мертвецы шагали, словно автоматы, и постепенно до Тарасова стал доноситься тяжелый тошнотворный запах. Пахло свежей землей, тленом, пылью и какими-то специями. Странный аромат что-то напоминал Тарасову. Несмотря на серьезность момента, он не мог сосредоточиться на происходящем. Запах, запах не давал покоя. Внезапно Тарасов вспомнил. Мастика для натирания паркетов! Именно так пахнет в театре. А эти чучела, ну прямо театр, да и только... Он хмыкнул, потом громко рассмеялся. Товарищи недоуменно обернулись к нему.

Мертвецы приближались. Они растопырили руки, будто хотели поймать их. Тарасов продолжал громко смеяться. Рядом неуверенно хихикнул Кулик. Вслед за ним рассмеялся Саркисян, негромким, дробным, рассыпчатым смехом. Наконец, не выдержал и Лева. Он громко, истерически заржал, всплескивая руками и тряся головой. Лучи фонариков метались по фигурам мертвецов, по кирпичным стенам, по смеющимся лицам. Смех разбирал людей. Неожиданно мертвецы остановились. Казалось, тот, кто ими управляет, растерялся. Руки у них опустились, они стали бессмысленно перетаптываться на месте, будто в недоумении. Это еще больше рассмешило присутствующих. Никогда еще своды подземелья не слышали таких раскатов гомерического хохота. И тогда кадавры так же неторопливо, гуськом двинулись к железной двери и, один за другим, стали исчезать за ней. Скоро в подземелье остались только четверо людей.

— Однако! — сказал Кулик.

Саркисян подошел к железной двери.

— Ну что, двинулись по их следам?

— Если можно, — дрожащим голосом произнес Лева, — давайте сделаем перерыв. Пора, товарищи, обедать.

— Я не возражаю, — насмешливо отозвался Саркисян. — Возможно, завал уже разобрали. А мы тем временем подготовимся к встрече с разной нечистью получше. Давайте возвращаться.

Минут через пятнадцать они подошли к завалу. Слышен был грохот работающих механизмов. Вскоре в отверстие показался ковш экскаватора.

— Я очень испугался, — рассказывал некоторое время спустя Кутепов, разглядывая запорошенных пылью исследователей. — Прибежали мальчишки, кричат: «На соседней улице провал». Я, конечно, туда, гляжу: действительно. Ну, думаю, все! Подогнал сразу технику...

— Ладно, ладно, — не слушая его, говорил Саркисян, — все нормально, Петрович. Давай-ка чайку сообразим, перекусить тоже не мешает, а то некоторые товарищи проголодались.

Все сидели в экспедиционном автобусе и пили крепкий горячий чай.

— А каковы ваши дальнейшие планы? — полюбопытствовал Кулик. — Разведать, что за железной дверью?

— Сначала я именно это и хотел сделать. — Саркисян внимательно посмотрел на Ивана. — Но теперь думаю: а зачем? Ведь мы в общем-то выяснили, что этот дом, да и не он один, стоит на огромном кладбище, с обширной сетью подземных ходов. И что у этого кладбища существуют хозяева, видимо, древняя колдовская секта. От нее все и идет. Гнездятся они в той малюсенькой деревушке, застроенной со всех сторон. А вообще я не знаю, что делать. Ну не посылать же милицию арестовывать членов секты. Это, я думаю, и невозможно. Проще вступить с ними в переговоры, ведь какие-то цели у них есть.

— А если они не пожелают? — спросил Тарасов.

— Посмотрим, — произнес Саркисян. — Сейчас передохнем немного, а позже сходим в Лиходеевку, посмотрим, что и как. Вы составите мне компанию, майор?

— С удовольствием, — отозвался Тарасов.

...Уже начало темнеть, когда они вышли на единственную улочку слободки.

— Где-то здесь, — повторял Саркисян, — где-то здесь...

Кроваво-красный закат залил полнеба, а остальная половина была свинцово-синей в рваных клочьях туч. Сильный ветер свистел в голых ветвях деревьев, рвал плащи, шуршал старыми газетами. На улице не было ни души, да и в маленьких подслеповатых окошках ветхих домишек не видать ни огонька. Все будто вымерло.

Тарасову порядком надоела прогулка, однако он не решился сказать об этом Саркисяну. А тот продолжал рыскать от дома к дому.

— По-моему, здесь, — сказал он шепотом, кивнув на калитку с железным кольцом.

Майор с любопытством посмотрел на дом. Такой же, как и все.

— Зайдем, — неуверенно предложил он.

— Нет, не время. — Саркисян ходил взад-вперед у калитки.

Таким взволнованным Тарасов его еще не видел. Видимо, Саркисяну тоже не терпелось толкнуть калитку, однако он пересиливал себя.

— Что-то мне подсказывает, что сегодня этого делать не следует. Может, завтра...

Тарасов недоумевал. Почему завтра? Что мешает сделать сейчас? Но он чувствовал, что не знает правил этой хитрой игры, и предпочел не вмешиваться.

Завтра так завтра. И они зашагали в сторону микрорайона.

Татьяна Недоспас ни о чем не догадывалась. Напротив, она была на седьмом небе от счастья. Ее обожаемый сыночек Станислав стал первым учеником в классе, учителя беспрерывно его хвалили, о болезни не было и воспоминаний. О чем еще мечтать? Стас же матери о своих ночных похождениях и о новых знакомых не рассказывал. Старик строго-настроено приказал молчать. Подумав, Стас пришел к выводу, что лучше, если мать не будет знать о его второй жизни.

Мать он очень любил, однако задолго до встречи со стариком начал понимать, что она неудачница. Хотя жили они скромно, но в общем-то не хуже других. Стас постоянно чувствовал, что дается это относительное благополучие большим трудом. Мать постоянно подрабатывала в больнице, пропадавая там круглые сутки. И к любви мальчика начала примешиваться какая-то презрительная жалость.

Во вторник, когда в больницу химзавода доставили отца Авенира, у Татьяны был выходной. Но о событиях в доме она ничего не знала, так как весь день проспала, отдыхая после бессонного ночного дежурства.

Когда на следующее утро Татьяна пришла в больницу, то первое, что услышала, был полный леденящих подробностей рассказ о преступлении в доме, где она проживала.

— Бедняжка, — говорила пожилая нянечка, — живого места на нем нет, уж так били, так били! А ведь такой человек известный, святой, истинно святой!

— Кто же его так? — полюбопытствовала Татьяна.

— Да мало ли злодеев. — И Татьяна выслушала рассказ о том, сколь благой пастырь отец Авенир, как его любят прихожане. — Есть, конечно, и завистники, — вздохнула нянечка, — они, видать, и постарались.

Рассказ о святом мученике заинтересовал Татьяну настолько, что она побежала посмотреть на него.

Ничего невероятного она не узрела. Избитый человек, каких видела сотни. Татьяна была разочарована.

Скоро ее вызвал заведующий отделением и приказал находиться при пострадавшем священнике постоянно.

— У вас высоко развито чувство ответственности, — веско сказал он, — а человек, за которым вы должны ухаживать, необычный. Интересовались им и городские власти, и милиция, да и из области звонили... Так что, Татьяна Михайловна, вы уж постарайтесь.

Татьяна обещала постараться и отправилась в палату, где лежал столь важный больной. Присев на стул, она взгляделась в лицо священника.

Больной был без сознания. Его разбитые воспаленные губы что-то шептали. Татьяна прислушалась.

— ...Антихрист, — различила она, — дитя Сатаны... (Потом последовали обрывки молитвы.)

Бредит, антихриста вспоминает, сразу видно: церковник, другие-то в бреде угрозы бормочут, матерятся, зубами скрипят. А этот вон какой благостный. Она попыталась вспомнить имя священника, которое называла ей нянечка. Никодим?.. Филарет?.. Наконец память подсказала: Авенир.

— Авенир, — повторила она про себя. — Красиво звучит. Вроде из песни какой-то.

Вечером, придя домой, она рассказала Стасу о необычном больном.

К ее удивлению, сын не выразил особого интереса к личности священника.

— «Поп — толоконный лоб... — произнес Стас насмешливо, — не гонялся бы ты поп за дешевизной».

— За какой дешевизной? — недовольно спросила Татьяна.

— Это Пушкин, мама!

— Понимаю, что Пушкин, но зачем же человека за глаза ругать, ведь ты же его совсем не знаешь?

Стас усмехнулся, промолчал.

— А может, этот поп тебе понравился? — через минуту спросил он. — Ведь красивый мужчина.

Татьяну этот разговор стал раздражать.

— Красивый, не красивый, — в сердцах произнесла она, — избитый он. А ты что, его видел?

— Да, встречал в тот день во дворе, — неопределенно произнес Стас. — Я сразу понял, что он поп. Волосы длинные, и ряса...

— Все равно, сынок, нехорошо говорить гадости о людях, тем более о таких святых, как он.

Стас захохотал.

— Это он-то святой? Да он стяжатель, только о своей мошне и думает...

— Ну откуда ты знаешь? — Татьяна внимательно посмотрела на сына. Она обратила внимание на слова Стаса: «стяжатель», «мошна»... Что за странная лексика? «Слишком много читает, — подумала она, — отсюда и скептицизм».

На следующее утро, придя в больницу, Татьяна почти бегом бросилась в палату, где лежал отец Авенир.

— Не лучше ему? — спросила она у дежурной медсестры. Та отрицательно покачала головой.

— Вроде поспокойнее стал, не бредит, — добавила она, — а в сознание до сих пор не приходил. Бедняга!

Татьяна стала наблюдать за больным. Тому и в самом деле, видно, стало лучше. Дыхание, хотя и учащенное, сделалось более ровным. Голова спокойно лежала на подушке.

Часов в одиннадцать дня священник впервые открыл глаза. Зрачки его расширились, лицо перекосилось от нервного тика. Потом он перевел взгляд на Татьяну и постепенно успокоился. Сухие, разбитые губы что-то произнесли. Татьяна наклонилась к самому лицу и разобрала чуть слышное: «Пить!»

Напоив больного, она вставила в капельницу новую порцию физраствора и грустно посмотрела на него. Тот благодарно кивнул. Губы его вновь зашевелились.

— Спасибо, сестрица, — скорее прочитала по ним, чем услышала Татьяна.

Приходил человек из милиции, но к больному его не пустили. Слишком слаб. Почти весь день неотлучно находилась Татьяна у постели больного.

А ему на глазах становилось все лучше. Он пытался говорить, спросил, как ее зовут, проглотил несколько ложек бульона.

Уже под вечер из областного центра к отцу Авениру приехала делегация. Два каких-то важных священника и моложавая, холеная дама, видимо, попадья. Дама презрительно оглядела скромную палату, бросила беглый, но выразительный взгляд на Татьяну.

— Неужели попрличнее палаты не нашлось? — резко спросила она, обращаясь к сопровождавшему их врачу. Тот пожал плечами.

Потом взгляд дамы обратился на мужа.

— Мерзавцы! Какие мерзавцы! — закричала она.

Горевала попадья громко и эффектно. Даже слезы, лившиеся из ее глаз, были настолько обильны, что казались искусственными. Татьяна с неприязнью наблюдала за всем происходящим. Жена отца Авенира ей явно не нравилась. Посетители скоро уехали, и Татьяна снова осталась наедине с больным. Она решила, что именно красивая попадья — виновница трагедии.

Дома она не стала рассказывать новости Стасу про своего больного, а он и не спрашивал.

В пятницу, в тот самый день, когда Тарасов исследовал подземелье, отцу Авениру стало гораздо лучше.

Капельницу убрали, он попытался встать, но Татьяна остановила его.

— Лежите, лежите! — требовательно приказала она.

Большой покорно опустил на кровать.

Постепенно они разговорились. Беседовали о жизни, о превратностях судьбы. Священник нравился Татьяне все больше. Про себя она постоянно спрашивала: кто мог обидеть такого кроткого, незлобивого человека? Наконец решилась произнести вопрос вслух. Отец Авенир, как показалось Татьяне, испуганно посмотрел на нее и сказал, что очень устал. Разговор прекратился.

Уже начинало темнеть, когда в больницу явился Стас. Он часто приходил к матери, в отделении его хорошо знали и беспрепятственно пропускали. Вот и теперь в накинутом белом халате он возник на пороге палаты. Татьяна взглянула на сына, но обнаружила, что взгляд его устремлен на больного. Тот читал газету и не обратил внимания на приход мальчика.

— Чего тебе, Стас? — спросила Татьяна.

Сын, не отрываясь, смотрел на Авенира.

Наконец тот отложил газету и, близоруко прищурившись, взгляделся в Стаса. Внезапно лицо его перекосилось. С криком он

привстал, поднял руку, видимо, желая перекреститься, но, потеряв сознание, рухнул на подушку.

На лице мальчика появилась холодная улыбка.

— Что это с ним? — произнес Стас и приблизился к кровати.

Татьяна пришла в ужас.

«Сердце! — мелькнула мысль. Она схватила руку священника и нащупала пульс. — Нет, простой обморок. Но почему?»

— Мама, — сказал Стас, — я пятерку получил по математике.

— Ладно, ладно, об этом потом, — отчужденно произнесла Татьяна. — Ты зачем пришел?

— Так просто, — спокойно ответил Стас. — Посмотреть на твоего попа.

— Убирайся! — вспыхнула Татьяна.

Мальчик, ни слова не говоря, вышел.

Через некоторое время священник открыл глаза. Он в ужасе стал озираться, а затем шепотом спросил:

— А где... — Спазм перехватил его горло.

— Мальчик? — подсказала Татьяна.

Тот кивнул.

— Это был мой сын, он ушел домой.

Авенир вдруг громко и визгливо закричал. Сбежались люди. Пришел заведующий отделением. Все столпились у постели больного. Сбитая с толку Татьяна ничего не могла понять. А поп продолжал орать. Наконец он вытянул руку и, указывая пальцем на Татьяну, завизжал:

— Уберите отсюда это исчадие ада! — Татьяна страшно побледнела. К ней повернулись удивленные, встревоженные лица, а Авенир все не успокаивался: — Сатанинская прислужница, ведьма!!!

— Успокойтесь! — властно приказал врач попу. — Сделайте ему успокоительный укол. Придется пригласить психиатра...

Но Авенир не успокаивался. Он размахивал руками, дергался и пытался соскочить с кровати.

Наконец ему сделали укол, и он затих.

— Что произошло? — поинтересовался врач.

— Ничего особенного, приходил мой сын...

— Ну и что?

— Потом последовала такая реакция.

— Странно. Без психиатра здесь не обойтись. Хорошо, Татьяна Михайловна, пока к постели этого больного не приближайтесь.

По дороге домой Татьяна не переставала размышлять о странном происшествии. Связь между появлением Стаса и поведением отца Авенира была несомненной. Но в чем она заключалась?

Дома она первым делом допросила сына.

— Послушай, Стас, — осторожно начала Татьяна, — ты отца Авенира действительно встречал раньше?

— Ну я же говорил, мама, во дворе видел. — Стас внимательно поглядел на мать. — А что случилось? Не понимаю, мама, чего ты от меня хочешь?

Татьяна чувствовала, что сын что-то недоговаривает.

— Ты знаешь, что случилось после твоего ухода? — И она все ему рассказала.

Стас некоторое время молчал. Потом спросил:

— А как он называл тебя?

— Ведьмой! — крикнула Татьяна.

Стас холодно усмехнулся.

— Ну какая ты ведьма!..

Мальчик заглянул ей в глаза. И в ту же минуту на Татьяну нашло какое-то странное оцепенение. Она опустилась на стул, неподвижно посидела на нем некоторое время, потом внезапно спохватилась.

— Ой, обед-то не стотовлен! Стас, ты сделал уроки?

Неожиданно она вспомнила, что у Стаса завтра день рождения. С этими происшествиями совсем вылетело из головы. Подарок она давно приготовила — микроскоп, о котором так просил сын.

— Стас, у тебя завтра день рождения. Ты не забыл? — спросила она мальчика.

— Я-то не забыл, — усмехнулся Стас.

И Татьяне показалось, что он прочитал ее мысли.

— Ну и кого пригласишь? — спросила она.

— Некого приглашать, ведь у меня нет друзей. Во всяком случае, среди одноклассников.

— А какие же у тебя друзья? — поинтересовалась Татьяна.

— Когда-нибудь я тебя познакомлю.

В душу Татьяны закралось подозрение: может, он связался с уличной компанией? Да нет, успокоилась она. После школы он всегда сидит дома, за книжками, гуляет мало.

— Ну не хочешь никого приглашать и не надо. Приедет бабушка, испеку пирог...

Вечер прошел в обычной суете. Про отца Авенира Татьяна больше не вспоминала. А ночью ей приснился странный сон.

Татьяна шла по заснеженному зимнему лесу, босиком, в одной рубашке. Она не ощущала холода, было отчаяние, пронизывающее, казалось, каждую клеточку ее разума. Где-то здесь Стас, и ему очень плохо. Татьяна металась от дерева к дереву, от куста к кусту, но сына нигде не было. Наконец вышла она на открытое пространство и с ужасом увидела, что это кладбище. Кругом кресты, надгробия. Все занесено снегом, только верхушки памятников торчат, и на каждой сидит по ворону. Птицы молчат, стоит абсолютная тишина, с черного неба падают хлопья снега.

Вдруг впереди видит Татьяна огромный костер. Языки пламени много выше человеческого роста. В ужасе различает среди огненного вихря своего сына. Стоит Стас прямо посреди пламени и к ней руки протягивает: помоги, мол. Мечется Татьяна возле костра, а в огонь войти не может. И все так страшно, что волосы на голове у нее становятся дыбом. И тут замечает она у себя за спиной какое-то движение. Оборачивается, а рядом с ней стоит странная старушка.

— Помоги! — с мольбой обращается к ней Татьяна.

— Спаси-то можно, — отвечает старуха, — да как бы его спасение для тебя смертью не обернулось.

Она махнула рукой, и костер погас.

Рванулась Татьяна к сыну, хочет обнять, а он ускользает, Татьяна лишь пустой воздух хватает.

— Так-то вот! — смеется бабка. — Не ухватишь своего сыночка, да и не твой он уже. На-ко вот, надень. — И протягивает Татьяне бусы.

Надела бусы Татьяна и вновь попыталась схватить сына. На этот раз получилось. Но только схватила, вспыхнул яркий свет. И все пропало, только вороны, сидевшие на надгробиях, громко и пронзительно закаркали. Она обернулась к бабке, но и та куда-то делась.

Проснувшись субботним утром, Татьяна долго лежала, размышляя, что мог значить этот сон. Едва закрывала глаза, как все виденное вставало перед ней ясно и четко. Неожиданно она почувствовала нечто непривычное на своей шее. Провела рукой и похолодела — бусы! Не может этого быть! Татьяна рывком соскочила с кровати, сорвала с шеи бусы, стала их внимательно разглядывать.

Точно, те, из белых и голубых бусинок. Она посмотрела на спящего сына. Он тихо посапывал на своей кровати. Некоторое время Татьяна сидела в неподвижности, размышляя о случившемся. Затем сняла бусы и положила в самый дальний угол серванта.

В ночь, когда матери приснился этот нелепый сон, Стас внезапно проснулся. Мальчик открыл глаза и увидел два зеленых огня прямо перед своим лицом. Это, конечно, был Мирон.

— Пойдем, — почтительно прошептал он, — хозяин зовет.

Они спустились в подzemелье под домом. Мирон торопился, почти бежал по старинным кирпичам хода. В другое время Стас обязательно бы рассмеялся, глядя, как неуклюже ковыляет домовый, но сейчас тревога Мирона передалась и ему.

Подземный ход вел прямо в дом старика. Их уже ждали. Старуха, не говоря ни слова, взяла мальчика за руку и провела к постели Асмодея.

Тому было не по себе. Он тяжело дышал и словно впал в забытье.

Движение в комнате заставило его очнуться. Он открыл глаза и посмотрел на мальчика. Старуха и домовый куда-то исчезли.

— Стас, — слабо сказал он, — пришел...

— Что с вами? — спросил мальчик.

— Помираю я, — равнодушно сообщил старик.

Стас вздрогнул, ему вдруг стало страшно. Никогда еще в его присутствии не умирал человек.

— Но разве колдун может умереть?

— Все когда-нибудь кончается, — спокойно сказал старик. — Однако хватит о пустом. Времени у меня мало. Теперь ты будешь всему хозяин. Я тебе уже говорил, что ты по происхождению — один из нас. Думаешь, случайно Мирон наткнулся на тебя? Все шло своим чередом. Еще до твоего рождения мы знали о существовании твоей матери, сделали все, чтобы она поселилась здесь и не просто в этом проклятом городишке, а именно на месте старого кладбища. Даже твоя болезнь, падающая, — знак,

что ты отмечен. Раньше ее называли «святая болезнь», так-то вот!

Стас пораженно молчал.

— У этих мест должен быть хозяин. Пусть все порушено, но это только снаружи. Леса вокруг заповедные, глухие. Много в них разной нечисти гнездится. Кладбище хоть и снесено, но мертвецы все остались, а сила моя и знания мои перейдут к тебе. Тайные книги опять же... Все твое. Конечно, ты еще мал. Но я уверен: станешь настоящим хозяином. Бабки советом и делом помогут, если что. Теперь они слушаться тебя будут беспрекословно. Ты для них царь и... — Старик замолчал, перевел дух: — Завтра в полночный час меня сожгут в лесу. Последняя церемония... — усмехнулся он.

Стас в страхе отпрянул.

— Не бойся, не бойся — так надо. А вместо поминок по мне нужно сделать так, чтобы дом этот чертов содрогнулся. Не так, как в первый раз, а по-настоящему, и ученых пугни, да покрепче! — Голос старика возвысился, он почти кричал: — Дураков своих, физкультурника этого и остальных тоже, к делу привлеки, чтобы служили тебе верой-правдой, страшную клятву с них возьми.

Стас молча кивнул. Он плохо соображал, что происходит. Голова шла кругом.

— А теперь, — снова тихо сказал старик, — дай руку, отхожу я...

60 Стас машинально протянул ему потную ладонь. Старик схватил ее, и мальчик почувствовал, что страх пропал. И еще ощутил, как из тела старика в его тело входит неведомая энергия, которой он страшился и жаждал одновременно. Вокруг кровати замелькали какие-то тени, появились старухи и женщины средних лет, странные существа — не то люди, не то призраки. Тут же в углу жалась Володя Сыроватых, Олег и Кочубей.

— Он теперь ваш хозяин, — громко и отчетливо произнес старик. — Слушайте его во всем. Смотри мне в глаза, Стас!

Стас уставился в меркнущие глаза старика. Присутствующие затянули странную песню. В другое время Стас бы не понял ее слов, но теперь он впитывал ее древний смысл и вторил женщинам, произнося чудные ее слова.

Он чувствовал в себе непонятную, но чудовищную силу, мозг его стал на тысячу лет старше, странные и страшные знания отягощали его сознание, делали мудрым и вместе с тем старым. Стас ощущал, как слабеет старик. Глаза его мутнели, рука холодела, но он, не отрываясь, смотрел на мальчика. Зеленые свечи, которых в просторной комнате было, видимо, сотни, освещали все кругом мертвенным светом. Женщины вдруг завьли. Завьли дико, как воют в лесу волки. Глаза Асмодея блеснули в последний раз и погасли. Он был мертв.

Стас выпустил руку старика и выпрямился. Ему показалось, что он внезапно вырос. Присутствующие почтительно склонили перед ним головы.

— Король умер, да здравствует король, — сказал журналист

Олег Горбатов. В словах его не было прони, только безграничная преданность.

Не помнил Стас, как пришел домой, ведомый почтительным Мирном, как добрался до своей постели.

Сон, тяжелый, без сновидений, навалился на него.

15

В субботу утром Тарасов проснулся с одной мыслью: наконец-то выходной! «Отдохну,— думал он,— от всей этой фантазмагии». Почевал он по-прежнему в милицейском общежитии.

Размышляя о том, как проведет субботу и воскресенье, Тарасов нежился в постели. Оказывается, и на казенных простынях можно неплохо выспаться. Но тут раздался требовательный стук в дверь.

«Начинается»,— досадливо поморщился майор, однако дверь открыл.

— Вас срочно к телефону,— сообщил дежурный.

Чертыхаясь, Тарасов поспешно оделся.

Звонил Кулик.

— Я, конечно, извиняюсь...— начал он издали.

— Не тни,— хмуро бросил в трубку Тарасов.

— Этот попик, отец Авенир, пришел в себя и срочно хочет дать показания. Требуется милиция. Так что приезжай в больницу.

Майор повесил трубку и отправился приводить себя в порядок. Внизу его уже ждала служебная машина. Кроме Ивана, в ней находился и Саркисян.

«И этого прихватил,— зло подумал майор.— Ну, теперь выходные пропали».

В больнице их уже ждали.

— Он очень хочет видеть милицию,— шепотом сообщил заведующий отделением.

Надев белые халаты, все трое прошли в палату, где лежал отец Авенир.

Тот настороженно встретил не известных ему людей. Глаза его тревожно перебегали с одного лица на другое.

— Позвольте документы,— твердо произнес он.

«Смотри, какой недоверчивый»,— отметил Тарасов, однако протянул удостоверение, его примеру последовал и Кулик.

Авенир долго изучал документы, вглядываясь то в фотографию, то в оригинал. Тарасова это начало уже раздражать, но он сдерживался.

— А ваш документ? — обратился поп к Саркисяну.

— Видите ли...— замялся тот.

— Товарищ из научного института,— вмешался Тарасов.— Он занимается теми же вопросами, что и мы.

Авенир удовлетворенно кивнул головой.

— Ну что ж,— начал он,— тогда я, пожалуй, начну.

Рассказывал он долго. Не упустил ни одной, даже самой пустячной детали. Несмотря на невероятность рассказа, Тарасов ни на минуту не сомневался, что поп говорит правду. Да и как

можно было сомневаться после всего, что приключилось с ним самим и с Иваном. Наконец Авенир умолк.

Тарасов осторожно спросил:

— А сами-то вы что обо всем этом думаете?

— Дьявольские козни, — уверенно ответил священник. — Я вообще до сего момента не верил во всю эту чепуху, — несколько смущенно продолжил он, — черная магия, оккультизм казались мне выдумками еретиков, богохульников. Однако сам убедился, что был не прав.

— Почему же с вами, служителем Божиим, так легко справились дьявольские силы? — задал скользкий вопрос Саркисян.

Священник явно смутился, беспокойно зашевелил руками. Тарасов готов был поклясться, что Авенир покраснел, хотя на покрытом синяками лице это было незаметно.

— Видите ли, — неуверенно начал он, — я долго размышлял над этим вопросом. Что остается делать, лежа в одиночестве. И, к своему стыду, пришел к выводу, что, видимо, моя вера в Господа недостаточна. Отсюда и все несчастья. Каюсь, — отчетливо и твердо закончил он, — склонен к сребролюбию.

Ошеломленные посетители молчали. Даже невозмутимый Саркисян, казалось, заволновался.

— Хочу еще кое-что добавить, — прервав молчание, сказал Авенир. — Этот мальчишка, который мучил меня в квартире Голавля, он вчера был здесь.

— То есть?! — воскликнул удивленный майор.

— Да, — повторил священник, — именно здесь. Он сын одной из медсестер отделения.

— А как его звать?

— По-моему, Стас.

— А вам не показалось? — Тарасов недоверчиво посмотрел на Авенира.

— Ну что вы, — печально усмехнулся тот, — его лицо я не забуду до самой смерти. Я теперь даже не знаю, — продолжал он, — что же делать дальше. Остаться при храме или расстричься, а может быть, уйти в монастырь... — Авенир замолчал, задумчиво поглядел в окно, по которому, как слезы, струились потоки дождя, потом судорожно вздохнул. — А может, все случившееся и к лучшему.

Священник, не обращая больше внимания на посетителей, продолжал тарачиться в залитые водой оконные стекла. Они вышли.

— Ну и что вы обо всем этом думаете? — воскликнул Тарасов.

— Какой-то мальчишка появился... А может, Авенир того... Не выдержал, так сказать, нервного потрясения?

— Приглашали мы к нему психиатра, — заметил встретивший их у дверей палаты заведующий отделением, — явного психического расстройства он не обнаружил. Рефлексы нормальные, рассуждает здраво. Хотя его разговоры о единоборстве с нечистой силой психиатра насторожили. Может, реактивный психоз? Но сегодня его, слава Богу, от нас забирают.

— А что это за Стас? — спросил Тарасов.

— Сын Татьяны Недоспас.

— Что за ребенок?

— Да нормальный мальчишка, очень толковый, прекрасно учится, хотя и замкнут. Страдал одно время припадками эпилепсии, но они внезапно прекратились, и вот уже два года мальчик здоров. А почему вы о нем спрашиваете?

— Да так, — неопределенно ответил майор, — пациент ваш о нем упоминал, мальчик произвел на него большое впечатление.

Они распрощались и уселись в машину.

— Все-таки полная неясность, — подытожил майор.

— А мне кажется, — возразил Саркисян, — кое-что проясняется.

— Ну-ну... — Тарасов с интересом взглянул на собеседника.

— Вполне вероятно, — продолжал тот, — что некие силы установили с этим мальчиком контакт и используют его в своих целях. Вы обратили внимание на упоминания врача об эпилепсии? Издавна считалось, что именно люди, страдающие этой болезнью, общаются со сверхъестественными силами, они же обладают даром пророчества. С этим Стасом нужно обязательно увидеться.

— А не настало ли время пообщаться с загадочным стариком Асмодеем Чернопятовым, о котором мы так много слышали? — поинтересовался у Саркисяна майор.

— Да, видимо, настало, — согласился тот.

— Ну так поехали в слободку.

— Вы что же, раскопали логово этого колдуна? — заинтересовался Кулик.

— Сейчас проверим наверняка. Поехали в слободку, — сказал Тарасов водителю.

Через некоторое время машина съехала с асфальта и затряслась по рытвинам и буграм. Несколько раз казалось, что они застрянут в очередной луже. Наконец приехали.

— Останови вот здесь.

На деревенской улочке было по-прежнему пустынно. Мокрые деревья все так же тянули свои голые ветви к хмурому небу. Выходить из машины не хотелось. К тому же майор чувствовал какую-то робость, что-то подсказывало ему: не ходи.

— Вы идете? — подал голос Саркисян.

— Я остаюсь в машине, — отозвался Кулик.

— А вы?

Тарасов неохотно открыл дверцу и вылез.

Они нерешительно потоптались перед калиткой, потом Саркисян все же распахнул ее, и они вошли на просторный мощный двор.

Тарасов осмотрелся: чисто, основательно, видно, хороший хозяин здесь живет, а по наружному виду не скажешь.

— Ну что, идем в дом? — вопросительно посмотрел он на ученого.

Тот молча кивнул. Майор постучал в тяжелую дубовую дверь. Никто не ответил. Тогда толкнул дверь. Она легко поддалась. Пройдя темные сени, «следопыты» очутились в просторной горнице и остановились пораженные. Множество свечей горело по

всем ее углам, все из зеленого воска. Пахло благовониями. Посреди горницы стоял большой черный гроб. Рядом с ним на коленях — три женщины. Они не обратили на вошедших никакого внимания. Тарасов от неожиданности отшатнулся. Больше всего ему хотелось выскочить отсюда на свежий воздух. Он нерешительно взял за локоть Саркисяна. Но тот, напротив, решительно шагнул к гробу. Невольно за ним последовал и майор.

В гробу лежал древний старик. «Неужели это и есть пресловутый Асмодей Чернопяттов? — с удивлением подумал Тарасов. — Древний-то какой! Как странно. Приди мы вчера, он, возможно, был бы еще жив. А может быть, это очередное представление?» Он подошел вплотную к гробу и вопросительно посмотрел на Саркисяна. Тот внимательно взглядывался в лицо старика. Женщины все так же неподвижно стояли на коленях, уставившись в пол. Руки старика не были, как обычно, скрещены на груди, а лежали вдоль тела. Тарасов осторожно дотронулся до одной — холодна как лед. Покойник был укрыт какой-то черной, расшитой узорами тканью. Майор обратил внимание, что гроб, в котором лежал старик, был не сбит из досок, а выдолблен из огромного куска дерева.

«Когда он умер?» — хотел было задать вопрос Тарасов, но не решился. Ему стало не по себе. Гнетущее чувство не покидало его. Чтобы отвлечься, посмотрел по сторонам. Сначала из-за яркого света свечей ничего не увидел. Но странно, несмотря на обилие света, в горнице были совершенно темные углы, в них, казалось, стояли какие-то тени. Тарасову ясно виделись блестящих-то глаз, призрачное мельканье бликов, шорохи. Кругом клубились бесплотные духи. Стало жутко. Он опрометью выскочил на улицу и бросился в машину.

— Ну что? — с интересом спросил Кулик.

— Умер он, — односложно ответил майор.

— Не может быть! — изумился Иван.

— Сходи посмотри.

— И посмотрю. — Кулик вылез из машины.

Тарасов достал сигареты, руки его тряслись. Он нервно закурил и стал ждать. Прошло примерно полчаса, и оба товарища оказались на улице. Они молча сели в машину.

— Куда теперь? — спросил водитель.

— К дому номер 13, — отозвался Саркисян.

Водитель вопросительно посмотрел на майора, тот молча кивнул.

За все время пути никто не произнес ни слова. Подъехав к дому, они отпустили машину и залезли в автобус экспедиции. Хотя Тарасов уже бывал в нем, он ещё раз поразился, как все просто и рационально здесь устроено. Удобные откидные кровати, нечто вроде кухни с компактной газовой плитой, даже телевизор...

«Умеют устраиваться ученые», — с завистью подумал он.

— А где ваши спутники? — полюбопытствовал Тарасов. — Уж не в подземелье ли вы их отправили?

— Я их отослал, — сообщил Саркисян.

— Куда?

— За аппаратурой. Ну что же, садитесь, давайте выпьем кофею.

Скоро салон автобуса наполнился ароматом кофе. Напиток у Саркисяна получился необычный: густой, с особым вкусом.

— Новоорлеанский способ, — заметил ученый в ответ на похвалу. — Вместо одной ложки на чашечку положил две с половиной и добавил яичные белки вместе со скорлупой.

Кулик взял свою чашку и внимательно осмотрел ее содержимое.

— Не беспокойтесь, — засмеялся Саркисян, — в чашке скорлупы нет, кофе я процедил.

— К такому кофею еще бы рюмочку коньяку, — вздохнул Тарасов.

— Что ж, это не проблема. — Саркисян достал из небольшого холодильника бутылку армянского коньяка.

Тарасов и Кулик переглянулись.

— Можете не беспокоиться, — усмехнулся ученый, — спаивать я вас не собираюсь, а разговор у нас, судя по всему, будет долгий. Итак, — продолжал он, — что вы обо всем этом думаете?

Тарасов и Кулик молчали.

— Не стесняйтесь, начните хотя бы вы, Николай Капитонович.

— Мне кажется, — сделав глоток коньяка из микроскопической рюмки и залив его кофе, начал Тарасов, — что все на этом закончилось.

— Так, так, — подбодрил его Возген Арамович.

— Старик Асмодей умер, а вместе с ним умерла и вся эта чертовщина. Допускаю, конечно, что его приспешники, вернее приспешницы, тоже могут пакостить. Однако маловероятно. И Петухова рассказывала, что дед — всему голова.

— Петухова... — задумчиво повторил Саркисян. — И вы так считаете? — обратился он к Кулику.

Иван наморщил лоб и сообщил, что он так не считает.

— А как? — поинтересовался тот.

— Позвольте, я пока придерживу свое мнение при себе.

— Ну, ну! — засмеялся Саркисян. — Так вот, — вновь став серьезным, начал он. — Я думаю, основные события впереди. Дело в том, — он задумался, — что существо, подобное Асмодею, не умирает, не подготовив себе преемника. Хотя назвать Асмодея человеком не совсем точно. Он чем-то сродни тем, в подземелье, хотя и неизмеримо более высокого уровня. Да и по возрасту наш колдун — настоящий Мафусаил, ему, по моим сведениям, что-то около полутора веков.

— Не может быть! — в один голос воскликнули милиционеры.

— Очень даже может. Вообще об этой секте известно давно. Существует даже кое-какая литература. Но их деятельность всегда была окутана глубочайшей тайной. При царизме власти еще изредка сносились с ее главарями. В советское же время контакты полностью прекратились. Правда, как вы знаете, лет двадцать назад работники нашего учреждения попытались контакт наладить. Результат плачевен, оба погибли. А ведь люди

были весьма опытные, особенно Струмс. Откровенно говоря, я жду серьезных событий, поэтому отправил отсюда Леву и Кутепова. Лева показал себя трусом, а такие люди в данной ситуации опаснее всего, а Кутепов — он вроде охранника, и скорее мешал, чем помогал. Так что теперь я полностью полагаюсь на вашу помощь.

— А что может случиться? — поинтересовался Кулик.

— Откровенно говоря, не знаю. Трудно предугадать, думаю, что-то вроде недавних событий в доме, только более мощных.

— Так вы что же, Возген Арамович, хотите сказать, что старик не умер?

— Вполне возможно.

— А этот мальчишка, не он ли преемник колдуна?

— И это возможно.

Тарасов засмеялся:

— В это трудно поверить. Ведь знания не передашь за несколько дней или даже месяцев.

— А откуда вы знаете, что они знакомы всего несколько месяцев, да и что скажете о способах передачи их знаний? К тому же, — добавил Саркисян, — простой смертный не может ни с того ни с сего стать преемником Хозяина. Нужно, чтобы он происходил от их корня. Я наверняка знаю, что поиски преемника могут начинаться задолго до его рождения.

— Даже так?! — потрясенно спросил Тарасов.

— Именно. Вы даже не представляете, с какими силами столкнулись.

Тарасов машинально достал из кармана испанскую монету и начал крутить ее между пальцами. Саркисян перехватил монетку, поднес к глазам.

— О! — воскликнул он. — Как она к вам попала?

Тарасов вкратце рассказал свой сон.

— Ну вот, и вы сомневаетесь, — усмехнулся ученый. — Сами того не подозревая, вы давно попали в их сети.

— Но мы-то им зачем?

— Они склонны к театральным эффектам. К тому же, повторю, невозможно предугадать их дальнейшие планы. Редкая монета, — сообщил он, возвращая кругляк майору. — Советую хранить как талисман.

— А почему здесь проходит постоянная связь с Испанией? — спросил Кулик. — И наши видения в квартире Кнутобоевых...

— Дело в том, — сказал Саркисян, — что секта берет начало в средневековой Испании. Конечно, корни у нее куда более древние: здесь и халдейская, и египетская магия, и тайные культы Малой Азии, и Каббала, и учения катаров и богумилов. Но именно в Испании они сформировались почти в таком виде, какой мы знаем сейчас. В шестнадцатом веке секта была частью уничтожена, а оставшиеся ее члены разбрелись по свету. Одно время их центр был во Франции. А в семнадцатом веке они добрались и до России. В ту пору, во времена смуты, через Польшу и Украину на Русь хлынули много иностранцев. Интересно, что на Руси существовали свои собственные секты подобного типа. Все они поклонялись Сатане. Так и возникла Лиходе-

евка. Сюда ссылались царем черно книжники, а чуть позже здесь появились и их западноевропейские собратья.

— Какова же была их власть? — поинтересовался Тарасов.

— На разных этапах истории разная, но могущества у них хватало. Конечно, документальных подтверждений их деятельности почти не осталось. Однако к знаменитой истории с графом Калиостро приложили руку именно они. Учитель Калиостро, некий Кольмер, был одним из глав секты на Востоке. Через него они и вышли на злополучного графа. План был довольно прост — сделать Калиостро своим орудием и через него влиять на императрицу. Сначала план вроде бы удался. Калиостро быстро втерся в доверие к знати. Однако, как только «вышел в люди», сразу забыл своих друзей, снабжавших его деньгами и оказывавших реальную помощь в том, чтобы его шарлатанство было не так заметно. Собственно, знаменитый эликсир бессмертия обладал свойством омолаживать организм. Этому есть множество свидетельств, в достоверности которых сомневаться не приходится. Другое дело, что эффект омолаживания действовал недолго, а потом тело старело значительно быстрее.

Одним из самых громких дел, приведших в конечном счете к падению и бегству Калиостро, стало необычайное происшествие с маленьким сыном князя Голицына. Ребенок, всего нескольких месяцев от роду, опасно заболел. Отчаявшийся князь обратился к Калиостро. Тот взялся вылечить, но поставил условие, что мальчика отвезут к нему на квартиру и ни князь, ни княгиня не будут его видеть до особого разрешения Калиостро.

Граф ежедневно оповещал родителей о состоянии здоровья их ребенка. По его словам, мальчику день ото дня становилось лучше. Малышка находился у Калиостро больше месяца. Затем Калиостро вернул ребенка родителям совершенно здоровым. Самое интересное, что он отказывался брать вознаграждение за свои труды. Но дело этим не кончилось. Через несколько дней в душу княгини закралось странное подозрение, что ребенка подменили. Разразился скандал, но доказать это было невозможно. Тогда-то и вмешались местные чародеи. Очевидно, с их помощью мальчик был действительно вылечен. Желая скомпрометировать несговорчивого Калиостро, они в последнюю минуту заменили настоящего ребенка инкубом — искусственно созданным его подобием. Даже сам граф не смог заподозрить, что ребенка подменили, понял он это много позже. Началось следствие, в конечном итоге оно и стало одной из причин высылки Калиостро. Правда, до истины так и не добрались.

— А что случилось с мальчиком? — спросил любознательный Кулик.

— Видимо, — продолжал Саркисян, — настоящего ребенка все же вернули родителям, поскольку мальчик вырос и стал взрослым, а инкубы обычно долго не живут. Как бы то ни было, колдуны добились своей цели и скомпрометировали Калиостро.

— Бред все это! — зло произнес Тарасов. — Мне, откровенно, до смерти надоела вся эта чертовщина. Я, конечно, допускаю, что есть всякие там чары, колдовство... Одно не могу понять: почему это происходит именно в нашем заштатном городишке?

Ну, пугают они обитателей дома номер 13. Ну, слегка покалечили несправедного священника. А дальше-то что?

— Конечно, — засмеялся Саркисян, — привыкли у нас, что все крупные дела вершатся в столице. А может, им здесь хочется порезвиться. На своих исконных землях. Может быть, им надоедо, что всякий безмозглый атеист попирает их древние устои.

— Под безмозглым атеистом вы подразумеваете меня? — поинтересовался Тарасов.

— Ну что вы, — возразил Саркисян, — как можно...

Кулик громко засмеялся, хмыкнул и майор.

— А разве вам самим не интересно? — спросил Саркисян. — Опомнитесь, Николай Капитонович. У жизни столько загадочных сторон, а вы привыкли маршировать по прямой линии. — Он наполнил рюмки. — Выпьем-ка лучше и не будем переходить на личности.

— Кстати, надо бы выяснить, где проживает тот таинственный ребенок — Стас Недоспас, кажется? — вспомнил Тарасов.

Он позвонил в больницу по находившемуся в автобусе радиотелефону. Брови его удивленно полезли вверх.

— Он проживает вместе с матерью в этом доме, — растерянно сообщил майор. — В квартире 106.

16

Тяжелое небо нависло над головой. Оно, казалось, цепляло верхушки деревьев. Давило, давило... Стас стоял посреди леса, недоумевая, как он сюда попал. Октябрьская ночь... По стволам деревьев время от времени пробегала дрожь. По-прежнему моросил дождь. Капли падали на непокрытую голову мальчика, бежали по лицу, и чудилось, что это теплая кровь деревьев стенает о погубленных душах былых времен.

Как понимал Стас, здесь должно было состояться погребение.

Царила абсолютная тьма. Однако мальчик видел все, как днем. В зеленом, колдовском свете наблюдал, как прибывают к месту прощания существа: кикиморы, водяные, лешие...

Станным переваливающимся строем, как ходят в цирке медведи, пожаловали мертвецы. Встали жуткой толпой в сторонке, не то стесняясь своего вида, не то не желая мешать. Каждый считал своим долгом поклониться новому хозяину. Стас отвечал всем. Голова у него шла кругом. Приобретенное знание не мешало удивляться, страшиться, впитывать неведомое. Два сознания существовали в одном разуме параллельно.

Приглушенный шум пошел по лесу. Не то стонали на ветру деревья, не то рыдали незримые существа. Показались женщины, несущие на своих плечах гроб-колоду с телом Асмодея. Их было не три, как предполагал Стас, а гораздо больше. Шестеро несли гроб, и целая вереница в белых рубахах шла сзади. Среди них, заметил Стас, были и древние старухи, и женщины средних лет, и совсем молодые девушки. Но лица казались у всех одинаковыми — полными глубокой скорби и черного знания.

Стас стоял перед большой поленницей дров, сложенной в виде

прямоугольника. На нее и водрузили гроб. Женщины скинули свои рубашки и стояли вокруг гроба, склонив головы.

«Неужели им не холодно», — подумал Стас, но тут же в сознании чей-то тяжелый голос произнес: «Им не может быть холодно».

Дождь прекратился, и тут же с неба повалили крупные хлопья снега, первого в этом году. Вскоре все стало белым-бело. Шорохи внезапно прекратились. Наступила тишина. Не слышно было даже воя ветра. В руках Стаса оказался пылающий факел.

«Как же, загорится, — пронеслось в голове, — ведь сыро...»

Но поленница вспыхнула, будто облитая бензином. Огонь тут же охватил гроб. Женщины упали на колени, раздались заунывное пение. Нечисть прощалась со своим повелителем. Древние слова, словно гвозди, вбивались в мозг мальчика. Он молча смотрел на огонь.

Внезапно тело колдуна поднялось и село в гробу. Раздались страшный вой и крик. Мальчику не было страшно, но по его коже пробежал мороз. Пламя погребального костра бушевало со страшной яростью, точно чья-то незримая рука раздувала гигантские мехи. В тишине, нарушаемой треском и воем пламени, раздался звук погребального колокола. Он пробил тринадцать раз. Костер потухал. И гроб, и тело покоящегося в нем превратились в уголья. Они ярко тлели на почерневшем снегу, освещая голые тела ведьм, пергаментную кожу мертвецов, невероятные личины лесной и болотной нечисти.

Церемония закончилась. Костер потух, все исчезли, и только унылый вой ветра носился над пепелищем.

Некий Наливайко, чья квартира находилась на пятом этаже в одном из последних подъездов дома номер 13, был разбужен собственной собакой. Овчарка поскуливала и тыкалась носом в его нос. Наливайко хотел повернуться на другой бок и снова уснуть, но собака настаивала. Чертыхаясь и проклиная все на свете, он встал и глянул на часы. Было начало первого. Идти на улицу страшно не хотелось, и он посмотрел на собаку в надежде, что она передумала. Но животное всем своим видом и поведением выказывало стремление к прогулке. Увидев, что хозяин встал, овчарка радостно завилела хвостом и стала подпрыгивать на месте. Наливайко неохотно натянул одежду и выглянул в окно. Все было белым-бело.

«Вот и снег вышал», — равнодушно констатировал владелец собаки. Однако настроение его слегка улучшилось. Приятно пройтись по первому снегу, в такие минуты вспоминаешь детство, и душу охватывает легкая грусть.

Наливайко оделся и вышел с собакой из квартиры. Лифт не работал, и они спустились по лестнице во двор.

Было очень тихо. Ветер, который с вечера бушевал на улице, прекратился. С неба падали крупные пушистые хлопья. Отойдя на некоторое расстояние, Наливайко глянул на темную громаду дома. Светилось всего два-три окна. Дом спал. Ночь с субботы на воскресенье — лучшая ночь недели.

Наливайко меланхолично смотрел, как пес радостно носился

по свежей пороше. Гуляли они где-то полчаса, и хозяин уже подумывал, не пора ли вернуться домой в теплую постель. Но тут как-то незаметно на двор стал наползать туман. Только-только было ясно, и вдруг густая белая пелена окутала сиротливо стоящие качели и грибки, стала подбираться к дому.

В этот момент собака жалобно заскулила и прижалась к ногам хозяина. «И этой не нравится», — подумал Наливайко и ускорил шаги. Собака, не переставая, скулила.

— Замолчи! — прикрикнул он. Но пес вдруг громко и протяжно завыл, и такой тоской веяло от этого воя, что по телу Наливайко прошел озноб. Он остановился и посмотрел в ту сторону, куда собака повернула морду. Среди густого тумана он заметил движение, словно к дому двигалась какая-то процессия.

Наливайко стало не по себе. Он остановился и прислушался. В промежутках между воем собаки явственно слышались чьи-то шаги. Собака внезапно бросилась прочь и исчезла в темноте. Хозяин хотел позвать четвероного друга и надавать ему пинков, но его что-то остановило. Он замер на месте, прислушался. Шорох шагов прекратился. Для беспокойства не было основания, но куда делась проклятая собака? Ругаясь, он пошел по собачьим следам.

В это время дом № 13 содрогнулся. В квартирах зазвенела посуда в шкафах, затряслись люстры, затрещала мебель.

Жильцы проснулись. «Землетрясение», — мелькнула у всех одна и та же мысль. Люди вскочили с кроватей, испуганно бросились к постелям детей. Но толчки не повторились. Зато началось такое, о чем еще и годы спустя со страхом вспоминали жильцы.

Свет в доме внезапно погас. Это добавило паники. Кое-где загорелись свечи и карманные фонарики. В доме разворачивались совершенно невероятные события.

В первом подъезде на шестом этаже жила пожилая вдова Клавдия Дормидонтовна — известная сплетница. Сама же себя она называла «совестью дома номер 13». Как и все, она проснулась от внезапного толчка. Тупо сидела на кровати и размышляла: что произошло? Подумав, что ей приснился нехороший сон, Клава решила снова лечь спать, но вдруг почувствовала небывалый холод в квартире. Соскочила с постели и босиком пробежала на кухню, проверить, не осталась ли открытой форточка. Форточка была закрыта. Однако в квартире становилось все холоднее. Клава пощупала батареи — горячие. Щелкнула выключатель — света не было.

— Что за черт? — выругалась Дормидонтовна. Зажгла свечку и снова вошла в комнату. Взгляд случайно упал на противоположную стену. К ее ужасу, та была покрыта толстой коркой льда. Клава протерла глаза и на цыпочках приблизилась к стене. Осторожно провела рукой по гладкой поверхности — точно, лед. В помещении установилась минусовая температура. Несмотря на то, что на Клаве была теплая фланелевая рубашка, она продрогла до костей. Путаясь в рукавах, женщина надела пальто и приготовилась ждать продолжения событий. Увы! Они не заставили себя ждать. Ледяной панцирь на стене вдруг осветил-

ся зеленоватым светом, и внутри льда показалось странное, диковинное изображение. Любопытная Клава подошла поближе и вгляделась. Из-под толстой ледяной корки на нее немигающе смотрели чьи-то мертвые глаза. Клава обмерла, не в силах пошевелиться. Глаза не мигая смотрели на вдову. Наконец та нашла в себе силы и села на стул. Тут же климат в комнате стал быстро меняться. Если еще минуту назад он был арктическим, то теперь явно приближался к тропическому. Стена потекла. Вначале тонкие струйки, а затем потоки грязной воды хлынули на пол. Оробевшая вдова взирала на все это безобразие, не выпуская зажженную свечу из трясущихся рук.

Между тем лицо, едва проступавшее из-под корки льда, стало все более вырисовываться. К ужасу Клавы, это действительно был мертвец, но какой-то странный — вроде живой. С душераздирающим воплем Клава соскочила со стула и босиком, в пальто, накинутом поверх ночной рубашки, бросилась к выходу. Однако потоки воды на полу помешали бегству. Нерасторопная вдова, поскользнувшись, упала, подняв тучи брызг, и, распластавшись на мокром полу, стала ждать конца.

Во всех уголках огромного дома происходили безобразия.

Неожиданно вспыхивал газ, и огненные столбы били в потолок. Двигалась мебель, летали вещи и посуда. Электрический свет то включался, то гас. Но и в эти короткие промежутки жители дома видели такое, что и в самом страшном сне не привидится.

По квартирам сновали полуразложившиеся трупы, призраки, странные карлики и прочая нечисть. Казалось, в доме происходит невиданный шабаш. Нервы многих не выдерживали. В чем были, люди бежали из дома.

Продолжалась вакханалия около часа. Когда дом остался совершенно пустым, шум прекратился, и вновь зажегся свет. Туман рассеялся, и полуодетые люди, стоявшие на затоптанном дворе, со страхом и недоумением глядели на освещенные окна своих квартир. Но никто не решался двинуться с места.

И тогда Возген Арамович Саркисян рванулся в дом. Его неугомонная натура стремилась на место действия. Он бегал из подъезда в подъезд, сжимая в руках фотокамеру, пытаясь поймать в кадр хоть что-нибудь необычное. Однако, странное дело, ничего сверхъестественного он так и не увидел. Ученый в растерянности бродил по брошенному дому.

— Какого черта вы тут лазаете? — вдруг окликнул его грубый голос.

Саркисян от неожиданности вздрогнул, обернулся и увидел Тарасова.

Тарасова разбудил среди ночи дежурный по милицейскому общежитию.

— В этом доме опять что-то случилось, — сообщил тот в ответ на сердитый взгляд майора.

Увидев огромную толпу на знакомом дворе, Тарасов впервые по-настоящему испугался.

— Итак, — вместо приветствия сказал ученый, — они перешли к решительным действиям. Как я, собственно, и предполагал.

— Кто они? — сердито спросил майор. Саркисян промолчал и увлек Тарасова на улицу. Они прошли к автобусу сквозь строй озлобленных и напуганных людей, почти физически ощущая ненависть, идущую от них.

Раздавались угрожающие выкрики: «Ученые! Все от них, на нас эксперименты ставят! Понаехали тут!»

Люди вплотную приблизились к автобусу. Тарасов растерялся. Саркисян, казалось, не обращал внимания на ярость толпы. Он отрешенно стоял у автобуса, что-то обдумывая. Затем влез в него, но очень скоро появился вновь. В руках у него была большая черная книга старинного вида. Он решительно двинулся сквозь толпу, Тарасов за ним.

Люди расступились. Саркисян поднял книгу над головой. Некоторое время стоял молча, потом стал громко, нараспев произносить непонятные слова. Раздался глухой удар. Земля рядом с ним зашевелилась, из ее глубин показался большой черный гроб. Словно огромный отвратительный гриб, пробивал он себе дорогу на свет. Крышка с жутким треском отскочила, и показался скелет в лохмотьях. Какая-то сила выбросила его из гроба, и он грудой костей рухнул к ногам Саркисяна. Снова зашевелилась земля, из потревоженных глубин появлялись все новые и новые гробы и тут же разваливались. Жуткое зрелище восстающих мертвецов парализовало Тарасова. Некоторое время он стоял в оцепенении, потом посмотрел на Саркисяна. Внезапно слух Тарасова уловил в реве толпы какой-то новый звук. Он повернул голову, стараясь отыскать его источник, и увидел, что экспедиционный автобус, неловко накренившись, заваливается в образовавшуюся под ним огромную яму. В считанные секунды автобус рухнул в яму и загорелся. Вскоре прогремел взрыв, и над ямой поднялся столб огня, а потом повалил жирный черный дым.

Отблески пожара, свет автомобильных фар, огни дома причудливо освещали обезумевшие лица людей, покрытую костями площадку двора и одинокую фигуру заклинателя. Все стихло. Гробы больше не появлялись, и только слабый треск раздавался из ямы, где догорал экспедиционный автобус. Внезапно толпа глухо зашумела и начала медленно придвигаться к Саркисяну.

Тарасов попытался пробиться к ученому, но был сбит с ног. «Затопчут», — мелькнула ужасная мысль. Он собрал все силы и вскочил, расталкивая бежавших к Саркисяну людей. Встав на ноги, он снова чуть было не упал, сбитый отпрянувшей толпой. Тарасов взглянул на то место, где еще минуту назад стоял ученый, — в неверном свете виднелась бесформенная окровавленная масса.

Все как-то сразу успокоилось. Безумное напряжение, которое ощущал Тарасов, рассеялось. Люди стали расходиться.

Когда мрачный осенний рассвет рассеял сумрак, во дворе было пусто. Над ямой, куда свалился экспедиционный автобус, продолжал крутиться жирный, коптящий дымок. Тело растерзан-

ного ученого кто-то накрыл куском брезента. Стояла тишина. Вдруг во двор опустилась гигантская стая ворон. Они ходили между костей и остатков гробов, противно каркали и хлопали крыльями. К телу Саркисяна, однако, не приблизилась ни одна птица.

Вскоре нагрянула армия мусорщиков и дорожных строителей. Всю дрянь спешно убрали. Обгорелый кузов автобуса извлекли из ямы и увезли в неизвестном направлении, саму же яму засыпали. Двор начали асфальтировать, причем исполняли это невиданными темпами. Территория, прилегающая к дому номер 13, и двор были оцеплены милицией и пожарными. Почти все взрослое население подверглось тщательному допросу. Майор Тарасов после всех событий находился в сильной прострации. По сути, он был главным свидетелем произошедшего, поэтому вначале взялись за него. Но, увидя, что состояние Тарасова близко к истерике, отправили его спать.

Татьяна Недоспас во время событий минувшей ночи была разбужена грохотом. Некоторое время спокойно лежала, размышляя, приснилось ли ей это. Потом услышала топот и крики на лестничной площадке.

«Опять дерутся», — равнодушно подумала она и повернулась на другой бок, собираясь вновь заснуть, однако крики не прекращались.

Татьяна глянула на кровать сына: не проснулся ли любимый Стас. К ее ужасу, кровать была пуста. Тут уж она испугалась. Одевшись, Татьяна выбежала на улицу и попала в бурлящую толпу. Из сбивчивых реплик она ничего не могла понять.

— Нечистая сила, нечистая сила... — несло со всех сторон.

Татьяна стояла в сторонке, пытаясь разобраться в происходящем. Потом залезла на детскую деревянную горку в надежде увидеть оттуда Стаса. Именно поэтому она хорошо разглядела все, что делалось в толпе.

Потрясенная Татьяна вместе со всеми отправилась домой. О Стасе она совсем забыла. К ее удивлению, он уже был дома.

— Ты где пропадал? — сердито спросила Татьяна.

— Где и все, во дворе, — спокойно ответил мальчик.

— Что-то я тебя не видела.

— Ну еще бы, такая толпа была. А я тебя видел. Ты на горке стояла.

— Почему не подошел?

Мальчик промолчал.

Она потушила свет и легла. И тотчас виденные картины встали перед глазами. Нет, уснуть невозможно!

Она снова включила свет, покосилась на Стаса. Мальчик смотрел на нее.

— Не могу уснуть, — пожаловалась она, — страшно! А этот-то с книгой, которого убили, кто он?

— Колдун, — ответил Стас.

— Какой еще колдун? — Татьяна недовольно посмотрела на сына. — Что за вздор болтаешь?

— Самый настоящий, — отозвался мальчик, — ты же сама видела, как только он книгу свою черную поднял, так мертвецы

из земли и полезли. Все об этом говорили. Поэтому его и убили.

— Послушай, Стас,— осторожно начала Татьяна,— мне кажется, ты знаешь больше, чем говоришь.

— Может быть,— ответил сын.

— Так поделись.

— Боюсь, мама, радости тебе это не доставит.

Татьяна задумчиво разглядывала Стаса. За окном светло, и она выключила свет. Снова выглянула в окно. По двору сновали какие-то тени.

— Мама,— неожиданно начал мальчик,— я не совсем такой человек, как все остальные.

Татьяна внимательно слушала.

— Дело в том, что я — чернокнижник. Мне дана огромная сила, волшебная. То, что сегодня произошло в доме и во дворе, моих рук дело.

Татьяна молчала, однако мозг лихорадочно работал, ища объяснение словам Стаса.

«Мне казалось,— тоскливо думала она,— болезнь его прошла, а, видать, нет, наверное, перешла в безумие. Что же делать?»

— Вот ты сейчас подумала, что я сошел с ума,— спокойно заметил Стас,— но ты ошибаешься.

Татьяна не ответила. Неожиданно и очень сильно заболела голова. Еще минуту назад она была способна здраво рассуждать, теперь же мысли путались.

— Ты ведь сама из рода колдунов. У тебя есть на теле знак — родинка в виде паука.

74 Она не знала, что и сказать. Во рту пересохло, стало трудно дышать.

— Ты зря так испугалась.— Стас подошел к Татьяне и погладил ее по голове. Она невольно отпрянула, однако ласка сына неожиданно подействовала на нее умиротворяюще. Сразу успокоилась, сонно зевнула и через минуту уже спала. А Стас еще долго лежал с открытыми глазами и размышлял.

Он выполнил последнюю волю старика Асмодея. Показал, кто здесь хозяин. И при этом особого урона жителям не нанес. Так, поугал немного. Правда, погиб человек из автобуса. Но ведь не он причина смерти. Народ сам уничтожил его. Червяк! И, как червяк, был раздавлен. Именно они, ничтожные червяки, и портят все, учат всех, как надо правильно жить, суетятся со своими идиотскими наставлениями. А того не могут понять, что все уже раз и навсегда устроено, и другой дороги быть не может. Глушцы!

...Часов в двенадцать воскресного дня Тарасов проснулся в своей квартире.

Постояльцев-Кнутобоевых не было. Он встал с раскладушки, лениво потянулся и тут вспомнил о ночных событиях. Лицо сразу же перекопилось, будто он разжевал лимон.

Тарасов заявился домой под утро. Открыла ему сонная Матильда. Она с ужасом смотрела на белое лицо майора и молча хлопала глазами. Затем провела его на кухню, достала из холодильника бутылку водки, какую-то закуску, поставила рюмку.

Тарасов отодвинул рюмку, налил себе полный граненый стакан, залпом выпил.

Матильда тем временем постелила раскладушку и почти насильно уложила Тарасова, заставив раздеться.

Да, констатировал майор, выспался он неплохо. Но что же делать дальше? Идти в управление! А не лучше ли все бросить и смотаться на другой конец страны, во Владивосток?

В управлении, несмотря на воскресный день, было полно народу.

— Вас все утро разыскивают, — строго сказала ему секретарша начальника управления. — Заходите, как раз идет совещание.

Тарасов открыл дверь и остановился на пороге. Начальник произносил речь. Он замер, увидя Тарасова. Участники совещания повернулись к майору. За длинным столом сидели человек двадцать. Среди них Тарасов обнаружил и Леву с Кутеповым.

Начальник продолжал саркастически разглядывать майора. Потом изрек:

— А вот и главный герой событий явился! Садись, Николай Капитонович, гостем будешь.

Вступление не предвещало ничего хорошего, но Тарасов ничего хорошего и не ждал.

Почти все присутствующие смотрели на майора холодно и отчужденно, и только Кулик (а он тоже был здесь) ободряюще подмигнул.

— Так, товарищи, продолжим, — сказал начальник, не обращая больше внимания на Тарасова. — Последствия ночных безобразий почти полностью ликвидированы. Все гробы и кости вывезены. Двор заново заасфальтирован в два слоя. Микрорайон оцеплен. Словом, меры приняты.

— Вопрос только, не повторится ли все нынешней ночью? — подал голос председатель горисполкома.

— Это уж не в моей компетенции, — откликнулся начальник управления, — пусть ученые дадут разъяснения. — И он кивнул на незнакомого Тарасову человека. — Вот из Москвы приехал товарищ Артемьев Никодим Павлович, между прочим, профессор. Приехал, чтобы заменить на боевом посту трагически ушедшего от нас товарища Саркисяна.

Тарасов усмехнулся казенной фразе, произнесенной начальником, однако с интересом посмотрел на профессора. Артемьев, высокий, спортивного вида мужчина лет сорока, с открытым простым лицом и русыми волосами, на профессора никак не походил.

Он поднялся, обвел взглядом присутствующих и сообщил, что, по его мнению, события, подобные сегодняшнему, в ближайшее время вряд ли повторятся. Ручаться он, конечно, не может, но очень надеется.

— Очень надеетесь! — иронически произнес председатель горисполкома. — Я тоже очень надеюсь. А то ко мне с утра пришла огромная делегация из пресловутого дома номер 13 с требованием срочно переселить их с этого проклятого кладбища.

— А вы-то сами разве не знаете, что застраивать кладбище недопустимо хотя бы с моральной точки зрения? — в свою очередь, довольно резко спросил профессор председателя.

— Не я застраивал, не я!!! — закричал тот.

— Ну-ну, товарищи... — попытался успокоить их начальник управления.

— Я одного не понимаю, — неожиданно вступил в разговор главный врач санэпидстанции, молодой веснушчатый парень. — Что все-таки произошло? Неужели в самом деле происки нечистой силы? Да ведь этого не может быть!

— А какова ваша точка зрения? — спокойно спросил его Артемьев.

— Ну, я не знаю, — смешался тот, — может, что-то вроде землетрясения. Что угодно, но только не разные там колдуны-чернокнижники...

— Итак, — прервал спор начальник управления, — совещание окончено, вечером соберемся здесь снова. А ты, Николай Капитонович, останься, — произнес он, выразительно посмотрев в сторону Тарасова.

— Если можно, — обратился к начальнику Артемьев, — я бы хотел на время забрать у вас майора.

Тот недовольно поморщился, но утвердительно кивнул головой.

Они расположились в маленьком кабинете майора почти в том же составе, что и три дня назад. Только вместо Саркисяна на обшарпанном стуле сидел профессор.

— Эх, не вовремя я уехал! — неожиданно выкрикнул Лева. — Уверен, будь я здесь, ничего подобного не произошло бы.

Все насмешливо посмотрели на него.

— Конечно, Саркисян поступил очень неосторожно, оставшись в одиночестве, — начал Артемьев, — вот и поплатился. А вы, майор, — обратился он к Тарасову, — возьмите себя в руки, никто вас не винит, а начальство ваше мы как-нибудь успокоим. Сейчас главное — дело. История эта и так сильно затянулась. Двадцать лет назад мы остались в дураках, и вот теперь снова... — Он вздохнул, достал сигарету и закурил.

— Рассказывайте, — после некоторого молчания попросил он Тарасова.

Майор начал подробно описывать, что произошло накануне.

— Так вы говорите, Асмодей умер?

— Собственными глазами видел его в гробу, и Саркисян там присутствовал.

— Наверняка уже и похоронили, — задумчиво размышлял Артемьев.

— Хорошо бы могилку раскопать, — вмешался Лева, — да осиновый кол ему в грудь...

— Осиновый кол, конечно, вещь проверенная, — подтвердил Артемьев, — но вряд ли он тут поможет. Вот вы упомянули, — снова обратился он к майору, — медицинскую сестру. Недоспас. Вы с Саркисяном так ее и не навестили? Очень жаль. С этого надо было и начинать. Вот что, майор. Мы с вами сейчас же отправляемся к ней. Остальные пока свободны, но не уходите из горотдела.

Вечером в квартире Татьяны Недоспас раздался звонок. Татьяна готовила ужин, Стас куда-то ушел. Открыв дверь, она увидела на пороге двух незнакомых мужчин. Оба примерно одинакового возраста, высокие, широкоплечие, с приятными лицами, располагавшими к себе, однако Татьяна настороженно стояла на пороге. Один из них, Татьяна его, несомненно, раньше встречала, протянул ей удостоверение и сообщил, что они из милиции, пришли, чтобы взять показания по поводу вчерашних событий. Татьяна пригласила их в дом. Тарасов мельком оглядел скромное убранство однокомнатной квартиры. Он и раньше-то не очень верил в гипотезу Саркисяна, а теперь и вовсе усомнился в ее правоте. Здесь, в этой почти убогой комнате, живет преемник чернокнижника Асмодея? Ерунда! Да и женщина, мать Стаса, вызывает только симпатию.

— Мы пришли, — осторожно начал Тарасов, — чтобы вы, как свидетельница ночного происшествия, рассказали нам подробности.

— Подробности? — переспросила Татьяна. — Никаких особых подробностей я не видела.

— А как, по-вашему, — подал голос Артемьев, — что все-таки это было?

Татьяна неуверенно пожала плечами.

— Я сама долго думала, — произнесла она осторожно, — все говорят — колдовство.

— А вы верите в колдовство? — продолжал Артемьев.

— Как вам сказать. — Татьяна почему-то сняла с шеи бусы и положила их на стол. — До сих пор не верила, но в последнее время случилось несколько происшествий, которые поколебали мое неверие...

— Какие, например? — не отставал Артемьев.

— Не знаю, стоит ли об этом говорить? — замялась Татьяна.

— А почему нет?

— Они очень личные. К тому же связаны не только со мной, но и с моим сыном.

— А ваш сын тоже в прошлую ночь был во дворе?

— Вообще-то я его не видела. А потом, уже после всего, он мне заявил, что это его рук дело. Что он — колдун, — засмеялась она.

Тарасов и Артемьев переглянулись. Это не укрылось от Татьяны.

— Да вы что? — закричала она. — Неужто поверили детской болтовне? Стас очень впечатлительный, много читает: сказки всякие, фантастику. К тому же он был болен эпилепсией.

— Так он эпилептик? — с интересом спросил Артемьев.

— Я же говорю, был болен. Уже почти два года, как припадки прекратились.

— Полностью?

— Да, полностью! — отчеканила Татьяна. Разговор начинал ей надоедать.

— А еще никаких странностей, связанных с вашим сыном, не случилось?

Татьяна замялась. Говорить или не говорить?

— Тут к нам в травматологию один больной поступил, священник. Да вы, наверное, знаете?

Тарасов утвердительно кивнул головой.

— Так вот, когда сын пришел ко мне в больницу, этот священник случайно увидел Стаса, и с ним случилась истерика. Он кричал, что мальчик — исчадие ада. Что этому причиной, ума не приложу.

В этот момент щелкнул замок входной двери, и на пороге появился мальчик лет тринадцати. Увидев посторонних, он несколько не удивился. Холодно посмотрев на них, усмехнулся:

— А, по мою душу пришли.

— Ты о чем это, сынок? — в испуге спросила Татьяна.

— Им нужен я, — просто ответил Стас.

Тарасов с интересом смотрел на мальчика. Так вот он какой, преемник колдуна. Обычный ребенок, довольно симпатичный. Глаза вот только... Как льдинки.

Артемьев тоже разглядывал Стаса.

— А что, Стас, сегодня не будешь людей пугать? — спросил Артемьев.

— Сегодня не буду, — в тон ему ответил Стас.

Татьяна испуганно смотрела на посетителей.

— Вы теперь главный? — спросил мальчик.

— Зачем же ты убил Саркисяна? — в свою очередь, задал вопрос профессор.

— Я его не убивал, его люди убили, потому что колдовал.

— Ну ладно, — неожиданно произнес Артемьев, — мы пойдем. А ты смотри, — он снова обратил взгляд на мальчика, — веди себя хорошо.

— Ты, дяденька, — грубо отозвался Стас, — не больно-то тут командуй. Здесь я хозяин.

— Ну-ну, — хмыкнул профессор.

— Куда? — спросил шофер, когда майор и профессор молча сели в машину.

— В управление, — отозвался Артемьев.

Тарасов глянул в окно. Двор был чист и просторен, как футбольное поле. Даже детская площадка снесена. Крутом лежал толстый слой нового асфальта.

В управлении их ждало сенсационное известие.

— Обнаружили троих пропавших, — взволнованно сообщил Кулик. — Сыроватых, Горбатова и Кочубей! В квартире у Сыроватых. Спали.

— Отдыхали, значит, после ночных трудов, — засмеялся Артемьев. — И где же они?

— В КПЗ.

— Ну что ж, давайте их сюда, познакомимся.

Первым в кабинет Тарасова ввели физрука. Тот угрюмо озирался, исподлобья поглядывая на Тарасова и Артемьева.

— Так, так, — начал Тарасов. — Где же вы пропадали, Владимир Петрович? Давно вас ищем.

— Где надо, там и пропадаю, — грубо ответил спортсмен.

— Информация исчерпывающая, — серьезно заметил Арте-

мьев. — А ведь вас и ваших товарищей видели сегодня ночью во время беспорядков в доме.

— Мало ли что видели, — хмуро заявил Сыроватых.

— Довольно странно вы, гражданин физрук, себя ведете, — резюмировал майор. — Как бы отвечать не пришлось.

— В чем же вы меня обвиняете? — наглово осведомился Володя.

— В сговоре с нечистой силой, — холодно ответил Артемьев.

— С нечистой силой? — деланно расхохотался Сыроватых. — Где вы видели в наше время нечистую силу?

— Мы теряем время, — досадливо заметил Артемьев. — Давайте сюда остальных.

Остальные вели себя несколько по-другому.

Кочубей сразу же упал на колени.

— Спасибо нашей милиции! — закричал он. — Освободила от этих извергов!

— Встаньте, — брезгливо произнес Тарасов, — и выкладывайте все.

Кочубей, захлебываясь, принялся рассказывать о похождениях. Ему поддакивал корреспондент. Сыроватых угрюмо молчал. Из сбивчивого повествования директора овощторга выходило, что нечистая сила сначала издевалась, а потом околдовала его.

— Эти тоже помогали! — кричал он, брызгая слюной и тыкая пальцем в своих сотоварищей. — Квартиру мою порушили, имущество уничтожили. — Он стал описывать подробности разгрома собственной квартиры.

— А командовал ими кто? — перебил его Тарасов.

— Командовал? — смешался Кочубей. Он опасливо посмотрел на дверь и шепотом произнес: — Командовал один мальчишка, только мальчишка ли? Черт его знает...

Постепенно разговорился и Олег Горбатов.

— Я, конечно, интересуюсь аномальными явлениями, — начал он издали, — но никак не предполагал, что подобное может происходить в реальности. Действительно, попал в услужение к нечистой силе. Чего только не повидал. И домовых, и ведьм... — Рассказывал корреспондент азартно, с захватывающими деталями. — А главный у них старик Асмодей — великий чернокнижник. Но он умер. Мы были на сожжении трупа в лесу. Это настоящий шабаш.

«Труп, значит, сожгли, — отметил про себя Тарасов, — а вовсе не похоронили».

— У старика этого есть заместитель, — продолжал Олег Горбатов, — мальчик один. Он выполнил последнюю волю колдуна и учинил погром в доме. Мы же, — он кивнул на товарищей, — участия в погроме почти не принимали, так, покричали чуть-чуть. В основном буйствовала разная нечисть.

— Ну что ж, — заключил Артемьев, — рассказ весьма живописный, чувствуется информационный работник. А вы, спортсмен, — обратился он к Сыроватых, — так и будете молчать?

— Да они почти все сказали, — мрачно произнес тот. — А мальчик этот — мой ученик Стас Недоспас. — Володя нехотя рассказал еще несколько деталей.

— А как вы считаете, обладает ли мальчик реальной силой? Допрашиваемые замаялись.

— По-моему, — начал корреспондент, — сила у него огромная. Колдун, умирая, передал ему каким-то образом свое могущество.

— Ладно, — сказал Артемьев, — на сегодня достаточно.

— Но нас отпустят? — с мольбой спросил Горбатов.

Артемьев ничего не ответил.

Когда их выводили, спортсмен на пороге обернулся и, криво усмехнувшись, произнес:

— Все равно вам с ним не справиться.

— Ну это мы еще посмотрим, — ответил Артемьев. — Вот олухи! — заключил он после ухода троицы.

— Олухи-то олухи, но, думается, правы, когда уверяют в могуществе мальчика, — возразил Тарасов.

— Скорее всего, — размышлял вслух профессор, — прямого единоборства мы не осилим. Саркисян уже пробовал. Но есть другой способ — подкараулить, вкатить дозу снотворного, тогда он не страшен.

— А когда действие снотворного кончится?

— Есть разные химические препараты... — уклончиво сообщил Артемьев. — Во всяком случае, я его отсюда увезу. А когда оторвем его от нечисти, которой повелевает, мальчишка будет не так страшен.

— Но ведь ему всего тринадцать лет, — сказал майор, — он несовершеннолетний и не может быть привлечен к уголовной ответственности, да и нет в кодексе статьи, карающей за колдовство.

— Знаешь что, старик, — грубовато перебил Артемьев, впервые обращаясь к Тарасову на «ты», — я, конечно, понимаю, жалко тебе мальчика. Но уверяю: он вовсе не ребенок. По сути своей это перевоплотившийся колдун. Детского-то в нем ничего не осталось, только внешность. Подобные случаи известны. В средние века с такими долго не цапкались, на костер — и дело с концом.

Тарасова передернуло.

— Однако какой ты нервный, — усмехнулся Артемьев. — Он-то не церемонился. Саркисяна уколошил. Уколошил, уколошил, не сомневайся, его работа. Дом терроризировал? Терроризировал! А этих дураков ты сейчас видел, из них кого угодно сделать можно. Вот уж истинно зомби, только из крови и плоти.

— Но если он колдун, — не сдавался Тарасов, — то как ты сможешь справиться с ним, ведь он предугадает любое твоё действие?

— Ничего, справлюсь, — заявил Артемьев. — Ты уж мне поверь.

— А матери как объяснишь?

— Что ты все на жалость бьешь? — недовольно произнес Артемьев. — Мать вспомнил. Не хочешь принимать в этом участия — не надо!

— А с этими что делать? — помолчав, спросил Тарасов. — С физруком и другими?

— Ты же сам сказал, что у нас за колдовство не судят, — усмехнулся Артемьев. — Пусть катятся на все четыре стороны.

На следующий день Стас, как обычно, пошел в школу. Во время третьего урока в класс заглянула школьная медичка и позвала на медосмотр. Дети гурьбой понеслись по лестницам.

В кабинет врача вызывали по одному. Наконец дошла очередь до Стаса.

Осмотр вела незнакомая докторша. Школьная медичка сидела тут же и делала записи в карточках. Мальчика попросили раздеться до пояса. Незнакомая докторша заглянула ему в рот, заставила несколько раз присесть, потом стала выслушивать ритм сердцебиения.

— Повернись, мальчик, — попросила она.

Стас повернулся. Прикосновение холодного кружка фонендоскопа заставило его поежиться.

— Стой спокойно! — строго сказала докторша. Неожиданно мальчик почувствовал укол под лопатку, дернулся, но сразу же обмяк, все поплыло перед глазами, и он потерял сознание.

Очнулся Стас в маленькой больничной палате.

Попытался поднять руку, она плохо слушалась. Голова тяжелая, не оторвать от подушки. Хотелось спать, и мальчик снова закрыл глаза. Сквозь сон он ощущал, что рядом с ним появляются и исчезают какие-то люди.

Через некоторое время Стас снова очнулся. Голова по-прежнему была тяжелой, хотелось пить. Он пошевелился, тотчас вошла женщина в белом халате.

— Пить, — попросил мальчик. Она молча дала ему стакан с соком.

— Где я? — шепотом произнес Стас, но женщина ничего не ответила и вышла из палаты. Через несколько минут вошла снова и сделала ему укол.

Голова заработала четко и ясно, но, вот беда, двигаться он почему-то не мог. Вошли двое мужчин с какими-то приборами. Подсоединили датчики к телу. Приборы мягко загудели.

Стас собрался с мыслями. Итак, его пленили. Теперь будут исследовать, как подопытного кролика. Ну что ж, он достаточно могуч, чтобы разнести и эту палату, и само здание, где она находится. Вот только не сейчас, чуть позже. Сейчас ему этого не хочется. Состояние уж очень приятное. Ломота в теле, сладкая и томительная. Мальчик посмотрел на мужчин у приборов. Они внимательно следили за дисплеем, не обращая на мальчика внимания. Неприязни Стас к ним не испытывал, наоборот, он чувствовал огромную любовь. Он рассмеялся, и мужчины с интересом взглянули на него. Стас заливисто хохотал, уже забыв и про мужчин, и про приборы, и про свое состояние. Ему казалось, что он находится на летнем, душистом, усыпанном цветами лугу. Кругом летают бабочки и стрекозы. Тут же, рядом, течет чистая, светлая река. Не описать, как хорошо. И он продолжал хохотать от счастья.

...Шло время. Но мальчик его почти не ощущал. Его кормили, поили, иногда даже выводили гулять.

Мелькали рядом чьи-то лица, менялся характер эксперимен-

тов, но Стас не замечал этого. Мальчик по-настоящему жил лишь внутри самого себя. Призрачное счастье переполняло его.

Но однажды наркотическая эйфория закончилась. Состояние его резко изменилось. В тот день он впервые испытал, что такое ужас. А перед этим его крепко привязали к кровати и сделали очередной укол. Он вдруг почувствовал, как сжимается. Невероятно огромная масса навалилась на него, а он все уменьшается и уменьшается. Мальчик закричал, хотел рвануться и бежать, но остался неподвижно лежать. С этого момента его полностью заполнили кошмары. Но не те, которые иногда мучают во сне и исчезают сразу после пробуждения. Эти же не оставляют ни на минуту. Странный, искаженный мир стал реальностью. В конце концов он стал находить странное удовольствие, блуждая среди призраков и теней, физически ощущая, как, подобно расплавленному свинцу, течет вязкая река времени. Сколько продолжалось такое состояние — день, месяц, год или вечность, — он не знал. Однажды Стас очнулся с совершенно ясной, свежей головой.

Над ним склонилась женщина в белом халате.

— Гулять хочешь? — коротко спросила она. Стас едва заметно кивнул. — Ну тогда вставай. Давай я тебе помогу.

Мальчик кое-как приподнялся и сел на кровати. Ноги плохо слушались его. Медсестра надела на него прямо поверх пижамы ватник, нахлобучила на голову ушанку, а ноги помогла засунуть в огромные валенки.

Яркое солнце ослепило мальчика. Он нерешительно стоял на пороге. Перед ним лежала небольшая покрытая снегом площадка, окруженная со всех сторон чахлыми сосенками. В углу площадки одиноко стояла скамейка.

— Иди садись на скамейку, — сказала сестра, — только осторожно, не упади.

Стас, неуверенно перебирая ногами в огромных валенках, кое-как доплелся до скамейки и почти упал на нее. Стало тяжело дышать, сердце сильно билось, из глаз покатались слезы.

«Зима», — подумал Стас. Сколько же он пробыл здесь?

Мальчик обернулся на одноэтажное здание, обсаженное со всех сторон деревьями. Две синицы перелетели с ветки на ветку, где-то одиноко каркнула ворона, раздался дробный стук дятла.

«Лес тут, что ли?» — подумал мальчик.

Он встал, походил по площадке. Теперь двигаться стало легче. Ноги уже не подгибались, точно ватные.

Железная дверь снова открылась, и медсестра поманила его рукой. Он послушно пошел в дом.

Теперь все изменилось. Уколов больше не делали. Вкусно кормили. В комнату принесли цветной телевизор, и он мог смотреть его сколько пожелает. Появились и интересные книги. Никто к Стасу не приставал, никто его не осматривал.

Так продолжалось примерно неделю. Одиночество не тяготило мальчика, он привык к нему. Тяготила неизвестность.

Однажды во время прогулки, когда он сидел на скамейке, мальчик услышал чьи-то шаги. Обернувшись, увидел, что из-за сосенок выходит мужчина, лицо которого показалось мальчику

знакомым. Мужчина тем временем подошел поближе и присел на край скамьи. Поздоровался.

— Ну? — спросил он. — Как самочувствие?

— Ничего, — ответил Стас.

Мужчина насмешливо посмотрел на мальчика.

— Здесь фокусы не получаются?

— Какие фокусы? — поинтересовался Стас.

— Ну, колдовство, черная магия, чародейство.

Стас холодно взглянул на человека, потом слабо улыбнулся.

— Подлостью и обманом вы захватили меня, — промолвил он.

— Может, и так, — отозвался Артемьев. — Помнится, ты говорил, что в том идиотском доме хозяин ты, ну а здесь хозяин я! — Он произнес эту тираду и ждал ответа. Но ответа не последовало. — Как хозяин, готов оказать тебе помощь. Чтобы выйти отсюда, если ты поделишься своими тайнами. — Он выжидающе смотрел на мальчика.

Стас некоторое время размышлял, изучая своего противника. Потом лицо его исказила презрительная гримаса. Он плюнул в Артемьева и, развернувшись, пошел к зданию больницы.

Уже в палате он задумался.

Что же делать? Как выбраться отсюда? Сколько его здесь могут держать? Всю жизнь? Он попытался сосредоточиться. Нет, ничего не получается, мысли разбегаются. Там, в доме, он чувствовал, что внутри него чей-то сверхразум как бы руководит им, помогает направлять энергию, подталкивает к действию. Даже самые простейшие вещи, например, проход сквозь стену, теперь не удавались. Он снова стал самым обыкновенным мальчишкой.

От бессилия Стас заплакал.

Обманул старик, с горечью думал он. Обещал могущество, а на деле получилась больничная палата. Он вспомнил мать. Как она там? Почему не приедет и не заберет его отсюда или хотя бы просто навестит, как навещают больных? А может, просто не знает, где он находится? Стас вдруг почувствовал ненависть к матери. Ведь пустила в квартиру этих двух...

Стас горестно размышлял о своей судьбе и о том, что бы он сделал, если бы вернулось прежнее могущество. В палате осторожно скрипнула дверь. На пороге стояли двое. Некоторое время, погруженный в свои мысли, Стас не замечал вошедших, а когда поднял на них глаза, то обомлел. На пороге стоял... Асмодей.

Да Асмодей ли это?

Человек, так похожий на обожаемого дедушку, в то же время был совсем на него не похож.

Элегантный костюм, до блеска начищенные туфли. Холодное лицо. Стас припомнил облик наставника. Его простецкий вид, убогое одеяние, изрезанное морщинами лицо, неказистую бороденку. А этот — барин!

Мальчик перевел глаза на второго мужчину. Высокий рыжеватый детина с рыбьим взглядом равнодушно смотрел на него. Глаза мальчика снова вернулись к представительному старику. Асмодей или не Асмодей? Чем больше Стас всматривался в незнакомца, тем отчетливее понимал, что не незнакомец перед

ним вовсе, а колдун. Внешность, одежда были другими, однако глаза... Да не только глаза. Стас почувствовал могучую силу, которая исходила от старика. Это ощущение нельзя было спутать ни с чем.

— Значит, ты и есть Стас Недоспас? — наконец спросил старик. Мальчик кивнул.

— А я руководитель этого почтенного учреждения, зовут меня Матвей Ильич.

«Значит, все-таки ошибся, — с тоской подумал Стас, — не Асмодей это вовсе».

Матвей Ильич повел глазами, ища, куда бы сесть, потом кивнул своему спутнику. Тот быстро выскочил из палаты и почти тут же вернулся, неся стул. Старик с крихтеньем уселся, и Стас сразу же вспомнил это крихтенье. Точно так же крихтеть Асмодей, усаживаясь на лавку в своей избе.

— Много о тебе слышал, — начал Матвей Ильич. — Вот пришел посмотреть. Ты, говорят, вроде волшебника? — Он насмешливо и остро глянул на мальчика. — Людей, говорят, пугал, страсти разные устраивал. Так ли это?

— Отпустите меня домой, — вместо ответа попросил Стас.

— Домой? — усмехнулся старик. — Домой, — повторил он. — Отпустим, конечно. И все-таки ты не ответил на вопрос.

Мальчик удрученно молчал. Чего еще хочет от него Асмодей? В том, что это именно он, Стас уже не сомневался. Ведь все сделал, что приказывал старый колдун. В чем же он провинился?

— Ты чего молчишь? — мягко спросил старик.

— Зачем вы меня мучаете? — тихо произнес мальчик.

— Мы? — деланно расхохотался тот, который называл себя Матвеем Ильичом. — Все это делается для твоей же пользы. Не мучаем мы тебя, а лечим. Ты психически нездоров, а отсюда и все беды. Скоро мы тебя отправим домой, к матери, она, между прочим, очень волнуется, не раз просила свидания с тобой, но, к сожалению, этого сделать было нельзя.

Стас посмотрел прямо в глаза старика, такие знакомые глаза...

— Дедушка, — тихо произнес мальчик.

— Какой он тебе дедушка, — неожиданно грубо сказал все время молчавший спутник старика.

— Подожди, Афанасий!

— Дедушка, — повторил Стас, и слезинки выкатились из его глаз, — что я тебе плохого сделал, ведь слушался во всем, зачем же ты так?..

Старик внимательно смотрел на мальчика, на его лице было написано удивление, однако в глазах явственно проглядывала насмешка.

— Плохо тебя лечили, — задумчиво констатировал он, — не долечили...

— Дедушка! — закричал Стас и бросился к старику. На пути его встал рыжеватый молодец. Он крепко схватил мальчика за плечи.

— Асмодей, проклятый! — захлебываясь от рыданий, кричал Стас. — Обманул, колдун чертов, уйди!..

Внезапно сознание мальчика помутилось. Накатилась сладкая истома, которой он не ощущал уже долгое время. Он неожиданно сильно рванулся, вырвался из цепких рук и тут же грохнулся наземь... Тело его сотрясилось от судорожных конвульсий, на губах появилась пена. Он бился головой об пол. Эпилептический припадок вновь настиг Стаса. Старик насмешливо и печально смотрел, как бьется на полу мальчик, потом кивнул своему спутнику и быстро вышел из палаты.

Через минуту в нее вбежала медсестра Настя.

Спустя несколько дней мальчика отпустили домой. Произошло это как-то неожиданно быстро. После припадка Стас совершенно без сил лежал на кровати. Мыслей не было, тупое отчаяние переполняло его. Появилась медсестра.

— Завтра домой едешь, — сообщила она, как о чем-то само собой разумеющемся.

Стас встретил сообщение равнодушно. Домой, мысленно повторил он. Где этот дом? Что он будет там делать? Да и есть ли у него дом? Вроде есть. И мать есть, но все это неизмеримо далеко, в какой-то другой жизни. Он так и не понял, на самом ли деле приходил Асмодей или явился к нему в предэпилептическом бреду.

— Ко мне приходил Матвей Ильич? — осторожно спросил он у Насти. Но та лишь удивленно посмотрела на него и не ответила.

Выписка происходила без особой суеты. Под присмотром все той же Насти он переоделся. Пальто и шапка были его собственные. Значит, мать сумела как-то передать, отметил он. Когда Стас был готов, зашел Артемьев. Он молча посмотрел на Стаса, видимо, хотел что-то сказать, но только удрученно дернул головой. Через несколько минут мальчик трясся в легковушке по лесной зимней дороге. Рядом сидела Настя. Она же довезла его в поезде до областного центра и посадила на автобус, следующий в Светлый. Дорогой они почти не разговаривали. Простились без слез и вздохов. Настя дождалась, пока автобус тронется, и только тогда махнула на прощание рукой.

И вот Стас, расположившись на автобусном сиденье, смотрит в окно на пролетающие мимо заснеженные поля и перелески.

Приходил или не приходил Асмодей? — стучало в голове. Наверное, все-таки приходил. В памяти всплыл рассказ старика про того испанского студента. Что-то этот рассказ напоминает. Инквизиция, подвалы, а Великий инквизитор оказался его наставником, духовным отцом, что ли... Чем же та история закончилась? Старик так и не досказал ее до конца. А почему не досказал? Не потому ли, что нечто подобное должно было произойти и с ним? Именно. Добился Рамирес могущества, уверовал в свои безграничные силы, а в финале подвергнут пыткам и, надо думать, сожжен. Такие вот Асмо Трабзони и Асмодей Чернопятковы ловят в свои сети легковверных дураков, а потом сами же и уничтожают их. Но зачем? Вот это-то самое непонятное. Чужими руками жар загребать? Что-то слишком мелко для столь могущественных сил.

Наконец автобус въехал в Светлый. Вид родного города не доставил ни малейшей радости. Напротив, на сердце стало еще тяжелее.

Стоял пасмурный зимний день. Стас брел по заснеженным пустынным улицам к своему дому. Вот и он — серая громадина, точно такая же, как и десятки стоящих рядом. Редкие прохожие спешили мимо, торопясь спрятаться в теплые норки, отгородиться от мрака и холода, от бессмысленности и жесточенности бытия яркими кухонными занавесками, экраном телевизора. Стас нерешительно встал перед подъездом, нашел глазами свои окна. Интересно, дома ли мать? Скорее всего на работе, она всегда на работе. А может, «эти» дали телеграмму, и она ждет его? Нет, вряд ли. Не такие они люди, чтобы давать телеграммы. Коли уж ни разу не позволили матери увидеться с ним, то о какой заботе, о каком сострадании можно говорить?

Подняться, что ли? Стас неуверенно шагнул к подъезду. А что там? Зачем он вообще приехал? Припадочный! Остался бы в своей палате. Тепло. Поят-кормят. Телевизор, книги... Спичечный коробок тоже может быть уютным. Он еще раз посмотрел на окна. В них отражался пустынный двор, окрестные многоэтажки, далекий лес.

«А ведь старик был прав, когда пытался разрушить это убожество, — внезапно подумал Стас. — Да как его разрушить, тут любое волшебство бессильно». Мальчик неуверенно топтался возле подъезда. Наконец он принял решение и пошел от дома прочь. Как будто повинуюсь чьей-то незримой силе, брел он по микрорайону, пока ноги не вынесли его к слободке Лиходеевке.

Стас вышел на знакомую улочку. Стройка совсем близко подступила к деревушке. Два крайних дома уже снесены, и на их месте вырыт котлован.

Стас остановился возле знакомого дома. Толкнул ногой калитку, она слабо скрипнула и отворилась. Дверь в дом распахнулась так же легко, вот темные сени и, наконец, горница. Стас вошел в нее и огляделся. Здесь как будто ничего не изменилось. На полу лежали пестрые половики. Было тепло и тихо. «Наверное, старухи здесь живут», — сообразил мальчик.

— Эй, есть кто-нибудь?! — крикнул он. Никто не откликнулся. Стас снял пальто и уселся на старый диван, жалобно звякнувший пружинами. За окном заметно потемнело. Наступил вечер. В доме по-прежнему тихо, лишь неясные шорохи, какие-то поскрипывания наполняли его. Стас неподвижно сидел на диване.

Да, попал он в западню. А может быть, выход есть? Смерть — стукнуло в голову. Вот выход! Все несчастья сразу кончатся. Он не ужаснулся пришедшей мысли, наоборот, на душе сразу стало легче.

А мать? Мать, конечно, жалко, но ведь и ей от его смерти только лучше будет. Конечно, поплачет, погорюет... А сейчас разве ей сладко? Жить с уродом, которого все сторонятся. Вот он и развяжет ей руки. Решимость Стаса окрепла. Чего тянуть, размышлял он. Лучше уж разом. Темно вот тут только. Где-то на подоконнике, вспомнил, стоял огарок свечи. Стас встал, нашел свечу и спички. Свет бросал длинные, казалось, живые тени на

стены жилища колдуна, и чудилось, что он притаился в одном из углов. Но Стаса уже ничего не пугало. Он выдернул ремень из брюк и присмотрелся, куда бы половчее прицепить петлю. Взгляд упал на массивный крюк, торчащий из потолка. Когда-то на него, видимо, вешали керосиновую лампу. Как раз то, что надо. В действиях мальчика чудился некий автоматизм, словно незримая рука дергала его за ниточки. Стас подтащил к крюку стул и приладил петлю. Брюки то и дело сползали, и он одной рукой придерживал их. Было как-то неловко и даже смешно. Наконец все готово. Ощущение, конечно, не из приятных. Он слез со стула и заходил по горнице. Потом опустился на скрипящий диван. Сомнения нахлынули на него.

Может, в этом и состоял коварный план старика — довести до самоубийства, а потом сделать одним из своих живых мертвцов? Нет, вряд ли! Да и зачем? Решимость снова вернулась к Стасу. Чего тянуть? Он взгромоздился на стул, вновь затянул на шее петлю и приготовился отшвырнуть стул ногой. И тут силы оставили его, что-то будто лопнуло внутри. Точно душу сковывали обручи, и вот они треснули, развалились.

Мальчик посмотрел на огонь зеленой свечи и увидел в нем огромный, яркий мир. Мир, полный радостей и печалей, страданий и побед. И этот мир должен был сейчас уйти от него. Стас беззвучно заплакал. Горячие, соленые слезы бежали по щекам, и он слизывал их языком.

«Неужели ты настолько слаб?» — прозвучал внутри знакомый голос, удивительно похожий на голос старика.

Нет! Он не слаб!

Стас резким ударом ноги выбил из-под себя стул. Все завертелось перед глазами. Удушье стальными клещами сдавило горло, тело затряслось в конвульсиях. Сознание медленно гасло, как гасло пламя догоревшей свечи...

После того, как Стас внезапно исчез, Татьяна чуть не сошла с ума от горя. Когда он не пришел из школы, она побежала по его одноклассникам, но никто не мог дать внятный ответ. Все говорили, что после медосмотра он не вернулся в класс. Татьяна помчалась к школьной медичке. Та, пряча глаза, рассказала, что на медосмотре мальчику стало плохо и его увезли в больницу. На вопрос «В какую?» медичка беспомощно пожала плечами.

— Мне кажется, — шепотом сообщила она Татьяне, — что мальчика вообще увезли из города. — Вы бы в милицию обратились.

— Мальчик пропал? — переспросил дежурный в милиции. — А как фамилия? — Он выслушал фамилию, потом позвонил куда-то по телефону. — Ждите, — односложно сказал он Татьяне.

Через несколько минут в вестибюль спустился человек, которого она сразу же узнала. Это был один из тех двоих, что приходили позавчера сразу же после событий в доме номер 13.

— Здравствуйте, — поздоровался он, — пойдете ко мне.

Татьяна покорно засемила следом. В небольшом кабинете он усадил ее за стол, принес чаю. Татьяна недоуменно отодвинула подстаканник и заявила, что требует сведений о своем сыне.

— Разрешите сначала представиться,— вежливо прервал ее хозяин кабинета,— майор Николай Капитонович Тарасов.

Тарасов смотрел на убитую горем женщину и не знал, что говорить. Собственно, с Артемьевым было решено сообщить матери, что Стас опасно заболел и его необходимо госпитализировать в специальную клинику. А если Татьяна будет порываться встретиться с сыном, препятствовать этому всеми возможными силами.

«Всеми возможными силами,— повторял про себя Тарасов, глядя на почерневшее лицо этой еще вчера привлекательной женщины.— Был бы ты здесь,— со злобой думал он, мысленно обращаясь к Артемьеву.— Так нет же, вся грязь на мне. Ну что я ей скажу?» Однако он все же изложил заранее подготовленную легенду. Татьяна слушала косноязычные объяснения майора и растерянно смотрела ему в лицо. Ей казалось, он что-то недоговаривает. Тарасов отводил глаза в сторону и продолжал бормотать о тяжелом и запутанном клиническом случае.

— А куда все-таки увезли мальчика? — требовательно спросила Татьяна.

— Не знаю точно,— пожал плечами майор,— обещали сообщить.

Домой Татьяна еле шла. Что же делать, что делать?! Где разыскать Стаса? Здесь, в городе, она правды не узнает, все что-то скрывают, а может быть, ничего и не знают. На другой день она взяла отпуск за свой счет и поехала в областной центр. Больше недели потратила Татьяна, чтобы обойти все больницы города, но здесь на ее настойчивые расспросы только недоуменно пожимали плечами.

В местной психиатрической больнице главврач долго смотрел на нее. Перегнул тем Татьяна изложила все обстоятельства дела, не забывла упомянуть о событиях в доме номер 13 и о предполагаемой причастности к этим событиям ее сына.

— Есть одно научное учреждение,— осторожно начал он,— так сказать, закрытого типа. Очень может быть, что ваш мальчик находится именно там.

— А где оно находится? — быстро спросила Татьяна.

— К сожалению, адресом не располагаю, но думаю, что если бы вы даже и знали местонахождение этого заведения, то вряд ли бы туда попали. В вашем положении лучше всего ждать. Наверняка они вас скоро известят.

— Но как же,— недоуменно возразила Татьяна,— как же мой сын?

— Я и так сказал вам слишком много,— официальным тоном произнес главврач, однако голос его тут же потеплел: — Найдите в себе силы, я не сомневаюсь, все будет хорошо.

Так и вернулась домой Татьяна ни с чем. Однако примерно через месяц после исчезновения сына ее навестили.

Рано утром в квартире раздался звонок. На пороге стояла молодая женщина.

— Я от Стаса,— поздоровавшись, сказала она. Татьяна усадила женщину, попыталась напоить ее чаем и при этом разбила чашку. Все валилось у нее из рук, она не находила себе места от радости. На многочисленные сбивчивые вопросы женщина сухо

отвечала, что с мальчиком все в порядке, он был тяжело болен, а теперь выздоравливает, но видаться с ним пока нельзя.

— Но почему? — выкрикнула Татьяна.

— Так нужно для его же пользы, — ответила женщина.

— А передачу можно послать?

— У него все есть, — усмехнулась незнакомка, — об этом можете не волноваться, а вот его зимние вещи: пальто, валенки, шапку — я возьму.

— Когда же его выпишут? — задала вопрос мать.

— Очевидно, скоро, — ответила женщина. — Ждите.

Так ничего и не узнав, Татьяна проводила странную посетительницу, а выглянув во двор, увидела, что та садится в легковую машину.

— Ждите... — задумчиво повторила она. — Что ж, будем ждать.

Несколько раз ее навещал майор Тарасов, но Татьяна принимала его отчужденно, а Тарасов, хотя и прекрасно чувствовал это отчуждение, тем не менее продолжал навещать Татьяну. Чувство вины перед ней не давало покоя.

Сразу после зловещих событий из дома № 13 наблюдалось повальное бегство. Все, кто мог, временно переселились к родственникам, знакомым, в общежития. Остались только самые мужественные или те, кому переселиться было некуда. На стенах городских домов появилось множество объявлений, где предлагалось обменять жилье в доме номер 13 на любое другое на льготных условиях, однако желающие почему-то не находились.

Горисполком осаждали жильцы проклятого дома с просьбой переселить их «хоть куда».

Однако прошла неделя, за ней другая, и страсти стали утихать. Ничего больше не происходило. Да и во время следствия в доме не было обнаружено каких-либо разрушений. И мебель осталась на своих местах, и граждане отделались всего лишь испугом. Допрошенная тройца признала, что участвовала в шабаше, но на вопрос, где она находилась три дня, кто руководил этим безобразием, вразумительного ответа дать не смогла.

И тогда возникла, а позже и окрепла версия, что никакого нашествия нечистой силы не было, да и быть не могло. Просто имел место случай массового гипноза. Случается такое... Наукой зафиксированы подобные случаи. Эту гипотезу обнародовала местная газета. Правда, не сообщалось, кто гипнотизировал, а главное, зачем. Но народ поверил прессе. На удивление быстро слухи прекратились, и город снова зажил обычными трудовыми буднями.

И только Клавдия Дормидонтовна время от времени просыпалась среди ночи и тупо таранилась в стену, где видела мертвеца. Но мертвец больше не показывался.

Супруги Кнутобоевы вернулись в свое жилище. На радостях закатали небольшую вечеринку. Присутствовали Тарасов и Кулик. Матильда была отличной хозяйкой, выпивки тоже хватало, и, когда гости, расслабленные и отяжелевшие, сидели на диване, она попыталась завести разговор о недавних событиях.

— А что, — шептала она, округляя глаза, — действительно дом был полон привидений?

— Полон, — утвердительно кивал Тарасов, — они и сейчас остались. Вон одно стоит. — И он кивнул на Аполлона. Тот вежливо улыбнулся, хотя внутренне шутки не одобрил. И сколько Матильда ни пыталась вытянуть из друзей правду о событиях, она натькалась лишь на дурашливые шутки. Под конец даже слегка обиделась. Возвращаясь с вечеринки, приятели молчали, и только раз Кулик обернулся и, толкнув приятеля плечом, прошептал: «Кажется, за нами идет один из этих, из подземелий...» Но Тарасов только насмешливо хмыкнул.

О событиях в доме номер 13 они предпочитали не говорить, будто и не было этих событий. И все же майор думал о них постоянно. Он часто вспоминал слова Петуховой. Правда оказалась старуха, когда говорила, чтобы не лезли в это дело, как в воду глядела. Однако майор не испытывал ни малейшего сожаления от своего участия в произошедшем. Напротив, чем больше проходило времени с момента событий, тем отчетливей ощущал он, что пережил нечто невероятное. Встреча с непонятым перевернула его жизнь, изменила мировоззрение. Одно только беспокоило Тарасова — мальчишка. В глубине души, сам того не осознавая, он чувствовал по отношению к нему огромную вину. Откуда взялось это чувство, он и сам не знал. Возможно, именно оно частенько гнало Тарасова в слободку Лиходеевку. Он бродил по улочке крошечной деревушки, пытался заходить в дома, но ни разу не встретил ее обитателей. Дома были заперты. И все же Тарасов чувствовал, что деревушка живет. Иногда ему казалось, что чьи-то глаза внимательно следят за ним. Ощущение бывало настолько реальным, что Тарасову временами слышался скрип снега позади себя. Он стремительно оборачивался, но никого не было. И следы на снегу только его собственные. Лишь в дом, где когда-то обитал колдун, можно было попасть свободно. Ни калитка, ни двери в избу не запирались. Тарасов несколько раз заходил в дом, бродил по нему, поражаясь, что, с виду маленький и неказистый, он представлял собой запутанную систему коридоров, чуланов, каких-то непонятных помещений. Странно было и то, что в доме не чувствовалось отсутствия хозяина. Казалось, тут обитали. Пыли не видно, тепло... Майор обшарил весь дом, но не нашел ни единой живой души. Это казалось странным. Почти каждый вечер он приходил сюда в надежде застать хоть кого-нибудь из обитателей, но тщетно.

В тот пасмурный зимний вечер ноги опять принесли Тарасова в Лиходеевку. Было уже темно, когда подошел он к дому колдуна. Ему показалось, что внутри кто-то есть. Окошко дома слегка освещалось. Майор нетерпеливо толкнул дверь дома и в этот момент услышал какой-то грохот. Он влетел в горницу и увидел при слабом свете свечи раскачивающийся у потолка черный силуэт.

Майор подскочил к телу и стал удерживать его на весу. В полумраке майор не различил лицо, но понял, что это ребенок.

«Неужели Стас? — ударило в голову. — Нет, не может быть, откуда ему тут взяться?!»

Придерживая одной рукой тело, он второй что было силы рванул ремень. Что-то треснуло, и обмякшее тело повалилось на руки Тарасова. Он поспешно расстегнул на мальчишке рубашку и приложил ухо к его груди. Сердце хотя и слабо, но все же билось.

«Живой, живой!» — Майор схватил мальчика в охапку и бросился вон из дома.

Стас очнулся. Он открыл глаза и увидел склонившееся над ним заплаканное лицо матери. Он взглянул по сторонам и понял, что находится дома.

— Мама, — позвал Стас тихо. Говорить было трудно, сильно болели шея и голова.

«Ну вот все и кончилось», — равнодушно подумал он и тут же заснул.

Проснулся Стас глубокой ночью. Где-то рядом посапывала во сне мать. Сознание было ясным. Ничего не болело.

Что же с ним произошло? Он вспомнил события последних месяцев вплоть до сегодняшнего неудачного самоубийства. Кто же его вынул из петли? В памяти всплыло полужнакомое лицо мужчины. А, наверное, тот, из милиции. Что же теперь делать? Как жить дальше?

Да как обычно — пришел ответ. Как живут миллионы людей. Школа, потом институт, работа, нормальная жизнь без чудес. Но ведь без чудес скучно. Да, скучно, зато спокойно.

Он опять вспомнил старика Асмодея. И внезапно понял, что не в Асмодее тут дело, не в кладбище... Все неизмеримо сложнее. Существуют древние уклады жизни, поломать которые невозможно, как бы ни пытались. И никакое это не колдовство, черная магия... Сама природа восстает против тех, кто плюет на нее, забывает ее законы. А власть, которую он получил от колдуна, сама по себе ничего не стоит. Не будет власти, пока не осознаешь, что вся она держится на страдании — на страдании других, но и на собственном тоже.

В памяти опять возник рассказ Асмодея о Рамиресе. И с ним, Стасом, случилось то же самое, что и с испанцем. Ощущение могущества, а потом внезапное падение и гибель. Но гибель ли? Может быть, обновление? И сам он — Стас Недоспас, лежащий дома на своей кровати, — уже совсем другой, новый? Не мальчишка-школьник, не ученик колдуна, не подопытная свинка в институте, не жалкий, дергающийся в петле комок плоти. Прошедший через гордыню, через унижения, страдания, наконец, смерть, он стал совсем другим, и настоящее могущество впереди.

И в этот момент он почувствовал чье-то осторожное прикосновение к своему лицу чем-то мохнатым и мягким. Стас скосил глаза и увидел два зеленых горящих глаза. Перед ним стоял домовой.

— Вставай, хозяин, — свистящим шепотом произнес Мирон, — пойдем, тебя ждут...

М. А. ВРУБЕЛЬ. Портрет Валерия Брюсова. 1905 г.

БРОНИСЛАВА ПОГОРЕЛОВА

«...Не пресыщен я ЭТОЙ ЖИЗНЬЮ ХМЕЛЬНОЙ!»

Мало что можно добавить к тем сведениям, которые сообщает о себе автор этих воспоминаний. Младшая сестра жены В. Я. Брюсова Иоанны Матвеевны Бронислава Рунт (в замужестве Погорелова) принимала в начале века деятельное участие в различных издательских предприятиях своего знаменитого свояка. Она работала секретарем в журнале «Весы» и была заметным сотрудником издательства «Скорпион». Об этих временах она впоследствии, спустя тридцать лет после того, как покинула родину, написала небольшие воспоминания. Владея несколькими иностранными языками, Бронислава Матвеевна занималась и переводами. Одной из наиболее крупных ее работ был перевод книги Орсье «Агриппа Неттгейсгеймский. Знаменитый авантюрист XVI века» (под редакцией, с введением, примечаниями В. Брюсова. М., 1913).

О судьбе и творчестве Б. Погореловой зарубежного периода не известно.

Публикуемые воспоминания (так же, как и ее воспоминания «Скорпион» и «Весы») были напечатаны в середине 50-х годов в «Новом журнале», русском ежеквартальнике, выходящем

Как бы ни относиться в настоящее время к творчеству Брюсова, — одно следует несомненно признать: в свое время он являлся значительным новатором в области русского стихосложения, и его особой немало интересовались как собратья по перу, так и просто досужие люди. Причем рассказывалось много вздора и небьлиц. Постараюсь сообщить в моих воспоминаниях лишь то, что память сохранила как подлинное.

Дед В. Я. Брюсова Кузьма Андреевич был крепостным графа Брюса, у которого много лет состоял буфетчиком. Года за два до освобождения крестьян он выкупил себя и жену у барина и переселился из провинции в Москву, где занялся торговлей пробками. По его смерти семье Брюсовых достался

дом в Москве, на Цветном бульваре, и тысяч 200 капитала.

Сын Кузьмы Андреевича, Яков Кузьмич, отец поэта, в смысле коммерческой деловитости мало чем напоминал отца. Полный, небрежно одетый, с всклокоченной рыже-серой бородой, он просиживал целыми днями за старинным письменным столом, на котором в беспорядке стояли остатки закусок и неизменно — бутылка коньяку. Яков Кузьмич проводил время за чтением «Русского богатства», «Русской мысли» и других толстых журналов. Изредка вместо журналов появлялся какой-нибудь новый французский роман. По вечерам Яков Кузьмич чаще всего раскладывал пасьянсы.

в Нью-Йорке. Воспоминания Б. Погореловой
(свидетельствующие об остроте

взгляда автора и явном литературном даровании) добавляют некоторые яркие штрихи и детали к общей картине литературной и общественной жизни России первой четверти XX столетия. В достоверности описываемых событий сомневаться не приходится, ибо автор лишен предвзятости и тенденциозности. А характеристики отдельных персонажей вполне соответствуют их облику, известному по другим источникам.

Упоминаемые в воспоминаниях лица в основном известны читателям. Имена лишь нескольких героев, видимо, по этическим соображениям, скрыты мемуаристкой за инициалами. Однако сегодня никого из них уже нет в живых, и инициалы эти давно раскрыты в других изданиях. Под госпожой Н. подразумевается Нина Ивановна Петровская (в замужестве Соколова, 1884—1928), прозаик, критик, переводчица, первая жена издателя С. Соколова.

Следователь Б-к — это Осип Максимович Брик (1888—1945), критик и один из видных теоретиков ЛЕФа, а его жена (чье имя не упоминается) — Лилия Юрьевна Брик (1891—1978).

Как передавали, Кузьма Андреевич мечтал в свое время сделать из сына достойного себе преемника по делам. Дал ему достаточное образование и всячески старался заинтересовать его своей торговлей. Из этих попыток вышло мало толку. На Арбате, например, был открыт магазин оптических принадлежностей и Яков Кузьмич был поставлен во главе этого дела. Но оно окончилось полным крахом. Яков Кузьмич являлся поздно в магазин, уходил задолго до его закрытия. Дорогой товар исчезал. Касса пустовала. А тут вскоре скончался Кузьма Андреевич, и Яков Кузьмич перешел на спокойную жизнь «рантье», получая свою долю процентов с капитала, который, согласно воле Кузьмы Андреевича, должен был оставаться неприкосновенным до смерти Якова Кузьмича. И лишь тогда все состояние было разделено поровну между внуками. Дом же поступил в собственность Валерия Яковлевича и его брата Александра.

Яков Кузьмич, во времена своей молодости и к великому огорчению отца, торговле предпочитал общество свободомыслящей, революционно настроенной молодежи в стиле героев Тургенева и Достоевского. Был он также постоянным посетителем «Кружка», основанного П. Боборькиным. Там он познакомился с Матреной Александровной Бакулиной, на которой и женился. Брак этот не принес радости отцу. А мать, Марфа Никитична, особенно огорчалась тем, что невеста сына — стриженная. Впрочем, в те годы, когда я с ней познакомилась, Матрена Александровна была обыкновенной пожилой дамой, с лицом властным и умными черными глазами. Иногда она была приветлива и разговорчива. В такие минуты она нередко вспоминала прошлое и с увлечением рассказывала о «Кружке» Боборькина. Как я уже сказала, посещался этот «Кружок» молодежью, преимущественно левой. По всей вероятности, создавая этот «Кружок», Боборькин, человек образованный и не партийный, ставил себе целью хоть отчасти отвлечь юных бунтарей от ограниченного мира бомб и кружковщины. Во всяком случае, по словам Матрены Александровны, там устраивались лекции на литературные темы, которые чередовались... с танцевальными вечерами.

Матрена Александровна почти не занималась хозяйством, читала те же журналы, что ее муж, и так же любила французские романы. От былых увлечений вольнодумством у нее, в сущности, сохранилось одно: она никогда не ходила в церковь и в ее доме священников не принимали. У Якова Кузьмича и Матрены Александровны было пятеро детей: 2 сына и 3 дочери. Валерий Яковлевич был любимцем матери и старшим сыном (родился в 1872 г.).

Впервые я увидела Валерия Брюсова 25-летним, довольно мрачным студентом Московского Университета (историко-филологического факультета), когда ему оставалось сдать лишь государственные экзамены.

В большой квартире у Матрены Александровны проживала ее сестра — тетя Саша. Очень старенькая, болезненная и совсем не похожая на Матрену Александровну. Была робкой и очень набожной. Однажды у нее сломались очки, и она попросила меня прочесть в одной из московских газет (не помню, в какой имен-

но) заметку о сборнике стихов Брюсова. Помню, что критик был беспощаден, и молодому поэту досталось даже сверх заслуг: сплошная ругань.

Когда я кончила читать, тетя Саша, говоря о Матрене Александровне, сделала такое неожиданное заключение:

— Трушенька сама виновата. Распустила его с малолетства. Еще мальчишкой был, — а карманы всегда набиты деньгами. Делал, что хотел. Никто не смей слова сказать. И в гимназию-то не каждый день ходил... А уж студентом стал, то заняли вместе с отцом отдельную квартиру. Греха-то там что было! Дворник-то небось все рассказывал. Пьянство, непотребство! Ночами напролет... Ну, и написал теперь книжечку! Тьфу!.. А ведь каким умненьким был ребенком! Всем интересовался. Картинки как любил!.. Была у нас такая большая книга, — Брэма, что ли? Там всякие звери были. Так дашь ему, бывало, эту книгу, он так тихо сидит, все рассматривает. Особенно любил тигров. «Я, говорит, хочу быть тигром. Он — самый сильный и ничего не боится». А то к отцу, к матери пристаёт: «Купите мне тигра». Эх, думала, из этого толк будет: какой-нибудь дельный ветеринар. Ан, судьба-то как повернулась, — книжки безобразные стал сочинять!

Окончил Валерий Яковлевич гимназию Поливанова, славившуюся как очень передовой постановкой преподавания, так и блестящими преподавателями. Учеником был неплохим, но, как говорили его товарищи, — с большим задором, и довольно часто вступал в спор с преподавателями, которые его недолюбливали.

В 1897 году (если не ошибаюсь) молодой поэт блестяще сдал государственные экзамены, и в том же году женился на моей сестре Иоанне Матвеевне (урожденной Рунт). Помню Валерия Яковлевича женихом. Худой, хорошего роста, с черной бородкой, одетый без франтовства; по внешности он скорее походил на трудовика, чем на поэта. Только в блеске больших черных глаз, недружелюбно смотревших из-под густых бровей, было чуточку безумия. Говорил четко, строго, порою — резко.

Помнится, мне, 13-летней девочке, захотелось блеснуть перед поэтом, и я заявила ему:

— А я люблю читать Надсона...

Губы его искривились нехорошей, меня испугавшей улыбкой.

— Да? Это понятно. Надсона читают кролики и глушцы.

Я ушла и расплакалась. А ложась спать, горестно шептала: «И кумир низведен с пьедестала»...

За любимого тогда поэта мне и раньше доставалось. Но главным образом за то, что Надсона я предпочитала французским и немецким глаголам. Но то были скучные рассуждения обыкновенных взрослых. Тут же прозвучал суровый приговор из уст настоящего поэта...

Впоследствии я привыкла к неожиданным «выпадам» Валерия Яковлевича. Была в его характере какая-то потребность огорошить, потрясти слушателя. И главным образом любил задевать людей робких, сдержанных. Впрочем, большинству людей предпочитал одиночество. Часами мог просиживать за письменным столом, то роясь в огромных словарях, то увлекаясь книгой

нового поэта, то с охотничьеской настороженностью вылавливая опечатки в гранках. Умел настоять, чтобы в часы его работы в квартире была тишина. Даже посуду не ставили в буфете, когда Валерий Яковлевич сидел за работой.

Тут, справедливости ради, мне приходится опровергнуть заявление С. В. Яблоновского, утверждавшего, что Брюсов состоял на службе в каком-то страховом обществе. Ни одного дня, ни одного часа в дореволюционной России Валерий Яковлевич нигде не служил, если, впрочем, не считать журналов «Весы» и «Русская мысль», где он в разное время, за месячный оклад, исполнял чисто редакторскую работу. Средства на жизнь Брюсов получал регулярно — с дома, а случайно — в виде гонораров за литературный труд.

Служить В. Я. не только не был вынужден, но просто и не мог бы по своему характеру. Он избегал и не любил обыкновенных средних людей. Они мешали ему сосредоточиться, уходить в себя, уноситься в свои «брюсовские грезы». И это он не скрывал, становясь несдержанным и часто приходя в непостижимую ярость.

Старая нянька, давно жившая в доме, однажды сказала мне по этому поводу:

— Прямо дьявол какой-то, прости Господи! Недаром мамаша-то стриженная ходила, когда он родился.

Впрочем, в исключительных случаях В. Я. умел быть и внимательным, и общительным. Прежде всего — со своей сестрой Надеждой Яковлевной. Так же, как и Евгения Яковлевна, Н. Я. училась в Московской консерватории по классу фортепьяно. У обеих сестер преподавателем был В. И. Сафонов. А Н. Я., кроме того, у проф. С. И. Танеева изучала контрапункт.

Н. Я. была едва ли не самой изумительной личностью, которую мне когда-либо довелось встретить. Наружностью она очень напоминала брата, Валерия Яковлевича. Те же темные густые брови, те же жгучие глаза, та же прямая, сухая фигура. И та же устремленность в движениях, та же изысканная четкость в словах. Только в глазах у Н. Я. светилась ласковая доброта, совершенно чуждая ее брату. Н. Я. была на редкость образованным человеком. Нередко можно было застать ее за книгой Платона или иного греческого философа, которого она читала в подлиннике с такой же легкостью, как любой французский роман. Просто невероятна была та неутомимость, с которой Н. Я. была занята с утра до вечера. То просиживала часов до пяти у своего «Бехштейна» за фугами или за исполнением классиков, то посещала консерваторию, то давала уроки, то читала серьезные книги. Я долго знала и очень любила Н. Я., но никак не могла решить, ушла ли она в свое время сознательно от христианства или никогда не удосужилась дойти до него. Не проявляя ни малейших внешних признаков христианства, Н. Я. во всех помыслах и поступках была преисполнена идеями некоего высшего гуманизма.

Вот к этой своей сестре В. Я. относился совсем по-особенному. Без малейшей позы, без иронии, без задора. За долгими беседами, испещренными греческими и латинскими цитатами, за чте-

нием стихов (иногда тоже греческих) брат и сестра проводили часы. В. Я. казался робким, несмелым. Можно было подумать, что он был младшим: так внимательно и учтиво вслушивался он в слова сестры, даже в том случае, когда она позволяла себе критиковать некоторые из его стихов. Чего, вообще говоря, он не терпел от посторонних.

Был еще момент, когда с В. Я. спадала тога театральности и он являлся очень обыкновенным, даже посредственным человеком. Это — когда он садился с матерью, отцом и двоюродным братом за карты. Играл он много лучше своих партнеров, и им нередко доставалось от В. Я. Так ясно слышу его возмущенный голос и вижу сердитый жест.

— Это при трех онерах? Какой же ты после этого винтёр? (Это отцу — за винтом.)

А матери за преферансом, бросив карты на стол, он укоризненно кричал:

— Ну, как же можно было назначать сем трэф? Это — сумасшествие!

— А что бы ты сказал?

— Только «пас», — как всякий нормальный человек!

«Господи, и это — поэт!» — думала я с отчаянием 14-летней девочки, когда пришлось впервые присутствовать в комнате, где происходила такая игра. «Нет, я уверена, — Надсон ни за что не мог бы дойти до такой пошлости!».

Брюсов, вероятно, умел быть и задушевным, и внимательным, и занимательным с теми дамами, за которыми ухаживал. Иначе — как объяснить те бесконечные телефонные звонки, настойчивые письма, которые приводили в отчаяние несчастную Иоанну Матвеевну? Не одними же стихами (порой замысловатыми и не каждой понятными) привлекал Брюсов женские сердца, не перестававшие трепетать еще долго после того, как поэт остывал?

Думается, что именно в этом таилась разгадка всех тех нехороших слухов и даже скандальных происшествий, которые связывались одно время с именем Брюсова. Неукротима была его натура, постоянно жаждавшая новизны, перемены. В сборнике «Зеркало теней» (1912 г.) есть у него стихотворение:

Что же мне делать, когда не пресыщен

Я — этой жизнью хмельной!

.....
Вновь я хочу все изведать, что было...

Трепеты, сердце, готовь!

Вновь я хочу все изведать, что было:

Все, что сжигало мне кровь!

Вновь я хочу все изведать, что было

И — чего не было — вновь!

Было мне лет четырнадцать. Наш пансион, где я воспитывалась, гулял парами по Мясницкой. Перед переходом через улицу мы остановились и с любопытством рассматривали проезжающую публику. Вдруг я вижу: В. Я. нежно обняв даму в красной ротонде, мчится на санках мимо меня. Я радостно поклонилась.

Он не ответил, так как не видел меня. Вскоре, при первом моем появлении у Брюсовых, стала я весело рассказывать В. Я. об этом маленьком происшествии. Сестра вспыхнула и ушла из столовой. «Красная ротонда» оказалась — увы! — неоспоримой уликой. Иоанне Матвеевне была хорошо известна г-жа Ш., носившая такую экстравагантную одежду.

Раз и навсегда запомнила я укорищенные слова Брюсова:
— Разве о таких встречах рассказывают?

Потом он встал и ушел объясняться с сестрой.

Впоследствии, и при различных обстоятельствах, у меня случались «такие встречи». Но уже никогда более я не рассказывала о них сестре: у нее и без того было немало огорчений.

В Москве в ту пору встречалось достаточно дам, жаждущих, как и Брюсов, мимолетных, острых переживаний. Поэтому большинство романов у поэта завязывались и развязывались легко. Но был один роман, затянувшийся на долгие годы. Героиню назову г-жой Н... К тому времени относится одно из самых удачных стихотворений Брюсова «Антоний». В нем поэт восторженно воспекает красавца-триумвиратора, который всей земной славе предпочел страсть к Клеопатре:

*Когда вершились судьбы мира
Среди вспененных боем струй, —
Венец и пурпур триумвира
Ты променял на поцелуй.*

*Когда одна черта делила
В веках величье и позор, —
Ты повернул свое кормило,
Чтоб раз взглянуть в желанный взор.*

*Как нимб, Любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель за тебя!*

*О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!*

С легкой руки едкого и остроумного В. Ходасевича г-жу Н. в нашем интимном кругу прозвали «Египетской Кормой». С ней я почти не была знакома, но, по случайным встречам на лекциях и собраниях, помню ее. Деланная томность, взбитая, на пробор, декадентская прическа. Туалеты с некоторой претензией на стильность и оригинальность. Общее впечатление скорее — неряшливости. Со слов молодых поэтов, посещавших «Египетскую Корму», роман проходил не гладко; сцены, истерики и бесконечные «послания, полные яду». «Египетской Корме» (с которой, как было известно, муж собирался разводиться) явно хотелось, чтобы ее Антоний кинул, наконец, всерьез свой корабль за ней. Иными словами, требовала развода и женитьбы. Но, отдав

должное в звучных стихах безумцу Антонию, которым уже сколько веков восхищаются эстеты, поэт В. Брюсов упорно не желал следовать его примеру. Он по-своему любил свой дом, налаженную семейную жизнь и тот порядок, при котором ему так хорошо работалось... Тогда г-жа Н. наметила еще одну жертву. То ли для утешения, то ли для возбуждения ревности «Антония», она решила увлечь в свою волну Андрея Белого.

Это, как известно, — псевдоним. Звали его Борис Николаевич Бугаев. Был он сын профессора Московского Университета, в котором окончил два факультета: естественный и историко-филологический. В студенческой тужурке увидела я его впервые.

В ту пору был он красив редкой, прямо ангелоподобной красотой. Огромные глаза — «гладь озерная», необычайно близко поставленные, сияли постоянным восторгом. Прекрасный цвет лица, темные ресницы и брови, при пепельно-белокурых волосах, которые своей непокорной пышностью возвышались особенным золотистым ореолом над высоким красивым лбом. В. Н. был необычайно учтив и хорошо воспитан.

Впрочем, эта воспитанность не мешала ему быть безудержно разговорчивым. Говорить он мог без умолку целыми часами, и для него было не важно, в какой мере его слова интересны собеседнику.

Помнится, в ту первую ночь Андрей Белый поразил меня темой своего разговора. С лицом вдохновенным, тоном одержимого и пророка, он принялся рассказывать о том, как его посещает Единорог, — давнишний его друг. И это отнюдь не было символическим наименованием какого-то человеческого существа. Нет, Б. Н. неоднократно подчеркивал: настоящий Единорог. Вот возвращается Б. Н., по его словам, к себе в комнату. И в сумерках, на фоне окна, он ясно примечает: Единорог уже тут, и дружески кивает своим длинным, единым рогом. Начинается интересная беседа. Единорог, как всегда, «не приемлет» нашей жизни. Ссылается на Платона и приводит греческие цитаты. Б. Н. вступает в спор. Единорог, впрочем, не очень слушает. Он, как и сам Андрей Белый, предпочитает говорить. Как подлинный смысл жизни, приводит мудрость древних и призывает углубиться в «мир трансцендентальный».

Набравшись храбрости, я потом обратилась к Брюсову с вопросом:

— Как вы думаете: Андрей Белый — нормальный человек?

— О, да... несомненно...

— А «Единорог»?

В. Я. подумал и сказал:

— Б. Н. так привык говорить о нем. Он сам почти верит...

И ему так удобнее...

— А вы?

— Мне тоже так удобнее... «Единорог» выбалтывает многое такое, о чем Б. Н. никогда не решился бы говорить.

А сестра, как старшая, поучала:

— Не забывай, что они оба — символисты.

И вот к этому философу и пророку направила свой путь «Египетская Корма». И борьба двух обратилась в борьбу трех.

нибудь приступал к чтению своих стихов. По раз установившейся традиции право критики предоставлялось Брюсову.

В тех случаях, когда выслушанные стихи казались ему совершенно ничтожными, он, после некоторого хмурого молчания, прямо обращался к следующему поэту, предлагая ему прочесть свое произведение.

Критиковал Брюсов строго, безапелляционно, но вместе с тем — очень толково, так что всякий, кто хотел этого, мог кое-чему и научиться. Мало кто решался вступать с ним в спор. Только А. Белый составлял, пожалуй, исключение. Впрочем, Б. Н. немедленно уходил от темы и ускользал в некий лабиринт философских изречений, перебивая и не слушая Брюсова. Так что до слушателей одновременно доносились слова (произносимые Брюсовым), «ямб, анапест, сонет, рифма, триолет» и (произносимые Белым): «постулат, трансцендент, феномент»...

Брюсов имел обыкновение, вслед за выступлением поэтов, обращаться к ним с призывом — не полагаться на вдохновение, но работать. Убеждал настойчиво и неустанно, что «стих» дается поэту неутомимому и требовательному. Приводил иногда «Art poétique» Буало: «Polisser le sans cessé et le repolisser»¹. Но чаще давал пример Пушкина, которого ставил выше всех поэтов.

А иногда В. Я. вскрывал перед молодыми поэтами свою заветную мечту. Утверждал, что совершенно так же, как настоящим музыкантом нельзя стать без консерваторского образования — подлинным поэтом невозможно сделаться без соответственной систематической учебы. А для этого необходимо учредить при университетах специальные кафедры по изучению поэзии и стихосложения.

На «Среды» приглашались, конечно, преимущественно поэты-москвичи: В. Ходасевич, Ю. Балтрушайтис, С. Соловьев, Андрей Белый, В. Гюфман, Муни.

В. Ходасевича помню сначала гимназистом (учился вместе с братом В. Я. — Александром), а потом студентом. Болезненный, бледный, очень худой, читал он слабеньким тенорком довольно приличные стихи. За выдержку не по летам, за совершенно «взрослую» корректность товарищи-гимназисты прозвали его «дипломатом». Думаю, что таким он и остался на всю жизнь, что, впрочем, не мешало ему быть порою едко остроумным. Помнится, Брюсова он поражал своим изумительным знанием материалов о Пушкине, его переписке, и многого такого, что покоилось в Пушкинском архиве и что не доходило до широкой публики.

Бывал, в последние годы, на «Средах» и В. Маяковский. Этаким бесперемонным верзилой шатался он целыми днями по Москве. Из кафе — в редакции, оттуда — по клубам и знакомым. Стихами своими пугал обыкновенных слушателей. Основным его занятием (и, как говорили, — единственным средством к существованию) была «железка». Производил впечатление не вполне сытого человека. Придя в гости, он жадно и без разбора поглощал все, что стояло на столе. Бросал в огромный, беззубый

¹ «Пусть над стихом идет работа непрестанно» (франц.).

рот пирожное, а за ним тут же — кусок семги, потом горсть печенья, а вслед за ним — котлету и т. д. Его друзья рассказывали, что одно время никакого постоянного места жительства у него не было. Где-то, кажется, на Кавказе, он был исключен из 7 класса гимназии, о чем сам говорил не без гордости. Сыпал дерзостями направо и налево. Очень часто острял удачно, но с неизменной наглостью.

Однажды, в присутствии Маяковского, Брюсов достал рукопись моего перевода д'Орсье «Агриппа Неттейсгеймский» и, среди прочих замечаний, сказал:

— А потом слово «который». У вас оно на каждом шагу. Этим словом нельзя злоупотреблять. Скажем, раз или два на страницу, больше ни в коем случае.

— А как же Лев Толстой? Почитайте его прозу... — сделала я попытку защититься.

В. Я. пожал плечами и докторально сказал:

— Толстой — не критерий. Он имеет право не придавать этому значения... Не забывайте: *Guod licet jovi, non licet bovi*¹.

— А еще меньше — КОРОВЕ, — изрек Маяковский.

К Брюсовым он приходил в обыкновенном темном костюме. Но на разных вечерах и диспутах любил появляться в... широкой дамской блузе желтого цвета. Собственными ушами слышала я, как в лекторской Исторического Музея дежурный пристав уговаривал Маяковского пойти домой и заменить желтую кофту более обыкновенной одеждой. Маяковский упорно отказывался. Живет далеко, к началу не поспеет.

Тогда пристав вынул из кармана трёхрублевую бумажку:

— Разрешите, г. Маяковский... передать вам... Пожалуйста, возьмите извозчика!

Маяковский милостиво принял деньги и исчез.

К диспуту он не явился. А люди, хорошо его знавшие, говорили:

— Ну, Володя не приедет. Наверняка в клуб отправился, попытать счастья...

Таким мы знали Маяковского до большевистского переворота, после которого он, с целым рядом молодых писателей, учредил Культурно-Просветительную Комиссию при Московской Чрезвычайке. Там устраивались, между прочим, шумные вечера революционной поэзии. О Маяковском поговаривали, что у него — очень крепкая, романтическая связь с молодой художницей, женой крупного чекиста.

Однажды зимой мне привелось с ним встретиться. Он прямо изумил меня. И не столько роскошной шубой, уверенным и спокойным выражением побелевшего и пополневшего лица, сколько улыбкой блестящих, великолепных зубов.

Вероятно, он подметил это мое изумление, так как сразу брякнул:

— Вас удивляют мои зубы? Да... революция тем-то и хороша: одним она вставляет новые, чудесные зубы, а другим безжалостно вышибает старые!

¹ Что позволено Юпитеру, не позволено быку (лат.).

В самый разгар террора один старший друг моей семьи, накануне отъезда в Германию со специальным эшелонном, пошел проститься с друзьями. У них на квартире он попал в облаву и был увезен в тюрьму. Все дело было в ведении М. Ч. К., — одним из главных воротил был тот самый следователь, у которого проживал Маяковский.

Нелегко и неприятно это было. Но никто не брался помочь ни в чем не повинному человеку, и я решила отправиться к Маяковскому, — просить его о протекции.

Стоял конец зимы. Кругом слякоть, понурые убого одетые люди. Мерзали мы в ту пору и на улице, а еще больше — в неотапленных квартирах. Голодали, жались в страхе, и мало кто спал по ночам. Создавалась всюду невыносимая, удручающая атмосфера.

Когда же передо мной открылась дверь в квартиру следователя Б-ка, я очутилась в совершенно ином мире. Передо мной стояла молодая дама, сверкающая той особой, острой красотой, которую наблюдаем у блондинок-евреек. Огромные, ласковые карие глаза. Стройный, гибкий стан. Очень просто, но изысканно-дорого одета. По огромной, солидно обставленной передней носился аромат тонких духов.

— Володя, это к тебе, — благозвучно позвала блондинка, узнав о цели моего прихода.

Вышел Маяковский. В уютной, мягкой толстовке, в ночных туфлях. Поздоровался довольно величественно, но попросил в гостиную. Там, указав мне на кресло и закулив, благосклонно выслушал меня. Причем смотрел не на меня, а на дорогой перестень, украшавший его мизинец.

Появилась очаровательная блондинка.

— Дорогая, — обратился к ней Маяковский, — тут такое дело... Только Ося может помочь...

— Сейчас позову его... — Во всем ее существовании была сплошная радостная готовность услужить, легкая, веселая благожелательность.

Очень скоро она вернулась в сопровождении мужа. Небольшого роста, тщедушный, болезненного вида человек с красноватыми веками. Лицо утомленное, но освещенное умом пронизательных и давящих глаз. Пришлось снова рассказать свою печальную историю и повторить просьбу.

С большим достоинством, без малейшего унижения или заискивания Маяковский прибавил от себя:

— Очень прошу. Ося, сделай, что возможно.

А дама, ласково обратившись ко мне, ободряюще сказала:

— Не беспокойтесь. Муж даст распоряжение, чтобы вашего знакомого освободили.

Б-к, не поднимаясь с кресла, снял телефонную трубку...

С этого острова счастья, света, тепла и благополучия унесла впечатление гармонически налаженного *ménage en trois*¹. Каждый член этого оригинального союза казался вполне счастливым и удовлетворенным. Особенно выиграл, казалось, в этом союзе

¹ брак втроем (франц.)

Маяковский. Среди неслыханной бури, грозно разметавшей все российское благополучие и все семейные устои, он неожиданно обрел уютный очаг, отогревший его измученную, ущемленную душу бродяги. И поэтому весть о самоубийстве Маяковского поразила меня.

Иногда появлялись на «Средах» и петербуржцы: Вячеслав Иванов с супругой, поэтессой Зиновьевой-Аннибал, маленький, похожий на француза М. Кузмин, Игорь Северянин, Гумилев и другие.

Запомнилось посещение Игоря Северянина. Высокий, дородный, несмотря на молодость, он держал голову с подчеркнутой самоуверенностью и произносил свои «поэзы» певучим, громким голосом. Выступил он с поэтическим комплиментом по адресу хозяина:

*Вокруг талантливые тусы
И обнаглевшая бездарь!..*

(Заслышав эту оценку, сидевшие у стола съежились и стали исподлобья смотреть на поэта.)

*И только вы, Валерий Брюсов,
Как некий равный государь...*

Но и «равный государь» был явно смущен. Вместо того, чтобы ответить своему гостю как подобало бы, лестным экспромтом, Брюсов принялся рассуждать о том, что северянинское словообразование «грезофарс» («я поэзию жизни превращу в грезофарс») совершенно чуждо духу русского языка: ГРЕЗА-де слово русское, а ФАРС — французское. Северянин насупился и молчал. Когда же разговор перешел на чисто теоретические вопросы, он стал проталкиваться.

Много позднее, во время революции, из Ревеля (тогда ставшего столицей Эстонии) от Северянина пришло письмо. В нем поэт просил В. Я. похлопотать для него о въездной обратной визе в Россию. Сообщал, что ему очень плохо живется, что он грустит и вне России не видит для себя выхода из прямо трагически создавшегося положения.

Брюсов ничего не предпринял и даже не ответил на письмо. А на мой недоумевающий вопрос сказал:

— Он лучше сделает, если постарается уехать в Париж или Нью-Йорк. Какие уж тут у нас «Ананасы в шампанском»...

Незабываемое впечатление произвело на меня появление Гумилева.

Стоял ясный весенний день. С сестрой Иоанной Матвеевной сидели мы вдвоем за послеобеденным чаем. Из своего кабинета вышел В. Я., и не один. Оказалось, у него был гость, которого он и привел с собой. В подобном появлении не было ничего необычайного. Часам к 4—5 то и дело заходили литераторы, редакторы, и к ним все уже давно привыкли. Но появившийся в этот день гость оказался необыкновенным. «Гумилев», — представился он сам, как-то слишком самоуверенно. Все в нем изумляло. Казался он как-то шире и выше обыкновенных людей. Происходило это, вероятно, от иного, не московского и даже не российского, покроя одежды. Разговор его тоже не был похож на то, что обычно интересовало писателей, по-будничному беседовавших

между собой; технические ухищрения писательского ремесла, вопросы гонораров, печатания, стычки авторов с издателями. Гумилев, еще не получив своего стакана чаю, неожиданно и сразу заговорил о той буре, которая поднялась, когда он плыл в последнее воскресенье на заокеанском пароходе, об острове Таити, о совершенстве телосложения негритянок, о парижском балете.

Брюсову, видимо, не нравилась вся эта «экзотика», но, не считая, вероятно, возможным перевести сразу разговор на профессионально-бытовые темы, не покидая чужих краев, он стал говорить о заграничных музеях-выставках... И тут нас всех поразила огромная эрудиция Гумилева. О всемирно известных музеях он принялся говорить как ученый специалист по истории искусств. О знаменитых манускриптах — как изощренный палеограф. Мы прямо ушам не верили. Куда исчезли «знойные африканские танцы»?

Осенью 1920 года наступили грозные дни террора. Почти ежедневно мы слышали жуткие вести: расстрелян тот-то, арестованы те-то. Помню, однажды вечером нам пришли сказать: «Гумилев расстрелян». Упорно твердили о каком-то заговоре, в котором якобы участвовал несчастный.

У Гумилева есть одно стихотворение. В нем такие жутко-проороческие строки:

*За то, что эти руки, эти пальцы
Не жали плуга, были слишком стройны,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Обманывали, были беспокойны...
За все теперь настало время мести...*

Быть может, в этих стихах таится самое верное объяснение причин, вызвавших гибель Гумилева.

Не только по родственным встречам знала я Брюсова. Уже взрослой мне немало случалось работать под его строгим началом. В то время, когда В. Я. состоял литературным редактором журнала «Русская мысль», я выполняла для него секретарские обязанности. Ту же должность занимала в журнале «Весы» при издательстве «Скорпион», где В. Я. был одним из главных редакторов. Под его редакцией вышел мой перевод д'Орсье «Агриппа Неттесгеймский». Кроме того, по его поручению исполнялись мной те или иные переводы. Должна сказать, что в области русского языка и литературы он долгое время был моим учителем, очень требовательным и столь же сведущим. Но, помимо этой подлинной эрудиции, он обладал редким даром — заражать учеников тем восторгом, которым горел и жил. Русский язык любил он бережной любовью и поистине страдал, встречая в рукописях или книгах явные погрешности. С невероятной тщательностью относился ко всем фазисам печатания своих произведений. Когда готовилась его книга, он то и дело забегал в типографию и, радуясь, приносил оттуда свежие гранки. Корректуру держал всегда сам и к опечаткам был неумолим.

Помню такой случай. В. Я. предложил мне сверять с его поправками какой-то последний лист. Я исполнила это с наи-

большой старательностью и спокойно вернула лист, в котором, по-моему, все было в исправности. Но через некоторое время В. Я. обратился ко мне с отгнем упрека в голосе:

— Сказали, что нет ни одной опечатки? А я нашел... И целых две. Текст набирается корпусом эльзевира, а две запятых попали из петита. Это недопустимая небрежность.

К 1918 году Брюсов (было ему тогда сорок шесть лет) сильно изменился в своем внешнем облике. Поседел, исхудал, часто хворал и для возбуждения ослабевшей энергии стал прибегать к героину.

Сестра И. М. была в постоянной панике:

— Чем питаться? Квартира холодная. Где взять топливо? Лекарство для мужа?

В. Я. утратил дух былого задора. С каждым днем становился пассивнее и безразличнее к окружающему. Былое оживление возвращалось к нему лишь в те минуты, когда он возился с 4-летним племянником Колей (оставленным «погостить» на короткое время Еленой Матвеевнй, его матерью, поехавшей навестить мужа-офицера на румынский фронт. Из-за невероятных революционных обстоятельств отсутствия Е. М. затянулось на многие и многие месяцы. Затем отец Коли был арестован, и сестра, Е. М., у которой появился новый ребенок, уступила просьбе Брюсовых и оставила им Колю).

Однажды захожу в кабинет В. Я. и вижу, что Коля, в каком-то бумажном колпаке, вооруженный большим ножом для разрезания бумаг, изображает дикого охотника.

— Количка, а где дядя Валя?

Мальчуган разводит ручонками.

— Его нету...

А потом, хитро подмигнув, показывает под стол. К неописуемому изумлению, вижу: там, скорчившись, на четвереньках стоит В. Я.

А Коля заговорщическим шепотом поясняет:

— Это — тигр. Я его подкарауливаю.

Целыми часами просиживали вдвоем престарелый поэт и краснощекий бутуз.

В. Я. читал ему Пушкина, рассказывал сказки. А то, склонившись над толстой книгой Брэма, они вдвоем любовались зверями.

Иногда В. Я. отбирал из своей богатой библиотеки две-три книги в изящных переплетах и отправлялся на Сухаревку. Оттуда, продав за бесценок книги, возвращался с сахаром, белыми булочками или яблоками для Коли.

А Иоанна Матвеевна, при содействии старой кухарки Аннушки, сбывала на рынке «все лишнее» из одежды, посуды, обстановки... Потом пекли хлеб, варили кашу.

Как почти у всех в это время, у Брюсовых создавалась очень тревожная, неудобная жизнь, начинавшая смахивать на настоящую нищету.

Брюсов не разделял всеобщего возмущения наступившей хозяйственной разрухой. Порой казалось, что все это его даже занимало. Недаром в свое время им было написано:

*Прекрасен в мощи грозной власти
Восточный царь Ассаргадон,
И океан народной страсти,
В щепы дробящий утлый трон.*

В первые годы революции дом Брюсовых опустел. Изредка забегал кое-кто из старых знакомых — с недобрыми, мрачными вестями. Брюсов почти не выходил из дому. Да куда было идти? Литературно-художественный кружок был занят красноармейцами, редакции закрылись, типографии и бумага были реквизированы большевиками. А дамы, жаждавшие когда-то бурных встреч, исчезали — кто на юг, кто за границу.

Кажется, в 1921 году у Брюсова произошли две встречи: с Луначарским и Троцким. И с тем, и с другим он в свое время познакомился за границей, куда ему не раз случалось ездить при «старом режиме».

Но прежде должна рассказать об одном событии.

Как-то, в мрачное осеннее утро, в квартире Брюсовых раздался резкий звонок, и в переднюю ввалилась группа: немолодая, решительная баба и несколько рабочих. Сразу тычут ордер из местного Совета рабочих депутатов — на реквизицию.

— Тут у вас книги имеются. Покажите.

Ввалившуюся компанию повели в кабинет. Баба безостановочно тараторила:

— Подумайте — столько книг! И это — у одного старика! А у нас — школы без книг. Как тут детей учить?

Компания переходила от полки к полке. Время от времени кто-нибудь из «товарищей» вытаскивал наугад какой-нибудь том. То выпуск энциклопедического словаря, то что-нибудь из древних классиков. Одно из незваных посетителей заинтересовало редкое издание «Дон Кихота» на испанском языке. Все принялись рассматривать художественно исполненные иллюстрации. Потом баба захлопнула книгу и с укоризненным пафосом произнесла:

— Одна контрреволюция и отсталость! Кому теперь нужны такие мельницы? Советская власть даст народу паровые, а то и электрические... Но все равно: эту книгу тоже заберем. Пуцай детишки хоть картинками потешатся... Вот что, гражданка (это сестре И. М.-не). Завтра пришлем грузовик за всеми книгами. А пока... чтоб ни одного листочка здесь не пропало. Иначе придется вам отвечать перед Революционным Трибуналом!

Супруги Брюсовы стояли в полном оцепенении.

Когда Аннушка захлопнула дверь за неожиданными посетителями, она вернулась в кабинет:

— Барыня, а вы бабу-то не узнали? Да ведь это прачка Дарья. Помните, у ней всегда столько белья пропадало? Еще покойная Матрена Александровна хотели на нее в суд подавать! А вы, барин, не убивайтесь. Неужели на такую прачку не найдись коммуниста покрупней? Да я бы на вашем месте к самому Ленину пошла!

Иоанна Матвеевна снова пришла в себя:

— Аннушка, пожалуй, права. Только не к Ленину, а к Луна-

чарскому следует обратиться... Неужели отдать без боя все твои книги этой прачке?

Потрясенный всем происшедшим, очень бледный, стоял Брюсов у своих книг и машинально раскладывал все по прежним местам. Он так любил свои книги! Годами собиралась его библиотека. Были в ней редкостные, дорогие издания: их не сразу удавалось приобрести, и ими он так дорожил... После обеда он позвонил Луначарскому. На следующий день — ни жуткой бабы, ни страшного грузовика. А вечером В. Я. посетил сам нарком.

На той же неделе В. Я. получил приглашение к Троцкому. Вероятно, оба коммуниста звали его работать с ними. Причем у Троцкого, по-видимому, было «чисто-дипломатическое» соображение. Привлечением в их стан крупного писателя доказать Европе, что коммунисты не такие варвары, как их изображают. А Луначарский пустил в ход более ловкий маневр. Он прямо явился с предложением — основать кафедру поэзии и стихосложения при пролетарском университете. А это ведь было заветной мечтой Брюсова, и он, без долгих колебаний, ухватился за предложение.

Вскоре после этого захожу к Брюсовым и застаю всю семью на кухне. Сестра и Аннушка раскладывают на столе только что полученный «паек». Огромная бутылка подсолнечного масла, мешок муки, всевозможная крупа, сахар, чай, кофе, большой кусок мяса. У Коли в каждой руке по яблоку. Аннушка сияет и любит-ся — по тому голодному времени — невероятным богатством.

— Ну, поживем за этим царем, — одобрительно говорит она. Брюсов нахмурился:

— Нечего вздор молоть. Лучше приберите все это... а то всякий народ тут к вам ходит... — И ушел к себе.

Записан ли был уже тогда он в коммунистическую партию — не знаю. Об этом у них никогда не заговаривали, а спрашивать я не решалась.

Но почти каждое утро у подъезда его ожидал реквизируемый Моссоветом извозчик, на котором В. Я. уезжал в Лито. Там происходили заседания, и там Брюсов выступал с лекциями о поэтическом творчестве.

Опять вокруг него зашевелились люди, но иные, не прежние. Случалось, по вечерам он посещал литературное кабаре в одном из переулков на Тверской. Толпились там и старые знакомые, вроде В. Шершеневича, братьев Бурлюков, Маяковского. Но много попадалось и новых, из которых не помню никого, кроме Есенина и Кусикова.

Когда там устраивались литературные вечера — в облаках дыма, при диких выкриках пьяных и под неумолчный звон тарелок и стаканов — в программе значился иногда и Брюсов.

Среди толстовок, косовороток и солдатских шинелей, на фоне пролетарских, по-молодому дерзких физиономий, он, в приличном костюме старых времен, с увядшим лицом и седой головой, являлся мучительным диссонансом. Голос, бывший когда-то внушительным и громким, глухо и невыгодно звучал наряду с молодыми басами и тенорами.

Некая молодая поэтесса А. неизменно присаживалась к его

столику. Бледная, худая, одетая более чем скромно. Случалось встречать их вдвоем и в иных местах. Что могло их соединить? Его, вероятно, по старой привычке тянуло поухаживать, еще и еще раз прочесть в женских глазах то обожание и то внимательное понимание, без которых он когда-то не мог жить («Это — надгробные нении в память угасших любовей»). А ее? Должно быть, ей льстило имя, ей импонировало то, что у ее поклонника, знаменитого поэта, — определенное общественное положение и хорошее место. Кроме того, думается, что значительную роль в то голодное время играла и щедрость кавалера, платившего и за ужин, и за вино.

Как и в прежние времена, Брюсов, если не был болен, исчезал из дому по вечерам.

Вернулся и к писанию стихов — впрочем, их содержание оказывалось все более и более «созвучным эпохе». Ведь недаром было им еще в 1896 г. написано «Последнее желание», которое заканчивалось так:

*Иль в городе, где стены давят,
В часы безумных баррикад,
Когда мечта и буйство правят,
Я слиться с жизнью буду рад!*

Не думаю, что с радостью, но «слиться с жизнью» старался. Помогало, конечно, виртуозное владение техникой стихосложения. Но все же стихи того времени порой переставали быть брюсовскими и начинали подозрительно напоминать Маяковского:

*Ах, не так ли Египты, Ассирии,
Римы, Франции, всяческий бред, —
Те имперней, те утлее, сирее, —
Все в былом, в запруду, в запрет.
Так в великом крушеньи (давно ль оно?)
Троны, царства, империи — вздрызг!
Где из прежнего моря дозволено
Донести до сегодня лишь брызг.*

*Эй, Европа, ответь, не комете ли
Ты подобна в огнях наших сфер?
На созвездье Геракла наметили
Мы, стяг выкинув Эс-эс-эс-эр...*

Но так как эти «новые» стихи украшались по старой традиции метафорами из истории, географии, философии и мифологии, то, конечно, никакой пропагандной цели в рядах пролетариата они достичь не могли. А в глазах матерых коммунистов по этому самому Брюсов не являлся особенно ценным приобретением.

В июле 1923 года мне, наконец, удалось добиться права покинуть Россию. Очень больно было расставаться с Иоанной Матвеевской. Ее постоянная энергия и мужество явно начинали сдавать. Я знала, что при всех бурях и невзгодах своей личной жизни она верила, что с годами пройдет пора увлечений и соблазнов у любимого мужа и что с его преклонным возрастом она, наконец, достигнет давно желанной пристани счастья. А так же — награды за то долгое безропотное и редкостное терпение,

с которым она помогала во всем мужу. Теперь же она увидела, что и этой последней мечте не суждено будет исполниться.

В. Я., проведенный перед этим большую часть зимы в постели, снова лежал с тяжелым бронхитом. С нелегким чувством зашла я к нему проститься. Была мучительная уверенность, что это прощание будет последним. В руках у него была книга И. Тэна «История французской революции». В. Я. очень тронул меня. Несмотря на частые приступы кашля, он был на редкость разговорчивым, и все — в тонах редкой сердечности:

— Что ж, уезжайте... Это правильно... Вы там устроитесь: вам еще немного лет. Вот для меня такой опыт был бы уже невозможен. Только на первое время вам лучше держаться подальше от литературы... от прессы. Сейчас за границей два резко противоположных лагеря. В одном — то же, что и тут. Но не думайте, что в другом — лучше: подозрительность, озлобление, безденежье! Помните книгу Эрнеста Додэ «Кобленц»? Такова была французская эмиграция. Но и наша окажется ничуть не лучше, если не хуже... Вы не принадлежите ни к тому, ни к этому лагерю... Выжидайте... пока не наступят иные времена...

Тут он так сильно раскашлялся, что из соседней комнаты прибежала сестра — поить его каплями. На дорогу он подарил мне довольно толстый альманах, вышедший несколько лет перед тем. Проза и стихи. Но так как на вывоз этой книги у меня не было официального разрешения, то при переезде через границу ее у меня отобрали таможенные чиновники. На заглавной странице рукою В. Я. было написано:

*Как лист, в поток уроненный, я отдаюсь судьбе,
И лишь растет презрение и к людям, и к себе.*

Брюсов прожил еще около года. Состояние надорванного, усталого организма то слегка улучшалось, то принимало еще более угрожающую форму.

В 1924 году я получила от сестры из Москвы роковую телеграмму: Брюсов умер.

**Предисловие и публикация
СТАНИСЛАВА НИКОНЕНКО.**

Наука, которой нас

112

Мала камера СИЗО, мала, тесна, от духоты кажется еще теснее, а вмещает тревогу непомерную. Это потому, что все ее обитатели, те, кто сидит на нарах, и те, кому не сидится, и они, задевая соседей, пытаются в этой тесноте ходить, каждый в кругу своих мыслей, от которых лихорадит. И у того, кто, казалось бы, спокойно лежит, закрыв глаза, на самом деле сердце бьется так, словно он бешено бежит. Настороженность, как у зверя. Стукнет «кормушка», лязгнет дверь — и бьет, словно током. Вдруг меня? А вдруг — еще хуже! — не меня, вдруг меня тут забудут, бывало такое. С каждым вновь пришедшим тревога возрастает: не подсадная ли утка? А если Бог послал психа или, того хуже, наркомана?

Переступив порог, Сергей сразу почувствовал эту настороженность. Представился, назвал, как положено, свою статью. Быстро

оглядел людей, с которыми предстояло жить. И тотчас отметил одного.

Ничего примечательного: маленький, немолодой; редкие волосы, круглые стальные очки — сельский учитель? Остановили Сергея глаза, они внимательно смотрели сквозь стекла круглых очков, сосредоточенный взгляд их был странно спокоен в этом мире воспаленной тревоги.

Шла обычная камерная жизнь, грязная, убогая, одна тоска. Каждый занят своим и твердит свое: «Вот послушай, я ему говорю...» Он — это следовательно, вечный враг, на свидание с которым так всегда рвутся: что-то ему доказать, что-то от него узнать (особенно о своих). А уж если кто вернулся с допроса, он и вовсе вывихнутый: участие нужно ему, как вода и воздух. «Слава, послушай...» И Слава, тот самый сельский учитель в стальных очках,

ТОПОРОВ

не обучали

*«...Ради Бога Всевышнего»
(из ходатайства жены)*

слушает с величайшим вниманием.

Подследственный, он ведь как в темном лесу. Следовательно не только не разъяснил ему его прав, но даже кодекс отказался показать (адвокатов тогда не допускали к следствию, да и теперь их права весьма ограничены). А нередко его и вовсе сбивают с толку, обманывают, он подписывает протоколы, не чуя ловушки, да и страшно ему, он перед следователем беспомощен, поддается на уговоры, идет на сделки. Вот почему камера стоит в очереди к Славе. Он не сельский учитель, конечно, он юрист, прокурор, у него в голове весь УК с комментариями. А главное, он поразительно умеет слушать — с величайшим вниманием, величайшим терпением (а сокамерник терпеливо ждет, пока Слава думает над его ситуацией). И Сережа подсел к нему со своим делом — кстати, при ближайшем рассмотрении

Слава оказался молод, ему, как и Сергею, лет тридцать.

— Детский сад, — сказал Слава, прочтя бумаги. — Нет состава преступления. Но поскольку у нас оправдательных приговоров не бывает, получишь небольшой срок.

«А у него-то у самого что?» — думал Сергей. Камера, она вопросов не задает, она знает только статью обвинения. У Славы была 102-я — умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (это значит либо «корыстные побуждения», либо «особая жестокость», либо еще какая-нибудь подобная гнусность). Страшная статья, тянет на расстрел.

Странно, как их тянуло друг к другу, таких разных. Сергей из московской элиты, Слава родился и вырос в деревне, да и поселок Глинка, где он работал прокурором, мало отличался от деревни, центр сельхозрайона, кругом поля,

избы, скот, рогатый и безрогий, непролазные дороги. Уже в их тюремных передачах был виден перепад: Сергею присылали разные копчености, а Славе — кусочек сала, крутые яйца, несколько луковиц.

— Первая твоя задача сейчас, — говорил Слава, — сохранить себя. Спорт, главное, спорт.

Начались у них тренировки. Слава еще в институте занимался каратэ со знаменитым мастером, мышцы у него были стальные, движения точны и красивы, удар мог быть смертельным...

Теперь они были неразлучны, но Сергей по-прежнему ничего не знал о Славе, знал только, что у того 102-я.

Однажды Сергей понял: есть у сокамерника тайна, она зашита в шов его куртки. Оказалось — светлый детский волосок, Слава нашел его у себя на свитере и зашил в шов так, чтобы можно было вынимать. Дома у него осталось двое малышей. Потом с изумлением Сергей узнал, что есть у Славы еще один сын, ему двадцать два. Как так? Тебе самому тридцать? А вот так. Славе было девять, он спал на сеновале, когда ему принесли новорожденного брата. У родителей шла какая-то своя тяжкая жизнь (мать позднее умерла), и вот пришли и положили на сено рядом со Славой новорожденного, который в горячей и тщетной надежде на пропитание присосался к Славиному локтю. Ах, как жаль его было, никому не нужного, доверчивого, теплого. Слава не мог знать, конечно, что тогда, на сеновале, он взял на себя пожизненную ответственность. Именно так и бывает: тот, кто учит первым шагам, до самой смерти будет с тревогой следить за каждым жизненным шагом; тот, кто обучает первым словам, вместе с их тоном и смыслом переда-

вая ребенку самого себя, сам уже привязан до конца дней своих. И тут был — Сергей это почувствовал — сплав братского с отцовским.

Сергей представил себе: два деревенских мальчишки на улице, домой не спешат (у отца новая семья), один, старший, мал и невзрачен, другой растет не по дням, а по часам и обещает стать рослым красавцем. Он и стал им, младший брат Виталий.

Нынче он тоже тут, в «Матросской тишине», режим тюрьмы строг, братья друг о друге ничего не знают.

Так вот откуда Славино властное спокойствие, откуда терпение — феномен старшего брата. Теперь уже Сергей стал внимательней и различил страдание и боль. Однажды Вячеслав ходил по камере, и Сергей услышал, как тот шепчет: «Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю. Чую с гибельным восторгом — пропадаю. Пропадаю!» Восторга, разумеется, не было, была гибель.

Когда Вячеслава увезли в Смоленск на суд, Сергей места себе не находил, да и камера словно бы осиротела. А потом пришла весть, что его приговорили к расстрелу и что в центральной прессе появилась статья, где его дело подробно описано. С трудом раздобыли они газету, читали вслух. О том, что прокурор со Смоленщины Вячеслав Шароевский, «плебей, алкаш и хулиган» (кстати, неженатый), задумал вместе с братом убить женщину-кассира, чтобы завладеть деньгами, которые она должна была получить в банке. В тот день с кассиром была зам. бухгалтера, решили заодно убить обоих, увезли в поле, убивали зверски, ножом, топором и лопатой, закопали, а деньги зарыли на картофельном поле Шароевского-

старшего. Прокурор — убийца и садист! Этот факт дал основание журналисту поставить вопрос политически! С гневом говорил он о «не имеющей аналогов, живучей и по сей день системе партийно-комсомольского устройства в вузы своих (своих по духу, по лику, по образу жизни)». Виват «пресловутый институт характеристик — одна из самых жизнестойких примет полицейского социализма».

О, каким матом взорвалась камера! Каким отборным иступленным матом! Топор? Лопата? Да Славка бы одним движением ладони...

Между тем очерк журналиста точно соответствовал приговору суда — братья были уличены, признались, а деньги, полученные в банке, действительно были найдены на картофельном участке Вячеслава.

Когда читаешь приговор, исчезает, в дым разлетается не только симпатия к Вячеславу Шароевскому, но даже малейшее к нему сочувствие. Светлый детский волосок, зашитый в край одежды? Да кто не знает, как бывают сентиментальны иные садисты. Акт судебно-медицинской экспертизы нельзя читать без ужаса, почти обморочного, — так страшно изуродованы трупы. Властно поднимается в душе протест: не хочу! Не хочу заниматься судьбой (а меня просил о том Сергей) этого разумника, юриста, каратиста, пусть идет своей смертной дорогой.

Но еще более властным чувством была настороженность: что-то здесь не так.

Приговор лаконичен: изложение дела, система доказательств занимают около четырех страниц. Немного. Но, стало быть, каждое слово тут на вес золота? Читаем: «Шароевский Вячеслав Николаевич, работая прокурором Глинкин-

ского района, будучи знаком с кассиром Рогощенковой и зная, что она периодически получает в районном отделении «Агропромбанка» для совхоза «Устромский» деньги, решил завладеть ими путем разбойного нападения и убийства. Готовясь к совершению этого преступления, он вовлек в осуществление этого плана младшего брата Шароевского Виталия; изучив порядок получения денег в отделении банка, выбрал место и время нападения, сосредоточил в своем служебном автомобиле необходимые для этого орудия». Мы ждем, что за этим последуют доказательства приведенных утверждений, — они отсутствуют, словно все эти «решил», «выбрал время и место», «вовлек» должны сами себя доказывать. Что же нам делать, если нет доказательств, — разбираться самим? Попробуем.

Чтобы разобраться в деле, надо взглянуть на него пристальнее и, главное, непредубежденно. Оно было шумным, о нем в Смоленске только воробьи не чирикали — еще бы, убийцей оказался прокурор! — оно было сложным, кровавым, судьи не сомневались, что судят злодея. Взглянуть на дело беспристрастно, психологически они уже вряд ли могли! Может быть, лучше было бы, если бы они о самом деле до суда вообще ничего не знали?

Но ведь это проблема суда присяжных, новой формы суда, которая сейчас вступает в жизнь. Согласно закону, присяжные заседатели (по статусу мало похожие на нынешних народных заседателей) заранее ничего знать не должны. В начале процесса судья спрашивает каждого, информирован ли он о деле, и если информирован, это может стать причиной отвода — даже так! Ну, тогда представим себе, что Шароевских судят люди, ничего об их деле не знаю-

щие, непредубежденные,— пусть это будет воображаемый суд присяжных.

Двенадцать человек внимательно слушают и подсудимых, и стороны. И чем дальше идет процесс, тем больше у них сомнений.

Готовил убийство заранее, утверждает обвинение. Специально для этого «изучил порядок получения денег в отделении банка». Но, вникая в детали, присяжные узнают, что на самом деле порядка-то никакого тут не было. Дела совхоза шли более чем скверно, вместо денег одни долги. Все, что поступало на его счет, согласно закону, автоматом должно было перечисляться кредиторам; если же в правлении совхоза узнавали, что какие-то суммы, как правило, небольшие, все же на их счет пришли, Тамара Рогощенкова, кассир, мчалась в Глинку, в банк (говорят, нередко с сумкой совхозных яблок) умолить нужного сотрудника не отдавать деньги кредиторам, а дать их несчастному совхозу — хотя бы расплатиться с рабочими. Сама Рогощенкова никогда не знала, дадут ей денег или нет,— что мог тут планировать прокурор?

Выбрал время нападения — 22 августа, когда кассир должна была получить крупную сумму. Но сумма эта возникла уже и вовсе неожиданно в виде редкой удачи: директор совхоза умолил бухгалтера РАПО дать им в долг 22 тысячи, сама Рогощенкова неожиданно узнала об этом. А что мог знать прокурор?

И вот он, роковой день — 22 августа. Шароевский начал этот день с того, что отдал свою машину сотруднику прокуратуры, которому нужно было ехать в дальний совхоз. Неужто это действительно так было? Присяжные слушают показания и самого этого сотрудника, и шофера прокуратуры —

действительно, прокурор отпустил их в путь, никак не оговорив время возвращения, да и не мог оговорить: дорога в совхоз кошмарная, никто не знает, что на ней случится. Они говорят искренне, да им и нет смысла врать.

Присяжные удивлены. Как так? Убийца, планируя убийство на 22-е, утром этого дня отдает машину, без которой преступление заведомо не может совершиться?

А знал ли вообще прокурор о том, что Рогощенкова приехала в банк за деньгами?

Шароевский рассказывает, и перед присяжными раскрывается картина сложных личных отношений. «Кассир», «бухгалтер» — для Шароевского они были отнюдь не посторонними людьми. С Тамарой Рогощенковой он дружил, уважал ее как прекрасного специалиста по бухгалтерским делам. Существовала меж ними и связь иного рода: Тамара была постоянным посредником между ним и Галиной Прохоровой. Сама Галина никогда ему не звонила, звонила Тамара и передавала подруге трубку. Встречались они тайно. Женщины, приехав в Глинку, направлялись в контору «Заготзерно», путь их шел мимо прокурорских окон. Вячеслав делал им условный знак — мол, будет с машиной ждать их возле пилорамы. Кстати, он нередко возил их домой из банка с деньгами.

В тот день, рассказывает Шароевский, Галина позвонила ему сама утром. Отношения их к тому времени вовсе запутались. Она вышла замуж. Прокурор считал, что их свидания должны прекратиться. Она так не думала. Искала встреч и жаждала объяснений — он уклонялся. Но в то утро у него была и веская причина: отсутствие машины.

Итак, Шароевский работал у себя в кабинете, не зная, когда

вернется его машина. А женщины, которым через несколько часов предстояло так страшно умереть? Они ждали денег в банке, как всегда, не очень надеясь их получить.

Добрались они сюда, в Глинку, машиной директора, он же должен был отвезти их обратно, но, как сам объяснил впоследствии, как-то позабыл. Когда женщины вышли из банка с деньгами, оказалось, что машины нет. Если бы директор про них не забыл, они просто уехали бы домой. Но он про них забыл, и они двинулись по магазинам, зашли в пошивочную мастерскую (отрез на платье был у Тамары с собой), но закройщица оказалась выходной. Если бы она была на месте, они бы тут сильно задержались. А потом пошли к продовольственной базе, наверное, там было легче поймать левый транспорт.

Если бы машина прокуратуры не вернулась раньше, чем можно было ожидать, вообще не случилось бы трагедии. Но она вернулась. Вячеслав поехал на заправку, завбензоколонкой просила его довести до центра какую-то девушку, он согласился, и вот тут-то по пути увидел на обочине обеих своих приятельниц. Он затормозил резко (так показала бывшая с ним девушка), сказал женщинам, что развернется и отвезет их домой в деревню Беззаботы. Он хотел захватить с собой брата Виталия, которому нужно было в ту же сторону, только подальше — в Березки, где тот, электрослесарь, чинил совхозную холодильную установку. Однако и тут возникало затруднение. Виталий безвыходно сидел дома с маленькими детьми Вячеслава — и опять же помог случай: неподалеку от дома прокурор встретил свою сотрудницу, которую дети знали, и та согласилась с ними побыть. Если бы

этой встречи не было, брат Виталий остался бы дома.

Присяжные в недоумении: сколько, однако, разнообразных «если» в этом эпизоде! О какой преднамеренности, о каком заранее назначенном времени вообще может идти речь при таком количестве «если»? Выходит, встреча этих четверых сплелась из ряда мелких случайностей?

«Сосредоточил в своей машине орудия убийства», — говорит обвинение. Но зачем же ему, каратисту, одним ударом способному убить человека, потребовались нож, топор, да еще и лопата? — кстати, все предметы, потребные в хозяйстве; а лопата особенно нужна была на погибельных смоленских дорогах. А топор? Но в машине их оказалось пять! Один принадлежал шоферу, четыре — самому Вячеславу, он взял их, чтобы отдать точить.

В поселке все всех знают, все на виду. Прокурор, конечно, был осторожен и посадил свои жертвы в машину ночью где-нибудь на пустынной дороге? В том-то и дело, что не ночью, а днем, в двенадцатом часу, когда в поселке самая жизнь, и не на пустынной дороге их посадил, а возле продуктовой базы, где всегда толпится народ, из любого окна могли их видеть — да и как не полюбопытствовать: молодой сажает в свою машину молодых женщин!

Перед присяжными — сотрудник милиции, свидетель обвинения. Он показывает, что видел возле продбазы и женщин, и прокурорскую машину. Но из его показаний присяжные извлекают и свой прелюбопытнейший вывод: оказывается, недалеко от продбазы находилась милицейская машина с сотрудниками и самим зам. начальника местного РОВД. Таким образом, убийца заманил свои

жертвы на глазах десятка людей и самой милиции? Что же, он все без головы, этот прокурор?

А дальше? Дальше всем известный синий «Москвич» прокурора двинулся по людному шоссе...

Убийца должен был, разумеется, заранее продумать, где убьет и как спрячет трупы. Кругом стоят глухие леса, тянутся болота с их трясинами, Шароевский, конечно, хорошо знал эти места, ходил и на охоту, и по грибы-ягоды, именно сюда, на дальние поляны, привозил он женщин — поворот вправо, в лес, не вызвал бы у них подозрений. Но Шароевский миновал все съезды вправо, он ехал по главному шоссе. Тут же слева — «Сельхозхимия», справа — лѐнзавод. Слева — поселок, справа — деревня Новая Буда, а за ней аэродром.

Куда же в конце концов привез он свои жертвы? В поле, не доезжая до деревни Беззаботы, куда он их и вез. На глазах у водителей (один из них тут, в суде, только что допрошен) Вячеслав съехал с шоссе в чисто поле, где не спрятаться и не спрятать.

Все с большим вниманием слушают присяжные рассказ Вячеслава.

Когда тот увидел возле шоссе своих приятельниц, рассказывал прокурор, ситуация возникла неловкая: не так давно он сказал Галине, что машины у него нет, и вот разъезжает на ней (да еще с какой-то девушкой). Он никого не хотел обижать и потому решил отвезти домой обеих, как отвозил раньше, но взял с собой брата — женщины просились «на травку», он давно им это обещал и теперь боялся: Галина не удержится и вновь начнет выяснять отношения. При брате это будет невозможно.

Присяжные слушают его и думают: и так могло быть.

И вот они «на травке», в поле неподалеку от шоссе разложили снедь, открыли бутылки. Но веселья не получалось. Напротив, копилась неловкость, росло напряжение, и Вячеслав (который в отличие от брата вообще не пил) решил на время оставить своих спутников и уехал под первым попавшимся предлогом — с намерением вернуться и отвезти женщин в Беззаботы, а брата — в Березки.

Березки, Беззаботы — словно мы в счастливой стране берендеев. А между тем чисту полю неподалеку от Беззабот предстояло стать местом событий, которые превосходят любой кошмар.

Итак, судебный процесс. Рассказывает подсудимый Вячеслав Шароевский. Когда он, беззаботно прокатившись до аэродрома, вернулся в поле, то увидел... Нет, он не поверил тому, что увидел.

Женщины лежали, обе на спине. Глаза у Тамары были открыты, и вроде бы она усмехалась. Он кинулся к ней, приподнял окровавленную проломленную голову. Дыхание? Пульс? Безнадежно. В этом он, следовательно, прокурор, знал толк. У Галины из-под лопаток в траве расплзлось темное пятно.

Виталий ничего объяснить не мог, его трясло, он был не то сильно пьян, не то в шоке.

И первым движением старшего было: скрыть! Во что бы то ни стало скрыть, закопать! В любую минуту тут, в поле, могли появиться люди. Неподалеку работал трактор.

С ужасом слушают его рассказ присяжные — с ужасом, потому что каждый невольно спрашивает себя, как бы сам он поступил, если бы близкий человек совершил преступление, да еще такое страшное.

Спрашивает и не находит ответа.

Братья поволокли трупы к деревьям, посаженным неподалеку, там оказалась колдобина, нечто вроде воронки. Младший не мог стоять, он отошел и сел неподалеку.

Возле трупов с лопатой в руках остался старший.

И только тут он вдруг понял — не умом, а всем существом своим, — понял, что пропала жизнь. Не будет больше жизни. Будут позор и ужас.

Он начал засыпать колдобину. Оказалось, что это невозможно — мешала железная паутина корней. Он бил по ним лопатой, они пружинили, отскакивали, срывались, врезались в трупы. И он сам срывался, скользил вниз, туда, где лежали Тамара с Галиной. Помнится ему, что он бил корни лопатой, которая все время срывалась вниз, и что, кажется, он при этом выл.

Еле живые идут присяжные в совещательную комнату — как тут рассудить? (Тайна совещательной комнаты священна, никто не смеет знать, что в ней происходит, но мы по праву вымысла знать можем.) Согласиться с обвинением — это расстрел. А как тут можно согласиться? Впрочем, один из присяжных, самый старший, на стороне обвинения — он убежден, что братья убивали вдвоем. «За что?» — спрашивают его. «За деньги, конечно. Моя интуиция говорит мне, что это так». «А моя интуиция, — откликается другой присяжный, — подсказывает мне, что Шароевский говорит правду». «Нет, тут трагедия», — говорит третий. «И я говорю: трагедия, — соглашается первый, — поссорился с Галиной, ударил ножом, а потом они убрали Тamarу. И какие основания нам верить ему, что он уезжал и приезжал?» «Потому что он так сказал!» — это говорит

женщина. «Вот это довод, — смеется первый, — мало ли что он сказал!» «Заметьте другое, — вмешивается старшина присяжных, — обвинение путается на каждом шагу: что ни слово, то противоречие, а рассказ Шароевского ничем не опровергнут». «Поставьте себя на место Шароевского, — настаивает женщина, — вы говорите правду, а вам не верят, а вы ничего другого, кроме правды, сказать не можете». «И доказать тоже ничего не можете», — добавляет старшина.

Они рассуждают попросту, эти люди, вне правовых понятий и терминов (от них никто и не ждет правовых знаний, от них ждут здравого смысла и решения по совести), но их доверие к словам Вячеслава, поскольку они ничем не опровергнуты, эта позиция точно соответствует закону.

Для нашего обычного (скажем, обывательского) сознания тут есть некая сложность. Почему такое доверие подсудимому, мало ли что может он наплести в свою защиту? Почему у него не берут подписку об ответственности за дачу ложных показаний — он что, может врать? И почему всякое сомнение толкуется в его пользу?

А вот почему.

Человек, которого обвиняет государство со всей его принудительной мощью, находится в очень тяжелом положении и должен быть особо защищен. Он волнуется, теряется, именно поэтому может путаться. Вот почему ему дано право молчать. Закон запрещает ставить его в положение, когда он обязан доказывать свою невиновность — это обвинитель, следователь или прокурор обязаны доказать его вину.

Требование закона разумно: невиновность практически доказать невозможно. Нельзя доказать, что ты чего-то не говорил или не сде-

лал: то, что не сделано, не оставляет следов, то, что не сказано, не может быть услышано и записано. Как доказать, что ты тогда-то не был в таком-то месте, — только в том редком случае, если у тебя есть алиби. Человек, от которого требуют, чтобы он доказал свою невиновность в безнадежном, погибельном положении, — это и для правосудия погибель: будет осужден невиновный, истинный преступник уйдет от наказания. Вот почему закон требует, чтобы обвинитель доказал вину, доказал твердо, несомненно, на сомнительных доказательствах приговор основан быть не может.

Если подсудимый лжет, нужно его опровергнуть, доказав, что он лжет, если же опровергнуть не удалось, его рассказ должен быть принят как достоверный, потому что невиновный ничего, кроме этой своей правды, сказать не может.

120 Есть тут опасность, что преступник избежит наказания? Есть, если следователь не сумел доказать его вину. Должен суметь — на то и профессионализм, да бывает, что преступление раскрыть невозможно, и тогда преступник действительно уходит от наказания, но это уже отдельная тема. Однако, не будь этой статьи, защищающей подсудимого, для следствия открывалась бы безбрежная возможность громоздить домыслы и нелепости (как это произошло в деле Шароевских). Опасность тут куда более грозная — вспомним 37-й год.

Несчастный человек в воронке был вне реальности и вне себя, когда рубил лопатой. Сдвинулось его сознание (вот уж действительно крыша поехала, было от чего!), но сидело гвоздем в этом сознании одно: спасти брата! Во что бы то ни стало скрыть трупы, а уж

потом разбираться, что и почему произошло. Внезапно и страшно его схватило клещами, как челюсти акулы под водой.

Безумие? Ну а смертный приговор в четыре страницы без доказательств, четыре листика, несущие смерть, — это не безумие? Неизвестно еще, что безумней.

А ведь люди, вынесшие приговор, работали в спокойной атмосфере, и времени у них было достаточно (знакомство с делом, расследование его, спор сторон, обсуждение в совещательной комнате), решительно ничто не мешало им во все вникнуть и решить по закону и справедливости.

Как видно, безумие безумию рознь.

Мы говорим: рассказу Вячеслава ничто не противоречит. Судьи думают иначе: они утверждают, что женщины были живы, когда их закапывали, что Вячеслав добил их лопатой. Обвинение страшное, но справедливо ли оно? И доказано ли? Вопрос этот может решить экспертиза, и только она. Судмедэксперт (Смоленск) утверждал в своем заключении, что «смерть наступила сразу» (Тамара), «за время, исчисляемое секундами» (Галина), — стало быть, удары лопатой в воронке были посмертны. Но в судебном заседании эксперт свое мнение изменил, заявив, будто все повреждения на жертвах были прижизненны. Но всякому ясно, что так просто эксперт изменить свое мнение не может, нужны исследования (и описание этих исследований, и выводы, чтобы все это можно было проверить): живая ткань человеческого тела реагирует на удар не так, как мертвая. Таких исследований нет. Но заключение смоленского эксперта — документ, на который вообще невозможно опереться, так говорят спе-

циалисты весьма авторитетного Бюро главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России. Собственно, они камня на камне не оставили от этого заключения. Профессиональная беспомощность и безграмотность; непонятно, какие ткани исследовались и какими методами; описательная часть не соответствует результативной, выводы не подтверждены данными исследования (в жизни я не видела подобного разгрома!), а что касается вопроса о прижизненности повреждений, то он решен «банально безграмотно». Стало быть, за утверждением приговора о прижизненности повреждений нет никакой доказательной основы.

Но что же, что же сам Виталий? Что рассказал он старшему брату, когда пришел в себя?

Едва Вячеслав уехал, Галина, все более раздражаясь, стала говорить оскорбительные вещи о нем и его бывшей жене. Виталий ответил очень грубо, вспыхнула ссора, он был уже сильно пьян и в бешенстве ударил ножом. Тамара кинулась к нему — свидетельница! — и он убил ее топором. Могло быть так? Мы не спрашиваем: было ли так на самом деле? — в густом тумане нам ничего не видно, мы даже не знаем, каков характер Виталия, к примеру, был ли он агрессивен и жесток, знаем только, что он был пьян. Но, согласитесь, если версия суда о преднамеренном преступлении совершенно неправдоподобна, то в этой по крайней мере есть правдоподобие: у бедной Галины были основания для гнева, она по-женски оскорблена (отъезд Вячеслава), и Виталий с его культом брата (вспомним, тот был для него и отцом, и матерью) мог взорваться пьяным гневом, который он принял за праведный.

Правдоподобен ли этот внезапный удар ножом? Увы, наше время поражает количеством кровавых преступлений, обстоятельствам явно неадекватных и нередких даже вовсе не объяснимых (они так и называются — немотивированные). Быть может, в каждом данном случае и необъяснимые, они имеют общее объяснение. Оно не только в том, что человеческая жизнь в нашем обществе позорно обесценилась; и не только в том, что теле- и киноэкраны, театр и литература неустанно тренируют наше воображение на жестокость, кровь, на убийство. Дело в том, что современный человек не умеет противиться своим страстям — если боль, гнев, истерика подсказывают ему: «Бей!» — он не может потом объяснить своего удара (даже если и не был пьян). Примеры бесчисленны, перед нами уже **явление**. Я разговаривала однажды с юным убийцей, он сорвал шапку с курсанта, столь же юного, тот стал тянуть шапку обратно и получил удар ножом в сердце. «За что ты его убил?» — спрашиваю. «А зачем он шапку тянул!» — отвечает запальчиво. Человеческая жизнь и шапка тут в одной цене. А бывает и похлеще: некто, уже немолодой, давно уже отец семейства, позвал в гости друзей, тоже отцов семейства, они крепко выпили, а потом хозяин вышел за дверь, взял топор и стал вызывать гостей по одному. Когда очнулся, увидел мертвых и понял, скольких погубил, он стал кончать с собой (его спасли). Я помню, судья кассационной инстанции, который все это мне рассказывал, сидел над этим делом и мучился: оставлять ли в силе смертный приговор? Темное пьяное бешенство — можем мы исключить, что именно оно подсказало Виталию подлый удар — женщине в спину?

Тогда, на поле, Вячеслав попытался срезать лопатой окровавленный дерн, ничего не вышло, они покидали в машину все, что валялось на земле (сумку с деньгами, не потратив, конечно, ни копейки, зарыли на огороде). Когда их задержали и Виталий признался, Вячеслав тотчас властно взял вину на себя — так он выбрал. Приказал брату: «Вали на меня», — и брат повиновался.

В этой мучительной истории каждый стоял перед выбором. Ведь и эксперт, меняя мнение, совершал выбор, поистине роковой (не для него). Выбрали свою позицию и судьи. Их обязанность определена законом — объективное, всестороннее и полное исследование обстоятельств дела, законный и обоснованный приговор. А тут — вместо всестороннего и полного исследования — тенденция и односторонность, а вместо обоснованного приговора — некий свободный рассказ. Создается впечатление, будто не к истине тут стремились, но лишь к тому, чтобы подтвердить обвинительное заключение. Вот их выбор.

Так что же это за деятельность такая, что за работа, которой заняты были судьи? Кому все это было надо? Обществу? Государству? Родным погибших, памяти погибших?

Трудно отказаться от впечатления, что в судах (не во всех, конечно, — упаси Бог так говорить! — но не так уж и редко) живая жизнь как бы исчезает, уступая место другой, очень странной, где подсудимый становится не то игровой картой-шестеркой, не то пластмассовой шахматной пешкой, и некто мертвенный играет ими, возводя призрачные конструкции. Станный этот мир, полный шелеста бумаг, бескровен, бездушен и, казалось бы, беспомощен, но общество давно уже

почувствовало его опасность и даже его способность убивать. Когда в это царство мертвых попадает живой, он тоже как бы становится призраком (или игровой картой, или пластмассовой пешкой?), жертвой в мертвых, цепких руках. Он может и погибнуть, а они? Они обедать идут. Постойте, он, живой, погиб, а они, мертвые, обедать пошли? Что за дикое смешение реальности и бреда, дьявольская подмена? Да, почище, чем у Кафки — у того сила бюрократии безлика и молча стоит где-то за пределами бытия, в то время как на самом деле она растворена в реальной жизни и действует через реальных должностных лиц.

Вот они-то и должны стать предметом самого пристального исследования юристов, психологов, социологов, писателей. Как опаснейшая из всех общественных опасностей.

Страшный выбор стоял перед Вячеславом. Впрочем, отдавать или не отдавать брата в руки правосудия — так, насколько могу судить, вопрос перед ним не стоял. Выбор был в другом. Жертвуя собой ради брата, он понимал, что тем самым предает бывшую жену и детей. Однако он рассудил, что жена, которую он уважал и перед которой был так виноват (еще один предмет его мучений), вырастит и воспитает детей. А брат, преступный, сломавший и ему, и всей его семье жизнь (и вновь беспомощный, как тогда на сеновале), без него погибнет.

И, наконец, о выборе самого Виталия. Тут роковая проблема оборачивается к нам другой своей стороной. Мы уже говорили: нынче люди не умеют управлять своими страстями, превозмогать обиду и боль, противостоять душевным взрывам. А ведь педагогика пред-

шествующих веков, собственно, этим и была занята, этому учила. Существовали заповеди и запреты, теперь забытые, их вживляли в душу прочным нравственным каркасом, встраивали автоматикой, которая безошибочно срабатывала в любой трудной ситуации, даже в минуту слепого бешенства. Словом, была такая наука — о жизни, коей нас не обучали и не обучают. Современная душа каркасов не знает, никто не помогает ей в борьбе со злым началом в ней самой. Человек становится безвольной жертвой стресса, щепкой в потоке собственного истерического припадка. И тогда может сработать в нем дьявольская автоматика.

На суде Вячеслав решил все-таки рассказать правду (как видно, верил в суд) и долго говорил. Это вызвало крайнее раздражение местного журналиста, автора очерка. Он пишет: «И полилась прокурорская речь», — а дальше столь же язвительно описывает прокурорскую «курточку» и прокурорскую «шапочку». Одного только он не пишет: о чем именно говорил Шароевский. Шевелит человек губами, льется прокурорская речь, а слов не слышать.

А мы слово Шароевскому дадим, послушаем его.

«Сергей, для таких ситуаций слов не существует. Единственно, что я могу сделать, — молиться за твою дочь, твою жену и тебя. В эти норы Христос приходит чаще, чем я считал, и у меня есть шанс быть услышанным. За тебя рад, я знал, что у тебя все будет в норме, хотя понимал, что тебя тоже помурьжат, но вынужден был тогда что-то приукрашать, по принципу: правда без доброты — это уже не правда.

Единственно, что приобрел, — так это понимание того, что камера смертников — хорошее место

для переосмысления всего. Я бы многого не понял в жизни, если бы мне не посчастливилось попасть сюда. После этой процедуры уже не страшно уйти туда, а в этой жизни удерживает присутствие здесь таких людей, как ты (жалко расставаться). Я, вспоминая о тебе, предполагал, что ты уехал (после принятия закона о выезде), но был приятно удивлен, увидев (на фото) тебя на своем рабочем месте. И я могу утверждать, что у твоей дочери есть основание гордиться таким родственником, как ты (не только потому, что ты так хорошо выглядишь внешне). Сережка, я тебя помню.

Славка.

Счастья всем твоим».

Когда Вячеслав писал эти строки, он не знал, что его поми- луют. Его помиловали, и теперь ему предстоит быть в заключе- нии всю жизнь.

ИСТОРИЯ русской живописи

АЛЕКСАНДР БЕНУА

XXII

124

Пора прочесть

Среди тех, которые перешли от добродушной безобидной насмешки Федотова к угрюмой бичующей проповеди в духе «прогрессивной» печати 60-х годов, на первом месте стоит Перов, выступивший перед петербургской публикой еще до академического скандала 1863 г., ровно 10 лет после создания «Кавалера», в самый год выставки «Явления Христа» Иванова — в 1858 г. Впрочем, эта первая его картина только отчасти задумана в новом направлении. Лишь ядовито подобранный сюжет (становой допрашивает молодого парня, попавшегося в воровстве; в соседней комнате уже готовятся розги) обозначал принадлежность молодого художника к лагерю новых русских людей. Напротив того, типы чиновников представлены почти без утрировки, а самый герой точно сошел с какой-нибудь патристической картины Шебуева. Связь с прежним русским искусством еще не была порвана. Следующее произведение Перова указывало, пожалуй, еще определеннее на эту связь, в особенности на зависимость первых опытов Перова от искусства Федотова. «Сын дьячка» прямо мог бы служить в pendant к «Кавалеру», не только по сходству сюжетов (изображен писарь, сын дьячка, получивший первый чин), но и по исполнению — так мало в этой картине подчеркнутости, так много добродушия и сдержанности.

Но с годами дело изменилось. Будучи человеком очень впечатлительным и нервным, Перов не мог оставаться равнодушным во время всеобщего иступления, и в его картинах стало отра-

Продолжение. Начало в №№ 1—6.

ЛЯ

гиси

К. А. САВИЦКИЙ.
*Портрет
старика.*

жаться то желчное озлобление, которое овладело передовым русским обществом в начале 60-х годов. Мало-помалу Перов совсем ушел от добродушных назиданий Федотова и ухватился за такой же карающий и меткий бич, какой был в руках у Курбе. Картина, появившаяся в год освобождения крестьян, не имела и следа сентиментальности, но была дерзкой, вполне «базаровской», по резкости, выходкой. «Проповедь в селе» изображена в окончательно мрачных красках. Нет ни малейшего просвета. И священнослужители, и мужики, и помещики представлены в таком непривлекательном виде, что, глядя на эту картину, зрителю остается только прийти в отчаяние. Не за что уцепиться, не на чем утешиться. Все в России, судя по этой картине, оказывалось, совершенно так же, как в романах Писемского, никуда не годным, все здание русской культуры требовало ломки и переустройства. Священник изображен жалким полуидиотом, шамкающим какую-то вялую банальщину на тему «Несть власть ниже от Бога». Самая власть представлена в виде ожиревшего заснувшего на своем стуле помещика и его молоденькой развратной жены, перешептывающейся со своим селадомом. Народ состоит из совершенно тупых или недоумевающих физиономий.

В 1862 г., как раз в самый тревожный для русской жизни год, Перов выставил две картины, которые по своей отчаянной резкости могли бы вполне выдержать сравнение с самыми мрачными обличительными сочинениями русской направленной литературы того времени. Эти картины показали даже настолько дерзкими и неблагонадежными, что цензура распорядилась их снять

с выставки. Особенно ядовитым характером отличался знаменитый «Крестный ход на Пасху» — действительно, ужасающая картина деревенских нравов. Процессия в полном составе с хоругвями и иконами только что побывала у целовальника и на славу там угостилась. «Богомольцы», пьяные до последней степени, вываливаются в беспорядке из кабака и принимаются шлепать, шатаясь и колыхаясь, по весенней слякоти. Поп еле переступает ногами и с большим трудом слезает со ступеней крыльца, дьякон с кадилом оступился и грохнулся, на других действие вина сказывается еще ярче.

Ничего подобного в русской живописи до тех пор не было видно, и даже в наши дни эта темная, невзрачная картина производит очень сильное удручающее впечатление. Видно, художник был вполне захвачен сюжетом, вполне отдался задаче — представить современникам ужасающее по своей правде отражение русской народной жизни. Если поставить рядом привлекательные изображения деревенских нравов Грёза с этой чудовищной по своему цинизму и отчаянию страницей, то сразу станет ясным, какой тяжелый, мрачный путь прошло человечество в эти 100 лет, с того времени, когда Руссо, пользуясь еще всеобщим незнанием народной жизни и сам заблуждаясь, указывал на совершенно определенный и осязательный идеал, на «добродетельную жизнь простодушных поселян» — до 50-х годов XIX в., когда на смену всем иллюзиям и утопиям явилась мрачная во всем разочарованность и уверенность в том, что нужно начинать с самого начала. Высшие слои общества развратны и дрянны, но и простой народ не лучше и нуждается в коренном исправлении.

Самый определенный, до крайности типичный нигилизм сказался в этой картине Перова, и это должно сохранить за ней видное место, если не в истории русского искусства, то в истории русской культуры. Сам Перов никогда более не хватал так далеко. Даже вторая картина, выставленная в том же году, также с сюжетом из жизни духовенства: «Чаепитие в Мытищах», — рядом с «Крестным ходом» может показаться наивным даннгейзеровским анекдотом*.

Замечательно, что от Перова первое время все были в восторге. Даже Академия, не раскусив сразу, что было враждебного для нее в его картинах, отнеслась к Перову до чрезвычайности милостиво. Мало того, она решилась отправить его — ученика московской школы — своим пенсионером за границу. Старые профессора, не разобрав, в чем дело, посмеивались, глядя на

* Жирный монах пьет со сладострастным наслаждением чай, сидя в тихий ясный день под тенью густых деревьев. К нему подошел старый калека-солдат с мальчиком-проводником и тщетно просит у него милостыни. В этом же духе задумана одна из самых характерных картин Перова: «Монастырская Трапеза», — начатая еще в 1865 г., но оконченная позже. На ней изображено обжорство монастырской братии за обеденным столом и, в качестве яркого назидательного контраста, несколько голодных и жалких нищих, валяющихся на полу Трапезной. В дверь входит благодетельница монастыря — толстая, огромная барыня под ручку со своим мужем, чиновным, но дряхлым и придурковатым старцем.

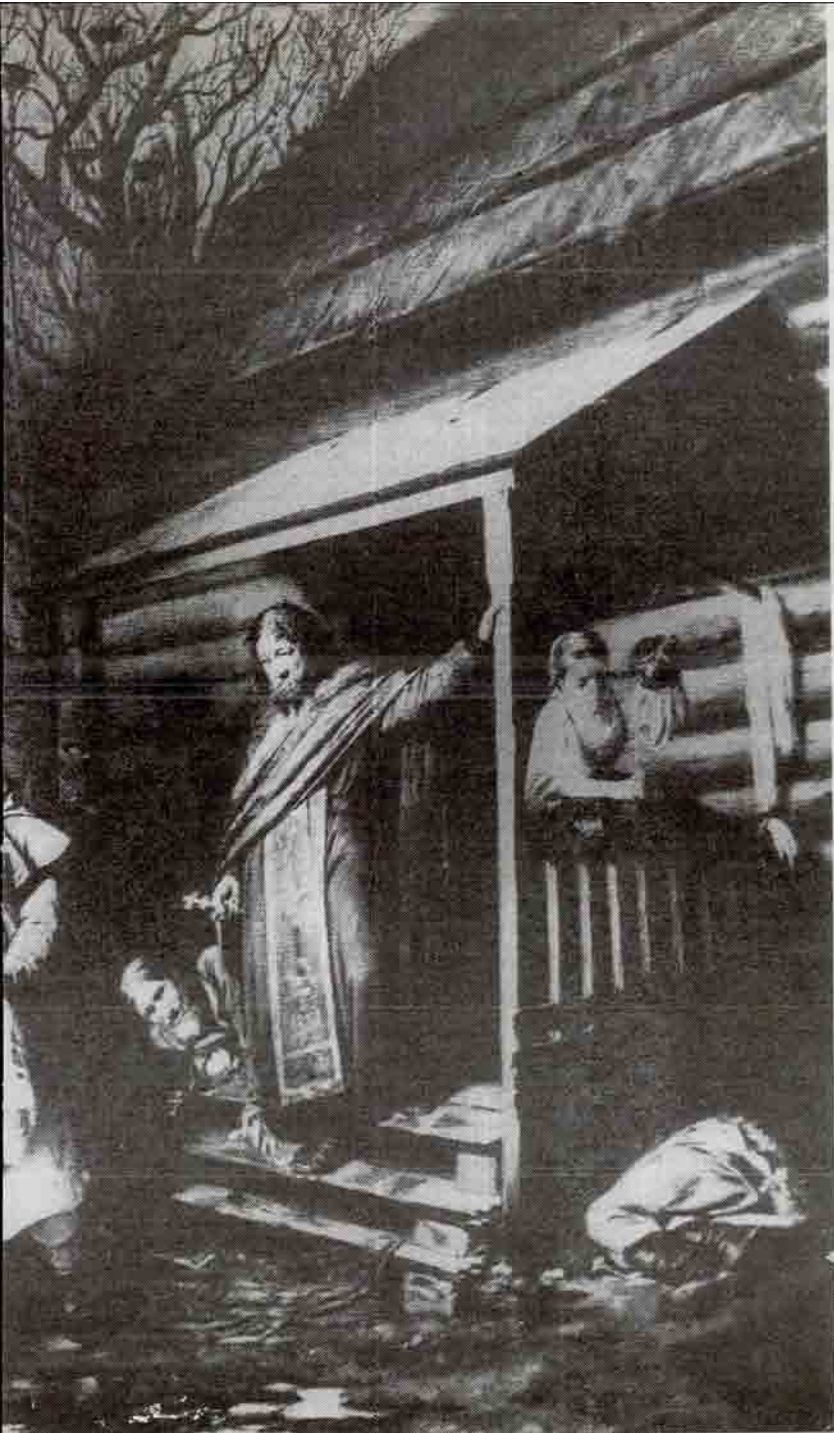
«Сельскую проповедь» с тем же благодушием, с каким они глядели на федотовского «Майора». Они находили и эту картинку очень забавной, очень занимательной. Ведь только «скандал с конкурентами» открыл им глаза на настоящее положение вещей, только с этого дня (тогда, когда прошло уже несколько месяцев с отъезда Перова за границу) стало ясно для русских художественных аристархов, что они оплошали, что в русском искусстве не все обстоит так благополучно, как прежде, что пора принять меры против «ужасной заразы, грозящей гибелью искусству». К счастью, пробуждение их явилось слишком поздно, новое успело пустить глубокие корни, и, несмотря на систематическую реакцию со стороны Академии, несмотря на успехи верных сынов академической церкви — Верещагиных, Семирадских, Гунов и др., победа после долголетней борьбы осталась все же на стороне нового.

Во время пребывания Перова за границей яснее всего сказалося, какая пропасть лежала между ним и Ивановым, вернее, между поколениями 50-х и 20-х годов. Русская жизнь в дни Перова была таким ключом, она была так полна воодушевления, она так захватывала всякого мало-мальски живого человека, что, пожив одно время этой жизнью, вне ее становилось тоскливо, пусто, неинтересно. Пылкий, впечатлительный Перов, как только удалился из той среды, которая питала его, почувствовал нестерпимую пустоту и тоску и тотчас же стал стремиться назад на родину. Он не смог долго выдержать в Париже, где не знал, что ему делать, потому что ничего не любил и «не понимал» во французской жизни (какой шаг вперед в сознании русского художника — это убеждение, что без внутреннего, интимного понимания художественное творчество немислимо!), и задолго до срока вернулся в Россию, где с лихорадочной жадью, полный планов и намерений, принялся снова за изучение русских нравов.

Но за эти три года многое успело измениться. Буря, бывшая в самом разгаре, когда он уезжал, теперь утихала. Того воодушевленного бодрого настроения он теперь уже не застал. Реакция во внутренней политике и в общественном мнении была в полном ходу. Тургенев еще в 1862 г. успел сказать первое расхолаживающее слово в «Отцах и детях», Достоевский, Страхов и славянофилы убедительно осуждали «западные» увлечения, указывали на суетность и беспочвенность их, высшее сословие почувствовало на себе, в первые же годы, тяжелые последствия отмены крепостного права и с гораздо меньшим сочувствием относилось к дальнейшей ломке прежнего строя, толпа, заразившаяся было общей горячкой и следовавшая за самыми резкими реформаторами, прислушивалась теперь к внушениям Каткова, пятилась назад и мало-помалу превращалась в злейшего врага тех, за которыми только что шла. Все русское общество, за исключением некоторой части молодежи, слишком устало от многолетней тревоги. Оно было слишком во многом разочаровано, чтобы продолжать верить утопиям. Передовая партия, стесненная до последней степени цензурными и полицейскими условиями, занялась узкой, вздорной и скучной, чисто личной поле-

В. ПЕРОВ.
*Крестный ход
на Пасху. 1862 г.*

микой с противниками и, по милости этого, мало-помалу утрачивала всякий престиж. На смену нигилизму наступало царство «благоразумного чинного либерализма».

Близко стоявшее к жизни творчество Перова должно было отразить эту перемену. За исключением «Трапезы» и двух других картин, написанных им вскоре по возвращении из Парижа: «Приезда гувернантки» в ужасное купецкое семейство и «Тройки» (бедные ребятишки везут тяжелую кадку в гору), — все остальные картины Перова были теперь более грустного, нежели обличительного, характера* и исполнены тихой скорби за «бедное человечество». В этот период написаны им: «Рисовальный учитель» — старичок, вероятно, ученик еще Егоровской Академии, мнивший себя некогда «русским Гвидом», а теперь принужденный давать скучные уроки богатым и дерзким шалунам; «Похороны в деревне», вольная и очень трогательная иллюстрация к некрасовским стихам; несчастная, только что вытаспанная из воды «Утопленница», которую сторожит на плотине равнодушный городской; бедняки, ожидающие в страшную метель «Очереди у бассейна»; одинокий «Бобиль», улаждающий свою тоску пивом и унылым бряцанием гитары. В эти же годы принялся Перов за портреты, которых он сделал большое количество, если и неприятных в живописном отношении, то все же очень значительных, очень умных, сосредоточенных и толковых.

В самом конце 60-х и в начале 70-х годов можно отметить новый переворот в творчестве Перова, находившийся опять-таки в связи с общественным настроением. Неудача начинаний 60-х годов повела к разочарованности, а от нее к цинизму, к смешку, к издевательству. В то же время после долгого, напрасно прошедшего, как казалось, напряжения, после серьезного и вдумчивого отношения к жизни явилась на смену беспечность, питаемая дошедшим до крайних пределов позитивизмом. Как в политике заметно было возвращение к николаевским временам, так и в искусстве почувствовалось желание вернуться к безобидному веселенькому искусству 40-х годов. В глубокомысленном Перове — странно сказать — возродились в 70-х годах Чернышев и Штернберг**.

В это время созданы им знаменитые, пользовавшиеся когда-то невероятным фавором, картины: «Охотники на привале» и «Рыболов». В них Перов окончательно отказался от оуказки и гражданских слез, но, вместо того чтобы заняться простой действительностью, простой живописью, он все же остался на чисто литературной почве и принялся смешить зрителей пустячными рассказиками. Странное дело, в этих вещах заметно изучение всего ненужного, вздорного и пошлого в жизни и совсем нет самой жизни, смысла и сути жизни. К чему эти большущие

* Этой перемене в творчестве Перова способствовало отчасти тяжкое горе, постигшее его: смерть жены и детей.

** Предвестником этой перемены можно уже считать его нелепую картину (1868) «Поезд», на которой изображены несколько крестьян, со смехотворными ужимками выражающих свое изумление перед никогда не виданным локомотивом.

полотна, изображающие глупейшие сценки, любоваться которыми можно в каждом паноптикуме; к чему эта насмешка, тяжелая, аляповатая, над чем-то совсем неинтересным, к чему потрачен такой труд на такие пустяки? Впрочем, под всем этим крылось недоразумение. Перова начинало сбивать и путать что-то новое (какая-то новая художественная идея), назревавшее вокруг него и находившее в нем неясный, но весьма сочувственный отклик. К сожалению, Перов был тогда уже человеком далеко не первой молодости, он далеко не был настолько чуток, чтоб вникнуть в это, тогда еле зачинавшееся, новое. Перов, в молодости до крайности прямолинейный и бодрый, теперь же усталый и *отсталый*, не сумел встать во главе нового течения, но затерялся в рядах компромиссных художников, явившихся на смену бойцам 60-х годов. Он так и не узнал, что истинная область пластического искусства лежит вне литературных приемов, что живописная красота сама по себе достаточна, чтоб составить содержание картин, что пристегнутый рассказчик только вредит ее истинно художественному значению. Но это его неведение уже потому простительно, что и все товарищи и друзья его так же относились к живописи: и они так же забыли, что таинственный смысл прекрасного бесконечно значительнее всякой «занимательности». Впрочем, посмеиваясь, они все еще высказывали хоть кое-какое отношение к жизни, продолжали хоть как-нибудь служить житейской и социальной этике. Насмешка их, как и многих беллетристов этого переходного времени, была последним безвредным, слабеющим на рассвете заревом того грандиозного пожара, который горел в дни их юности. Но от этой насмешки недалеко было до ничтожного пошлого «буренинского» хихиканья*, которое в 70-х и 80-х годах почти вполне заменило прежний свист и гоготанье, прежнее бешенство и неистовство.

Недоразумение, заставившее Перова сбиться с пути, имело более глубокие причины. Перов, наверное, думал, что, бросив проповедь и ухватившись за анекдотец, он стал служить «чистому» искусству. Тогда как раз, еще очень неясно, снова почувствовалась необходимость в этом, долго охаянном, чистом искусстве. И любопытнее всего то, что те, которые считали себя жрецами чистого искусства — академики, — поддержали Перова в этой фатальной ошибке и наградили его самым восторженным одобрением. В том равнодушии к общественным вопросам, которое наступило в Перове после долголетней бури, они видели столь милое для их иссушенных сердец успокоение. Ободряемый и поощряемый ими, Перов через немного лет сам превратился в тоскливого академического историка и создал свои совсем брюлловские картины: «Пугачева» и «Никиту».

Впрочем, из некоторых картин последнего десятилетия Перова явствует, что он не только сбился с прежнего пути, но что в то же время он искал нового пути — более светлого, более художественного. Это видно в «Птицелове» 1870 г. и в особенности

* В живописи типичным представителем этого фазиса может считаться Владимир Маковский, но о нем дальше.

в «Разгрузке извести» 1875 г., а также в многочисленных этюдах с натуры, иногда очень большого размера, в которых нет и следа рассказа и насмешки. Эти картины рисуют попросту действительность. В них Перов задавался чисто живописными задачами. Успех «Птицелова» объясняется тем, что любителям до рассказов удалось-таки (с натяжкой, положим) вычитать из этой картины целый литературный очерк и даже кое-какое обличение по адресу «тех жалких натур, старых дворецких, наследия крепостничества, которые в праздности проводят остаток своей холопской жизни». Зато «Разгрузка извести» потерпела полное фиаско, и в особенности недоумевали товарищи художники, члены передвижных выставок. Эта «молчаливая» картина озадачила их, и в недоумении они решили ее вовсе не называть картиной, а окрестить более или менее презрительным в то время названием — этюд. Это несочувствие приятелей к новому пути, которого искал Перов, окончательно спутало его и послужило ему поводом выйти из Товарищества.

Однако сказать теперь, что из всех картин Перова эти простые изображения действительности были бы самыми близкими и приятными для нас, невозможно. Если в них и есть вполне современное, чисто живописное намерение, то современных результатов нет и следа. Намерение не приведено в исполнение, задача не разрешена. По технике эти картины не поднимаются выше обыкновенной, тоскливой, нудной живописи Перова. Они заслуживают серьезного уважения, как первые вехи в новом, истинно художественном пути, который раскрылся для русского искусства, но, взятые сами по себе, как художественные произведения, они ничего отрадного не представляют. Напротив того, для нас теперь картины Перова первого периода гораздо приятнее. Несмотря на весь наш протест против «содержательного» и «идейного» (в понимании 60-х годов) искусства, Перов первых лет остается и до сих пор очень крупным и, как оно ни странно, даже симпатичным мастером. Но это только доказывает, что мы относимся к нему не как к живописцу и художнику, а как к очень интересному и умному наблюдателю, к очень значительному и глубокому человеку, превосходно отразившему в собранных им с большим тщанием «документах» взгляды и интересы, волновавшие наших отцов, — нравы и типы окружающей его жизни. Следует отдать справедливость, что такую интенсивность в характеристиках, какая имеется в его первых картинах, можно найти только в произведениях английских прерафаэлитов: у Мадокса, у Гольман Гонта, у Миллеса. Он умел заинтересовать не только одними лицами, но и фигурой и в особенности жестами. С какой редкой тонкостью нарисован, например, в «Приезде гувернантки» жест самой приезжей, робко вынимающей из кармана рекомендательное письмо к грубому Тит Титычу! Его картины приковывают зрителя своей серьезностью, заставляют его *прочсть себя* от начала до конца, и зритель отходит от них, получив своеобразное наслаждение, похожее на то, которое получается по прочтении меткого и тонкого психологического анализа, — наслаждение, в сущности, не художественного порядка.

И. РЕПИН. Портрет В. А. Шевцовой. 1869.

Наоборот, в живописном отношении, в смысле красоты красок, построения линий и письма, эти любопытные человеческие документы ничего ровно не дают. В них во всех тот же тугой, трудный рисунок, та же тяжелая мучительная живопись, тот же тусклый, мертвый тон. Наконец, и в их задании нет никакой поэзии. Тенденция заменяет мысль, сентиментальность — чувство, ограниченная нравственная проповедь — свободный полет фантазии. Перов не был культурным, в европейском смысле, художником; западное искусство, пребывание в Париже (как раз в эпоху первых сражений импрессионистов) не помогло ему вырваться на вольный путь, на свежий воздух. В дни юности учителя его — Ступины, Мокрицкие, Зарянки и Скотти — не смогли научить какому-либо совершенству ремесла, еще менее могли они раскрыть какие-либо горизонты. В зрелом возрасте он подпал целиком под влияние наивного грубоватого русского общества 60-х годов. Полжизни красота оставалась для него пустым звуком, потому немудрено, что в старости он, к ужасу, принял за красоту поблекшую мишуру брюлловского академизма.

XXIII

134 Перов — самая яркая и типичная личность в русской живописи 60-х и 70-х годов, но одновременно с ним, отчасти под его влиянием, отчасти в качестве самостоятельных продолжателей Федотовского искусства, отчасти, наконец, под влиянием западных веяний, работало еще немало художников. Меньшинство среди тех, кто занялся теперь действительностью, были теми чистыми реалистами, о которых мы уже упоминали, следовательно, скорее, наследниками Венецианова, изображавшими жизнь попросту и без мудрствования. Эти художники должны быть для нас особенно интересными в виду того, что они являются теми звеньями, которые связывают творчество Венецианова с реальной школой нашего времени, но они как раз прошли для своих современников почти незамеченными. Большинство же реалистов 60-х годов перенесло чисто литературные приемы в живопись, принялось в картинах, изображающих действительность, рассказывать, учить и смешить. Кто был постарше, те пели на разные лады грустную некрасовскую песенку, кто помоложе, те сочиняли разудало-ядовитые куплеты на злобы дня. Несмотря на то, что Стасов считал каждого из этих художников за имеющего огромное значение, в истории живописи можно говорить о большинстве из них только мимоходом.

Первым — еще до перовского «Станового» — выступил Шильдер со своей грустной сценкой, изображающей бедную девушку, которую уговаривает старая сводня отдаться за деньги разврату. Это произведение любопытно в двойном отношении: как первая после Федотова картина с сюжетом, взятым из печальной действительности, а также как первая вещь русского художника, приобретенная Третьяковым. В художественном отношении, впрочем, она не представляет никакого интереса.

На выставке 1860 г. вокруг «Сына дьячка» Перова многое еще

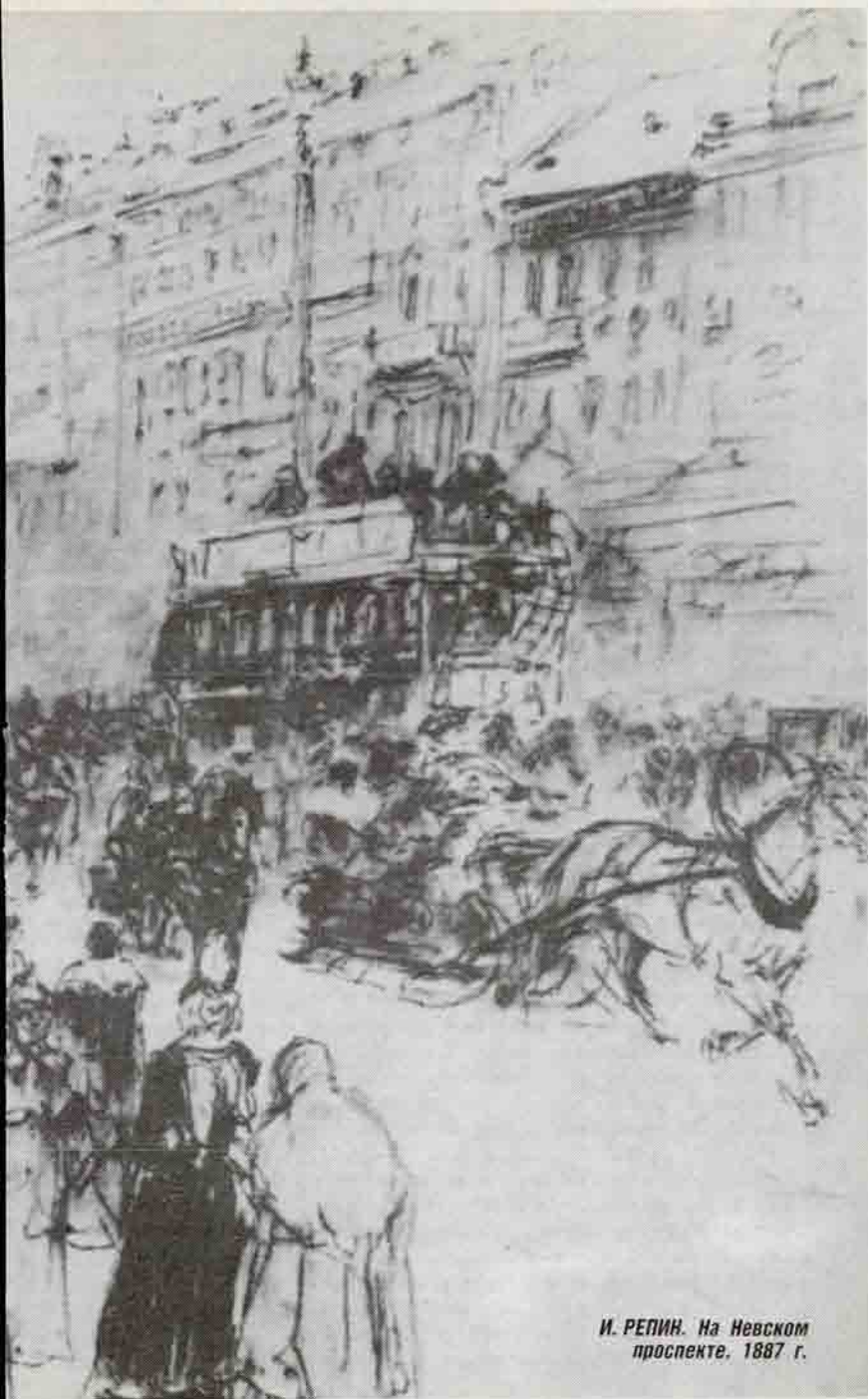
улыбалось сладенькой, розовой улыбкой 40-х годов (улыбались татары на «Ярмарке» Попова, девчата на «Гаданни» И. Соколова и на «Хороводе» Трутовского), но тут же имелось немало вещей «передового направления». Сердце Стасова и ему подобных радовалось, глядя на мрачного «Знахаря» Мясоедова, на грустно-чувствительную сцену «Пасха нищего» Якоби, на «Трех мужиков» Петрова — первый проблеск в живописи грубого народничества в духе Глеба Успенского. Но наибольший успех, после петровской картины, имела в публике картина вскоре после того спившегося и погибшего, ныне совершенно забытого художника — Адриана Волкова: «Прерванное обручение».

Нам теперь трудно причислить это произведение к типичным явлениям 60-х годов, так как мелодраматическое построение ее, невозможны розовые краски и слащавые типы — все в ней указывает скорее на зависимость Волкова от школы Штернберга и Чернышева, нежели на влияние того смелого и правдивого искусства, которое стало тогда заявлять свои права на существование. Однако в то время и самые передовые смотрели на эту картину как на *свою* вещь — так мало обращалось внимания на вид картин, на их внешность, до того все были заняты тем, что *подразумевалось*. Положим, и внутренний смысл волковской картины не представляет из себя ровно ничего значительного и даже является простым заимствованием самого обычного бульварного романа, но в то время на это не смотрели строго, если только художник мог доказать, что и он «возмущен», что и он готов «учить». В «Прерванном обручении» изображены люди зажиточного класса, собравшиеся на семейное торжество, и жертва одного из этих людей — бедная, обольщенная женихом девушка, вторгающаяся, посреди всеобщего ликования, со своим горем, со своей нуждой. Этого было вполне достаточно: тут было и желанное обличение, брошенное в лицо имущим, тут и трогательное слово защиты за униженных и оскорбленных.

В этом же духе написана и другая знаменитая картина того времени, явившаяся три года спустя после волковского «Обручения»: «Неравный брак» Пукирева, художника, также очень скоро затем сошедшего со сцены. Впрочем, вообще тенденциозная иллюстрация жизни высших сословий уже из цензурных соображений только и допускалась в виде таких, так сказать, «частных» анекдотов. Нельзя же было прямо изобразить генерала, занятого получением взяток или пирующего в дебоширской компании, но можно было изобразить того же отвратительного генерала, разбогатевшего и истощенного развратом, в ту минуту, когда он сочетается браком с прекрасной, но несчастной девушкой, сердце которой уже принадлежит «честному и независимому, а потому и бедному» молодому человеку. Это было частным семейным делом «генерала» и вовсе не касалось его общественного положения. Художникам оставалось изобразить «генерала» нарочито уродливым и отвратительным и предоставить затем зрителям считать с его подлых глаз, с его кривой ужимки рта и с его надменно вытянутой осанки всю мерзость его и догадываться, что вообще такой человек способен. Расчет был совершенно верный. Публика, наловчившаяся в те времена все

1887 *[Signature]*

*И. РЕПИН. На Невском
проспекте, 1887 г.*

понимать с полуслова, считывала самые замысловатые вещи с картин и оставалась за то несказанно благодарной художникам. Нас теперь приторно-сладкая картина Пукирева, равно как и «Обручение» Волкова, вряд ли может трогать. Она только любопытна по своей безмерной наивности и подстроенности.

1861 год был особенно обилён произведениями нового направления. Перов выставил тогда свою «Проповедь», и вокруг нее сгруппировалось порядочное количество картин с «содержанием». Наиболее яркой, определенной и протестующей среди них была картина Якоби «Привал арестантов», указывавшая на одну из самых мрачных сторон русской администрации.

Как некоторые картины Перова, так и эта вещь до сих пор не утратила своей значительности, несмотря на то (а может быть, именно потому), что тенденциозность ее ничем не прикрыта, что она окончательно типична для своего времени, что в ней нет никаких компромиссов и что она полна некоторой, положим, для нас и чуждой, страстности. Однако искать искусства и в ней нечего. Единственно художественный момент в ней — настроение тоскливого и дождливого осеннего дня — представлен менее чем удовлетворительно. Все остальное интересно по придуманным эпизодам и типам, в особенности же по ясно выраженному намерению автора растрогать и возмутить зрителей, но оно так неумолимо нарисовано, так плохо писано, что, собственно, как художественное произведение картина Якоби совершенно безотрадна. Ее жесткая и робкая живопись, а также неудавшийся свинцовый тон настолько теперь отталкивают, что для правильной оценки этой вещи в историческом отношении нужно (как и относительно большинства картин Перова) сначала преодолеть это неприязненное чувство и употребить известное усилие, чтобы прочесть эту мелодраматическую, но до крайности характерную страничку времени.

Только что в пути, под открытым небом, на большой дороге, в ненастный, безобразный осенний день, умер один из следовавших в Сибирь каторжников — очевидно, кто-нибудь из интеллигенции, не перенесший всех пыток бесконечного пути. Его тут же сейчас и бросят на дороге, под дождем. Однако предварительно жандармский офицер — чудовище с огромными, николаевскими усами и свирепым лицом — констатирует смерть, чтоб затем со спокойной совестью бросить труп среди дороги. Для усиления драматизма вставлена одна подробность, отличающаяся уже чрезмерным безвкусием: под телегу, на которой лежит покойник, прокрался один из ссыльных, старающийся содрать кольцо со свесившейся руки мертвеца. У верстового столба сидят несколько женщин, вероятно, добровольно последовавших за тем, кто только что умер и брошен теперь на произвол судьбы, вдали от родины. Остальным арестантам уже велено после короткой передышки, длившейся, пока продолжалась агония несчастного, двинуться дальше. Они уходят компактной мрачной массой, увязая в лужах и звеня цепями.

Эта картина имела огромный успех, и имя Якоби стало вдруг всем известно. Однако ему не удалось оправдать тех надежд, которые были тогда возложены на него всей передовой партией.

Отправленный на казенный счет за границу (ведь это происходило еще до 1863 г.), он, подобно столь многим другим, сбился там с пути. Не Курбе, не Милле и не Мане, как следовало бы ожидать, тронули его в Париже, но мелкие салонные жанристы и иллюстраторы исторических анекдотов вроде Робер-Флёри, Мюллера и Конта. Им-то Якоби, не обладавший и сотой долей их мастерства, стал слепо подражать, и, вернувшись затем в Россию, он вполне последовательно зачислился в полки эпигонов исторической живописи. Это тем более грустно, что он не обладал и каплей исторического прозрения и вдобавок был чрезвычайно немощным техником, не умевшим прикрыть свою пустоту и ложь тем напускным блеском, которым владели Семирадский и К. Маковский. Вероятно, сознавая это, он особенно ухитрялся в подборе пикантных сюжетцев, заимствованных из устарелых исторических романов.

В 1861 же году выступил Корзухин со своим «Возвращением пьяного отца семейства», послужившим прототипом сотням таких же картин, встречавшихся затем в течение последних 30 лет на наших выставках. Здесь была представлена сцена из темного, невежественного и зверского быта народа, представлена с беспременной грубостью, но и не без силы. И Корзухин больше никогда не подымался на ту же высоту и не достигал той же ясности и отчетливости выражения, той же простоты драмы. Все его последующие произведения, из которых некоторые были несравненно сложнее по композиции («У исповеди», «Отъезд купчихи из монастырской гостиницы»), страдали не только худостью и немощью техники, общими недостатками всей школы, но и неопределенностью намерения. Кончил он, как Перов, взявшись вдруг за исторические темы, которые ему были так же по плечу, как и автору «Чаепития в Мытищах».

Все в том же 1861 г. появилось и «Сватовство к дочери портного» Петрова, картина с большой претензией на юмор, рисующая жалкие интересы мелкой мещанской среды, а также «Поздравление молодых» (вероятно, с легкой руки Федотова, в это время замечается удивительная склонность к свадебным сюжетам) Мясоедова, очень сахарная по краскам и совсем жалкая по характеристике вещь. Но Мясоедов прославился не этой картиной, красующейся, как и многое другое, что похуже, в Музее Александра III. Он сыграл впоследствии очень видную роль в истории нашей живописи как главный зачинщик и организатор «Передвижных Выставок», а также и как художник, написавший два наиболее прогрессивных когда-то в передвижническом стане произведения: «Земство обедает» и «Чтение манифеста 19 февраля». Последняя из этих картин, впрочем, и до сих пор сохранила некоторую прелесть, так как она рисует, довольно правдиво и просто, типичную сценку многозначительного и великого момента в русской истории. Некоторая символическая подстроенность сказалась в ней только в том, что читает манифест маленький мальчуган — юная просветленная Россия, а слушают, проникновенно и умиленно, представители прежнего строя — недавние рабы, темные, невежественные старики. Зато «Земство обедает», появившаяся на выставке 1872 г., может

прямо служить образчиком фальшивого «передвижнического стиля». Изображен перерыв в заседании земства среди жаркого летнего дня. «Интеллигентные» и богатые члены собрания (их не видно, но всем это должно быть понятно) удобно расположились в просторной зале Присутственных мест и там теперь обильно закусывают и выпивают; их же товарищи — серые мужички — вынуждены оставаться на пыльной улице, где они скромно и безропотно в приниженном молчании жуют привезенные с собой краяхи.

Три свои картины Мясоедов посвятил изображениям темного народного изуверства, представив, после своего «Знахаря», «Деревенские заклинания» и сектантское «Самосжигание». Любопытно, что в последнее время он вернулся к тому, из чего вышел: к сахарному и розовому дилетантизму. Видно, и ему, как многим другим, захотелось отказаться от обязательных лаптей и от указки, но в результате получилось нечто весьма неудачное. Его произведения за последние 20 лет не имели, правда, того общественного и «содержательного» характера, как прежде, однако в них это заменено не живописным совершенством, а какой-то *à la Calame* олеографичностью и приторной сентиментальностью.

В 1862 году выступил Журавлев, избравший своей специальностью «темное царство» Островского: безжалостных кредиторов, описывающих имущество вдов, бессердечных папенок, выдающих насилие дочерей замуж, беспечных сынков, пирующих на только что полученное наследство. Картины Журавлева первого периода обнаруживают знание изображенной среды, дают довольно яркие характеристики, рисуют любопытные типы и обычаи и потому должны остаться весьма курьезными и даже драгоценными документами самых характерных явлений русской жизни. Но впоследствии и он сильно опустился и дошел до такого безвкусыя, как его «Девичник в бане», единственный «пи» всего направления.

В 1862 году выступил также Соломаткин. Его «Городовые-Христославы», очень грубая и нелепая вещь, приводила Стасова в восторг. Соломаткин, впрочем, ничего больше замечательного не произвел и скоро совсем куда-то исчез — явление, очень часто повторяющееся в истории русского художества. Тогда же появился Кошелев, изобразивший отвратительную сцену из мелочникового быта — «20-е число»: несчастную молоденькую женщину, сидящую в грустном раздумье рядом со своим пьяным мужем, только что вернувшимся с пустым кошельком домой и теперь высыпавшимся, нахально растянувшись на диване. Кошелев впоследствии рядом с такими же бытовыми, иногда сентиментальными, иногда пошловато-смешливыми, картинами принялся за монументальную религиозную живопись, но если можно еще отметить в жанровых его картинах кое-какую наблюдательность, то в этих огромных полотнах, украшающих некоторые наши соборы, он так близко подошел к подслащенному стилю академического Верещагина, даже ко всем промахам его в рисунке и в красках, что отличить их друг от друга иногда очень трудно.

1863 год выдвинул одного Пукирева с его «Неравным браком». В 1864-м появилась потешная, слабенько исполненная, но довольно характерная картинка опять-таки из мелкочиновиного быта. «Проводы начальника» вскоре затем скончавшегося Юшанова, а также первые произведения Прянишникова и Максимова. Впрочем, Прянишников вполне проявил себя лишь в следующем году, а Максимов гораздо позже — через целых 10 лет.

Развитие Прянишникова шло параллельно с общим движением русского искусства. Его подвижной характер и острый ум не позволяли ему застревать на чем-либо одном, и таким образом он три раза менял не только свою технику, но и самое свое отношение к делу, каждый раз, впрочем, как-то наивно, прямолинейно и вполне убежденно. В 60-х годах он писал совершенно то же самое, что писал тогда Перов. В 70-х и начале 80-х то, чем прославился в особенности Вл. Маковский. В последние годы своей жизни он отказался и от обличения, и от смешка и принялся попросту рисовать сцены из народной жизни. К первому периоду его относится «Гостиный двор» — еще одна страничка из темного купеческого царства, по духу тождественная почти одновременно с ней появившемуся «Приезду гувернантки» Перова. «Гостиный двор» Прянишникова принадлежит к самым характерным произведениям русской живописи 60-х годов. Изображены тузы Московских рядов в великолепных шубах, усевшиеся дружным кружком у своих лавок. Они заняты глупым и гнусным издевательством над каким-то жалким старичишкой, отставным чиновником, ломающимся и пляшущим в угоду своим благодетелям.

Типична для второго фазиса деятельности Прянишникова картинка, появившаяся год спустя после выставки известной картины Вл. Маковского «В четыре руки». Аналогичная сценка Прянишникова изображает вовсе не смешной и никому не нужный анекдот: какого-то грубого и глупого молодого человека, поющего под самое ухо смущенной и недовольной барышне пошлейшие куплеты. По технике эта вещь Прянишникова и тому подобные не имеют ничего общего с тем сосредоточенным вниманием, с которым был написан «Гостиный двор», но исполнены в той же хлесткой, бойкой манере, которой так любит щеголять Владимир Маковский.

Наконец, когда в художественном мире почувствовалось утомление от всех этих рассказиков, водевилей, сценок, ужимок и гримас, когда в конце 80-х годов с полной очевидностью обозначился поворот от всей этой искусственности и натяжки к живой, милой и простой правде, тогда Прянишников оказался одним из первых, кто пошел новой — в сущности, старой венецианской, лишь совершенно забытой — дорогой. В своем «Крестном ходе на севере», в своем «Спасовом дне» и «Жертвенном котле» он дал образчики славных, простых снимков с действительности. Если Прянишникову при этом ничего больше не удалось дать, кроме того, что могла бы воспроизвести механически и красочная фотография, то в этом не его вина. Человек, обратившийся после долгих плутаний под самый конец своей жизни к простой правде, мог только изучить поверхность ее,

вникнуть же в глубину явлений, осветить действительность лучами поэзии он не мог. И то уже заслуживает полного нашего сочувствия, что он решительно отказался от ереси прежних своих лет и инстинктом почуял, где начинается настоящее искусство.

Не будь в Максимове некоторой склонности к повестушке, не прогляни в его «Колдуне» крошечная доля *обличения* народных суеверий, его можно было бы, так же, как Морозова, считать за запоздалого венециановца. Его бытовые сцены изображают действительность почти в чистом виде, в них почти нет личного мнения художника об изображаемом и навязывание этого мнения зрителю. Впоследствии он очень опустился, но в 1875 г., когда появились его картины «Приход колдуна на свадьбу» и «Раздел», успех его был огромный, и критика, не задумываясь, ставила Максимова рядом с самыми блестящими из передвижников. Талант Максимова живее морозовского; для него народ и деревня не собрание натурщиков и мертвых предметов, с которых нужно только аккуратно списывать. Он, видимо, знал, что изображал, и поэтому его сложные сцены имеют характер не случайных фотографических снимков, но *типичных* бытовых документов. Однако в смысле живописи и эти вещи далеко не высокого качества: нарисованы они только прилично, написаны с умеренным исканием правды в красках. Впрочем, в 70-х годах техническое совершенство считалось слишком ненужным, чтоб кто-нибудь из художников пожелал на него обратить внимание. Уж если Репин при всем своем громадном колористическом таланте не всегда создавал истинно прекрасные по колориту и живописи вещи, то, разумеется, от таких художников, мелких и скромных, как Максимов, нечего ожидать чего-либо очень хорошего в этом отношении.

XXIV

Как оно ни странно, но, думая о живописи шестидесятых и семидесятых годов, менее всего приходит на ум главный художественный деятель того времени — Крамской. Однако если разобраться, то окажется, что оно вполне естественно. Значение Крамского выразилось не в его картинах. Крамской был более художником на словах, в теории, нежели на деле, в творчестве.

Репин описывает его нам как раз в эпоху процветания Художественной артели и выставляет его чуть ли не как пророка: «Какие глаза! не спрячешься, даром что маленькие, серые, светятся... Какое серьезное лицо, но голос приятный, говорит с волнением. Ну и слушают же его!.. Он говорит как-то торжественно, для всех. Вот так учитель! Его приговоры и похвалы были очень вески и производили неотразимое действие... Часто он увлекал в какой-нибудь политический или моральный спор, и тогда мало-помалу публика настораживала уши, следила и принимала деятельное участие в общественных интересах. Он завладевал общим вниманием». Весьма вероятно, что не будь Крамского, не было бы и 9 сентября 1863 г., не было бы ни

И. КРАМСКОЙ. За чтением. Портрет Н. С. Крамской.

манифестации нового направления, ни, пожалуй, самого направления, так как разбросанные, без стойких убеждений, без программы, талантливые молодые художники рассеялись бы, прошли бы незамеченными, остались бы без влияния, постоянно теснимые и гонимые всемогущим академизмом и всякой пошлостью. Ум и энергия Крамского объединили их всех в одно целое, дали их намерениям одну общую, определенную цель, выработали для них учение, хотя и узкое и неглубокое, но все же живучее (по крайней мере на время) и ясное, за которое можно было стоять, на которое можно было ссылаться.

Однако сам Крамской был выше этого учения — и в этой относительной недосытаемости его взглядов для других, разумеется, и крылась отчасти его сила. Для Крамского все не сводилось к нравоучительной проповеди и к потешным рассказам из жизни. В нем жил иной, более высокий идеал: он первый, после Иванова, среди русских художников серьезно вник в глубины искусства. Для него было ясно философское значение искусства, и он с большим пониманием относился к его формальной стороне. Но Крамской был политик, большой знаток людей и русского общества. Он чувствовал, что не настал еще день, чтоб привить русскому художественному миру святую святых своих идей. Считая «общественное», «содержательное» и «из жизни» направление за известный уже шаг вперед для русской живописи на пути от холодной и мертвой академической схоластики к теплоту и истинному искусству, он всеми силами отстоял это «общественное», «содержательное» и «жизненное» направление. Вся деятельность Крамского сводится к призыву: «Вперед без оглядки» к жизни, подальше от мертвенных формул. В этом именно его великое значение, громадная его заслуга перед русским искусством, а за ним и вся заслуга наших художников шестидесятых и семидесятых годов. Их роль сводится к тому же: к окончательному и сознательному порешению с преданием, с рутинной школой, с формализмом и, в то же время, полному страсти и интереса, к стремлению к жизни. Мы, переживающие теперь другую стадию развития искусства, жаждущие главным образом свободных от всякого насилия личностей, искренних слов и раскрытия высших тайн жизни, мы тяготимся тем подчинением светлым интересам, которое было в искусстве 60-х годов. Так и в Крамском нам не очень понятна и симпатична проповедь рабской сплоченности и приниженного служения чисто мирским, земным интересам. Но мы не должны забывать, что Крамской в душе желал иного и только из осторожности не решался проявить этого на деле. Он считал, что покамест достаточно и того, если главные враги искусства — пустота и формализм — будут свержены и уничтожены. В этом стремлении к содержательности и к искренности, но отнюдь не в своем неудачном Христе, Крамской является истинным, хотя и не смелым и не особенно глубоким, продолжателем Иванова. Он привил русским художникам серьезное благоговейное отношение к делу и внес хоть кое-какую высшую идею, хоть кое-какое «священнодействие» в наше искусство.

«Проповедническая» деятельность Крамского помешала ему

самому быть художником. Любопытно, что до 70-х годов он, уже прославленный как деятель, как вожак партии, вовсе еще не выступал как художник. Взяться за обязательный в то время некрасовский и щедринский бич он не был в состоянии, хотя и признавал значение его. Долгое время находясь под впечатлением картины Иванова, Крамской рвался пойти той же дорогой. Он понимал отлично, что существуют и другие высшие задачи, нежели общественное служение, и прекрасно чувствовал, что в искусстве эти задачи могут быть лучше всего разрешены. К сожалению, он — одинокий — не знал, как и за что ему взяться. Потому-то он и метался всю свою жизнь, переходя от «Христа в пустыне» к «Русалкам», от «Руслана» к «Радуйся Царю Иудейску», от «Иродиады» к «Неутешному горю», от «Осмотря старого дома» к «Лунной ночи», каждый раз истощаясь в усилиях найти выражение своему не вполне найденному внутреннему идеалу. Где не мог быть ему товарищем и помощником как недостаточно логичный мыслитель, Толстой же и Достоевский во взглядах на пластическое искусство всегда оставались слишком позади него, чтобы служить Крамскому дельными советами. Он был слишком одинок в своих душевных взглядах, а в жизни его окружали люди, стоявшие гораздо ниже его по умственному развитию. Поэтому-то ему и было так трудно вырваться на волю и высказаться. Когда Гаршин спросил его, что он хотел выразить своим Христом, он ответил так уклончиво, так путано и неопределенно, что из этого объяснения можно понять только одно, а именно, что сам Крамской в точности не знал, зачем он взялся за эту тему, каково вообще его душевное отношение к Христу. Как человек, зараженный позитивизмом, он допускал вообще *устарелость* христианства в будущем, но в то же время, обладая безотчетной склонностью к мистике, он моментами верил в божественность Христа и даже искал сверхчувственного откровения. Крамской, так же, как его ученик Репин, типичные представители переходного состояния общественной мысли. В этом отношении они оба, впрочем, далеко опередили своих сверстников, из которых громадное большинство было настолько ограничено, что непоколебимо верило в ту мелкую и чересчур уж наивную, но зато простую и как будто ясную теорию, которую переделали с западных образцов и приспособили для юного русского художества доморощенные Прудоны.

Главная черта картин Крамского — это их ненужность. «Пьяный отец семейства» или «Чаепитие в Мытищах» были нужны для тогдашнего общества, требовавшего во всем указания на мерзости русской жизни и напоминания о том, что пора взяться за их исправление. «Русалки» К. Маковского пришлись по вкусу охотникам до «пикантных сюжетцев». «Грешница» Семирадского должна была нравиться тем многочисленным любителям изящного, которые предпочитали А. Толстого Достоевскому и Макарта Тициану. Но весьма порядочные, весьма продуманные и вовсе не убедительные «Русалки» Крамского, его очень внимательное, совсем верное, совсем точное, прекрасно и даже удивительно выразительно изображенное «Неутешное горе», его очень исстрадавшийся, но неизвестно почему и во имя чего

Н. ЯРОШЕНКО. В теплых краях.

К. САВИЦКИЙ. Ремонтные работы на железной дороге (фрагмент).

«Христос» — никому не могли сказать решительного, потрясающего или хотя бы утешительного слова. Все, что было сделано им, в смысле рисунка и даже живописи, было неизмеримо выше (за исключением одной картин Репина) того, что делалось вокруг него в русской живописи, все это носило следы строгого изучения и серьезного отношения к делу. Здесь и там прорывались светлая мысль, глубокое сочувствие к людям или понимание поэзии, и все-таки в целом Крамской остался мертвым, неясным, а главное, *ненужным* художником. Вряд ли могут и могли быть *поклонники* Крамского, как живописца, вряд ли кто вспомнит о нем, говоря о *живописи* 60-х и 70-х годов. Однако стоит только перейти к истории взглядов и направлений в русском искусстве, как сейчас же придут на ум его огненные речи, его воодушевляющие письма, и тогда непременно всякий преисполнится глубоким уважением к этому прекрасному и умному человеку, пламенному энтузиасту искусства и неутомимому деятелю, не знавшему ни корысти, ни зависти.

148 Это уже давно решено во мнении людей, интересующихся русским искусством, что картины Крамского почтенны, порядочны, но и скучноваты, как-то «ненужны», однако все до сих пор стараются выгородить одну область его творчества: портреты, находя, что они превосходны. Так ли это? Не говорит ли при этом желание сохранить за этим милым и драгоценным для всех деятелем хотя бы эту одну положительную сторону его художественного творчества? Нет сомнения, что портреты Крамского и похожи, и в большинстве случаев хорошо нарисованы, сухо, но и очень порядочно написаны, а некоторые из них (например, портрет Литовченки) обладают даже удачной живописной осанкой. Достаточны ли, однако, все эти качества для того, чтоб считать Крамского первоклассным портретистом, давшим по крайней мере в портретах нечто, находящееся на одинаковой высоте с его взглядами и идеалами, с его значением художественно-общественного деятеля? Нам думается, что нет, так как в них отсутствует главное: личность художника или по крайней мере личность, характер изображенного лица. Крамской долгое время был ретушером фотографии и долгое затем время искажал свой талант, исполняя по заказу Румянцевского Музея несколько сотен портретов (с фотографий и гравюр) знаменитых русских людей. Вероятно, по милости этих обстоятельств он и всю жизнь затем не мог отделаться от известной фотографичности, от чего-то скучного и безразличного, что и испортило все его создания — портреты не менее другого. Напрасно силился он избавиться от этого, давая по возможности живые повороты изображенным лицам, ставя их среди подходящей обстановки, всеми силами стараясь умно и добросовестно передать свои наблюдения, — результаты получались одни и те же. От всех этих вещей веет скукой увеличенного и раскрашенного фотографического снимка, и нигде в них не проглядывает хоть капля страсти, темперамента или хотя бы пытливого изучения характерных особенностей, то, что сообщает портретам Перова, но в особенности Ге, такой интерес и такую значительность, несмотря на все их технические недостатки.

В противоположность Крамскому можно указать именно на Ге. Ге был поистине изумительным портретистом, хотя до технической порядочности и правильного рисунка ему было безнадежно далеко. Те, впрочем, из его портретов, которые написаны до 80-х годов (таков знаменитый портрет Герцена), сделаны еще очень складно и даже не лишены известного мастерства (что вовсе не вредит их глубокому психологическому анализу). Зато все то, что было создано Ге в 80-х и до 90-х годов, до последней степени разнузданно и бесформенно на вид, часто даже криво и косо, но в то же время прямо гениально по характеристике. Таков мрачный портрет Толстого за работой, таковы портреты госпожи Лихачевой, изумительный по своей жизненности портрет Костычева, а также той читающей, у открытого в лес окна, девушки, которая производила такое сильное впечатление на выставке 1893 г. Ге, вдохновлявшемуся здесь непосредственно жизнью, удалось в этих вещах лучше, богаче и очевиднее выразить всю глубину своей натуры, весь свой дар проникновения в психические тайны, нежели в своих религиозных картинах, где исполнение до такой степени всегда оставалось позади намерения, вероятно, вследствие полного невнимания его к формальной стороне дела. Его портреты так мучительно думают и так зорко смотрят, что становится жутко, глядя на них. Не внешняя личина людей, но точно так же, как в некоторых старых итальянских портретах, самая изнанка — загадочная, мучительная и страшная — вся в них открыта наружу.

XXV

149

Среди художников 60-х и 70-х годов самым крупным и замечательным является Репин. Если прежние сравнения его с Веласкесом и Гальсом и кажутся теперь преувеличенными, то все же несомненно, что по своему огромному, совершенно из ряда вон выходящему таланту он достоин занять одно из наиболее видных мест в истории — и одного только русского — искусства. В XIX в., впрочем, не было и не могло быть Веласкесов и Гальсов. Отсутствие живой школы (и замена ее академической схоластикой), огрубение вкуса общества, болезненная нервность, всевозможные рассудочные теории и, наконец, нелепая газетная критика составляли непреодолимые преграды для нормального развития художественных личностей. Репин менее чем кто-либо мог избежать общей участи. Этого страстного, чрезмерно увлекающегося человека вовлекло в общий круговорот, он сбился с истинно художественного пути и оставил свой удивительный дар недоразвитым, «сырым». Мы теперь в его творчестве видим скорее только намеки и недосказанные слова, нежели ясно выразившееся целое.

Мы назвали Репина учеником Крамского, и действительно Репин не только «воспитывался» на Крамском, не только в юности заразился его жаждой просвещения и служения общественности, но и затем всю свою жизнь стремился, согласно заветам Крамского, посредством картин своих выяснять и поучать. Он постоянно влюблялся в новые и противоположные друг другу

истины, причем чаще увлекался внешним блеском, величием этих идей, нежели их сущностью. Если Брюллов, Иванов и Бруни представляют собой грустные, трагические жертвы недоразумения, царившего в нашем искусстве в первую половину века, если можно сказать, что они пожертвовали свои колоссальные таланты на служение чему-то недостойному, лживому и ненужному, то Репин с его громадным и исключительным дарованием является еще более печальной жертвой недоразумения, царившего в русском обществе в конце XIX века.

Когда, бывало, осмотрев вялую и нелепую Академическую выставку, мы затем отправлялись к «Передвижникам», нас каждый раз охватывало удивительно отрадное чувство. Казалось, точно мы из смрадной и темной казармы с ее несносной муштровкой и шаблонным порядком вышли прямо за город в деревню, на простор, на свежий воздух, к народу. Тогда мы не чувствовали той фальши, которая была и в этом творчестве. Если нас что-либо коробило, так это только пошловатые рассказы Вл. Маковского и ему подобных. На «Передвижных» мы учились жизни, и на этих уроках самым драгоценным, самым желанным и светлым словом нам всегда представлялось последнее создание Репина. Это слово казалось и тогда уже обыкновенно несколько недосказанным, непродуманным, но эти недостатки возмещались изумительной страстностью и увлекательностью исполнения. Иногда нас, впрочем, смущала и некоторая непоследовательность, какая-то случайность, эпизодичность в выборе Репиным своих сюжетов. Но на это мы уже потому были готовы не обращать внимания, что были убеждены: главные слова Репина впереди. На всю его деятельность 70-х и 80-х годов смотрели как на приготовление, как на предисловие к чему-то бесконечно более важному и значительному. Как глубоко возмущали нас тогда нелепые критики, бранившие в любимом мастере то, что было достойно хвалы (его энергию, его живописный размах, его искренность), и пропускавшие без внимания то именно, что и тогда уже указывало на какой-то серьезный грех в его искусстве!

150

Годы прошли. Репин все еще и теперь в полной силе таланта и мастерства, но ожидать от него *новых* слов нечего. Он все сказал, он весь без утайки предстал перед нами, и теперь уже можно сказать решительное слово об этом большом художнике. Можно, но в то же время опасно, так как, без сомнения, мы, современники, находимся в самых невыгодных для правильной оценки условиях. Наш приговор фатально будет несправедливым и односторонним. Нет достаточной отдаленности, чтоб судить о настоящей величине Репина, нет достаточного спокойствия, чтоб беспристрастно говорить о художнике, который благодаря своей чрезмерной впечатлительности и нервности так часто менял свое отношение к молодому искусству, переходя от ярой защиты его к беспощадной вражде. Репин — законченная личность, но *для истории он еще не готов*, установить к нему правильное отношение, сделать его творчеству правильную оценку в данную минуту невозможно. Мы думаем, что наше вполне *искреннее* мнение послужит разъяснению этого вопроса.

К. А. САВИЦКИЙ. На войну (фрагмент).

Одно только можно сказать уже теперь с полной уверенностью.

Репин не оказывается тем *великим художником*, каким многие, кому он был дорог, желали его когда-то видеть. Он не тот здоровый и простой реалист, каким он представлялся в былое время в сравнении со своими товарищами — вовсе уже не простыми и здоровыми реалистами. Напротив того, и он оказывается скорее каким-то чрезмерно разносторонним, неточным и неглубоким «учителем», вечно стремившимся высказать свое мнение по поводу последних толков. В сущности, и он презрел самую живопись, меньше всего обратил внимание на внутренний смысл красок и линий. Положим, впоследствии, следуя перемене, произошедшей в общественном мнении, Репин заразился более художественными взглядами, но, во-первых, это случилось с ним тогда, когда художественная его личность уже вполне сложилась и не могла более измениться, во-вторых, и это обращение его было недостаточно серьезным и убежденным, а носило оттенок модный.

Репин плохой мыслитель. Это человек, вполне зависящий от настроения минуты, от последнего впечатления. В этом, пожалуй, лучше всего сказывается его глубоко художественная натура, призванная отражать все, что творится вокруг нее. Но, к сожалению, Репин явился в такой момент, когда то, что творилось, скорее можно было передать на словах, нежели в образах. Репин — дитя общества и времени, отвергнувших внешнюю культуру, следовательно, и пластическое искусство. Он

развился в эпоху самого чудовищного огрубения формальной стороны русской жизни, и ему негде было найти спасения от этой грубости, негде познать самую суть святой красоты. Впоследствии и Репин также принял за красоту гипсовую скуку Академии и уверовал в то, что твердилось в казенном учебнике эстетики.

Отсутствие в Репине при полной его сбитости и, мы бы сказали, податливости истинной, «перовской» силы обличителя и рассказчика способствовало прежде тому, что мы его *особенно* любили. Именно благодаря отсутствию этой силы мы мало обращали внимания на те рассказы и уроки, которые он вкладывал в свои картины. В «Крестном Ходе» нас, разумеется, не прельщало наивное сопоставление фанатичных богомольцев и грубых жандармов, но исключительно только красота превосходно переданного знойного дня и великолепно выраженного движения живописной толпы. В «Не ждали» наш глаз скользил по ходульной мелодраме, по довольно поверхностно созданным типам, но зато с наслаждением останавливался на превосходно написанном *intérieur'e*, на сильных серых красках, на бодрой, простой живописи. В «Садко» нас поражала выдержанность колорита, в «Иоанне» и «Казаках» — сочность и размах кисти, славные, ясные краски. Во имя всего этого мы готовы были простить как полное отсутствие сказочности в первой картине, так и случайность, эпизодичность и неубедительность в двух последних.

Необходимо, впрочем, заметить, что много при этом способствовало восторгу наше собственное невежество. Теперь это кажется странным, но действительно в 70-х и еще 80-х годах не существовало никакой связи между ними и истинно художественным творчеством на Западе; никакого отношения также не существовало к истории искусства. Мы из всей западной живописной школы знали только одних официальных художников, скучных академиков вроде Бугеро, Кабанеля, Жерома, Пилоти или салонных кондитеров вроде Макарта, Зихеля, Лефевра, а также кое-кого из забавников-анекдотистов. Об английских прерафаэлитях (если не считать совершенно даром прошедшей статьи Григоровича 1862 г.) у нас заговорили только лет 8 тому назад; Бёклин, Менцель, Уистлер и Лейбль вовсе не были известны; Милле, Коро и импрессионисты считались шарлатанами, выдвинутыми парижскими торговцами. Но именно за последние 10 лет положение дел резко изменилось. Частые выставки иностранных художников, устраиваемые в Петербурге и Москве, общедоступность путешествий, распространенность иллюстрированных изданий об искусстве — все это раскрыло многие тайны, все это сблизило нас с Западом. В результате получилось, что для нас теперь западное искусство стало таким же близким и знакомым, как наше родное. Знание же это повело к тому, что мы наконец иначе взглянули и на наше родное искусство. Требования наши к живописи неизмеримо повысились. И вот, приложив затем «эту общеевропейскую» мерку к тому, что было сделано в нашем искусстве, сейчас же обнаружился низкий художественный уровень нашей живописи. При этом оказалось, несмотря на все желание выгородить прежнего бога, что и Репин

не чужд общих недостатков, общего варварства. И он по сравнению с истинными колоссами европейского искусства показался теперь вовсе не таким великим и поразительным, каким он прежде представлялся. Его ореол живописца померк, и тотчас же стала досадливо колоть глаза «содержательная» сторона его картин.

Когда теперь осматриваешь Третьяковскую, то ожидаешь по старой привычке получить от Репинской залы, в которой собраны лучшие картины мастера, все то же прекрасное, высокое наслаждение, какое испытывал в былое время, восхищаясь всеми этими картинами на «Передвижных». Однако эффект получается иной. Обзор всего творения Репина в целом заставляет нас хоронить одну из самых драгоценных иллюзий. Чисто живописные достоинства репинских произведений оказываются далеко не столь высокими, как то нам казалось прежде, зато литературная сторона его картин и даже портретов неприятно колет глаза, а в иных случаях представляется прямо невыносимой. Со всех сторон до нас доносятся скучные *убеждения*, забытые, завядшие слова; там же, где мы прежде видели живописное великолепие, «равное Рембрандту и Веласкесу», нас теперь поражает что-то сырое, художественно непродуманное и не культурное: мятвый, сбитый рисунок, «приблизительные» краски, жесткая, небрежная живопись. Репин, бесспорно, огромный, но малоразвитый и в то же время вовсе не наивный талант.

Приблизительность, непродуманность действительно самые подходящие слова для характеристики репинской живописи. И в сторону содержания, и в сторону исполнения она приблизительно, непродумана. Репин, мягкий человек, с нежным, но непостоянным сердцем, с ярким умом, развившимся, однако, не в глубину и не в высоту, но как-то в ширину. Впечатлительность у него большая, но не цепкая, не прочная. В этом мощном силаче, как оно ни странно, много женственного: нежного, мягкого, но и неверного, непрочного. Он именно по-женски любит жизнь, вечно, как женщина, по моде, меняя свое отношение к ней, увлекаясь, и очень страстно, внешним блеском явлений, откровенно, искренно, но уж больно часто меняя свою точку зрения на все. Живи он в другое время, более простое, более ясное, в которое сказывалось бы определенное, неизменное увлечение красотой жизни, — все эти черты были бы ему только в пользу. При его колоссальном даровании, имеющем по силе и размаху действительно много общего с великими нидерландскими и испанскими живописцами XVII века, эта впечатлительность, эта любовь к внешности поддерживали бы его в постоянном энтузиазме от жизни, заставили бы его сконцентрировать все свои усилия на то, чтоб вырвать от жизни секрет ее прелести, направили бы его на чисто живописные задачи, в которых сила Репина могла бы проявиться с полным великолепием. Тогда Репин подарил бы русское искусство тем, что более всего было нужно русскому искусству — прелестью живописи, высокими чарами живописной красоты!

Но Репин попал в Петербург в 1863 г., в самый разгар революционного движения, всего за несколько дней до выхода «13-ти»

И. РЕПИН. Нищий с сумой. 1879.

К. А. САВИЦКИЙ. Темные люди.

И. РЕПИН. Мужские головы. (Этюды для картины «Парижское кафе».) 1869.

- И. РЕПИН. Портрет А. Мамонтовой. 1878—1879.

из Академии, и, как страстный, впечатлительный человек, он, естественно, должен был отдаться всей душой молодому течению, весь проникнуться его духом. Отчасти, впрочем, это было и благотворно для него (как вообще шестидесятиничество было благотворно для русского искусства). В те времена он все равно не мог бы пойти своей дорогой — слишком он был для того мало образован и сформирован, а не следуя за Крамским и Стасовым, он, наверное, отдал бы весь свой талант на служение тому же ложному идеалу, которому отдали свои таланты Флавицкий, Гун и Семьрадский. Ведь преклонялся же он затем по недоразумению всю свою жизнь перед всякими богами неоакадемизма, вроде Матейко, Делароша и др., и ведь выступил же он еще недавно публично как яростный поклонник Брюллова. Пожалуй, все несчастье Репина вовсе даже не заключалось в том, что он в 60-х годах, в годы своей юности, примкнул к партии Крамского, но в том, что и впоследствии, постоянно увлекаемый всевозможными теориями, чаще всего антихудожественными (одно время он совсем было собрался бросить искусство и отдаться более «полезной» деятельности), он так-таки и не сумел приобрести какое-либо ясное отношение к искусству.

156 Досадно и то, что Репин, поехав за границу уже (после того, что он проявил свое чудесное дарование в «Бурлаках»), и там не проникся более свежими художественными идеалами. Теперь очень трогательно читать его первые письма из-за границы. Его дерзкая переоценка старого искусства даже симпатична. Она доказывает его смелость и бодрость. Но все же нельзя отрицать, что эти письма рисуют его как человека, совершенно неподготовленного для художественных восприятий и в то же время уже не достаточно наивного, чтобы судить о вещах по простоте душевной, с детской ясностью, с детской правдой. В этих письмах чувствуется «полуварвар», смелый до дерзости, но не свободный. Его юношески опрометчивое отрицание Рафаэля и Рима звучит так же дико, как шаблонный восторг от Рафаэля и Рима у Егоровых и Брюлловых. Но особенно досадно то, что Репин совсем ничего не вынес из своего долголетнего пребывания в Париже, что он и в современном западном искусстве совсем не разобрался и вследствие этого не смог перевоспитать себя на нем. Его отношение к импрессионистам, к Пювису и вообще к самым отпадным явлениям европейской живописи последних 40 лет почти вовсе не отличалось от отношения к ним толпы. Он всю жизнь так и остался при убеждении, что все это шарлатаны и юродствующие, находящиеся на откупе у парижских торговцев. В Россию он вернулся, почти ничего не вкусив от европейской культуры, все тем же грубоватым прямолинейным утилитаристом-шестидесятником, готовым в своей живописи «служить обществу», учить его, и не особенно доверяющим самодовлекющей силе «голого искусства».

В продолжение дальнейшей жизни Репин также не мог найти свою художественную цельность, будучи все время слишком озабочен своим «общественным значением». Он с неустанным нервным напряжением прислушивался то к тому, то к другому теоретику, безропотно соглашался следовать за всяким потоком

общественной мысли, не жалея себя, посещал все передовые гостиные, все модные чтения, безусловно, не пропускал ни одного нового явления во всех сферах русской интеллигенции. Замечательно доверчивый, он прилагал решительно ко всему одинаковое внимание и любознательность. Несколько наивно поклоняясь вообще идее просвещения, он сегодня умилялся трезвости Стасова, завтра увлекался оргиазмом декадентов, сегодня был убежденным либералом, завтра, но только на завтра, становился ярым адептом Толстого. Во всем этом много трогательного и почтенного. Репин проделывал все эти метаморфозы с редкой неутомимостью и полной добросовестностью, надеясь пополнить недостатки своего образования, надеясь встать вровень с лучшими представителями русской мысли, и только грустно отметить факт, что никто не нашелся в пустыне русского художественного мира, кто остановил бы Репина в этом блуждании, указал бы ему на тщетность его, указал бы главным образом на то, что эта его мучившая необразованность скорее для него — художника — преимущество, так как она могла бы дать ему возможность ярче и яснее видеть жизнь, ближе встать к народу, проще, так же, как Милле, выразить народную и жизненную красоту в живописи.

Репина мучило убеждение в необходимости идейной подкладки в картинах, и вместо того, чтоб видеть эту идейность в красках и формах, он искал ее в мыслях и в словах. Содержательность картин он продолжал до самых последних дней видеть в том, что можно было вычитать из них. Поэтому-то он вечно прибегал к литературным темам, стремился как можно выразительнее, драматичнее рассказать свою злую сатиру, свою веселую повесть, свою мрачную трагедию или характерную сцену. В погоне за всем этим он пренебрегал живописью, красотой. А между тем в его даровании не было той силы выражения, той драматичности, наконец, той глубины философского взгляда, во имя которых только «содержательность» терпима в художественных произведениях. Слабое место «Проводов новобранца» — это безучастные лица, отсутствие драмы, вялость рассказа; слабое место «Садко» — кукольность действующих лиц, необедительность фантастического элемента, отсутствие сказки; слабое место «Софьи» — ее театральная поза, грубая нарочитость выражения, отсутствие истории; слабое место «Не ждали» — подстроенность фабулы, гримасы актеров, грубость повествования; слабое место «Иоанна Грозного» — натуга и пересол в трагизме; слабое место «Св. Николая» — банальное выражение святого, карикатурность остальных; слабое место «Ареста» — мелодраматический вид героя и неуместный кнаусовский анекдотизм и т. д. Репин — живой и страстный человек. «Равнодушных» картин в его творении трудно найти. С трудом придуманный почти случайный доставшийся ему сюжет в большинстве случаев все же увлекал его. Почти в каждой из его главных картин чувствуется не только расчет, не только рассудочность, но и жгучий темперамент, сильное, иногда даже несколько припадочное увлечение. Однако этот драматизм его, хоть и искренний, хоть и очень страстный, все же чисто актерского характера: неестественный и неглубокий. Его действующие лица, иногда очень ловко распо-

ложенные, очень выразительно жестикулирующие, строящие весьма подходящие мимические гримасы, — истинные лицедеи, играющие идейную роль, а не люди, живущие сосредоточенной, душевной жизнью. Лишь в «Бурлаках», написанных в юношеском пылу, под непосредственным впечатлением виденного во время путешествия по Волге, написанных притом очень внимательно, с некоторой еще ученической робостью, есть истинный символизм, очень просто и ясно выраженная драма, вдобавок не лишенная классической объективности.

Лучше всего Репину удавались сатира, насмешка, карикатура, смешливый и злобный анекдот. Однако его картины и этого типа далеко не производят отрадного впечатления на людей мало-мальски чутких к грубости. В таких картинах он нередко пересаливал и впадал в шарж. Иные из его сцен, не будь в них крупных живописных достоинств, легко можно было бы принять за произведения Вл. Маковского. В «Крестном Ходе» довольно метко и злобно подмечены смешные стороны в богомолках, во «властях» и духовенстве, но все эти детали производят скорее тягостное впечатление благодаря своей нехудожественной подчеркнутости, какому-то даже ломачеству. В «Запорожцах», физиономии в которых казаков очень смешны и типичны, но в общем эта картина все же производит впечатление какого-то грубого смехотворного зрелища. В «Св. Николае» единственное удачное место — эта подлая ужимка византийского царедворца, в «Аресте» очень верно схвачена холопья угодливость полового, но эти черты в обеих картинах как-то не вяжутся с остальными, являются лишними, почти бестактными подробностями.

158

А между тем какие чудные по живописным достоинствам куски во всех этих картинах Репина, указывающие на настоящую силу этого мастера и заставляющие сожалеть, что эта настоящая его сила не проявилась вполне, проявилась как-то случайно, как будто даже помимо желания художника. Как прекрасно задуманы черноватые и все же колоритные сумерки в Иване Грозном, заволакивающие темную, мрачную палату страшного царя! Какой природный колорист сказался в густых лужах крови, пролитых на горячие краски персидского ковра. Великолепна также живописная задача в обоих «Крестных Ходах» — чудный зеленый насыщенный тон в одном и невыносимый, раскаленный солнцем воздух на втором. Какой подбор благородно-однообразных, серых красок в «Запорожцах», как хороша в красочном отношении даже злополучная белая бурка стоящего спиной казака, являющаяся таким нелепым диссонансом в повествовательной стороне этой картины. Эта белая бурка — очень характерный симптом в Репине и далеко не единственный пример в его творении. В каждой картине можно найти эту «белую бурку» — такую же уступку, сделанную рассказчиком-Репиным живописцу-Репину, и можно только пожалеть, что первый не пожелал раз навсегда и совершенно уступить второму. Даже в самых неудачных вещах мастера есть эти великолепные куски, но зато и в лучших его картинах — это только куски, случайно контрабандой пробравшиеся в его идейные создания.

К. А. САВИЦКИЙ. Парень с гармошкой.

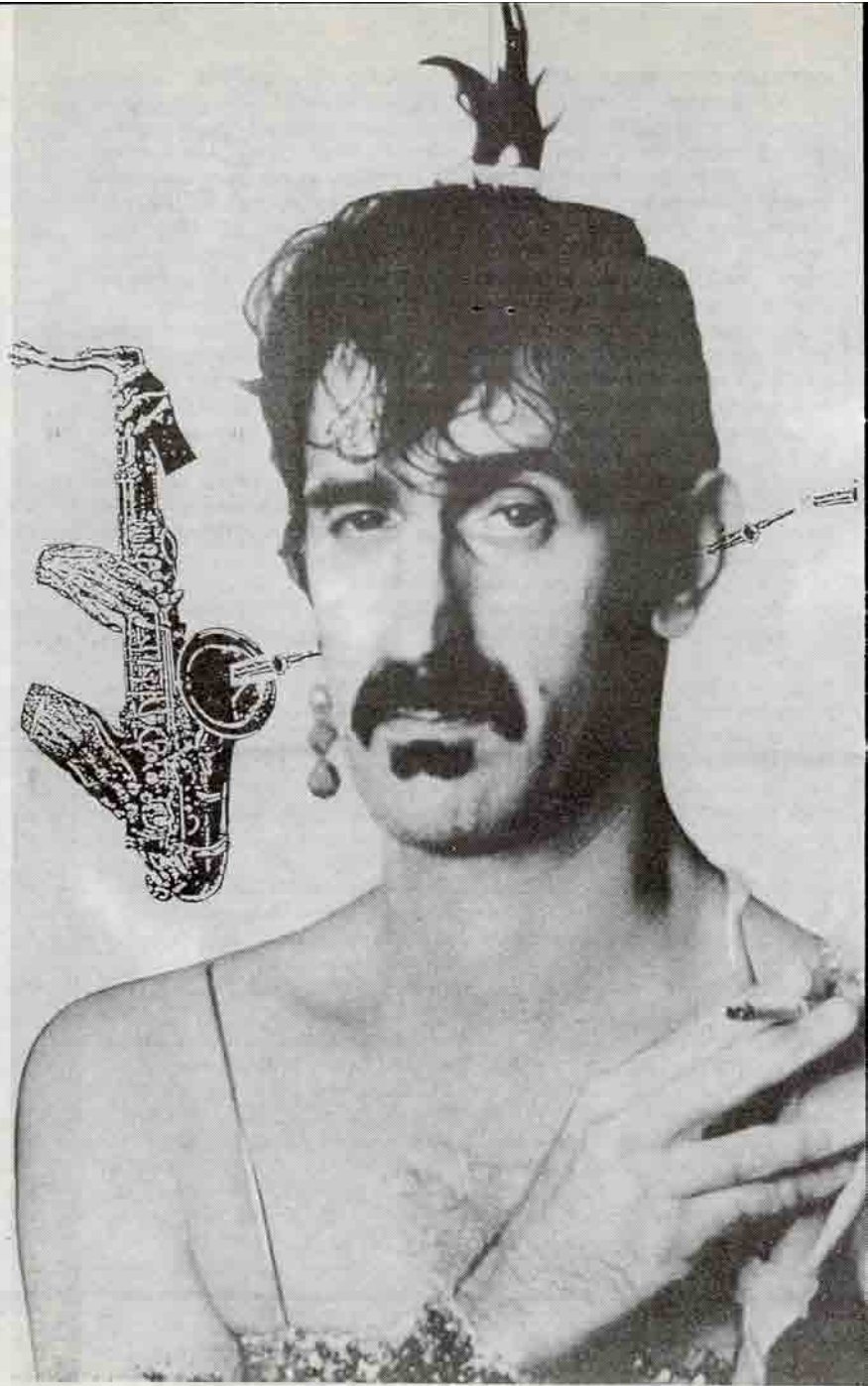
Трагизм положения Репина выразился особенно в последние годы, когда наконец наступило освобождение как от оков академизма, так и от указки передвижников. Репин увлекся новым освободительным движением, но тут же в нем запутался, принимая одно за другое. Увлеченный возрожденной идеей «чистой красоты», он, однако же, не поклонился во имя ее Милле, Коро, Моне и Дега, но, к великому соблазну русского художественного общества, стал превозносить Делароша и Брюллова. В то же время он вообразил, что и он способен на восторжествовавший теперь идеализм в живописи так же, как был на то способен Иванов. Уже такие несвоевременные для 70-х и 80-х годов темы, как «Садко», «Николай Чудотворец», указывают на то, что Репин в душе не был верным сыном передвижнической церкви, что его манило в другие, более возвышенные сферы. В начале же 90-х годов он решительно взялся за тот же сюжет, над которым промучился его учитель Крамской, так долго и тщетно пыгавшийся связать идеализм с самыми узкими позитивными теориями. Однако Репин, увлеченный трансцендентным течением, появившимся в русском обществе за последнее десятилетие, оставил реализм в духе Крамского и Ге только для главного лица и не побоялся сгруппировать фантастические и мистические элементы вокруг своего ренановского Христа. Самая медленность создания «Искушения Христа», постоянные и коренные изменения, которым он подвергал эту картину, свидетельствовали о том, что Репин наткнулся на такой же камень преткновения, каким было «Явление Спасителя» для Иванова и «Мессалина» для Чистякова. Убежденный рассудком в необходимости создания этой картины и вовсе не имея в душе ясного образного представления о ней, он окончательно сбился с пути в погоне за непосильной, вернее, неподходящей задачей. Выставленная наконец в 1901 г. картина превзошла и самые грустные ожидания своей роковой неудачностью, своей безусловной неубедительностью. Даже обыкновенные достоинства репинских картин в ней отсутствуют, и она ничем не отличается от самых заурядных картин реально-религиозного характера, которыми одно время так изобиловали иностранные выставки. Можно вполне утверждать, что при взгляде на некоторые прежние картины Репина мерещились гениальные произведения Веласкеса и Гальса. Глядя же на «Иди за мной Сатано», невольно вспоминается разве только любимец немецких салонов — Саша Шнейдер. Как досадно и обидно, до слез обидно, что Репин — этот гениально одаренный мастер — благодаря царившим в нашем обществе недоразумениям всю жизнь разбрасывался на лишнее и ненужное и что теперь, когда настало давно желанное освобождение, он опять-таки не обратился к тому, в чем его колоссальное дарование могло бы развернуться вполне, но продолжает лихорадочно метаться из стороны в сторону, застревая иногда под влиянием чисто головных увлечений на таких вещах, которые всего менее ему доступны.

В России за 100 лет было немало чудных и великих портретистов: Левицкий, Боровиковский, Кипренский, Венецианов, Брюллов, Перов, Ге и Серов — вот те высшие точки, которых

достигло портретное искусство в России. По своему таланту Репин должен стоять во главе этого ряда. В его портретах в особенности сказалась его близость к великим мастерам прошлого. В портретах Репин достиг высшей точки своей живописной мощи. Некоторые из них прямо поразительны по тому темпераменту, с которым они написаны. Но и портреты его не лишены обычных недостатков. Репин и в них не сумел держать себя скромно, в стороне. Он и в них во что бы то ни стало навязывает свою «рекомендацию» или «приговор». А между тем Репин никогда не был, подобно Перову или Ге, тонким знатоком людей. Его характеристики или грубы, или прямо неверны, в большинстве же случаев неясны и неопределенны, несмотря на все его старания выяснить и определить свою точку зрения. Старое обвинение репинских портретов в «животности», в «материализме», не лишено основания, так как действительно духовного в них ничего нет. Но, к сожалению, оно и не вполне точно, так как и до настоящего материализма в духе Гальса или Веласкеса им далеко. Они слишком невнимательны и неряшливо писаны — «личина» и та в них слишком неопределенна и бессодержательна. Репин гнался в них за тем, за чем ему не дано было угнаться, — за душой, и в этом преследовании он слишком игнорировал то, что было в его распоряжении: представить по крайней мере с полным блеском и полной красотой «документ наружного вида». В двойном отношении портреты Репина грубы, они грубо поняты и грубо исполнены. Знаменательно, что самый удачный, единственно удачный из его портретов Толстого, это тот, где яснополянский пророк изображен в небольшой фигурке за плугом. В этом портрете никакого Толстого нет, зато представлена милая картина деревенской жизни: изображен какой-то почтенный патриарх-крестьянин, в славный серенький день пахущий среди черного, одноцветного, весеннего пейзажа. Если бы Репин делал всю свою жизнь только подобное этой картине, если бы всю жизнь он оставался милым, задушевым, родным поэтом, он был бы и для нас, и для потомства бесконечно дороже, нежели теперь, создав свою пеструю, разношерстную и, в сущности, бездушную коллекцию «содержательных» картин.

За всем тем значение Репина в истории русского искусства, разумеется, громадно. Среди рабски приниженного перед литературой, в живописном же отношении немощного, лепета передвижников его энергично, страстно написанные картины производят сильное и художественное впечатление. Они не так хороши, как могли бы быть, но все же они бесконечно выше всего, что было сделано со времен Кипренского до наших дней. Сила его таланта настолько велика, что она все же проявилась с удивительной мощью и несмотря на все преграды, лежавшие в условиях времени и в самой личности Репина. Картины Репина все же настоящие картины; рассказы, уроки, вложенные в них, сбивают, портят, но не уничтожают истинно художественного впечатления. Репин вполне живой, *жизненный* и если не «великий», то хороший, большой, славный художник. Не будь его, все

Окончание на 287-й стр.

МАСТЕР АРАДКОВ

«Вы можете игнорировать те идеи, которые стоят за нашей музыкой, но слушать ее вам придется, потому что она звучит повсюду».
ФРЭНК ЗАППА

В Кукамонге особенно не на что смотреть. Несколько магазинов, несколько баров, школа да церковь. Не именно в этом маленьком сонном городишке и началась история Фрэнка Заппы. В начале 1960-х годов молодой гитарист из Сан-Диего купил студию звукозаписи на средства, заработанные сочинением музыки для одного дешевого фильма. Не успела студия «Зед» родиться, как с ней случилась беда. Полицейский, обходивший бары, где иногда бывал Заппа, попросил сделать для него запись, другой полицейский, пришедший с ним за компанию, настоятельно требовал, чтобы музыка была «чуть-чуть эротичной». Заппа пригласил одну знакомую девушку, чтобы та постонала и вздыхала в микрофон. Но не успели они отсмеяться после записи, как полицейские резко сменили тон, опечатали студию, конфисковали аппаратуру и арестовали вла-

дельца «за тайное распространение порнографии и разжигание похоти». Заппу приговорили к трем годам тюремного заключения (которые освободили его от службы в армии), и ему было «запрещено встречаться с женщинами моложе 21 года, либо встречаться в присутствии взрослого ответственного лица». «Это самое нелепое из всего, что со мной случилось», — скажет впоследствии Заппа.

Этот невероятный случай в какой-то мере типичен для Фрэнсиса Винсента Заппы, и подобные нелепости будут сопровождать его на протяжении всей карьеры.

Родился он в Балтиморе 21 декабря 1940 года. Отец, Фрэнсис Винсент-старший, — ученый с университетской степенью, работал в авиационных корпорациях Локхид и Корваэр. В 1950 году он получил работу в военно-морском училище, и супруги Заппа с детьми Фрэнсисом, Бобом, Карлом и Кэн-

ди переехали в Монтери. Они прожили там три года, а затем переехали в Сан-Диего, где мистер Заппа устроился на работу в «Атлас Миссайлз». Постоянные перемены развили фантазию Фрэнка. После неудачных попыток заняться химией он всерьез увлекся музыкой и уговорил родителей купить комплект ударных инструментов. Фрэнк проводил массу времени, учась играть на них. Затем стал выступать со школьной группой, гордо заявив отцу, что собираются «заработать миллион долларов». Фрэнк-старший рассказывал позднее: «Я ему поверил. Я всегда относился к нему всерьез, он был очень серьезным мальчиком».

Вскоре Фрэнк ушел из дома и поселился в квартире на Эко Парк. Его учитель английского языка делал вестерн «Беги Домой Медленно», а Фрэнк сочинял для фильма музыкальную тему. Он поступил в колледж Алта Лола, но больше для того, чтобы встречаться с девушками, нежели учиться. Формальное образование Фрэнка завершилось на курсе композиторского искусства в Помоне.

Примерно в это же время Фрэнк познакомился со своей первой женой Кей. Их брак длился пять лет. Кей работала в Национальном банке Онтарио, а Фрэнк играл в коктейль-баре. Он также нашел место художественного директора на фирме, изготавливающей поздравительные открытки, и благодаря первому знакомству с коммерцией изучил начальные принципы маркетинга. В 1960 году он написал музыку для фильма «Величайший Грешник Мира», подрабатывал, где только удавалось, и играл с различными недолговечными группами. В 1963 году вышел фильм «Беги Домой Медленно», и на заработанные от фильма деньги Фрэнк купил собственную

студию и первую высококачественную гитару.

Вскоре он познакомился с ребятами из группы «Соул Джаентс», куда входили Рой Эстрада, Рей Коллинз и Джим Блэк, и начал работать с ними.

В 1965 году, изменив название группы на «Зе Мазерз», они некоторое время работали в Голливуде. За этот короткий период Фрэнк перепознакомился со всеми лос-анджелесскими знаменитостями, в частности, с Карлом Франзони, который ввел Заппу в диковинное общество лос-анджелесских чудачков, и со своим будущим менеджером Гербом Кохэном.

В это же время Фрэнк приобрел полезного друга в лице Памелы Зарубики. Памела заканчивала училище и мало интересовалась рок-музыкой, но зато знала массу людей: Фила Спектора, Тима Хардина, Джона Денсмора, Джима Моррисона — все они были представлены Заппе. Памела устраивала знакомства со здоровым равнодушием к тщеславию знаменитостей, недавно завоевавших популярность. «Этот Джим Моррисон, конечно же, страшный зануда, все время выпендривается и заставляет всех слушать его стихи!»

Фрэнк и Памела поселились на Кирквуд 8404. Она училась, а по выходным работала секретаршей в «Виски Эй-Гоу-Гоу», где и познакомилась с дочерью американского ученого Гейл Слоутман. Гейл недавно вернулась из Англии. Как-то раз Памела взяла ее с собой в аэропорт встретить Фрэнка, возвращавшегося из Техаса. Эта встреча оказалась решающей в их судьбе, и вскоре Гейл переехала к Фрэнку на Кирквуд, став его постоянной спутницей, а впоследствии матерью четверых детей.

В ноябре 1965 года Том Вильсон услышал выступление «Зе Мазерз» в «Виски-Эй-Гоу-Гоу»

и предложил им контракт на сумму 21 000 долларов, что составляло весьма значительную сумму для совершенно неизвестной группы. Началась работа над записью первого альбома, «Freak Out» (Причуда), состоявшего из нескольких очень длинных композиций, которые нельзя было разбить на небольшие хиты-синглы для обеспечения рекламы. Несмотря на то, что альбом не принес немедленного коммерческого успеха, «Freak Out» заставил заговорить о себе. Он выделялся на фоне глуповатой музыки того периода и сочетал в себе стихотворный экстремизм, музыкальную ностальгию и любовь к эксперименту, отразив всю абсурдность «американского образа жизни» в тревожном состоянии культурного развала.

Техника, которую Заппа освоил на студии «Зед», и удивила, и обеспокоила инженеров звукозаписи. Отвергая традиции студийных записей, Заппа действовал спонтанно, он стоял за кафедрой и уверенно дирижировал оргией звуков.

Сразу же вслед за «Freak Out» «Зе Мазерз» записали свой второй альбом «Absolutely Free» (Совершенно Бесплатно) на студии «Ти-Ти-Джи» в Лос-Анджелесе. Через несколько дней он был перекомпонован менее чем за тридцать шесть часов — срок рекордно короткий, учитывая качество звучания и музыкальную сложность. Бюджет в 11 000 долларов считался смехотворно малым.

В 1966 году не было альбомов сложнее «Absolutely Free», не считая Джорджа Мартина и попыток «Битлз» экспериментировать в различных направлениях. Полу-пародийный, с намеками на различные музыкальные жанры и резкой сменой настроений, «Absolutely Free» представляет собой

художественный коллаж, страничку современной истории, рок-ораторию.

«Зе Мазерз» продолжали выступать в «Гаррике» до начала 1967 года, и, несмотря на частые визиты в Канаду и Лос-Анджелес, Заппа нашел возможность записать в Нью-Йорке четыре альбома: «Lumpy Gravy» (Вожделенная Подливка), «We're Only In It For The Money» (Мы Занимаемся Этим Только Ради Денег), «Uncle Meat» (Дядюшка Мит) и «Cruising With Ruben and the Jets» (Путешествие с Рубеном и Реактивными Самолетами).

В феврале 1967 года пронеслись первые раскаты того, что некоторые называли «Новой Американской Культурой»: демонстрации против войны во Вьетнаме, сексуальная революция, широкое применение психоделических наркотических средств, проникновение поп-музыки в средства массовой информации. Ранние записи неизвестных групп заложили основу для поп-революции, но Фрэнк Заппа сразу уловил, за кем будущее.

Американская молодежь среднего класса слепо следовала по стопам «Битлз», и ей нужны были индийские гуру, оккультные науки и психоделические видения.

Заппа записал альбом «Мы Занимаемся Этим Только Ради Денег», намекая на то, что «Битлз» делают себе состояние, используя новый хипповый облик. Сложный по форме, полный туманной символики, альбом до сих пор не потерял своей новизны и свежести. Фрэнк нанял молодого художника-графика Кельвина Шенкела для того, чтобы тот сделал пародию на обложку альбома «Битлз». Заппа с Шенкелом заменили военные формы «Битлз» на женскую одежду трансвеститов, а цветы заменили морковью

и ломтиками арбуза. Полу Маккартни это не показалось забавным, и выпуск альбома был отложен до конца следующего года. Но альбом доказал, что в лице Заппы общество встретило не только с крупной фигурой рок-сцены, но и с язвительным социальным критиком.

На компанию звукозаписи надвигались неприятности. «Эм-Джи-Эм», еще не заплатив налоги за первые четыре альбома, обнаружила некоторые выражения, которые сочла неподходящими для последующих выпусков. Тогда Заппа решил взять на себя всю ответственность за запись собственной музыки и поручил Тому Вильсону учредить компании «Бизар Продакшн» и «Стрейт Рекордз». Эти изменения дали жизнь альбомам менее спорным, с более четким музыкальным направлением. Среди них «Дядюшка Мит» и «Рубен и Реактивные Самолеты».

«Дядюшка Мит», выпущенный в 1968 году, представляет собой сюрреалистический коллаж, в котором абсурдность и бессмыслица идут бок о бок с музыкой экспериментальной, классической и барокко. Звучат также джазовые импровизации и обрывки разговоров. Весь альбом объединен одной идеей и сразу узнаваем всеми, кто знает Заппу.

«Рубен и Реактивные Самолеты» демонстрируют любовь Заппы к вокальным группам пятидесятых, исполняющим музыку в стиле «рок энд блюз». На альбоме записаны в основном добрые старые рок-н-роллы. Заппа явно наслаждался звуками своей юности и неоднократно говорил, что мог бы написать сотни песен такого рода.

Постепенно Заппа отошел от рок-театра и занялся новым направлением — «электронной камерной музыкой», где главное

внимание обращалось на монтаж, а количество дорожек было доведено до предела. Составной частью стали духовые инструменты, впервые появились синтезаторы. Музыка оказалась столь сложной для исполнения, что музыканты не справлялись со своими партиями, и Заппа вынужден был проводить в студии все больше времени. Это страшно выматывало, тем более что группа не прекращала гастролировать. Электронный камерный оркестр разъезжал с места на место, играя джаз и современную неоклассическую музыку. Доведенная до крайности, как в физическом, так и в финансовом отношении, «Мазерз» распалась.

Но Фрэнк, как всегда, был неутомим: приступил к съемкам нового фильма «200 Мотелей», начал готовить к выпуску альбом «Эротические Крысы». И еще познакомился с бывшими членами группы «Тертлз» — Говардом Кайланом и Марком Волманом (взявшими сценические псевдонимы Фло и Эдди) и Зубином Мехтой, и они выступили вместе с лос-анджелесским филармоническим оркестром в знаменитом концерте, ставшем частью современного музыкального фестиваля. Несмотря на плохую акустику, не позволившую сделать нормальную запись, концерт имел большой успех и заслужил немало добрых отзывов.

В феврале 1971 года начались съемки фильма «200 Мотелей». Это полнометражный фильм с бюджетом в 600 000 долларов, полностью записанный на видео. Он рассказывает о жизни группы во время гастролей, о том, как артисты общаются с аудиторией, об отношениях внутри группы и о классической музыке.

Заппа пригласил классического гитариста Джона Уильямса, Теодора Бикеля, который больше при-

вык исполнять старинные русские и еврейские мелодии, Ринго Старра, игравшего в фильме самого Заппу, Кита Муна на роль рассеянной монахини. Те, кто любил Заппу прежде, полюбили его еще сильнее, те, кто не любил, разочаровались окончательно. «Юнайтед Артист» с подозрением отнеслись к фильму, и сначала он был показан только в четырех городах: Лос-Анджелесе, Бостоне, Арборе и Атланте. В январе 1972 года «200 Мотелей» вышел на широкий экран.

В апреле и мае того же года Заппа организовал серию концертов, в результате которых появился альбом «Филмор Ист», где дебютировали Фло и Эдди, рассказывавшие о трудной повседневной жизни рок-звезд и их противоположностей — группы. Это первый живой альбом Заппы, сокращенный вариант шоу, состоявшихся в знаменитом психоделическом танцевальном зале Билла Грэхэма Филмора.

Каждый вечер в «Филморе» Заппа переводил концерт в какую-нибудь комическую тему, в зависимости от желания публики, музыкантов или по собственному усмотрению.

На премьере шоу, к огромной радости публики, на сцене появились Джон Леннон и Йоко Оно.

Вскоре Заппа выпустил альбом «Билли-Гора» — оригинальную комбинацию абсурдистских «Петя и Волк» и «История Солдата» Стравинского и попури на темы шпионских триллеров.

С этого момента для Фрэнка начинается несчастливый период. 4 декабря 1971 года во время выступления «Зе Мазерс» в Казино де Монтре произошел пожар. Этот случай увековечили «Дип Перпл» (кое-кто из группы находился в зале) в композиции «Дым на Воде». Поскольку вся аппарату-

ра погибла, нужно было купить новую для четырех концертов в лондонском театре «Рейнбоу».

На премьере шоу, когда Заппа кланялся в конце представления, на сцену влез некий Тревор Чарльз Хауэлл и столкнулся с Заппой в оркестровую яму. Хауэлл заявил, что концерт не стоит тех денег, которые он заплатил за билет. Оказалось, что подружка Хауэлла была влюблена в музыканта. Это и привело Хауэлла в бешенство.

Заппу подобрали со сломанной ногой без сознания, гастроли пришлось отменить, рекламирование «200 Мотелей» по Европе ставилось под угрозу. Хауэлла впоследствии приговорили к девяти месяцам тюремного заключения.

Но у этого трагического инцидента была и хорошая сторона.

Прикованный к креслу-каталке, Заппа писал музыку как одержимый и, даже не успев окончательно поправиться, созвал группу в студию «Парамаунт», чтобы записать «Waka/Jawaka» и «The Grand Wazoo».

«Вака/Джавака» состоит в основном из инструментальной музыки. Спокойный и чистый, он содержит длинные композиции для оркестра, исполняемые в джазовой манере, великолепно отшлифованные. Похоже, Заппа увлекся музыкой более изысканной, находя новые звуки, цвет и интенсивность.

«Зе Гранд Вазу» — логическое продолжение предыдущего альбома, но совершенно оригинален: большая группа с легкими касаниями джаза и гитары.

Оркестр «Гранд Вазу», куда вошли примерно двадцать музыкантов из лучших студий Лос-Анджелеса, дал восемь концертов в Европе и США, но в финансовом отношении они успеха не принесли, и к концу года Заппа вновь отправился на гастроли с «Литтл

Вазу» из восьми музыкантов.

Летом 1972 года, работая над «Вазу», Заппа написал музыкальную комедию «Hunchentoot» и сам придумал костюмы. Но ее так и не поставили на Бродвее, несмотря на большую заинтересованность Барбары Стрейзанд и ее агентов.

Заппа неоднократно утверждал, что не любит джаз: «В нем нет страсти. Собираются люди, которые пытаются казаться невозмутимыми, желая считаться интеллектуалами. Большая часть современного джаза еще бессмысленнее, чем самая пустая коммерческая музыка, потому что он претендует на то, чтобы его считали тем, чем он на самом деле не является. Я бы предпочел держаться от него подальше».

Несмотря на такие высказывания, Заппа часто работал с джазовыми музыкантами как в студии, так и за ее пределами. Возможно, это происходило потому, что больше всего он ценил в музыкантах гибкость, способность импровизировать.

В 1973 году вышел новый альбом Фрэнка Заппы, куда включены компактные ритмичные композиции и нежные мелодии почти в стиле Стиви Вандера. «Overnite Sensations» («Ночные Ощущения») сочетает причудливые, часто эротические стихи со сложными вокальными и ударными партиями.

Альбом сразу же получил признание почти повсюду, он понравился прежним фанатам и привлек новую аудиторию. Заппа перестал быть легендарным чудачком и смог обратиться к поколению, воспитанному на роке. С этого момента его работы на сцене и вне ее станут синтезом различных звучаний «Зе Мазерз», знакомством слушателей с музыкой предыдущих альбомов.

За «Ночными Ощущениями» вышел альбом «Апостроф». Обложка гласила: «Альбом песен и рассказов, переложенных на музыку, который развлечет вас за обедом и под который вы сможете потанцевать».

Оба альбома заняли высочайшие места в рейтинге, и Заппа смог организовать достойное празднование десятилетия гастролей, наняв духовой оркестр из 50 музыкантов, который сыграл у здания конторы «Уорнер Бразерз Рекордз». Все шло настолько удачно, что Заппа быстро выпустил живой альбом «Roxy and Elsewhere», продемонстрировавший новые направления в музыке. Благодаря блестящему построению, внутренней целостности, непрерывному изобретательству и прекрасным стихам он стал венцом десятилетних музыкальных достижений автора.

Карьера Заппы была полна неожиданных поворотов. Казалось, его радует растущая популярность, он работает с лучшими музыкантами, но вдруг начинает делить группу и расстается с менеджером Гербом Кохэном. Он мирится со своим старым другом Доном Влайетом, который перестал критиковать Заппу в прессе, а по поводу предыдущих высказываний стал делать заявления типа «Мне жаль, что я так сказал», «Я не знаю, почему я это говорил», «Фрэнк — прекрасный парень». Результатом их краткого воссоединения стал альбом «Bongo Fury», вышедший в 1975 году.

Затем Заппа увлекся блюзами и собрал 37 музыкантов, создав «Электрический Оркестр Абнусилз Змуукха». Они записывались и дважды выступали. К сожалению, не слишком охотное сотрудничество со стороны «Уорнер Бразерз» привело к тому, что «Оркестровые Фавориты» были записа-

ны возмутительно небрежно. Пластинки вышли без согласия композитора, без окончательного монтажа, без кредитов для музыкантов и с самыми безобразными обложками в истории рок-музыки.

После такого фиаско артист послабее сломался бы под лавиной обрушившихся на него проблем. Но не Фрэнк Заппа. Он предъявил Уорнерам иск за нарушение условий контракта — отказ платить за уже предоставленные записи, отказ записывать новый материал, выпуск пластинок без согласия автора. Ему пришлось обращаться в четыре юридических конторы, прежде чем он нашел подходящую. Пока разворачивался неизбежный судебный процесс, Заппу не пускали в собственную комнату для репетиций, он также не мог воспользоваться киноархивами и фонотекой (ему удалось вернуть их обратно лишь в 1982 году). Тогда он записал новый альбом «Zoot Allures», последний альбом перед «Sheih Lerbouti».

В декабре 1976 года Заппа выступил в серии рождественских шоу в нью-йоркском «Палладиуме». Эти концерты дали материал для альбома «Live In New York», выпущенный в 1977 году. Найти новую компанию звукозаписи оказалось непросто. Сначала показалось, что «Кэпитол» заинтересовались, но переговоры неожиданно сорвались: вероятно, в то время у «Кэпитол» с Уорнерами были одни и те же юристы, к тому же «Кэпитол» штамповали для Уорнеров пластинки.

У «Меркурий/Полиграм» таких колебаний не возникло, и первый альбом должен был появиться комплектом из четырех пластинок под названием «Lather» (существует 300 комплектов), но прямо перед выпуском, намеченным на 31 октября 1977 года, Уорнеры заявили о своем намерении выпу-

стить «Live In New York», который является частью комплекта. Они утверждали, что другие студии не имеют права выпускать этот альбом.

Вышедший в 1978 году «Live In New York» смутил слушателей. Стали поговаривать о том, что Заппа больше увлекся деньгами, чем музыкой. Кстати, на вопрос о том, как он относится к деньгам, Фрэнк однажды ответил: «Они очень важны, поскольку без денег я не могу записывать пластинки и сочинять, потому что оборудование, которым я пользуюсь, дорого. Большая часть того, что я зарабатываю, уходит непосредственно в работу. Деньги имеют для меня значение только с точки зрения того, смогу ли я выполнить очередной проект или нет. Если вы пишете стихи, то вам не нужна никакая аппаратура, но, если вы делаете пластинки, вам многое требуется, а мне этого никто не принесет». Да, деньги действительно были ему нужны, а Уорнеры ему не платили. Этот альбом должен был выйти как комплект, состоящий из «Live In New York», «Studio Tan», «Sleep Dipt/Hot Rats № 3» и «Orchestral Favourites». Он состоит в основном из композиций, с которыми Заппа выступал во время гастролей по Европе в 1977 и 1978 годах. Он охватывает различные стили, в которых работали «3в Мазерз» в различные периоды — от ранних композиций 1960-х до нежных блюзовых ритмов 1970-х.

В конце 1978 года Заппа подготовил альбом «Шейх Йербути», работая одновременно над фильмом «Baby Snakes» («Змееныши»). В 1979 году ему наконец-то удалось подписать контракт с «Меркурием».

Намеренно или нет, но Заппа — мастер парадоксов. За два года ни одного нового альбома,

и вдруг — четыре за год, из них два двойных! И это в разгар судебных процессов! Гастролируя по всему миру, работая над новым фильмом, он достигает нового уровня, который удивляет всех. «Шейх Йербути», безусловно, стал сюрпризом для всех, кто увидел в его последних материалах, предоставленных Уорнерам, «неожиданную интеллектуальность». Это тяжелый рок, и все четыре стороны несут мощный заряд энергии.

Заппа использует множество стилей, от мелодичного «Города Крошечных Огоньков», звучащего почти как церковные песнопения, диско («Танцующий Дурачок»), танго («Танго Йербути») до гитарных соло («Крыса Томаго»). «Шейх Йербути» сразу получил широкое признание, уничтожил все сомнения в том, что Заппа был и остается самым лучшим рок-композитором.

Заппа продолжает интенсивно работать, сочетая длительные гастроли с записью альбомов. «Змееныши» был принят не очень тепло, хотя и получил несколько наград, зато рок-опера «Гараж Джо» имела огромный успех. Подобно доброму вину, музыка Заппа приобретает нужный вкус, пройдя необходимые этапы. «Гараж Джо, действие 1» — целостная структура, в музыкальном лабиринте которой важен каждый звук, каждое слово, все несет смысловую нагрузку в общем повествовании. Все сделано намеренно, а количество музыкальных приемов столь многогранно, что их просто невозможно все перечислить, они могли бы составить музыкальную энциклопедию последних двадцати лет. Здесь и диско, и глиттер, и рок, и нью-вейв, кантри, ритмы и блюзы, гитарные аккорды Дуана Эдди, саксофоны «Сержанта Пеппера».

Отношения Заппы со студией

звукозаписи Си-Би-Эс становились все более напряженными, потому что Заппа не собирался идти на компромиссы и учредил собственную марку «Баркин Памкин Рекорд». С этого момента, обретя относительную свободу, Фрэнк бросался от одного невероятного проекта к другому. Еще в 1969 году ему пришла в голову мысль продавать пластинки по почте, и спустя двенадцать лет он воплотил ее в жизнь на примере своей компании «Баркин Памкин», которая распространяла комплект из трех пластинок гитарных соло. До него сама идея выпуска альбома только гитарной музыки заставляла бы любого сотрудника студии звукозаписи, даже самого прогрессивного, расхохотаться или взвизгнуть от ужаса. И успех альбома «Помолчи и Сыграй На Гитаре» поразил всех. Этот комплект завоевал множество наград в самых разных странах, включая Гран-при во Франции. О Заппе писали все журналы, и сам он начал периодически писать статьи в «Гитар Плейер». Спрос был настолько велик, что в течение следующего года пришлось выпустить книгу нот гитарных соло на 300 страницах — своеобразный «памятник гитаре», чрезвычайно поразивший многочисленных фанатов. Альбом «Помолчи и Сыграй На Гитаре» показал всем, что Заппа — гитарист высочайшего класса, равный Джефу Беку, Джими Хендриксу или Карлосу Сантане.

В течение следующих лет Заппа делал видеофильмы, издал фотороман, писал сценарии, партитуры, статьи и еще находил время для любимого занятия: слушать свою музыку, исполняемую классическими оркестрами в Париже, Лондоне, Сан-Франциско. И еще были музыкальная комедия «Thingfish» в трех альбомах и комплект «Старые мастера», куда вошли ранние

известные альбомы.

Нельзя не упомянуть альбом «Заппа, том I», выпущенный в 1983 году. В альбоме великолепно все. Такой музыки прежде не слышали. Это — настоящее сокровище, плод почти двадцатилетней подпольной работы.

После долгого и утомительного судебного разбирательства с двумя компаниями звукозаписи Заппе наконец-то удалось вернуть свои записи. Из-за неправильного хранения они сильно пострадали. Запись «Мы Занимаемся Этим Только Ради Денег» была почти прозрачной. Перед тем как приступить к компановке, Заппа провел в студии почти три месяца, восстанавливая ее, чтобы обеспечить нужный уровень качества. Результат можно увидеть на альбоме «Старые Мастера». Он буквально ошеломляет.

Многие из тех, кто пытается комментировать работы Заппы, относятся к его творчеству критически. Некоторые общественные моралисты, сидя в кресле, разбирают по косточкам его стихи, совершенно забывая о том, что о них можно судить лишь в контексте с музыкой. Слова критикуют за незаконченность или туманный смысл. В действительности же его стихи — средство проникновения в удивительный мир Заппы, его персонажи причудливые, но живые, их действия подкреплены забавными эпизодами экстравагантных приключений.

Творчество Заппы находится в постоянной эволюции. Вечные перемены, обилие деталей, распространяющихся на множество музыкальных и стихотворных тем, постоянно обновляющихся. Детали, символы, перекрестные намеки резонируют во всех его работах и встречаются в самых различных контекстах. Заппа — исключительный музыкант, умеющий заг-

лнать в свои прошлые работы и дать им совершенно новое звучание. Точность, с которой он оживляет символы, темы, перекрестные намеки и мелкие детали, делает его работы очень впечатляющими. Он придерживается музыкального стиля, сводящего на нет попытки критиков классифицировать его. Заппа считает подобную категоричность абсурдной, ненужной и архаичной, противоречащей всему тому, что представляет его музыка.

Как невозможно описать словами или классифицировать произведение музыканта столь оригинального дара, так и невозможно объяснить его поступки. Так, год назад, гастролируя по миру, этот чудаков, обычно не склонный к благотворительности, зачем-то прилетел в Москву с бесплатными концертами. Видно, и впрямь на всякого мудреца довольно простоты. «Аэрофлот» отказался доставить его аппаратуру. Вряд ли мы узнаем, что почувствовал в этой ситуации артист, но чувство юмора ему не изменило и на этот раз: «Как же вы полетите на Марс, если даже не можете на самолете перевезти аппаратуру?»

Станем ли мы свидетелями полетов на Марс, неизвестно. А вот живым Фрэнк Заппу мы уже не увидим никогда. 6 декабря 1993 года он умер от рака, не успев выставить свою кандидатуру на пост президента США, как намеревался. Можно только гадать, чем бы закончились выборы...

Публикация подготовлена ТАТЬЯНОЙ ШАШКОВОЙ

по коллекционным
материалам т/о «Диалог».

КИРИЛЛ НАБУТОВ:

**«Всю
Олимпиаду
я провел
в домашних
тапочках»**

Его голос и лицо хорошо знакомы миллионам телезрителей пятого, петербургского телеканала, по которому два раза в месяц, по воскресеньям, за четверть часа до полуночи выходит в эфир популярная программа для мужчин «Адамово яблоко».

И спортивные болельщики, еще помнящие жар лыжных баталий на зимних Олимпийских Играх в Лиллехаммере, утверждают, что самыми интересными, самыми аналитически глубокими и компетентными, выгодно отличавшимися от спокойного речитатива других тележурналистов были репортажи, которые вел он, Кирилл Набутов. Сын знаменитого в прошлом спортивного теле- и радиокомментатора Виктора Набутова.

Олимпиада закончилась, и теперь снова видеть и слышать его могут только полуночники, те, кто любит и ждет его телепрограмму «Адамово яблоко». Мне же в беседе с Кириллом было интересно узнать, как сам он смотрит на такую смену амплуа, а про Олимпиаду услышать нечто «такое», чего нам не показывали на экране.

Фото АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВА

На первую часть вопроса Кирилл ответил, глубоко и, как мне показалось, тяжело вздохнув:

— Ох, если б я мог это объяснить... Ведь, придя на Ленинградское телевидение в 1979 году, я выбрал именно спортивную журналистику и проработал как спортивный комментатор до 1991 года. Отец умер, когда я учился в 9-м классе, и если до его смерти у меня еще были какие-то другие пристрастия, то после я уже не сомневался, что пойду по спортивной стезе. Я занимался многими видами спорта — и футболом, и баскетболом, но главное — греблей. Не могу сказать, что стал выдающимся спортсменом, мне очень многого не хватало для этого — и физической силы, и цельности, и умения терпеть. Был мастером спорта по гребле, а раз гребля, значит, и лыжи, поскольку это фактически одно. Закончив факультет журналистики Ленинградского университета, пришел в спортивную редакцию ТВ, там помнили отца, его коллеги очень мне тогда помогли. Работал сначала корреспондентом, потом комментатором и на радио, и на ТВ, но пять лет меня не выпускали в кадр — малый я был гонористый, как говорится, «на понтах», и меня надо было лечить. Вот меня и лечили упорно, хотя я уже работал и на Московской Олимпиаде, и ездил на чемпионаты мира за границу, а здесь не давали морду показать населению.

— И поэтому «Адамово яблоко» появилось?

— Без ложной скромности могу сказать, что идея программы для мужчин — моя. За три года, что существует уже эта программа, я очень многому научился, кое-что

понял по-иному, и все равно не могу про себя сказать, что я — тележурналист. Скорее все-таки я — телевизионный работник.

— Это вроде чернорабочего, что ли?

— Вот-вот, самое подходящее определение. Недавно получили свое помещение — надо все красить, клеить самим, зато у меня теперь есть свой кабинет — кстати, в бывшем женском туалете, а на мне функции и продюсера, и редактора, и корреспондента, и ведущего передачи, и водителя, если надо.

У нас грандиозные планы: мы делаем музыкальную передачу, хотим выпускать свой журнал того же названия — макет первого номера уже готов, хотим иметь свой ресторан...

— Не будет ли журнал «Адамова яблоко» копией «Андрея»?

— Ни в коем случае. «Андрей» — это не журнал, это лавочка, которая сдернула с кого-то деньги, сделала слайды 30 голых девок, и все. Потом я не хочу иметь репутацию Вейцлера как первого советского порнографа — я к эротике отношусь совершенно спокойно, просто закон игры требует, чтобы она была, но при этом более или менее соприкасалась с понятием эстетики.

Но я еще не ответил на ваш главный вопрос — о перемене амплуа. Осенью 1990 года мне пришла в голову идея «Адамова яблока» — как раз тогда мое душевное состояние было на пределе, потому что я больше уже не мог существовать только тем, что сообщал футбольный счет, к примеру, «Спартак» — «Зенит» — 1:0 или что Сидоров выиграл у Петрова в третьем сете. Я с дикой жалостью смотрел на комментаторов типа Саркисянца, которые всю жизнь пробыли в образе «Озерова

для бедных» и больше не хотят ничего.

— Наверное, поэтому многие болельщики, смотревшие трансляции с зимней Олимпиады в Норвегии, признали именно вас самым интересным комментатором из всех, кто был там от Российского ТВ. Но одно дело — прямые репортажи с соревнования, другое — осмысление Игр, которые уже попали в историю, и подвигов или неудач их участников. «Великим неудачником» прозвал кто-то Виктора Тихонова — тренера нашей хоккейной сборной, бесславно выступившей на этих Играх. Что вы можете добавить к этому?

— Ничего. Во-первых, потому, что я был только на одном хоккейном матче — наших со словами, остальное время я с утра и до вечера пропадал на лыжах. Но я все равно не понимаю, почему про Тихонова говорят, что он «великий неудачник». Как всякий великий тренер, он столько же создал больших игроков, сколько и погубил. То же самое, кстати, можно сказать о Кондрашине в баскетболе. Никто не знает точно, какие отношения у Тихонова с Борисом Михайловым — тренером национальной сборной. Мне сами хоккеисты говорили, что Тихонов перед Олимпиадой не знал многих игроков даже по именам, но он хотел, чтобы в олимпийской команде играло как можно больше «иностранцев», а большинство этих игроков ориентированы на Михайлова, который готовит команду к чемпионату мира.

Да и сами молодые хоккеисты, по-моему, не очень переживали поражение. Никто особенно многого от хоккейной сборной и не ожидал. Если б они выиграли — это расценили бы как «нереальное сумасшествие», так же, как расценили то, что мы набрали столько

золотых медалей.

— Хорошо. Оставим неприятную тему хоккея и поговорим о «шишках» — политиках, которые, я слышал, великим числом понаехали в Норвегию.

— Я видел короля Норвегии — он мимо меня прошел без всякой охраны — вот так же близко, как вас. Видел Олега Сосковца, видел однажды Собчака, который вдруг тихонько появился на Играх после выступления на каком-то семинаре в Осло. В Барселоне его приезд был обставлен с большой помпой — он встречался с олимпийской командой, его сопровождал наш консул, а здесь все не так — на дворе-то 1994 год...

А с Сосковцом была очень смешная история — это я к тому, насколько по-разному у нас и в других странах смотрят на чисто внешние атрибуты власти. Дело в том, что за три недели, что я был на Играх, я ни разу нигде не почувствовал присутствия «секьюрити» — службы безопасности. Это удивительное ощущение, касающееся общей тональности жизни — очень мирной и спокойной, когда ты нигде не слышишь, чтобы кто-нибудь говорил повышенным тоном. Я не помню повышенного голоса у полицейского, который оштрафовал меня на 50 долларов за то, что я ехал на арендованном автомобиле без включенных фар. Не помогли даже русские значки, которые я ему предложил, ответ был таков: «Спасибо, я на службе, я не могу принимать никаких сувениров», — абсолютно вежливо, корректно и твердо. Когда я ехал на последнюю лыжную гонку — мужской марафон, — объявили, что движение легковых машин к стадиону будет прекращено ровно в 8 часов утра — разрешено было только движение автобусов, а я приехал в 8.02 мину-

ты. Говорю, что я телекомментатор — бесполезно, можно было умереть, но своих правил полицейские не нарушили. То же самое с «секьюрити» — в отличие от той зловещей ауры, которая исходит обычно от американской или нашей, норвежская отличалась в высшей степени корректностью и незаметностью. Самаранч ходил с одним норвежским охранником, но это можно было заметить только по пластиковому наушнику у того в ухе.

У нас в Лиллехаммере был «Русский дом» — арендованная командой старая изба, над которой висели российский флаг и флаг нашего спонсора — фирмы «Риббок». Внутри, традиционно — умрешь со смеху — стеллажи с сувенирами: расписные матрешки — все русские императоры династии Романовых от Михаила до Николая II, а рядом — ситценабивной красноармеец в шинели с винтовкой. Приехал Самаранч, собрали наших лыжников, еще не отошедших от гонок, в этой идиотской форме: как всегда, по части олимпийской одежды наши были на первом месте по идиотизму, люди просто смеялись над нами — самые дешевые голубые костюмы фирмы «Риббок», в которых девушки выглядели как обрубки, и белые пальто с шевронами, обозначавшими российский флаг, — у мужчин, а у девушек еще и фески с цветными платками типа индейского пончо, так что девицы не знали, как это носить: одна надевала феску и сверху обматывалась этим пончо, другая, наоборот, обматывалась пончо, сверху натягивала феску — так и ходили, как матрешки.

После Самаранча — минуты через две — прибыл наш вице-премьер Сосковец с двумя охранниками — симпатичные ребята, но все трое одеты... в одинаковые чер-

ные обливные дубленки — как три черных ворона вошли рядком в избу. Зрелище то еще... Сосковец вручил значок «Заслуженный мастер спорта России» номер 1 Любе Егоровой и долго рассказывал, что значок разрабатывался с учетом мнения наших ветеранов спорта и олимпийского движения, а оказалось, это тот же значок, что был и раньше, только флаг СССР заменен на российский, и все тот же бегун на фоне красной звезды.

Побывал на Олимпиаде и министр обороны России Павел Грачев. Один наш журналист решил взять у него интервью. Грачев ехал в машине, стал выходить, и вдруг раздался дикий гул сирен — там очень узкие дороги, и остановка одной машины приводит к блокировке всех других и длиннющей пробке, поэтому Грачеву и не дали остановиться. То есть там не делалось никаких скидок или послаблений ни одному из гостей самого высокого ранга.

— Кирилл, а теперь вопрос к ведущему «Адамова яблока»: кого из спортсменов можно назвать секс-символом Олимпиады?

— Для начала вспомню, что на Олимпиаде в Калгари в 1988 году наша телекомментатор Даша Червоненко сделала секс-символом Альберто Томба — итальянского горнолыжника. Это очень смешная история. Даша была тогда очень молодой, бодрой, как и сейчас, корреспонденткой. Мы работали с ней в Москве, в Останкине, я вел какие-то связки между трансляциями, читал новости, а она впервые вышла в кадр в программе «Время». Я был поопытнее, рассказывал ей, как надо читать новости, советовал, чтобы она расслабилась, отложила бумажки, не напрягалась. Но первый раз есть первый раз, и с волнением ей

справиться так и не удавалось. И вот она берет бумажку и начинает читать: «Итальянец Альберто Томба знаменит своим железным... железным...» — тут ее заклинило, она поднимает глаза и после паузы продолжает: «...железными нервами... В Лиллехаммере я ей об этом напомнил: «Вон, — говорю, — Дарья, твой крестник приехал».

На этой Олимпиаде секс-символом был, конечно же, Ульванг. На соревнованиях он все, что было можно, проиграл, но, главное, стал знаменит еще за месяц до открытия Игр после интервью Норвежскому телевидению. В нем он «полоскал» Самаранча, говоря, что тот — бывший министр в фашистском правительстве Франко, это сушая правда, что он задушил МОК, превратил его в частную лавочку, что он «отмывает» огромные деньги и т. п. В той или иной степени это все, я думаю, правда, ибо МОК входит в первую сотню самых богатых организаций мира. Самаранч убил любительский спорт, но как бизнесмен он был совершенно прав, поскольку видел, что иначе спорт развиваться невозможно. Самаранч жутко обиделся, хотел уехать вообще, несколько членов МОК заявили, что они тоже покинут Игры, потом началась дипломатическая игра, дескать, Ульванг не то имел в виду, они даже договорились, что пообедают вместе, но так и не обещали, потому что один не мог выкроить время, а другой тренировался. Накануне Игр одна из газет поместила фотографию Ульванга в машине вместе с итальянской лыжницей ди Чента — подтекст был таков, что она его любовница. Эта новость пошла гулять по другим газетам, итальянцы бесились по этому поводу, потому что ди Чента действительно очень симпатичная, сексапильная девушка.

Сами они всюду давали интервью: она говорила, что я его знать не знаю, что это липа, вранье, он говорил, что, мол, не лезьте в мою личную жизнь, но все равно это обсасывалось со всех сторон. Так что он стал бесспорным секс-символом Игр — потом, надо же понимать, что Игры — зимние, людям надо чем-то согреться...

— А среди спортсменов был секс-символ?

— Конечно, Катарина Витт. Она и раньше отвечала всем требованиям секс-бомбы, а уж теперь, когда пик формы давно позади, когда позади ее замужество с Бозтано и другие любовные романы, тут, на Играх, она заявила, что собирается сниматься для «Пентхауса» — в Германии это вызвало легкое помешательство — все-таки бывший символ комсомолии ГДР.

— А кто, по меркам «Адамова яблока», подошел бы под определение секс-символа в нашей сборной или среди журналистов?

— Среди журналистов — Даша Червоненко, бесспорно. У спортсменов... Вспоминаю чудную, трогательную историю. В Норвегии живет и учится сейчас один мальчик из Алжира. До этого он учился в Москве, знает русский язык и потому довольно часто подрабатывает переводчиком с нашими спортивными командами, приезжающими в Лиллехаммер. Год назад он работал с командой саночниц и познакомился с Ирой Губкиной — крепенькой, как все саночницы, очень симпатичной девочкой. У них возник роман, все, как говорится, по-настоящему. На этих Играх он тоже работал добровольным гидом с нашей командой саночников. Ира заняла на Играх седьмое место — это, кстати, большой успех, потому что саночникам тренироваться негде и ни-

кто на большее и не рассчитывал. Так вот этот мальчик-алжирец организовал для своей любимой пышную церемонию вручения медали в Олимпийской деревне. Он сам изготовил для нее эту медаль — хрустальную, с очень красивой лентой, с олимпийской пиктограммой, в центре — в красной обертке шоколадное сердце, на нем серебром выгравировал пиктограмму саней, фамилию Иры, место, занятое ею на соревнованиях. Церемонию вручения он устроил по секрету от Иры — ее так же, как настоящих чемпионов, везли на финских санях к месту награждения с факелом в руках, только с завязанными глазами. Собралось огромное количество людей, мэр Олимпийской деревни вручал Ире эту медаль, были цветы и подарки от других делегаций. Это была настоящая «Медаль за Любовь». Все думали, что они поженились и что это свадебная церемония — согласитесь, очень романтично и трогательно в наше скудное на эмоции время.

— Выдающиеся личности присутствовали на Играх?

— Такой выдающейся личностью я считаю старейшего норвежского журналиста, который освещал еще Олимпийские Игры 1936 года. Ему уже тогда было 22 года. Сейчас ему 80 лет, но он каждый день писал спортивные обзоры для популярной норвежской газеты.

— Много было на этих Играх всяческих презентаций, или «халляв», как мы привыкли называть бесплатные угощения для журналистов?

— Были, но очень скромно. А уж с Сеульской Олимпиадой просто не сравнить. Даже на последнем приеме для телевизионщиков после закрытия Игр были только пиво, дешевое испанское шампан-

ское и бефстроганов из субпродуктов — почек и печени, который кончился через пятнадцать минут. А вот в нашем «Русском доме» наливали — правда, только тем, кому хозяйева симпатизировали, — типично «по-русски»: французский коньяк и шведскую водку «Абсолют». Напротив Олимпийской деревни свой «Дом» устроили австрийцы, там было все очень демократично и тепло — можно было запросто пообщаться с любой знаменитостью, при этом угощали пивом, солеными рогадиками и знаменитым венским гуляшом, который подавали в суповых тарелках. А при входе в «Дом» стояли три классных молодца с полевой армейской кухней, из которой вам наливали горячий пунш с корицей — называлось это «олимпийским вином», на дворе-то стоял мороз 20 градусов. Хорошо!

— *На Олимпиадах много пьют?*

— 40 граммов виски в баре стоили 6 долларов — много выпьешь? Что привезли с собой — на третий день кончилось, норвежцы больше одного литра алкоголя не пропускают в страну. Хорошо, посольские наши помогли — пригласили тех, кто был по-свободнее, подъехать в Осло и в магазине при посольстве без наценки затовариться спиртным.

— *Понятно, мороз-то ведь крепкий стоял всю Олимпиаду...*

— Какой мороз?! Я всю Олимпиаду проходил в домашних тапочках. Норвежцы построили шикарный телецентр, в котором было безумно жарко. В кабине телекомментатора — тем более. Выручили мои старые суконные домашние тапочки, которые я, кстати, там и оставил после Игр. Если ж говорить серьезно, я именно с этих Игр — а для меня это уже четвертая Олимпиада — вынес несколько важных ощущений, особенно

на фоне того, что сейчас творится у нас в России. Первое, о чем я уже сказал вначале, — это абсолютное спокойствие людей, вернее, даже не спокойствие, а колоссальная самодисциплина народа, живущего на севере, иначе не выжить: аккуратность, четкость, исполнительность. Это не финны и не шведы — это совершенно иная генерация. Второе — потрясающее уважение к собственной природе и к традициям. Вот пример: идет король. К нему никто не подходит, его все приветствуют и расступаются. Автограф брать у короля неприлично, разговаривать с королем не о чем, охраны нет, а если она и есть, то не чувствуется. Вот это и есть уважение к традициям — ведь они даже право зажечь Олимпийский огонь предоставили наследнику, это многих покорило — почему не звезда спорта? Они же тем самым продемонстрировали: вот, мол, это и есть стержень нашей государственности. Уважение к своей природе — ведь они сделали все олимпийские сооружения разборными, дороги солью с песком не посыпают — каждую ночь проходит грейдер, расчищает узкие дороги, проложенные в полутораметровом снегу, и посыпает ровным слоем гранитной крошки — сцепление как летом, и ни грамма соли. В олимпийской газете, которая издавалась ежедневно, на первой полосе в каждом номере они с гордостью печатали, что за последние сто лет в Норвегии количество лесов удвоилось, вместо каждых трех вырубленных деревьев сажается пять, 60 процентов газет мира издается на норвежской бумаге. Нигде вы не увидите ни одного дымка над городом — только электрическое отопление, они не жгут дрова, уголь, и гарь была только от олимпийского транспорта. Курить везде запреще-

но — в Олимпийском центре было всего одно место в уголке рядом с баром, и там работал мощный вентилятор. Единственные, кто постоянно нарушал это правило и курил, где хотел, были, конечно, мы, русские, потом к нам присоединились поляки, венгры и австрийцы. А главное, что такое вот бережное отношение к природе — оно не показное, оно совершенно естественное для всех норвежцев, от мала до велика.

— Наши чемпионы Олимпиады получали денежные призы там, в Лиллехаммере, или уже дома?

— Этого я точно не знаю, но знаю, что олимпийская медаль обошлась нашему НОКу в 35 тысяч долларов, а золотая и того больше. С учетом выплат: спортсмену — 15 тысяч без налога, тренеру с налогом, врачу, массажисту, всем, кто готовил призеров. При мне денег никому не вручали, да я и не понимаю, зачем нужна такая сумма спортсменам, более половины из которых сразу поехали на другие соревнования, ибо спонсоры заставляют их выступать в коммерческих стартах, чтобы засвечивалась реклама. Ведь на Олимпиадах никакой рекламы на себе не допускается. Может быть только одна марка — на лыжах и только одна надпись — на шапочке. Был дикий скандал с норвежцем Томасом Алсгардом, который выиграл первую гонку на 30 км: у него на шапочке обнаружили две надписи, так чуть золотой медали не лишили.

Вообще это первая Олимпиада, когда у наших чемпионов были сопоставимые премиальные с мировыми: норвежцы платили своим чемпионам 30 тысяч долларов, американцы чуть меньше.

— Какие-то сюжеты для «Адамова яблока» привезли с Олимпиады?

— Пытался, но произошел неприятный случай, когда меня и оператора арестовали в Олимпийской деревне. Мы поехали в жилую зону, а деревня рассечена на две зоны — международную и жилую. В международную можно зайти свободно — там кафе, магазины, культурные объекты, а в жилую, где команды, — только по спецприглашению штаба делегации. Квота — два приглашения в день. Мы пришли, нас встретили, мы снимали спортсменов, выходим на улицу и начинаем снимать, как французы играют в футбол на снегу. Подходят двое из «секьюрити». У нас, слава Богу, есть наклейка, значит, камера аккредитована — отлавливали они без наклейки жестко — ведь это права на съемку, то есть большие деньги. Спрашиваем, а что случилось-то? Заводят в кутузку, документы изучают, пропуска специальные, начинают куда-то звонить. Потом спрашивают: «Кто вам разрешил снимать на улице?» Я говорю: «А кто мне запретил?» Вот тут они немного ошеломились, потому что не ожидали такого типично русского ответа, мол, сам дурак. Говорят: «В жилой зоне на улице снимать нельзя». Я им опять свое: «А где это написано? Вот мой пропуск, на нем об этом ничего». Они говорят: «Вы можете находиться в жилой зоне только в сопровождении кого-то из руководства вашей делегации или тренера и снимать только в помещении вашей команды». Все. Короче, продержали нас минут сорок, с кем-то все время связывались по рации, но все же отпустили с миром. При этом вели себя с нами в высшей степени тактично и выдержанно. По-норвежски. В общем, даже несмотря на этот эпизод, это была моя лучшая Олимпиада.

**Беседу вел
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ.**

Р

ПЕРВОЕ ДЕЛО

ГРЕГОРИ
МАКDONALD

Рисунки ЛЬВА РЯБИНИНА

ФЛЕТЧА

- Я тебя вызывал?
- Нет, Френк, но...
- Все равно, я хотел пригласить тебя, — Френк Джефф, главный редактор, сложил конкурирующее издание, «Кроникл-Газетт», — чтобы сказать нечто малоприятное.
- Мне, мелкой козавке?
- Не хотел бы ты махать лопатой восемь часов в день, пять дней в неделю, может, захватывая и субботы?
- Флетч уставился на свои теннисные туфли, утопающие в ковре на полу кабинета Френка Джеффа. Сквозь порванный верх левой туфли виднелись три пальца. Из правой высовывался только мизинец.
- Не хотелось бы мне посвятить этому свою жизнь, Френк.
- Значит, не хотелось бы? А чему, собственно, ты намереваешься посвятить свою жизнь?
- Журналистике.
- А что есть журналистика, юный Флетчер?
- Умение заканчивать предложения обращениями. Особенно вопросительные.
- Именно это я только что и сделал, не так ли? — Взгляд Френка, за толстыми линзами очков, обежал заваленный бумагами стол. — Именно это.
- Френк, я хотел поговорить с вами насчет...
- Френк открыл лежащую на столе папку.
- Я покопался в твоём личном деле. — Папка не поражала толщиной. — Для журналистики ты подходишь. Впрочем, тебя возьмут и в землекопы. Вот я и гадаю, чему же ты отдашь предпочтение?
- Вы копались в моем личном деле? Френк, вы же наняли меня давным-давно.
- Три месяца назад. Помнишь, что подвинуло меня на этот подвиг? Я — нет.
- Я могу принести много пользы, Френк.
- Возможно, я думал, что газете необходима свежая кровь, этаким юным диссидентом, который встряхнет сложившийся жизненный уклад, посмотрит на рутину под новым углом, заставит остальных оторвать глаза от борозды и оглядеться.
- Как я мог это сделать, Френк, если вы полностью сковали мою инициативу?
- Наоборот, я предоставил тебе оперативный простор.
- А настоящего дела не дали.
- Ведь я определил тебя в отдел редактуры.
- Придумывать заголовки — удел поэтов, Френк.
- И держал там, несмотря на протесты твоих сослуживцев.
- Я случайно пролил лимонад на клавиатуру компьютера.
- На этом твои подвиги не закончились.
- Я же постарался исправить причиненный урон. Купил этому парню пару хирургических перчаток. Чтобы у него не прилипали пальцы.
- Но ты придумал заголовок «Губернатор шутит».

— А почему он не может пошутить? Я подумал, что читателя это заинтересует.

— И заголовок прошел в двух выпусках, прежде чем его сняли.

— Наверное, он приглянулся и выпускающему номера. Конечно, ничего особенного в нем нет, но и плохого тоже.

— Потом я поручил тебе писать некрологи.

— Вы же знаете, что я хочу писать о спорте, Френк. Потому-то и зашел к вам сегодня.

— Не самая трудная работенка, писать некрологи. Берешь телефонную трубку, слушаешь, что тебе говорят, сочувственно вздыхаешь, проверяешь некоторые факты.

— С проверкой фактов у меня получается.

Френк дрожащей рукой взял из папки листок бумаги и прочитал:

— «Рут Милхолланд мирно скончалась сегодня, ничего не достигнув за свои пятьдесят шесть лет». Твоя работа?

— Это факт, Френк. Я проверял.

— Флетчер, тебе поручили писать некрологи для того, чтобы потом мы могли их опубликовать.

— Я неоднократно задавал ее сестре один и тот же вопрос: «Сделала она в своей жизни хоть что-нибудь?» Сестра говорила и говорила, а я внимательно слушал. Эта дамочка, Рут Милхолланд, не окончила ни школу, ни колледж, не выходила замуж, не рожала детей, никогда не работала. То есть за пятьдесят шесть лет она абсолютно ничего не добилась. Наконец я сам начал задавать вопросы ее сестре. Связала ли она кому-нибудь свитер? Поджарила сковороду картошки? Хотя бы себе? Ее сестра отвечала отрицательно: «Нет, нет, за всю свою жизнь Рут не ударила пальцем о палец». Что же я должен писать? Ее сестра согласилась со мной, что мои слова полностью соответствуют действительности. Я проверял, Френк. Рут даже не обращалась в органы социальной защиты, не получала водительского удостоверения, ни разу не была в парикмахерской.

— Флетчер...

— Разве в некрологах можно писать неправду? Если кто-то получил Нобелевскую премию, в некрологе мы обязательно упоминаем об этом. А если кто-то действительно ничего не добился в жизни, почему мы должны это скрывать? Ничего неделание — это тоже образ жизни, Френк. И читатели должны знать, что среди нас есть и такие.

— Рут осталась даже без некролога. — Френк взял другой листок. — Тогда мы перевели тебя на свадебные объявления. Всего-то делов — записать несколько слов, которые говорят тебе по телефону. Тут даже не нужно ничего проверять, потому что само событие еще не произошло. Твое первое свадебное объявление гласило: «Бракосочетание Сары и Роланда Джеймсон, двоюродных брата и сестры, состоится в среду в присутствии только членов семьи».

— Динамично, — прокомментировал Флетч.

— Динамично, — согласился Френк.

— Точно.

- Ничего лишнего.
- Абсолютно ничего лишнего.
- И полностью соответствует действительности.
- Наверное, потребовались немалые усилия, чтобы вызвать истину.
- Да нет. Когда позвонила мать новобрачной, я спросил, почему у жениха и невесты одна и та же фамилия.
- И она ответила без запинки?
- Немного помялась.
- Она сказала, что они двоюродные брат и сестра?
- Она сказала, что их отцы — братья.
- И ни жениха, ни невесту не усыновляли и не удочеряли, так?
- Френк, я проверял. За кого вы меня принимаете?
- Я думаю, ты — неопытный журналист.
- Если законы журналистики применимы к спорту, политике и преступности, почему нельзя пользоваться ими в некрологах и свадебных объявлениях? Газеты должны предлагать читателю объективную информацию. Кстати, по воскресеньям мы выделяем столько места под свадебные объявления. Почему бы нам не печатать объявления о разводах?
- Флетчер...
- Новости всегда новости, Френк.
- Ты думал, что некрологи и свадебные объявления, написанные в жестком, полном конкретики стиле, помогут тебе перебраться в отдел спорта, так?
- Правда всегда правда, Френк.
- Придет день, Флетчер, и ты станешь жертвой такого же правдолюбца. — Френк оторвал взгляд от стола и посмотрел на Флетча. — Ты женишься в субботу?
- Да. В следующую субботу.
- Почему?
- У Барбары выходной день.
- Если вы не собираетесь заводить детей, бракосочетание гарантирует лишь одно: адвокаты выдоят тебя досуха.
- Вы не верите в истинную любовь?
- Истинная Любовь бежала в Саратог в субботу. Резво начала, хорошо держалась на дистанции, а пришла в забеге последней. Полагаю, ты хочешь взять отпуск. По случаю медового месяца.
- Барбара на это рассчитывает. Я зашел к вам и по этому поводу.
- Ты еще не отработал года. Некоторые, кстати, полагают, что ты вообще не работал.
- Френк, сколь часто выпадает в жизни медовый месяц?
- Не спрашивай меня об этом. Где ты так загорел?
- Вчера участвовал в Сардинальском пробеге.
- Твои волосы выглядят так, словно они еще не финишировали.
- Флетч улыбнулся.
- Есть интересный материал.
- В твоих волосах?

— В связи с пробегом. Вы что-нибудь знаете о «Дружеских услугах Бена Франклина»?

— Кажется, нет.

— Это компания, специализирующаяся на здоровье и протитутции.

— Не понял.

— Вы им звоните, и томный женский голос отвечает: «Дружеские услуги Бена Франклина». Вам нужен друг?» И с такой интонацией, что последняя фраза трактуется однозначно: «Ты хочешь, друг?»

— Вы часто им звоните?

— Коллеги-журналисты как-то разыграли меня. Попросили заказать пиццу по телефону и дали этот номер. Девушка пыталась договориться со мной о встрече, а я все спрашивал, есть ли у них анчоусы и сладкий перец. Скорее всего она приняла меня за извращенца. Я заглянул к ним. Большая фирма. Тренажеры, массаж, сауна. Прекрасные девушки. Все в великолепной физической форме.

— В чем же суть?

— Вчера они участвовали в пробеге. Все. Целый эскадрон девушек по вызовам. Бежали по улицам. В центре города. В обтягивающих теннисках. С надписью на груди: «Вам нужен друг?» И на спине — «Бен Франклин». Кстати, все финишировали.

— Ты тоже финишировал?

— Конечно. Следом за ними. Если репортер изучает какой-то вопрос, ему не следует останавливаться на полпути.

— Итак, несколько проституток пробежались вчера по городским улицам. А почему бы и нет? Закон это не запрещает. Они были в футболках с рекламой фирмы. К их клиентуре добавилось несколько похотливых старичков, затесавшихся среди зрителей. Никогда не возьму в толк, что тут интересного.

— Сегодня вы напечатали их фотографии. В спортивном разделе. На старте и на финише. Спереди и сзади.

Френк побледнел.

— Мы напечатали?

— Вы.

— О Господи! — Френк подхватил с пола утренний номер «Ньюс-Трибюн» и раскрыл на спортивных страницах.

— Это и есть самое интересное.

— Ты хочешь сказать, что мы влипли в историю?

— Отрекламировали фирму, поставляющую девушек по вызовам. Бесплатно. Вам еще не звонил архиепископ? И окружной прокурор не беспокоил? Рекламодатели тоже не жаловались?

— Черт! Кто-то специально подложил нам такую свинью.

— Френк, спортивный раздел вы должны поручить мне.

— Ты только посмотри на подписи под фотоснимками! «Зрители не оставили без внимания красоту и прекрасную физическую форму сотрудниц компании «Дружеские услуги Бена Франклина», участвовавших вчера в Сардинальском пробеге». «Сотрудницы «Бена Франклина» финишируют в арьергарде бегунов в том же составе, что ушли со старта...» Я этого не переживу.

— Они никуда не торопились.

— Ты, судя по всему, тоже.

— Вы же учили меня никогда не забегать вперед.

— Подниматься спозаранку и приходиться на работу... — Френк уже раскрыл конкурирующее издание «Кроникл-Газетт» — ...чтобы тратить время на увольнение.

— В «Газетт» фотоснимков девушек нет, Френк. Ни спереди, ни сзади. Они фотографировали победителей. Там собрались яркие последователи установившихся канонов журналистики. Отмечают все изыски.

Френк откинулся на спинку стула. Он напоминал боксера в перерыве между раундами.

— Я решил в этот уик-энд, что дам тебе еще один шанс.

— Вы хотите поручить мне спортивный репортаж?

— Нет. Я подумал, что мы можем попытаться стесать для тебя кое-какие острые углы. Поэтому — светская хроника.

— Светская?..

— Светская хроника. Ты так быстро определяешься с достижениями покойников, без труда находишь двоюродных братьев и сестер, желающих пожениться. Такая наблюдательность незаменима, когда пишешь о светском обществе.

— Под светским обществом вы подразумеваете высший свет?

— Высший свет, низший свет, ты понимаешь, стиль жизни. Все эти пустячки, которые так близки сердцу среднего класса, составляющего основу наших читателей.

— Френк, я не верю в светское общество.

— Это не беда. Общество не верит и в тебя, Флетч.

— У меня не получится.

— Очень даже получится, особенно если ты причешешься.

— Милые старушки, разбавляющие чай водкой?

— Хайбек. Дональд Эдвин Хайбек, один из лучших юристов нашего города.

— Он ведет интересный процесс?

— Хайбек позвонил мне вчера вечером и сказал, что он и его жена решили пожертвовать пять миллионов долларов художественному музею. Тебе безразлично искусство, не так ли?

— Пожалуй, покер мне больше по сердцу.

— Он хочет, чтобы материал этот был подан очень тактично. Понимаешь? Никаких экскурсов в его прошлое, никаких подробностей личной жизни.

— Френк, вы не будете возражать, если я сяду?

— Конечно, конечно. Я забыл, что вчера тебе пришлось побегать.

Флетч уселся на ковер.

— Устраивайся поудобнее.

— Благодарю, Ла-ди-да филантропия.

— Добавь еще пару строчек, и, возможно, получится песня, которая возглавит хит-парад.

— Френк, вы хотите, чтобы я, Ай-эм Флетчер*, написал учти-

* Инициалы Флетчера (И. М.— Ирвин Морис) произносятся по-английски так же, как и сочетание I am (я есть) (здесь и далее прим. переводчика).

вую, сладкую, полную слюней статью о некоей семейной паре, решившей пожертвовать музею пять миллионов клочков туалетной бумаги?

— Почему бы и нет? Семейная пара хочет сделать благое дело, поделиться с другими своим богатством. И не вздумай вставлять в статью строчку о том, что миссис Хайбек разбавляет чай водкой. Пора тебе учиться учтивости. В десять часов ты встретишься с Хайбеком в кабинете издателя.

— О Боже! Когда подготовка материала для статьи начинается со встречи с главным героем в кабинете издателя, нет никакого смысла идти туда.

— Тебе надо набираться опыта.

— Не стану писать эту статью.

— Флетч, я уверен, что из тебя получится отличный канавокопатель. Если в руках лопата, совсем не обязательно носить галстук, пояс, расчесывать волосы. Я могу устроить так, что ты покинешь нас к пятнице, так что вы с Люси сможете растянуть ваш медовый месяц на любой срок.

— Тогда придется ужать его до уик-энда. На большее мне не хватит денег. И ее зовут Барбара.

— Извини, перепутал. Воскресенье с Барбарой. Вторник — с мозолями на руках.

— Френк, а почему бы этому Хайбеку не написать статью самому? За эту привилегию он выкладывает пять миллионов долларов.

В кабинет всунулся Хэмм Старбак. При виде Флетча, сидящего на полу со скрещенными ногами, брови его взлетели вверх. Потом он перевел взгляд на Френка.

— Веселенькое у нас утро.

— Это точно, — кивнул Френк. — Сначала фотоснимки на спортивных страницах газеты, потом Флетч на полу.

— Френк, Дональд Хайбек должен зайти к вам?

— Не ко мне. Его примет Джон. Как только он придет, сразу проводите его в кабинет издателя.

— Он не придет!

— Почему? Он позвонил?

— Нет. Он и не смог бы это сделать, так как сидит на нашей автостоянке в темно-синем «кадиллаке» с дыркой от пули в виске.

Флетч вскочил на ноги.

— Моя статья!

— Полагаю, мы должны поставить в известность полицию.

— Сначала отправьте на стоянку фотографов, — распорядился Френк.

— Уже отправили.

— И Биффа Уилсона. Он еще не приехал в редакцию?

— Я связался с ним по рации. Он на автостраде.

— Бифф Уилсон! — вскричал Флетч. — Френк, вы поручили эту статью мне.

— Ничего я тебе не поручал, Флетчер.

— Хайбек, Дональд Хайбек. Разве я не должен был брать у него интервью в десять часов?

- Флетчер, окажи мне одну услугу.
- Все, что угодно.
- Сгинь! С этого момента ты переходишь к Энн Макгарра-хэн, в отдел светской хроники. А я только что принял жизненно важное решение.— Френк говорил, обращаясь к своему столу.
- Какое же? — любопытствовал Флетч.
- По понедельникам больше не прихожу на работу с раннего утра.

ГЛАВА 2

- Хайбек, Харрисон и Хаулер. Доброе утро.
- Привет, Ха в кубе.
- Хайбек, Харрисон и Хаулер. Чем могу вам помочь?
- Мистера Чамберса, пожалуйста.
- Извините, сэр. Вас на затруднит повторить фамилию?
- Мне нужен мистер Чамберс, Олстон Чамберс. Такой молодой. Юрист-интерн или практикант, уж не знаю, как вы таких зовете. Ветеран морской пехоты и джентльмен.
- Да, сэр. Ну, конечно. О. Чамберс.
- Наверное, он бродит по коридорам, не имея собственного стола.
- Одну минуту, сэр.— В трубке раздалась далекие гудки.— Извините, что сразу не поняла, о ком идет речь. У мистера Чамберса нет клиентов.
- Чамберс слушает.
- Как мрачно это звучит.
- Никак Флетчер?
- Он самый.
- Я мечтал о том, что ты пригласишь меня на ленч. Мне надо отсюда выбраться.
- Приглашаю. В час дня у «Маноло»?
- Хочешь обсудить свое бракосочетание? Спросить совета, как избежать этой церемонии? Барбара по-прежнему настаивает на субботе?
- Сейчас говорить не могу, Олстон. Хочешь услышать последнюю новость?
- Барбара беременна?
- Хайбек, Харрисон и Хаулер. Фирма, в которой ты служишь.
- Ты и так все знаешь. Мизерное жалование и горы дерьма, в которых приходится копаться.
- Дональд Эдвин Хайбек?
- Один из старших партнеров, местный светоч юридической науки.
- Дональд Эдвин Хайбек на работу сегодня не выйдет. Я подумал, что ты можешь вызваться заменить его.
- Что-то я тебя не понимаю. Почему не выйдет? Это что, шутка?
- Его застрелили.
- Слушай, не болтай ерунды.
- Для него это не ерунда.
- Где? Когда?

— На автостоянке «Ньюс-Трибюн». Несколько минут назад. Мне надо идти.

— Интересно, оставил ли он завещание?

— С чего это тебя заинтересовало?

— Адвокаты славятся тем, что не пишут завещаний.

— Олстон, я бы хотел, чтобы за ленчем ты рассказал мне о Хайбеке. Все, что знаешь.

— Тебе поручили готовить статью?

— Думаю, да.

— А кто-нибудь еще так думает?

— Буду готовить ее, пока мне не прикажут заняться чем-то другим.

— Флетч, ты же женишься в субботу. Сейчас тебе совсем ни к чему пополнять ряды безработных.

— Жду тебя в час дня у «Маноло».

ГЛАВА 3

— Он это сделал сам? — Через плечо Биффа Флетч заглядывал на переднее сиденье «кадиллака». Мужчина лет шестидесяти привалился к подлокотнику. Его левая нога высывалась из дверцы, почти касаясь земли.

Бифф медленно повернул голову, чтобы посмотреть на Флетча. Взгляд его толковался однозначно: плебейм не след первым заговаривать с патрициями.

— Или его застрелили?

Не отвечая, Бифф Уилсон выпрямился. Подождал, пока Флетч шагнет в сторону, чтобы дать ему пройти, и направился к трем полицейским, стоящим у черно-белой патрульной машины. Двое были в форме, третий — в штатском. Самый молодой из троих полицейских не сводил с Флетча взгляд.

— Мы знаем, кто его нашел? — спросил Бифф.

Полицейский постарше заглянул в записную книжку.

— Сотрудница «Ньюс-Трибюн» Пилар О'Брайен.

Бифф сплунул на асфальт.

— Никогда о такой не слышал.

— Наверное, чья-то секретарша.

— Она позвонила в полицию?

— Она поставила в известность охранника у ворот.

— И он позвонил копам?

— Нет, — покачал головой полицейский. — Он позвонил в отдел городских новостей.

По лицу Биффа проскользнула улыбка.

— Все хотят подняться на ступеньку выше.

— Ваши фотографии уже все отсняли, — заметил полицейский постарше.

— Они ничего не трогали, — добавил молодой. — Я за этим проследил. Сфотографировали его сбоку и через ветровое стекло. Но не прикасались ни к машине, ни к жертве.

— Пистолет нашли? — спросил Бифф.

— Пока нет. Возможно, завалился под сиденье, — ответил детектив в штатском. — Где же медики? Хочется выпить кофе.

— Дональд Э.Хайбек, — прочитал полицейский постарше еще одну запись в своей книжке. — Кто-нибудь знает, зачем он сюда приехал?

— Да, — кивнул Бифф. — На встречу с Джоном Уинтерсом, издателем. В десять утра. Хайбек и его жена собираются, вернее, собирались пожертвовать пять миллионов художественному музею. Вот они и намеревались обсудить, как об этом написать.

— Как ты об этом узнал, Бифф? — спросил детектив.

— Как я узнаю обо всем, Гомес? — И Бифф вновь сплонул.

— Я знаю, что лучше тебя репортера нет. Только вчера вечером я говорил это своей жене.

Бифф пожал плечами.

— В машине есть радиотелефон. Хэмм Старбак сообщил мне, что Дональда Хайбека застрелили на нашей автостоянке. Я спросил, а каким ветром его занесло в «Ньюс-Трибюн»? Естественный же вопрос, не так ли?

— Потому-то я и задал его тебе. — Гомес снял пиджак и закатал рукава рубашки.

Автостоянку заливали яркие солнечные лучи.

Молодой полицейский то и дело поглядывал на Флетча.

— А вот и твои конкуренты, Бифф. — Гомес кивнул в сторону ворот.

Там стояли две машины из «Кроникл-Газетт».

Молодой полицейский дернул Биффа за рукав, указал на Флетча.

— Он с тобой?

Бифф пренебрежительно глянул на Флетча: криминальные репортеры не якшаются с мелкой сошкой.

— Нет.

— Он работает в «Ньюс-Трибюн»?

— Не знаю. — Бифф говорил громко. — Может, я его и видел. Кто-то же чистит у нас корзинки для мусора.

— Где-то я его видел, — гнул своей молодой полицейский. — Совсем недавно. Может, фотоснимок?

Бифф вновь удостоил Флетча взглядом.

— На страничке юмора.

Обе машины «Кроникл-Газетт» прорвались на автостоянку.

— Только ничего не трогайте, — предупредил их молодой полицейский.

— Заткнись, — ответствовал репортер «Кроникл-Газетт», заглядывая в салон «кадиллака». Фотограф уже снимал, следя за тем, чтобы спина, руки или голова репортера не угодили в кадр.

— Кто он? — спросил репортер.

— Личность еще не установлена, — ответил Бифф.

— Сотрудник «Ньюс-Трибюн»?

— Возможно, — кивнул Бифф. — У нас полредакции ездят на «кадиллаках». Свой я сегодня отдал сыну. Ему надо что-то отвезти в школу.

— Охранник должен знать, кто это, — заметил репортер. — Он, наверное, назвался, когда въезжал на автостоянку.

— Вот и спроси его, — посоветовал Бифф.

— Ты об этом пишешь, Бифф? — спросил репортер.

— Произошло это на его территории, — заметил Гомес.

— Конечно, конечно, — покивал репортер. — Пожалуй, из этого можно кое-что выжать. «Убийство на автостоянке газеты для семейного чтения». Неплохой, по-моему, заголовок.

— Это Хайбек, — прояснил ситуацию фотограф. — Дональд Хайбек, адвокат. Богач. Живет в Хейтс.

— Однако личность убитого еще не установлена, — вставил Гомес.

— Давно ты работаешь на «Ньюс-Трибюн», Гомес? — спросил репортер.

— Ничего нельзя сказать наверняка до прибытия экспертов, — твердо заявил Гомес.

— Как будто ты не эксперт. — Репортер прошел к своей машине и заговорил по радиотелефону.

Флетч попятился от «кадиллака», чтобы не мешать экспертам.

— Ты здесь работаешь? — спросил его молодой полицейский.

— Нет, — покачал головой Флетч. — Я посыльный. Привез мистеру Уилсону его верхнюю челюсть.

Молодой полицейский подался вперед.

— Верхнюю челюсть?

— Вчера вечером чем-то испачкал ее. В лаборатории эту гадость отдирали от зубов почти час.

— Однако.

Полицейский постарше смотрел сквозь ветровое стекло на Дональда Эдвина Хайбека.

— Готов поспорить на мой старый диван, что мне он дороже, чем этому парню пять миллионов долларов.

191

ГЛАВА 4

— Миссис Хайбек?

Седовласая дама, в цветастом платье и в зеленых теннисных туфлях, сидела на металлическом стуле с прямой спинкой у бассейна. У ее ног лежала красная сумочка.

— Да. Я миссис Хайбек.

Она посмотрела на Флетча, и ее нос чуть дернулся, как у кролика.

— Ай-эм Флетчер. Из «Ньюс-Трибюн». Я должен был встретиться с вашим мужем в десять часов.

— Его здесь нет.

Нажав на кнопку звонка у калитки, Флетч еще раз оглядел дом и участок. 12339, Полмайр-драйв. Уютный кирпичный особняк, утопающий в рододендронах, но уж никак не жилище тех, кто мог не моргнув глазом отвалить пять миллионов на благотворительность.

И никто не поспешил к калитке, чтобы впустить его.

Проходясь между рододендронов, Флетч нашел седовласую даму, сидящую у бассейна.

— Никто не знает, где он, — продолжала миссис Хайбек. — Дональд блуждает по миру. Это единственное, что можно сказать о нем с полной определенностью. Дональд блуждает. — Она

протянула руку и схватила пальцами что-то невидимое.— Блуждает.

— Позвольте мне присесть? — попросил Флетч.

— Хорошо,— с неохотой согласилась она.

Флетч сел на второй металлический стул. Миссис Хайбек сидела в тени большого зонтика, ему досталось место под солнцем. Флетч посмотрел на бассейн. На другой стороне мужчина в сомбреро поливал цветочную клумбу.

— Так вернемся к пяти миллионам, миссис Хайбек...

— Пяти миллионам,— повторила она.

— ...которые вы и ваш муж решили подарить музею искусств.

— Да-а-а? Расскажите мне об этом.

— О чем?

— О подарке.

Флетч смутился.

— Я надеялся, что рассказывать будете вы.

Миссис Хайбек выпрямилась.

— Да, мой муж и я решили пожертвовать пять миллионов музею искусств.

— Мне это уже известно. Ваш муж — адвокат?

— Мой муж блуждает. Далеко-далеко. И всегда блуждал, знаете ли. Это все, что можно о нем сказать.

— Понятно. Он — старший партнер в юридической фирме «Хайбек, Харрисон и Хаулер»?

— Я говорила ему не делать этого,— нахмурилась миссис Хайбек.— Три фамилии, начинающиеся с буквы «Х». Более того, со слога «Ха».— Все еще хмурясь, она посмотрела на Флетча.— Вы со мной согласны?

— Конечно. Звучит неестественно.

— Я хотела, чтобы он взял четвертого партнера,— продолжала миссис Хайбек.— По фамилии Брук.

— Ясно. И что, мистер Брук не захотел присоединиться к фирме?

Миссис Хайбек ответила пренебрежительным взглядом.

— Дональд сказал, что у него нет знакомых с такой фамилией.

— Понятно.

— По крайней мере среди адвокатов. Не нашлось ни одного адвоката с фамилией Брук.

— А среди ваших знакомых нет адвоката с фамилией Брук? — полюбопытствовал Флетч.

— Нет,— без запинки ответила миссис Хайбек.

— Ваш муж консультировал корпорации?

— Нет. С корпорациями он не работал. Все время спорил в суде.

Глаза ее по-прежнему переполняла грусть.

— Я знаю, что он считался одним из лучших криминальных адвокатов.

— Это точно,— согласилась миссис Хайбек.

Флетч шумно выдохнул.

— Миссис Хайбек, у вас или вашего мужа были иные источники доходов, помимо гонораров за судебные процессы и доли

прибыли, причитающейся вашему мужу, как старшему партнеру фирмы «Хайбек, Харрисон и Хаулер»?

— Хай, Ха, Хау.

— То есть было ли у вас личное состояние или вы получили наследство?..

— Мой муж всегда носит черные туфли,— прервала его миссис Хайбек. — В Хейте черные туфли встретишь нечасто. Он не любил кричащих нарядов, в каких щеголяют многие криминальные адвокаты.

Флетч почел за благо промолчать, ожидая продолжения.

— Вам представляется, что мужчина, отдающий предпочтение черным туфлям, не склонен к блужданиям, не так ли?

Вновь Флетч выдержал паузу, прежде чем заговорить.

— Не то чтобы я пытаюсь вторгнуться в вашу личную жизнь, миссис Хайбек.

— Нет у меня никакой личной жизни.— Она уставилась на свои зеленые теннисные туфли.

— Просто я стараюсь осознать, что означает для вас и вашего мужа решение пожертвовать пять миллионов долларов музею искусств? Наверное, это практически все, что он заработал за свою жизнь.

— Молодой человек, меня от вас тошнит.

— Простите.

— От вас дурно пахнет. Вы вроде бы трезвы, но от вас несет бербоном. От этого запаха кружится голова, я боюсь, что меня сейчас вывернет наизнанку.

— Извините. Но у меня точно такие же ощущения.

— И что же мы будем с этим делать?

Флетч оглянулся на дом.

— Может, мне принять душ?

— А почему бы вам не прыгнуть в бассейн? Благо он под боком.

— Это я могу.— Флетч начал выгружать содержимое карманов.— В одежде.

— Зачем вам прыгать в бассейн в одежде? Она намочит. Неужели вы хотите целый день ходить в мокром?

— Сегодня жарко.

— Жаркость не имеет никакого отношения к мокрости.

— Жаркость?

— Так, бывало, говорила моя дочь. Когда была маленькой. Жаркость. Неудивительно, что она вышла замуж за поэта. Как же его зовут...

— Я не знаю.

— Том Фарлайф.

— Ясно. Я как раз собирался задать несколько вопросов о ваших детях.

— У них все в полном порядке, благодарю.— Миссис Хайбек встала.— Раздевайтесь, а я отвернусь. Одежду оставьте на стуле. Я ее постираю и высушу в сушилке.

— Как вы любезны.— Флетч снял джинсы и трусы и прыгнул в бассейн.

Наслаждаясь прохладой воды, смывая с себя запах бербона, он

доплыл под водой до противоположного бортика и повернул назад.

Миссис Хайбек уже несла к дому его одежду. И свою красную сумку.

Голый и мокрый Флетч подошел к садовнику.

— Вы не знаете, где я могу найти полотенце?

Садовник медленно выпрямился. Снял рубашку из плотной джинсовой ткани, протянул Флетчу.

— Большое вам спасибо. Вы меня очень выручили.— Он обернул рубашку вокруг талии, как полотенце.— Я верну ее вам, как только раздобуду какую-нибудь одежду. Отличный вы парень. Отдали близнецу последнюю рубаху.

Садовник опустил на корточки и вновь занялся клумбой.

— А вы не подскажете, куда пошла миссис Хайбек?

— La senora no es la senora *.

— Что?

— La senora no es la mujer, la esposa **.

— Что? «Эта дама — не жена»? Да вы говорите по-английски лучше, чем я. Что вы хотите этим сказать?

— Вы имели в виду женщину, с которой разговаривали, так? — спросил садовник.

— Так.

— Это не миссис Хайбек.

— Не миссис...

— Миссис Хайбек молода и красива. — Садовник начертил на земле силуэт женской фигуры. — С такой вот фигурой. Блондинка.

— Она сказала, что она миссис Хайбек.

— Это не так.

— Она — кухарка?

— Кухаркой здесь испанка. Пятидесяти лет. Она живет в двух кварталах от меня.

— Так кто же она?

— Не знаю, — покачал головой садовник. — Никогда ее не видел.

ГЛАВА 5

— А вот и я, — представился Флетч.

— А вот и кто? — спросила Энн Макгаррахэн, редактор отдела светской хроники «Ньюс-Трибюн», высокая, широкоплечая женщина сорока с небольшим лет. Она сидела за столом, слишком маленьким для ее габаритов, в отдельном крошечном кабинете.

— Я думал, что в отделе светской хроники знают всех.

— Всех, кто хоть что-то собой представляет, — улыбнулась Энн. — Так что позвольте повторить, кто вы?

— Ай-эм Флетчер. — Флетч посмотрел на засохший папорот-

* Эта сеньора — не сеньора (исп.).

** Эта сеньора — не жена, не супруга (исп.).

ник в горшке на подоконнике. — Никто. Недостойный вашего внимания. Могу я идти?

— Где вы были?

— Переодевался. — Флетч расправил лацканы пиджака Дональда Хайбека. — Френк сказал, что на работу надо ходить в костюме и при галстуке.

— Это костюм? Это галстук?

— Материал хороший.

— Не стану спорить. Похоже, вы вкладывали деньги в материал, а не в портного.

— Я похудел.

— И выросли. Брючины у вас на полфута короче ног.

— А вы слышали, что в следующем месяце в моду войдут галифе? Как видите, я в курсе современной моды.

— Вижу. Ваши рукава больше похожи на панталоны. Из них руки торчат по локоть.

— Я готов к освещению событий светской жизни.

— Молодые женщины называют вас Флетч, не так ли?

— Если вообще замечают меня. — Флетч сел на стул с деревянной спинкой.

— Почему они не зовут вас по имени?

— Ирвин?

— А что плохого в Ирвине?

— Звучит, как насмешка.

— У вас есть второе имя, не так ли?

— Морис.

— Я знаю многих милых мужчин, которых зовут Морис.

— Я не вхожу в их число.

— Ладно. Вы — Флетч. Энергичное имя. Звучит, как глагол.

— Скорее как соединительный союз.

— Хорошо, соединим наши усилия на благо читателей. Френк Джефф не только предупредил меня о вашем пренебрежении одеждой. Он также указал, в чем должно заключаться ваше первое задание.

— Я и так знаю.

— Правда?

— Да. Подготовка статьи о пяти миллионах, пожертвованных Дональдом Хайбеком и его женой художественному музею. Я должен досконально выяснить все подробности. Так?

— Разумеется, нет.

— Я получил его сегодня утром.

— Разве не Дональда Хайбека убили этим утром на автостоянке?

Флетч пожал плечами.

— И что? Статья от этого только выиграет.

— Мы нашли вам интересную тему, Флетч. С подачи Френка. Впрочем, он упомянул, что идея принадлежит вам.

— Мне? Идея статьи по отделу светской хроники?

— Мы уже выходим за рамки светской хроники, Флетч. Конечно, мы пишем об обществе. Но стараемся охватить все, что может заинтересовать читателя. Особенно женщин.

— Потому-то я и упомянул о галифе.

— Мы должны писать не о моде, а о стиле жизни. Не только о красоте, но и о здоровье.

— Правильно, для женщины красота — залог здоровья.

— Вы бы изумились, узнав, о чем хотят писать в наши дни молодые журналисты. Круг наших интересов очень широк. Нас заботят не одни старушки, сдабривающие по утрам чай водкой.

— Этот Френк слишком много говорит.

— Так вы еще не догадались, каким будет ваше первое задание? Вчера вы участвовали в Сардинальском пробеге. Френк сказал, что вы бежали позади группы женщин и не смогли заставить себя обогнать их.

— О Господи!

— Эти самые женщины получили широкую рекламу на спортивных страницах «Ньюс-Трибюн». Очень симпатичные девушки, несомненно, много внимания уделяющие своему здоровью.

— Да уж, ни лишнего жира, ни дряблой кожи.

— По какой-то неведомой мне причине Френк воспринял публикацию этих фотоснимков на спортивных страницах как личное оскорбление. К тому же у меня такое чувство, что akurat в это самое время он получает в своем кабинете приличную взбучку от некоторых влиятельных, но консервативно настроенных жителей нашего города.

— Какая трагедия.

— «Дружеские услуги Бена Франклина». Фирма услуг. — Энн вроде бы цитировала написанное в газете. — Флетч, почему эти услуги так расстроили Френка?

— Вы подшучиваете надо мной?

— Эти услуги как-то связаны с мужчинами?

— Подозреваю, что да.

— Расскажите мне, чем конкретно они занимаются.

— Они поставляют девушек одиноким мужчинам, если те скучают дома или им не с кем пойти в ресторан. По-моему, вы и так это знаете.

— Ага! Тут есть о чем писать.

— О чем? Да и кто будет публиковать статью о...

— Как я только что отметила, наш раздел ориентирован на женщин, их интересы, здоровье, заработки...

— Это же семейная газета!

— Я рада, что вы это понимаете. Ваше журналистское расследование должно быть подано очень тактично.

— Вы хотите, чтобы я провел расследование в борделе?

— Кто лучше вас с этим справится?

— Я женюсь в субботу!

— Вы уже сдали анализ крови *?

Флетч глубоко вдохнул, но Энн подняла руку, предлагая ему помолчать, и продолжила:

— Я вижу здесь новый аспект: проститутки, вынужденные поддерживать превосходную физическую форму. Тут проследи-

* В Соединенных Штатах новобрачные перед свадьбой проходят медицинское обследование на предмет выявления венерических, наследственных и прочих заболеваний.

ваается определенная связь с серией напечатанных нами статей о выращивании экологически чистых овощей. Как функционируют «Дружеские услуги Бена Франклина»? В чем причина их увлечения спортом? Как им удается развлекать мужчин, не употребляя спиртного и не прикасаясь к сигаретам? Если они не наркоманки, то почему остаются проститутками? Сколько денег они зарабатывают? И самое главное: кому принадлежат «Дружеские услуги Франклина»? Кто получает прибыль? Я уверена, здесь есть о чем писать, — закончила Энн.

— Лучше всего послать туда одну из ваших журналисток, чтобы она попыталась получить место в «Дружеских услугах Бена Франклина».

— Да, но идея принадлежит вам, Флетч. Френк сам это сказал. Мы не вправе отнимать ее у вас и передавать кому-то другому. Разумеется, мы можем послать и женщину, для сбора дополнительной информации.

— У меня же в субботу свадьба.

— Сами видите, как мало у нас времени.

— Энн...

— Кроме того, я думаю, Френк полагает, что такая статья, разумеется, правильно поданная, снимет его с крючка, на который он попал из-за этих фотоснимков в разделе спорта. — Она наклонилась вперед. — На страницах светской хроники пишут не только о веяниях моды и сортах печени. И статья эта вам вполне по плечу, Флетч. И еще... Остерегайтесь Биффа Уилсона. Не стойте у него на пути. Он раздавит вас, как асфальтовый каток. Злобный, злопамятный тип. Я-то знаю. В свое время он был моим мужем.

ГЛАВА 6

— Добрый день, Олстон. — Флетч уселся за столик напротив своего приятеля.

— Добрый день, — кивнул Олстон. — Я пью пиво.

— Наслаждайся.

— А ты хочешь пива? — После кивка Флетча Олстон дал знак официанту. — Два пива, пожалуйста. — Затем смахнул с рукава пиджака невидимую пылинку. — Флетч, увидев тебя на тротуаре, я не мог не обратить внимания на твой костюм...

— На что?

— На твой костюм.

— Меня перевели в отдел светской хроники.

Олстон широко улыбнулся.

— Твой костюм называется «К чертям светское общество»?

— Хорошее название. Гармонирует с мыслями о вечном.

— Вижу, и у тебя было жаркое утро. Тебе наконец-то всыпали за тот заголовок?

— Заголовок?

— «НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ СПАСАЕТ ЖИЗНЬ ДОКТОРУ».

— Его никто и не заметил. — Официант принес пиво. — Ино-

гда мне кажется, что в «Ньюс-Трибюн» никто, кроме меня, не понимает, что такое новости.

— Я повесил этот заголовок на стену.

— Мы должны во всем видеть светлую сторону, Олстон.

— Конечно. У тебя есть Барбара.

— Барбара только что отчистила меня.

— Не может быть.

— С утра мне досталось от Френка Джеффа, главного редактора, Биффа Уилсона, ведущего криминального репортера «Ньюс-Трибюн», Энн Макгаррахан, редактора отдела светской хроники, и, наконец, от моей невесты Барбары Ролтон. А сегодня только понедельник, начало недели.

— В таком случае, уж не знаю, зачем ты его надел, тебя никто не будет воспринимать серьезно.

— И это еще не все. — Флетч снял пиджак, повесил на спинку стула. — Я взял интервью у милой, правда, странноватой старушки, которая выдала себя совсем за другого человека.

— Ты брал интервью у самозванки?

— Выходит, что да.

— Узнал что-нибудь интересное?

— У меня сложилось впечатление, что она говорила лишь то, что я хотел услышать.

— То есть находила ответы в твоих вопросах? — уточнил Олстон. — С самозванцами иначе и быть не может.

— Она сняла с меня одежду. И убежала вместе с ней.

— Все это произошло в одно утро?

— А у меня были такие удобные теннисные туфли.

— Флетчер, ты уверен, что сможешь выжить, выпорхнув из-под крылышка морской пехоты Соединенных Штатов Америки?

— Первые шаги в жизни всегда даются нелегко, Олстон.

— Господа, желаете что-нибудь заказать? — полюбопытствовал подошедший официант.

— Да, — кивнул Флетч. — Как обычно.

— Сэр. — Ручка официанта застыла над блокнотом. — То, что обычно для вас, абсолютно незнакомо мне.

— То есть я должен сказать вам, что я буду есть?

— Вы можете сохранить это в тайне, сэр. У меня только убавится работы.

— Я же сидел за этим самым столиком на прошлой неделе.

— Я рад, что вы вновь почтили нас своим присутствием, но не запомнил, что вы соизволили откусывать.

— Это «Маноло», не так ли?

Официант глянул на «корочки» меню.

— Совершенно верно, сэр.

— Сандвич с ореховым маслом, ломтиками банана с майонезом на хлебце из непросеянной ржаной муки.

— Ага, действительно уникальный заказ. Как я мог такое забыть? А что желаете вы, сэр? — Он повернулся к Олстону.

— Сандвич с ливерной колбаской и сельдереем на ржаном хлебце. И *sourcogn** кетчупа.

* Чуть-чуть (франц.).

— Спасибо тебе, Господи, еще один уникальный заказ. — Официант поспешил на кухню.

— Этим утром меня вызвали в кабинет Хаулера. Старшего партнера, — начал Олстон. — Представь себе, что у Хайбека, Харрисона и Хаулера появился новый клиент. Этому новому клиенту в ночь с субботы на воскресенье полиция помешала вытащить из дома в Хейтс столовое серебро, музыкальный центр и прочие дорогостоящие игрушки. Причина, заставившая этого господина обратиться к Хайбеку, Харрисону и Хаулеру, заключалась в том, что дом, серебро, музыкальный центр и прочие дорогостоящие игрушки не являлись его собственностью.

— Грабитель.

— Причем один из лучших специалистов в своей области.

— Каким образом он оказался в то утро не в суде?

— Прибыл к нам напрямик с судебного заседания, после того как ему хватило ума попросить и соответственно получить первую из многих отсрочек рассмотрения дела по существу.

— Его выпустили под залог.

— Который составил весьма скромную сумму, внесенную им самим. И он привел веский довод, убедивший судью, что оставить его в суде просто невозможно. Видишь ли, этот господин намеревался отвести своего пятнадцатилетнего пса к дантисту.

— Дантист заранее назначил ему время?

— Естественно.

— Судья не мог помешать столь милосердному деянию.

— Мало того, теперь суд будет расположен в его пользу.

— Это еще почему?

— Потому что он сказал нам, вернее, мистеру Хаулеру, что в то самое время, когда судья решал, отпустить его под залог или нет, собака в ожидании визита к дантисту так громко выла от боли, что сосед застрелил ее.

Флетч покачал головой.

— Не следовало полиции мешать ему. — Он посолил свой бананово-майонезный сэндвич. — Скажи мне, он позвонил дантисту, чтобы предупредить, что не сможет привести пациента?

— Этого он нам не сказал.

— Я удивлен, что мистер Хаулер, старший партнер процветающей юридической фирмы, согласился принять обычного грабителя. Зачем ему такой клиент?

— Многие взломщики могут позволить себе услуги «Хайбека, Харрисона и Хаулера». Этот взломщик не исключение, а скорее правило. Очевидно, кто-то должен представлять их в суде. Вот и мистер Хаулер, выслушав нового клиента-взломщика, объяснил ему, что многие его коллеги пользуются услугами «Хайбека, Харрисона и Хаулера» на постоянной основе, внося ежегодный задаток. Этакую страховку, знаешь ли. К примеру, продолжил мистер Хаулер, если бы многоуважаемый взломщик внес этот задаток до злополучной ночи, когда полиция помешала ему закончить успешно начатое дело, адвокат фирмы «Хайбек, Хар-

рисон и Хаулер», хотя бы и я, уже ждал в участке, куда его доставили после ареста, и ему не пришлось бы самому вносить залог.

— И каков этот задаток?

— Десять тысяч долларов. Немного, если учесть, что от сидящего в тюрьме взломщика пользы нет никому. Ни его семье, ни друзьям, ни экономике страны, ни даже «Хайбеку, Харрисону и Хаулеру». В тюрьме он не может зарабатывать на жизнь.

— Олстон, будь у парня в субботу десять тысяч долларов, полез бы он в чужой дом в ночь на воскресенье?

— Речь не об этом. У него и не будет этих десяти тысяч. Их получит юридическая фирма. А уж потом парень будет зарабатывать на жизнь, не опасаясь серьезных неприятностей. Душевное спокойствие, Флетчер, стоит любых денег.

— Это мне известно.

— Так что мистер Хаулер сказал нашему взломщику, что тот может рассчитывать на всемерную поддержку «Хайбека, Харрисона и Хаулера», если через десять дней, к следующему судебному заседанию, принесет десять тысяч долларов. Если нет, он, мистер Хаулер, может порекомендовать несостоявшемуся клиенту более дешевую фирму, естественно, с меньшими возможностями, которая и будет представлять в суде его интересы.

— А где же взломщик, у которого нет за душой и двух центов, добудет за десять дней десять тысяч долларов?

— Догадайся.

— Ты шутишь.

— Я не шучу.

— Хочешь сказать, что старший партнер известной юридической фирмы посылает взломщика на очередное дело?

— Понимаешь, мы хотим, чтобы нашими клиентами были только профессионалы.

— Разве мистер Хаулер, как адвокат, не призван стоять на страже закона?

— Призван, разумеется. Добавлю, что он еще и любящий дедушка, души не чающий во внучатах.

— И взломщик согласился?

— Естественно. Что будет с его семьей, если он загремит за решетку? Так что покрепче запирай двери.

— Другими словами, взломщик теперь работает на «Хайбека, Харрисона и Хаулера»?

— Если он хочет и дальше заниматься любимым делом, ему необходимо обеспечить и тех, кто гарантирует профессиональную защиту его прав.

— А если его снова арестуют?

— Новая работа, новые гонорары «Хайбеку, Харрисону и Хаулеру».

— Олстон, меня от всего этого тошнит. Честное слово, я потрясен. Во-первых, твой начальник, этот Хаулер, наверняка уже знал о том, что его партнер застрелен на автостоянке. И это известно, однако, не помешало ему проводить собеседование с клиентом.

— Собеседование заняло лишь четверть часа. После того, как

клиент проглотил наживку, его перебросили к адвокату пониже рангом. Мы тоже должны отрабатывать свое жалованье.

ГЛАВА 7

Подошел официант.

— Господа будут пить чай, кофе или предпочтут молочный коктейль?

— Я выпью кофе, — решил Флетч.

— А я — пива, — не разделил его выбор Олстон. — И на этот раз положите мне вишенку, ладно?

— Кофе и пиво с вишенкой, — кивнул официант.

— Олстон, я бы хотел знать все, что только возможно, о Дональде Хайбеке. Все, что ты сможешь выудить из архивов своей достопочтенной конторы.

— Видишь ли, я только раз пожал ему руку, в тот самый день, когда меня взяли на работу. Низенького роста, толстый.

— Это я и так знаю. — Флетч поправил пояс.

— Считался одним из лучших криминальных адвокатов страны.

— Важная подробность. Неудивительно, что человек со столь широкими связями в преступном мире умирает на автостоянке, получив пулю в лоб.

— Наоборот, удивительно, — возразил Олстон. — Он-то, похоже, мог не опасаться преступников. По моему разумению, все окрестные злодеи носили его на руках.

— Кофе. Пиво с вишенкой. — Официант поставил чашечку перед Флетчем и высокий стакан, наполненный пивом, с вишенкой на дне, перед Олстоном.

— Допустим, это заказное убийство. За голову Хайбека назначили вознаграждение. Но кто же согласится убить его, если он успешно защищал всех мало-мальски известных убийц?

— Работа есть работа.

— Насколько я знаю, профессиональные убийцы не любят иметь дело со знакомыми, пусть и не питают к ним теплых чувств. Они боятся, что полиция выйдет на них, проверяя связи покойного.

— Мог же кто-то обидеться на Хайбека. Решить, что тот защищал его неудачно, вследствие чего ему и накрутили срок. К примеру, я бы поискал бывшего клиента Хайбека, который только что вышел из тюрьмы.

— Сомневаюсь, что найдется такой человек.

— Должен найтись. Не мог же Хайбек выигрывать все процессы?

— Если не все, то девяносто девять из ста, готов с тобой поспорить. А те клиенты, которые сели-таки за решетку, получали минимальные сроки. Как тебе известно, подсудимый может признать себя виновным, выторговав при этом весьма выгодные условия. — Олстон отпил пива. — Но я посмотрю.

— Хайбек был богат?

— Очень богат. Его не волновало, где взять денег на очередной «мерседес».

— Достаточно богат, чтобы пожертвовать музею пять миллионов долларов?

— Разве есть такие богачи?

— Потому-то этим утром я и узнал о его существовании. Он приехал на встречу с издателем «Ньюс-Трибюн», Джоном Уинтерсом. Хайбек намеревался объявить, что он и его жена жертвуют музею пять миллионов долларов, но хотел, чтобы эта информация была подана тактично, не привлекая излишнего внимания к его личной жизни.

— Разумеется, он не был самым популярным адвокатом в здешних краях, но рекламы никогда не чурался.

— Подозреваю, раньше он никому не жертвовал пять миллионов.

— Огромные деньги.— Олстон жевал вымоченную в пиве вишенку.

— Что происходит, когда кто-то жертвует пять миллионов?

— Его приглашают на ленч. По меньшей мере.

— Нет, серьезно.

— Его зачисляют в филантропы. Представляют добрым, щедрым дядюшкой, радеющим о всех и о каждом.

— Таким ты представляешь Дональда Хайбека?

— Нет. Как я уже тебе говорил, мы встречались лишь однажды. Но доброты и щедрости я в нем не заметил.

— Он — партнер юридической фирмы, которая уберегает убийц от тюрьмы и посылает взломщиков на новые кражи.

— В этой стране, Флетч, каждый гражданин имеет право на защиту.

— Перестань, Олстон. Не все юридические фирмы работают так же, как «Хайбек, Харрисон и Хаулер».

— Не все. Но многие.

— Мог ли Хайбек заработать столько денег, будучи всего лишь адвокатом?

— О, да. За всю жизнь. Столько и еще больше.

— Намного больше?

— Точно не скажу.

— Почему он решил пожертвовать пять миллионов?

— Наверное, не смог найти им иного применения. Когда тебе за шестьдесят...

Флетч скорчил гримасу.

— Думаю, у него были дети, которые уже выросли. Внуки. Дама, выдававшая себя за миссис Хайбек, у которой утром я брал интервью, упоминала детей и внуков. Садовник в доме Хайбеков сказал, что настоящая миссис Хайбек — молодая женщина. Какая-то неувязка.

— Чувство вины. Может, Хайбек пытался таким образом искупить тот вред, что нанесли обществу его действия.

— Если исходить из твоих слов, он только и делал, что отмывал вину других. Профессионально.

— Да, но он старел, начал задумываться о вечном.

— С молодой женой? Непохоже. И дом его не такой, как у тех, кто может пожертвовать пять миллионов долларов. Я хочу сказать, если у тебя есть сто миллионов, оторвать от себя пять —

суший пустяк. Ничего не изменится, ритм жизни не нарушится. Но отдавать пять миллионов, если их всего шесть, при молодой жене, внуках...

— Кто из вас, господа, хотел бы оплатить счет? — прервал рассуждения Флетча официант.

— Он. — Олстон указал на Флетча.

— Нет, — покачал головой Флетч. — Отдайте счет ему.

— Ты же пригласил меня на ленч, — напомнил Олстон.

— Потому что ты попросил меня об этом.

— Может, счет оплатить мне? — вмешался официант. — Все-таки я удостоился чести обслужить вас.

— Дельная мысль, — кивнул Флетч. — А как же чаевые? Тут возникает нравственная дилемма. Можно самому заплатить за собственную работу, но как давать себе чаевые?

— О-о-о! — Официант оглядел стоящие прямо на улице столики. — Как хорошо работать в ресторане, куда ходят взрослые.

Олстон повернулся к Флетчу.

— Я заплачу по счету, если ты ответишь мне на один вопрос.

— Хоть на десять.

Олстон расплатился и проводил официанта взглядом.

— Где ты взял этот костюм? Я не хочу даже заходить в магазин, в котором тебе его продали.

— Я думал, ты его узнал.

— С чего мне его узнавать?

— Ты, возможно, уже видел его, прогуливаясь по коридорам «Хайбек, Харрисон и Хаулер».

Глаза Олстона широко раскрылись.

— Хайбек? Это костюм Хайбека?

— Вижу, в тебе проснулось уважение к костюму.

— Ты украл костюм покойного?

— Можно сказать и так.

— Флетч, я тревожусь за тебя.

— Ты будешь моим шафером на свадьбе?

— Флетч, дружище, тебе и шагу нельзя ступить без адвоката. Особенно когда речь идет о твоей свадьбе.

ГЛАВА 8

— Вы знаете поэта Тома Фарлайфа?

С Мортонем Рикмерзом, редактором отдела книг, Флетч столкнулся в темном коридоре. В толстых очках и твидовом пиджаке Рикмерз более всего напоминал маститого писателя. По его книжным обзорам чувствовалось, что он любит людей и истории, героями которых они являются, любит слова и тех, кто умеет приставлять их друг к другу, и почитает книгу высшим достижением человеческой цивилизации.

— А вы встречались с Томом Фарлайфом? — задал ответный вопрос Мортон.

— Нет.

— Возможно, мне хотелось бы встретиться с ним, — промурлыкал Мортон. — А может, и нет.

— Я только слышал о нем.

— Во-первых, мне хотелось бы знать, почему вы так одеты? — полюбопытствовал Мортон.

Флетч вытянулся в струнку, прижал руки к бокам.

— Мне поручена статья об эскорт-услугах. Такой ответ вас устроит?

— Понятно. Стараются выдать себя за приезжего бизнесмена? Вы больше похожи на жертву ограбления, которой пришлось позаимствовать чужую одежду.

— Вы почти угадали. Утром я лишился своей одежды, и мне не осталось ничего иного, как нацепить на себя этот костюм.

Мортон улыбнулся.

— Я уверен, что за исчезновением вашей одежды стоит занятая история.

— Пожалуй, нет. Том Фарлайф живет здесь, не так ли?

— Да. Преподает в местном университете. Он поэт, а потому его определили на кафедру английской литературы.

— Он — зять Дональда Хайбека?

— Как интересно. Понятия не имею. Вы говорите о человеке, которого этим утром застрелили на автостоянке?

— Да.

— Потрясающе!

— Что-что?

— Вы не читали стихи Фарлайфа?

— Не припоминаю.

— Мало кто их читал. Но, если б прочли, обязательно запомнили бы. Он пишет, как мы говорим, поэзию насилия. Лучшее его стихотворение называется «Нож. Кровь». Издатель дал такое название книге его избранных произведений. Кажется, у меня в кабинете есть один экземпляр. Пойдемте со мной.

В светлом, уставленном книжными стеллажами кабинете Мортон снял с полки тонкий томик и протянул Флетчу.

— Вот вам «Нож. Кровь». Можете поддержать его у себя.

На обложке нож глубоко вонзился в человеческое тело. Кровь обагрила кожу и оставила пятно на белой простыне.

— Это книга стихов? — изумился Флетч. — Больше напоминает старомодный детектив.

— Поэзия эта необычная. Без сентиментальности.

— Спасибо за книгу.

— Чтение идет только на пользу, — улыбнулся Мортон. — Расширяет кругозор.

— Полагаю, вы лично никогда не сталкивались с Дональдом Хайбеком? — спросил Флетч, перелистывая книгу.

— К сожалению, сталкивался. — Мортон сложил руки на груди и отвернулся от Флетча. — Сын моей сестры угнал автомобиль и сбил человека. Случилось это достаточно давно. Алкогольное опьянение, кража чужого имущества, убийство, и все это в восемнадцать лет.

— Я искренне вам сочувствую.

— Ужасная история. Обычный мальчик, в меру раздраженный, недовольный жизнью, родителями, в одну ночь полностью потерял контроль над собой. — Мортон говорил, по-прежнему стоя спиной к Флетчу. — Мы наняли Дональда Хайбека. Как

я понимаю, к нему обращаются, когда другого выхода не остается.

— За любую цену?

— Да. За любую цену.

— И что произошло с мальчиком?

— Обвинение в алкогольном опьянении сняли сразу же. Хайбек доказал, что полиция допустила нарушение при взятии анализа крови на содержание алкоголя. Обвинение в угоне сменилось использованием автомобиля без разрешения владельца. Подозреваю, Хайбек подкупил хозяина автомобиля, чтобы тот сказал, что знаком с мальчиком и этот угон — недоразумение. А вину за убийство переложили на изготовителей автомобиля. Как оказалось, у этой модели и раньше отмечались какие-то дефекты в конструкции рулевого привода. — Мортон вздохнул. — Мой племянник получил три месяца условно, не проведя за решеткой ни одного дня.

— Странно, что его еще не признали «Лучшим гражданином месяца».

Мортон повернулся к Флетчу.

— Нам до сих пор стыдно. Когда процесс закончился, моя сестра и я ощутили себя преступниками, словно не мой племянник, а мы преступили закон.

— Навяв Хайбека?

— Я думаю, способствовал поправлению справедливости. Условный срок не сломал моему племяннику жизнь. Теперь он учителем в Сан-Диего, женат, у него трое детей. Но, вы понимаете, я не могу думать о нем, не испытывая чувства вины.

— Хайбек оставил вашу сестру без гроша?

— Практически да. Ей пришлось продать новый дом, второй автомобиль, снять все свои сбережения и даже принять мою помощь.

— И что вы подумали сегодня утром, узнав о смерти Хайбека?

— Я думаю об этом весь день. Когда постоянно ходишь по лезвию ножа... — Мортон тяжело вздохнул. — Я вижу душу Хайбека, спешащую покинуть тело, чтобы защититься в суде того, кто его убил...

— Разумеется, за деньги.

— Да. Ради денег он превращал закон в посмешище. Можно презирать его за это. Можно ненавидеть. Но, когда решалась судьба Билли, мы заплатили деньги с радостью. Эти деньги позволили не ломать ему жизнь, дали второй шанс, которым он, к счастью, воспользовался. Я не знаю, сколько клиентов Хайбека последовали примеру Билли, а сколько остались на свободе, чтобы снова грабить и убивать.

— Еще раз спасибо за книгу.

— Если увидите с Томом Фарлайфом, потом скажете мне, стоит ли брать у него интервью.

После короткого колебания Флетч нажал на клавишу, и принтер начал распечатывать отобранные материалы из досье Хайбека.

Затем снял трубку внутреннего редакционного телефона и трижды повернул диск.

— Кэрридайн, — ответил мужской голос.

— Джек, это Флетч.

— Кто?

— Флетчер. Я работаю в «Ньюс-Трибюн».

— Вы уверены? — В голосе ведущего автора финансового отдела звучало любопытство. — О, да. Вам мы обязаны заголовком, появившимся на страницах газеты пару месяцев тому назад? Как же он звучал?.. Ага, вспомнил. «Уэстерн Кэн Со сидит на своем богатстве».

— Да, это мой заголовок.

— Ваш, значит? Конечно, мы тоже были молоды...

— Не понимаю, почему вы так на него набросились.

— Потому что все мы видели его не один раз. Вы хотите попросить прощения, Флетчер, или у вас есть ценная информация по зарубежному долгу Соединенных Штатов?

— Вы знаете человека, которого убили этим утром?

— Хайбека? Нет. Я его не знаю. Виделся с ним однажды на деловом ленче.

— Кое-кто утверждает, что он был очень богат.

— Как вы отличаете просто богатого от очень богатого?

— Он собирался пожертвовать пять миллионов долларов.

— Позвольте в этом усомниться. Он — работяга. Высокооплачиваемый, но работяга. Едва ли у него были какие-либо доходы, кроме заработка. Что у него за душой? Партнерство в процветающей юридической фирме. Сколько это приносило год за годом? Плюс гонорары. Возможно, он удачно вкладывал деньги, но, думаю, я бы знал об этом. Наследства он не получал. Если бы он женился на состоятельной наследнице, эти сведения не прошли бы мимо нас.

— А как насчет мафии?

— Вы думаете, он был связан с мафией?

— Криминальный адвокат.

— Несомненно, среди его клиентов были и мафиози. Но мафия не обогащает никого, кроме мафии. Несмотря на все, что о ней пишут, главная проблема мафии — «отмывание» денег. В этом она сталкивается с такими трудностями, что я просто не понимаю, зачем им грести деньги лопатой.

— И каким состоянием владел Хайбек, когда его убили?

— Чисто умозрительно?

— Естественно.

— Работая всю жизнь, уклоняясь в разумных пределах от уплаты налогов, не вкладывая деньги в рискованные предприятия, в лучшем случае он мог иметь на банковском счету пять миллионов долларов.

Флетч собрал в стопку листы с распечатками, сверху положил полученный от Мортон Рикмерза томик стихов Тома Фарлайфа «Нож. Кровь».

Долго не решался снять трубку и набрать номер заведения, в котором, как он когда-то думал, продавали пиццу.

Ему ответил молодой дружелюбный женский голос.

— «Дружеские услуги Бена Франклина». Вам нужен друг? Мы оказываем эскорт-услуги. В любое время, двадцать четыре часа в сутки. Как у вас дома, так и у себя. У вас есть какие-то проблемы?

— Абсолютно никаких. Меня зовут Флетчер Джефф. И я приеду к вам. Надеюсь, что приеду.

— Ладно, Флетчер. Почему бы и не приехать? Мы проверим, как у вас со здоровьем.

— У меня все в порядке, благодарю.

— Мы в этом не сомневаемся. Но под здоровьем мы подразумеваем все. Таких друзей, как мы, у вас никогда не было. Мы позаботимся о вас. Вы делаете зарядку, не так ли?

— Я? Да.

— Мы проверим у вас упругость кожи, мышечный тонус. Покажем, как достичь сексуальной удовлетворенности через физические упражнения. Повторяю, таких друзей у вас не было.

— Это я уже понял.

— С нами вы пройдете весь путь, от подтягиваний через углубленное дыхание до экстаза.

— Экстаз! Это прекрасно.

— Вы не верите?

— Просто раньше я не слышал, чтобы слово «экстаз» использовалось в предложении.

— Раньше вы не звонили в «Дружеские услуги Бена Франклина». Вы хотите приехать прямо сейчас?

— Сейчас не могу. Меня ждут. Может, завтра?

— Почему бы и нет. В какое время?

— В одиннадцать часов.

— Утра?

— Да. Я хочу, чтобы вы проверили упругость моей кожи.

— Флетчер Джефф. Одиннадцать утра. Будем рады вас видеть. А вы, надеюсь, порадуетесь, увидев нас. — И за щелчком последовали гудки отбоя.

ГЛАВА 9

— Неприятно это признавать, старина, но ты, возможно, прав.

— Разумеется, прав. — Флетчер уселся в кресло у телефона. — Насчет чего?

— Я старался изо всех сил, чтобы, не попавшись с поличным, раздобыть интересующую тебя информацию. Свои усилия я сконцентрировал на последнем из законченных процессов Хайбека, текущем судебном процессе, в котором он занят. И тут ты, похоже, попал в десятку, желая установить личность клиента Хайбека, который только что вышел из тюрьмы, возможно, горя желанием прострелить череп Хайбека.

— Такой клиент только один?

— Сначала последние закончившийся и текущий процессы. Ты, несомненно, познакомился с ними по газетным репортажам.

— Да, проштудировал сегодня.

— То есть тебе известно, что сейчас Хайбек защищает предсе-

дателя комитета жилищного строительства законодательного собрания штата, обвиненного в незаконной деятельности. Точнее, в получении взятки.

— Да.

— Конкретное обвинение состоит в том, что он взял пятьдесят три тысячи пятьсот долларов от архитектурной фирмы, получившей контракт на проектирование нового корпуса тюрьмы в Уилтоне.

— Надеюсь, что этот сенатор законодательного собрания поручил им спроектировать для него личную камеру с окнами на юг.

— Сомневаюсь, что он знаком с проектом. Все эти маневры выше моего понимания. Я имею в виду политические маневры. Да еще Хайбек порядком замутил воду. Забросал суд различными запросами и петициями. Никак не могу понять, почему судьи мирятся с этим безобразием.

— Хайбек просто старается, чтобы общественность забыла про этот процесс за лавиной более свежих новостей, не правда ли? Пройдет какое-то время, и на сенатора перестанут злиться. Нам же надоедает читать об одном и том же. Всех, в том числе и судей, охватит безразличие. Так?

— Так. И журналистам надо бы хоть раз написать об этой закулисной игре. Отреагировать на затяжку процесса. Потребовать, чтобы суд принял незамедлительное решение.

— Слушаюсь, сэр.

— Наверное, тебе небезынтересны записки Хайбека, касающиеся этого процесса?

— Еще бы.

— Первая гласит: «Обеспечить слушание дела судьей Кэрлом Свэнком».

— Понятно. Суть в том, что в далеком, туманном прошлом судья Свэнк что-то задолжал сенатору Шоебауму.

— Логично. Причем о должке этом практически никто не знает. Журналисты не смогли так глубоко копнуть.

— Или в сейфе сенатора Шоебаума хранятся материалы, компрометирующие вышеупомянутого судью Свэнка.

— Судьи, конечно, хотели бы казаться поборниками справедливости, но жить они должны, как прагматики.

— При случае я обязательно использую эту фразу.

— Вторая запись, также почерком Хайбека, еще более любопытна. Слушай: «Шоебаум признает, что общая сумма полученных им взяток составляет восемьсот тысяч долларов. Естественно, не указанных в налоговой декларации. Ориентировочный гонорар по этому процессу — пятьсот тысяч долларов». Обе записи я обнаружил на первых страницах досье. Затем идут материалы самого дела, копии петиций, поданных Хайбеком, ответы суда.

— И он намеревался оттягивать слушания, пока дело не попадет к судье Свэнку?

— А уж там-то он без особых хлопот добился бы нужного приговора.

— Сенатор же в настоящее время отдыхает на Гавайях.

— Да, Бедняга думает, что выйдет из этой передрыги свободным и богатым.

— Наполовину он прав.

— Мне представляется, что Шобеаум не из тех, кто хотел бы проветрить мозги Хайбеку.

— Согласен с тобой.

— Другие клиенты, чьи интересы защищает в суде Хайбек, а их больше двадцати, для нас не представляют ни малейшего интереса. Дела эти ведет мелкая сопка, такие же чернорабочие, как и я. Воровство, непреднамеренные убийства, десять похищенных детей родителями, когда после развода проигравшая сторона выкрадывает собственного ребенка.

— Так много?

— Это процветающий бизнес. Если я надумаю уйти от «Хайбека, Харрисона и Хаулера», то займусь именно этим. Чувствую, что смогу принести там больше пользы.

— Тебе виднее, я не специалист в подобных вопросах.

— Плюс весьма забавное дело молочника.

— Я когда-то знал одного хитроумного молочника.

— Этот не менее хитроумный. Вот что он учудил. Первым делом взял для своей жены норковое манто. Напрокат. В кредит.

— Любящий муж.

— Затем привел закутанную в норковое манто жену в автомобильный салон, торгующий «роллс-ройсами», и арендовал один из них на месяц. В кредит.

— И ценитель хороших машин.

— Усадил жену в манто в «роллс-ройс», поехал в Палм-Бич и снял маленький особняк.

— Красиво жить не запретишь. В том числе и молочникам.

— Имея в своем распоряжении жену в манто, «роллс-ройс» и особняк, он пошел в местный банк и получил ссуду в полмиллиона долларов. Наличными.

— Однако.

— И бросил свою работу.

— Действительно, чего работать, если на хлеб и так хватает. Да и на молочко остается.

— Он вернул автомобиль и манто, отказался от аренды особняка. И укатил в Небраску.

— На полмиллиона долларов в Небраске можно купить много коров.

— Даже банк особо не суетился, поскольку в первые три года молочник исправно выплачивал проценты из полученных пятисот тысяч долларов.

— Дальше можешь не говорить. Его обвинили в том, что он слишком хорошо усвоил американские традиции.

— Но деньги кончились, и банк решил посчитаться с ушедшим на покой молочником.

— А почему Хайбек взялся за это дело? Едва ли молочник мог заплатить ему.

— Хайбек взялся. И как только банк услышал об этом, его правление задрожало мелкой дрожью. Фирма «Хайбек, Харрисон и Хаулер» купила несколько акций банка и пригрозила послед-

нему полным разоблачением. Обвинения в некомпетентном управлении и неразборчивости при выдаче кредитов вполне могли привести к аннулированию банковской лицензии. В конце концов банк выдал кредит в полмиллиона долларов молочнику!

— О-го-го! Значит, банк проглотил потерю пятисот тысяч долларов, за вычетом уплаченных молочником процентов?

— Это еще не все. Два совладельца банка, они же члены правления, выкупили у фирмы «Хайбек, Харрисон и Хаулер» принадлежащие ей акции банка по цене, существенно превосходящей их рыночную стоимость.

— Да, в юриспруденции мне еще есть чему поучиться. Скажи, Олстон, это называется «решить вопрос во внесудебном порядке»?

— Это называется «держать банк за яйца и подергивать за них».

— Я-то думал, это шантаж. На сей момент мне известно, что «Хайбек, Харрисон и Хаулер», будучи юридической фирмой, ведет активную деятельность в таких сферах, как кражи со взломом, шантаж, манипулирование судьями... Чем еще вы зарабатываете на жизнь?

— Лучше не спрашивай.

— Ты уверен, что остальные юридические фирмы хоть чем-то отличаются от «Хайбека, Харрисона и Хаулера»?

— Абсолютно не уверен.

— А что молочник?

— Переехал в Нью-Йорк, где стал...

— Молочником!

— Нет. Психоаналитиком. За три года в Небраске он получил диплом, дающий ему право вникать в проблемы других людей и брать за это деньги.

— Держу пари, он нашел работу по призванию.

— Согласен с тобой.

— Шагнул вверх по социальной лестнице, Олстон.

— Да, американская мечта, ставшая явью.

— И все благодаря удачному использованию кредита.

— А иначе зачем его брать?

— Наверное, и банку пришлось ужесточить кредитную политику. Так что эта история всем на пользу.

— Последний из завершившихся процессов Хайбека слушался около года тому назад, — сменил тему Олстон.

— Дело павшего доктора.

— Да, доктора, организовавшего из своих пациентов сеть распространителей наркотиков. Доктор и сам уже давно сидел на «игле».

— И Хайбек добился его освобождения, обвинив Бюро по борьбе с распространением наркотиков в использовании нечестных приемов для сбора доказательств.

— Именно так. Но сначала он прочитал цикл лекций, с ссылками на многочисленные источники, об абсолютной конфиденциальности отношений «пациент — врач». То есть врача нельзя осуждать на основе показаний пациентов, превращенных им в наркоманов.

— Скажи мне, Олстон, и какую плату получила юридическая фирма «Хайбек, Харрисон и Хаулер» за участие в этом процессе?

— Власти так и не смогли найти партию героина стоимостью в миллион долларов.

— Святой Боже! Кражи, шантаж, торговля наркотиками... Почему никто не подаст в суд на твою фирму?

— Кто посмеет? Я вот сейчас говорю с тобой, а у самого поджилки дрожат.

— Понимаю, Олстон.

— Возможно, твоя догадка относительно давнишнего клиента Хайбека верна. Один как раз вышел на свободу в прошлый вторник. Малоприятный тип. Отсидел одиннадцать лет. И я ума не приложу, почему Хайбек вообще взялся за это дело.

— Никаких записей?

— Все материалы, за исключением микрофильма с приговором суда, находятся в архиве в Неваде. Мне до них не добраться.

— Должно быть, на то есть причина.

— Раствитель детей. Отпетый подонок. У него были две дрессированные немецкие овчарки. Он приходил на детскую площадку или школьный двор и привлекал маленьких детей собаками. Собаки уводили детей в какой-нибудь укромный уголок, а там этот сукин сын делал с ними, что хотел.

— О Боже!

— Многие дети дали показания. Взрослые тоже. Взяли его при свидетелях. Полагаю, занимался он этим достаточно долго. Рассчитывал, что собаки всегда прикроют его уход. Но не мог предугадать, что двое негров не испугаются немецких овчарок и расшибут им головы.

— И он получил одиннадцать лет?

— Чувствуется, что усилия Хайбека не пропали даром.

— Одиннадцать лет.

— То были тяжелые для него годы, Флетч. Раствителей детей в тюрьмах не любят. На коктейль, во всяком случае, не приглашают.

— Как его зовут?

— Феликс Габо. Перепробовал много профессий. Водил рейсовые и школьные автобусы, работал на такси. Жил с сестрой-калекой в Сан-Игнатас. Сейчас ему сорок один или сорок два года.

— Если с таким обвинением Хайбек выгнал его из тюрьмы через одиннадцать лет, у него нет оснований стрелять в Хайбека.

— Он чокнутый, Флетч. Я хочу сказать, что только чокнутый может выдрессировать собак для таких дел. Наверняка видит в Хайбеке своего злейшего врага.

— Олстон, у меня возникла другая идея. Допустим, кто-то убил или искалечил твоего близкого родственника. Скажем, сына или брата. А Хайбек или вообще увел убийцу от наказания, или, благодаря ему, тот получил срок условно. Не возникнет у тебя желания посчитаться с Хайбеком?

— Повтори еще раз.

— Сегодня мне рассказали об одном деле, которое вел Хайбек.

Пьяный юноша угнал машину и сбил человека. Стараниями Хайбека он получил три месяца условно. Что можно сказать о жене, родителях убитого? Нет у них оснований злиться на Хайбека?

— Скорее они захотят отплатить той же монетой пьяному подростку.

— Но не Хайбеку?

— Для этого надо быть шибко умным. Поначалу, в гневе, люди хотят, чтобы преступник понес заслуженное наказание. Когда же суд не наказывает преступника должным образом, полагаю, у многих возникает желание лично воздать преступнику по заслугам.

— Но при здравом размышлении...

— При здравом размышлении они начинают винить во всем правоохранительную систему, законодательство или судопроизводство.

— То есть, по твоему убеждению, ни у кого не возникает мысли, что именно усилиями адвоката преступники остаются на свободе?

— Какой-нибудь умник может до этого додуматься.

— Умник, который сумеет разглядеть определенную систему в действиях Хайбека.

— И, возможно, у него есть личные основания недолюбливать Хайбека.

— К тому же он понимает, что легальными способами с Хайбеком не справиться.

— Да, такой человек мог бы прострелить Хайбеку голову. Но, Флетч, тут самое время вспомнить о теории вероятности.

Хайбек защищал преступников более тридцати пяти лет. Число родственников жертв, наблюдавших, как Хайбек отправляет громил и убийц не в тюрьму, а на морской пляж, должно исчисляться сотнями, если не тысячами.

— Полагаю, что так.— Флетч взял со столика книгу «Нож. Кровь».— И потом, я уже знаю, кто убил Хайбека.

— Умница ты наш,— вздохнул Олстон.— Почему ты сразу не сказал мне об этом? Вместо того, чтобы так долго говорить с тобой по телефону, я бы мог побегать трусцой.

— Побегать ты еще успеешь.— Флетч неспешно переворачивал страницы.

— Я не хочу, чтобы меня ограбил молочник.

— Слушай.— И Флетч начал читать:

«Узкие, перетянутые поясом бедра,
располосованные автоматным огнем.

Каждая пуля,
рвущая кожу,
выворачивающая плоть,
отбрасывает тело,
отрывает его от ног.

И вот

идеальный воин
кланяется своей смерти,
поворачивается

и падает.

Он убит, но

погиб

не зазря.

Его смерть — его жизнь.

Он — идеал

и в этом».

— Мой бог! — ахнул Олстон. — Что это?

— Стихотворение, называющееся «Идеальный воин».

— Кто может писать такое дерьмо?

— Если я прав, хотя полной уверенности пока нет, это стихотворение написано зятем Дональда Эдвина Хайбека, и, думаю, с ним стоит поговорить.

— Значит, твой редактор хочет, чтобы ты вел это расследование?

— Нет, Олстон, не хочет.

— Пытаешься проявить себя?

— Если я откапаю что-нибудь интересное, откажется ли газета от этого материала?

— Понятия не имею.

— Я собираюсь жениться. Мне надо самоутвердиться. Пока я лишь подшучиваю над газетой. А газета отвечает мне тем же.

— Ты рискуешь.

— Какой тут риск? Если я ничего не нарую, никто ни о чем не узнает.

ГЛАВА 10

213

Барбара вошла в спальню с опущенной головой, не отрывая взгляда от газеты.

— Черт побери, — проворчал лежащий в кровати Флетч. — Когда ты возьмешься сторожить дом в следующий раз, пожалуйста, первым делом проверь, есть ли шторы в спальне.

— Бифф Уилсон попал на первую полосу.

— Естественно.

— Вернее, туда попал Хайбек.

— Солнце и то еще не встало!

— Хочешь послушать? — Барбара села.

— Да.

— «Известный всей стране криминальный адвокат, партнер юридической фирмы «Хайбек, Харрисон и Хаулер», Дональд Эдвин Хайбек, шестидесяти одного года, вчера утром найден застреленным в собственном синем «кадиллаке» последней модели на автостоянке «Ньюс-Трибюн».

— Окна выходят на запад, а в комнате еще до зари светлее, чем в церкви по воскресеньям.

— «Полиция полагает, кавычки, что это типично гангстерское убийство, кавычки закрываются».

— Гангстерское, как же!

— «Партнеры мистера Хайбека, Чарлз Харрисон и Клод Хаулер, еще до полудня выступили с совместным заявлением».

— Держу пари, бросили все дела и занялись заявлением.

— «В ушедшем от нас Дональде Хайбеке адвокатский корпус потерял одного из самых блестящих своих представителей. Благодаря глубокому пониманию и неординарному толкованию законов, особенно в криминальных процессах, Дональд Хайбек был образцом для своих коллег. Мы скорбим о смерти нашего партнера и близкого друга, последовавшей при столь подлых и необъяснимых обстоятельствах. Выражаем наши глубокие соболезнования вдове Дональда, Жасмин, его сыну Роберту, дочери Нэнси, в замужестве Фарлайф, и внукам».

— Неординарное. — Флетч скорчил гримасу. — Впервые я слышу, чтобы это слово означало преступление.

— Он был преступником? — спросила Барбара.

— Когда вчера я назвал Хайбека криминальным адвокатом, мои собеседники, похоже, восприняли это как шутку.

— Здорово они пишут. «При столь подлых и необъяснимых обстоятельствах».

— Адвокаты — единственные люди, которые могут утверждать, что слова означают не то, что они означают. А означают они то, что от них хотят господа адвокаты. Глубокое понимание закона! Ха-ха! Он только и делал, что насиловал закон.

— Вижу, у тебя сформировалось особое мнение, Флетч.

— Я слышу то, что слышу.

— Не позволяй своему особому мнению взять верх. Есть и другие, не менее эффективные способы поставить крест на собственной карьере.

— Ты права.

— «Жена Хайбека, Жасмин, спала до обеда после успокоительного укола, сделанного врачами, а потому не смогла ничего сказать о постигшем ее горе».

«Согласно Джону Уинтерсу, издателю «Ньюс-Трибюн», Дональд Хайбек приехал на встречу с ним, назначенную на десять часов утра. Он хотел посоветоваться, как лучше объявить о пяти миллионах, которые мистер Хайбек намеревался пожертвовать городу. «Мне не довелось лично знать Дональда Хайбека, — сказал нам Джон Уинтерс, — но вся редакция «Ньюс-Трибюн» скорбит о случившемся и выражает соболезнования его родственникам и друзьям».

— Мудрый Джон Уинтерс. Даже в смерти держит скользкого адвоката на расстоянии вытянутой руки. Амелия Шарклифф говорила, что никто не решался причислить Дональда Хайбека ни к друзьям, ни к врагам. Полагаю, она права.

— «Тело мистера Хайбека обнаружила сотрудница редакции Пилар О'Брайен, когда приехала на работу. Лейтенант полиции Франсиско Гомес заявил, что в мистера Хайбека стреляли только один раз, с близкого расстояния, из пистолета еще не установленного калибра. На месте преступления пистолет не нашли».

— Это не гангстерское убийство.

— «Выпускник местного университета Дональд Хайбек многие годы читал лекции на юридическом факультете...» Далее идет перечисление громких процессов, выигранных Хайбеком. — Барбара перевернула страницу. — Тут еще много чего написано. Хочешь, чтобы я все прочла?

— О процессах я прочитал еще вчера. Даже я знаю, как писать некрологи. Но его убили не гангстеры.

— Почему ты долдонил одно и то же?

— Для того, чтобы въехать на автостоянку «Ньюс-Трибюн», необходимо остановиться у ворот, показать охраннику какой-нибудь документ, удостоверяющий личность, и сказать, зачем приехал. Но войти и выйти можно беспрепятственно. Хайбек поставил машину в дальнем конце автостоянки. И я просто не могу поверить, чтобы профессиональный наемный убийца подъехал к воротам, представился охраннику, проследовал на автостоянку, сделал свое грязное дело, а затем отбыл в неизвестном направлении. И едва ли профессиональный убийца станет парковать машину неподалеку от автостоянки, чтобы пройти через ворота, прострелить Хайбеку голову и спокойно ретироваться. Профессиональный убийца разделался бы с Хайбеком совсем в другом месте.

— Странно, что никто не слышал выстрела.

— Пистолет малого калибра стреляет тихо, так что на открытой автостоянке таких размеров услышать его невозможно.

Барбара вытянулась рядом с ним на кровати.

— Наверное, мне пора отправляться в путь. — Флетч приподнялся. — Уже пора.

— Еще рано.

— Откуда ты знаешь? Мне столько надо сделать. Причем далеко не все, что хочется.

ГЛАВА 11

215

— Позвольте поблагодарить вас за то, что вы смогли уделить мне несколько минут, — начал Флетч.

Его удивило, что куратор музея современного искусства вообще согласился принять его, заявившегося без предварительной договоренности в половине десятого утра.

— Так вы из «Ньюс-Трибюн»? — спросил куратор Уильям Кеннеди.

— Да. Мне поручили подготовить материал о пяти миллионах долларов, которые Дональд и Жасмин Хайбек собирались пожертвовать музею. Дама в Попечительском совете сказала мне, что пожертвование предназначалось именно этому разделу музея. Во-первых, мне хотелось бы удостовериться, что мистер и миссис Хайбек собирались пожертвовать пять миллионов долларов художественному музею.

— Я в этом не убежден. А если бы они действительно принесли нам письмо с таким предложением, я не уверен, что мы приняли бы эти деньги.

Брови Флетча взлетели вверх.

— Разве музей не берет деньги из любого источника?

— Источник нас не волнует. За пятнадцать лет работы в музее я ни разу не видел, чтобы музей отказывался от денег — даже если это «грязные» деньги — только потому, что ему не нравился даритель.

— Следует ли из ваших слов, что вы полагаете деньги Хайбека «грязными»?

Кеннеди пожал плечами.

— Мы знаем, что он ловкий адвокат.

— Под ловким вы подразумеваете преступный? Мне кажется, вы коллекционируете облагороженные синонимы прилагательного «преступный».

— Часто вы слышали об адвокатах, угодивших за решетку? — спросил Кеннеди.

— Да нет.

— Врачи болеют, а вот адвокаты практически никогда не садятся в тюрьму.

— Но почему музей может отказаться от денег?

— Из-за условий, которыми сопровождается пожертвование. Позвольте объяснить. На прошлой неделе Хайбек позвонил моему секретарю, чтобы договориться о встрече со мной. Секретарь решила этот вопрос положительно. Мы не гонялись за деньгами Дональда Хайбека. Мы понятия не имели, что он интересуется искусством или нашим музеем. Поэтому я подозревал, что он хочет уговорить меня выступить экспертом на одном из его процессов.

— А соглашаться вам не хотелось?

— Нет. Разумеется, я выступал в суде экспертом. Но лишь когда чувствовал, что меня не используют как пешку, и полностью доверял той стороне, что приглашала меня.

— Дональду Хайбеку вы не доверяли?

— Я ничего о нём не знал, кроме того, что почерпнул из газетных статей и телевизионных репортажей. И тем не менее у меня сложилось впечатление, что ему удастся уберечь от тюрьмы людей, которым там самое место. Лично я с ним никогда не встречался. Хайбека пригласили в музей, но не на ленч. Он приехал в прошлую среду, сел в кресло, в котором сейчас сидите вы, и чертовски удивил меня, заявив, что хочет пожертвовать музею пять миллионов долларов.

— И каким был ваш первый вопрос?

— Я спросил: «Ваши собственные деньги?» У меня сразу возникло ощущение, что тут не все чисто.

— И он подтвердил, что намеревается пожертвовать свои деньги?

— Да. Потом я сказал ему, предельно вежливо, что никогда не слышал о его интересе к искусству вообще и к нашему музею в частности. Он ответил, что давно интересуется искусством, более того, отметил, что в нашей коллекции современного искусства имеется обширный пробел.

— Благодаря чему сразу завладел вашим вниманием.

— Несомненно. Мне не терпелось услышать, что он подразумевает под «обширным пробелом». У нас не лучшая в мире коллекция современного искусства, но достаточно большая и удачно подобранная стараниями моего предшественника и вашего покорного слуги. Он высказал пожелание: все пять миллионов долларов надо потратить на современное религиозное искусство.

— Загадочно, — после короткой паузы прокомментировал Флетч.

— Именно так. Знаете ли вы или нет, но современного религиозного искусства практически не существует. Я хочу сказать, что все искусство религиозно, не так ли? По-своему, разумеется, в том числе и языческое искусство. Искусство представляет человека в его отношении к природе, самому себе, своим ближним, Богу. Не все оно служит поколению, но каждое произведение истинного искусства, по моему разумению, есть веское подтверждение природы нашего существования.

— И как же вы ему ответили?

— Вежливо спросил, чем мы должны пополнить нашу коллекцию? Он менторским тоном разъяснил мне, что именно мы — эксперты по современному искусству, и он отнесет свои деньги в другое место, если нам кажется, что мы не сможем приобрести высокохудожественные произведения современного религиозного искусства.

— Вроде бы он сам решил отдать деньги, а все равно капризничал.

— Подождите, я рассказал вам еще не все. Мягко, без нажима я постарался убедить мистера Хайбека, что сам приложил бы все усилия, чтобы приобрести высокохудожественные произведения современного религиозного искусства, если б услышал об их существовании, и спросил, почему, собственно, он хочет пожертвовать такую большую сумму.

— Вопрос, волнующий всех.

— Полагаю, ответ вас поразит. Поерзав в кресле, Хайбек пробормотал, что жизнь его подошла к концу, а так как всем на него наплевать, он и решил избавиться от своего состояния и... остаток дней провести в католическом монастыре.

— Фантастика, — выдохнул Флетч. — Он захотел стать монахом?

— Да. Так он сказал. Католическим монахом. Келья, молитвы, посты, все как полагается. Мы провели совещание и обсудили предложение Хайбека. Никто не знал, что и думать. А вчера, по дороге на ленч, я услышал по радио о смерти Хайбека. И в прошлую среду, говоря, что его жизнь кончена, Хайбек не подозревал, сколь близок к истине.

— Если он хотел пожертвовать пять миллионов долларов и уйти в монастырь, почему он просто не отдал все деньги монастырю или церкви?

— Я спросил его об этом. Он ответил, что слишком стар, чтобы стремиться к получению прихода. И потом, пришлось бы многому учиться. А ему нужен мир и покой монастыря.

— А как же его жена? Дети? Внуки?

— Их он не упомянул. Лишь сказал, что всем на него наплевать.

— И на чем вы расстались?

— Я был так потрясен его предложением, что посоветовал вновь хорошенько все обдумать. И обсудить эту идею с женой, детьми, деловыми партнерами. Пояснил, что мы не сможем принять от него пять миллионов долларов, если он не снимет

своего условия насчет религиозного искусства. Мы не считаем возможным брать деньги на условиях, которые не в силах выполнить. В статье о его убийстве, которую я прочитал на первой странице вашей газеты, говорилось, что он приехал на встречу с издателем, чтобы объявить о своем решении пожертвовать пять миллионов долларов.

- Мне сказали, что пожертвование предназначалось музею.
- Вы написали эту статью в утреннем выпуске?
- Нет. Бифф Уилсон.
- Написано хорошо.
- Да,— согласился Флетч.— Для некролога.

ГЛАВА 12

В крошечной приемной «Дружеских услуг Бена Франклина» эффектная женщина, сидящая за маленьким деревянным письменным столом, оглядела Флетча с головы до ног.

— На углу поверните налево, потом, в середине квартала, снова налево и попадете в переулок.

— Экстаз!

— Наш служебный вход слева.— Поверх розового спортивного костюма белела нитка жемчуга.— На двери табличка с названием нашей фирмы.

— Потрясающе!

Женщина нахмурилась.

— Вы посыльный, не так ли? — строго спросила она.

— А что я должен был принести? — полюбопытствовал Флетч.

— Простыни, полотенца.

— Я принес только себя.

— Себя?

— Да. Со всеми частями тела. Головой, плечами, бедрами, коленными чашечками.

— Вам назначено? — Она открыла ежедневник.— Вы не похожи...

— На кого?

Женщина еще раз пробежалась взглядом по тенниске, вылинявшим джинсам, новеньким белоснежным теннисным туфлям.

— На тех, кто обычно приходит сюда.

— В музей меня приняли в таком виде с распростертыми объятиями.

— Ваша фамилия?

— Джефф.

— О, да. Флетчер Джефф.— Карандашом она поставила птичку рядом с его фамилией.

— Эта фамилия вам не знакома?

— Мы не обращаем внимания на фамилии.

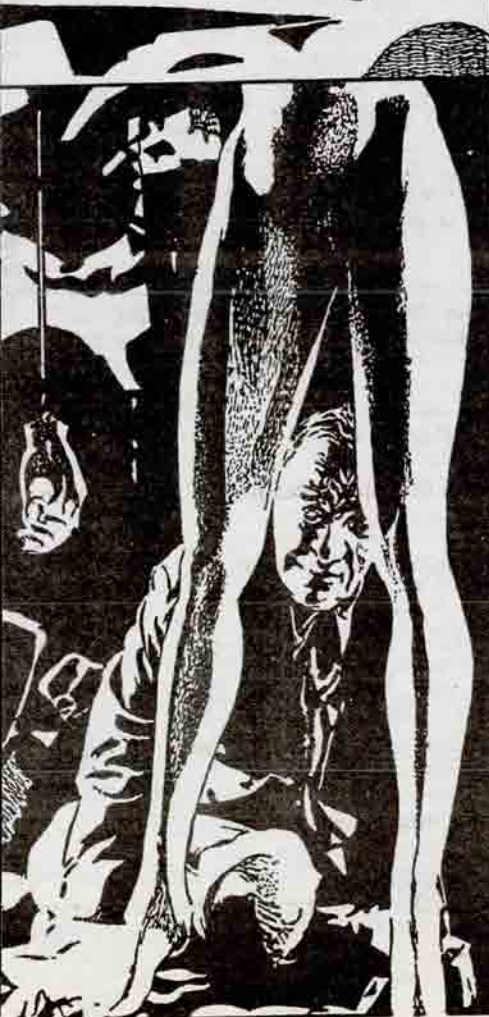
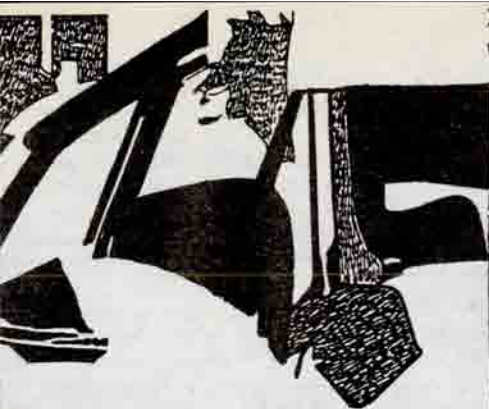
— Фамилию Джефф следовало бы знать.

— С вас сто пятьдесят долларов.

— Отлично. Я заплачу! — Он выложил на стол семь двадцаток и десятку.— Только выпишите мне квитанцию.

Женщина недоуменно глянула на него.

— Наши клиенты не просят выписывать квитанцию.

— А я прошу.
— Я выпишу ее перед вашим уходом.
— Почему не сейчас?
— Возможно, вам придется доплатить за дополнительные услуги.

— Какие?

На лице женщины отразилось раздражение.

— Чаевые. Мало ли что еще.

— Понятно.

— Вы не женаты, не так ли?

Флетч покачал головой.

— Нет, мадам. Никто не будет рыться в моих карманах.

— Вы ничем не больны? — Ее глаза широко раскрылись. —

Вы готовы поклясться, что ничем не больны?

— Похоже, попасть сюда сложнее, чем в частную школу в Новой Англии.

— Я спросила вас о болезнях.

— Ветряная оспа. Переболел в девятилетнем возрасте. —

Флетч показал на оспинку на левом локте. — Сейчас чувствую себя лучше.

Женщина нажала клавишу на интеркоме*.

— Синди? К тебе клиент.

— Ах, Синди! — воскликнул Флетч. — Я надеялся, что это будет Синди. Кому охота в такую рань иметь дело с За-За, Квини или Бо-Бо.

— Где-то я вас видела. — Женщина, похоже, разговаривала не с ним, а с собой. — И недавно.

— Я мотаюсь по городу. Этакий boulevardier**.

— Синди, это Флетчер Джефф.

В дверях стояла женщина лет двадцати с небольшим. В сшитых по фигуре нейлоновых шортах, теннисных туфлях и носках. Остроконечные, загорелые, как и все тело, груди, плоский живот, руки и плечи спортсменки. Черные волосы и широко посаженные глаза того же цвета.

Глядя на Флетча, она скорчила гримаску.

— Доброе утро, Синди, — шумно глотнул Флетч. — Я рад, что сегодня ты пришла на работу пораньше.

Синди мотнула головой в сторону уходящего в глубь здания коридора. Флетч последовал за ней.

Бок о бок они шагали по мягкому ковру меж отделанных дубовыми панелями стен.

— Ты — коп? — спросила Синди.

— Нет.

— А я надеялась, что коп, — пробормотала Синди. — Пора вывести эту лавочку на чистую воду. — Она замедлила шаг. — Окажи мне одну услугу, а?

— Все, что угодно.

— Если хочешь, выведи их на чистую воду. Попробуй. Только так, чтобы я осталась в тени, ладно?

* Аппарат внутренней связи.

** Вертопрах (фр.).

— С чего ты решила, что я — коп?

— В конце недели я отсюда ухожу. И лишние неприятности мне ни к чему.

— Если я коп, то ты уродина.

Комплимент Синди понравился. Она улыбнулась. Выдвинула тяжелый, встроенный в стену ящик и достала еще одни нейлоновые шорты.

— Эти подойдут?

— Так точно.

Синди бросила ему шорты. Открыла дверь в левой стене коридора и ввела Флетча в ярко освещенную комнату. Комплекс силовых тренажеров. Стены — сплошное зеркало. Зеркала на потолке. В одном месте зеркало заменяло даже напольный ковер.

Флетч встал на зеркало, посмотрел вверх, огляделся. В вывешенных под углом зеркалах на потолке он увидел себя в совершенно необычных ракурсах. В зеркалах по стенам бесчисленно повторялся его силуэт.

Синди пересекла комнату, вошла в ванную, тут же вернулась и бросила Флетчу полотенце.

— Прими душ. Помойся с мылом. Переоденься в шорты и возвращайся.

Флетч молча прошествовал в ванную.

Когда он вернулся, Синди стояла у маленького бара, смешивая какой-то напиток. Она сунула ему в руку бокал, в другую — пять оливок.

Флетч понюхал напиток.

— Что ты тут намешала?

— Апельсиновый сок.

— Хорошо. — Он уже жевал оливки.

— Белковая пудра.

— Похоже, здоровью не повредит.

— Немного дрожжей.

— Тоже полезно.

— И щепотка толченого лосиного рога.

— Я очень на это рассчитывал.

— Пей, дорогой. Хуже не будет.

Флетч пригубил напиток.

— Вы не пробовали торговать этой бурдой? — Ощущение у него было такое, словно в горло сыпанули пыли. — Эликсир Бена Франклина.

— Не думай об этом. — Она взяла у него пустой бокал и поставила в бар. Затем повела Флетча к тренажерам. — Ты знаешь, как ими пользоваться? Разумеется, знаешь. Ложись на спину. Будешь выжимать штангу. Я думаю, начнем со ста двадцати фунтов. Не возражаешь?

— Попробуем.

Флетч лег спиной на скамью. Согнув колени, уперевшись ступнями в пол.

Взглянув вверх, увидел себя, затылок и плечи Синди.

— Выжимай, — скомандовала она.

Он выжал штангу от груди.

- Отлично. Как самочувствие?
 - Лучше не бывает.
 - Повтори восемь раз подряд. Медленно. Дыши глубже.
- Флетч выжимал штангу и дышал.
- Со здоровьем у тебя полный порядок. Я так и думала.
- А теперь сюда.— Синди указала на турник.
- И кто только сказал, что физические упражнения скучны? — задал Флетч риторический вопрос.
- Они двинулись по ярко освещенной комнате, вместе с бесчисленными отражениями в зеркалах, создавая впечатление, что идут не два человека, а целый легион.
- Возьмись за перекладину.
- Поднявшись на цыпочки, Флетч вытянулся в полный рост и обхватил ладонями перекладину.
- Теперь подтянись.— Она наблюдала, как он подтягивается и опускается.— Еще раз. Переходим к следующему снаряду.
 - А я выдержу?
 - Это уж моя забота.
- Вдруг дверь открылась.
- Синди подпрыгнула и в изумлении уставилась на женщину, застывшую в дверном проеме.

ГЛАВА 13

- Что за игру ты затеял? — спросила Марта, женщина, с которой Флетч познакомился в приемной.
- Они сидели в ее кабинете. Марта — в кресле за письменным столом, Флетч — напротив, на жестком стуле с деревянной спинкой.
- Игру? — переспросил Флетч, посмотрев вниз. Дышал он все еще тяжело, тело блестело от пота.— Госпожа, я так страдаю! Марта нажала на клавишу.
 - Синди? Переоденься и приходи сюда.
 - Пожалейте меня! — воскликнул Флетч.— Разве вы мне не друг?
 - Я спросила, что за игру ты затеял?
 - Я — обычный парень с горячей кровью, пожелавший посвятить это утро спорту.
 - Черта с два.— Пальцы Марты перебирали жемчужины ожерелья.— Я вспомнила, где видела тебя.
 - Я тоже вспомнил. В воскресенье, в церкви Святого Ансельма.
 - Насчет воскресенья ты прав. Тебе что-то нужно. Думаю, я догадалась, что именно. Я видела тебя в воскресенье. Ты участвовал в Сардинальском пробеге и бежал следом за моими девушками.
 - Я пробежался бы и сейчас.— Флетч поднялся.
 - Сядь!
 - Я должен двигаться!
 - Ты должен отвечать на мои вопросы! Я спрашиваю, почему ты бежал за ними дистанцию, от старта до финиша?
- Флетч вновь опустился на жесткий стул.

— Сто пятьдесят долларов. — Марта кивнула на стопку банкнот, лежащих на столе. — Ты можешь получить все, что хочешь, может, даже больше, чем хочешь, не прошагав и одного квартала.

— Вы не станете возражать, если я незамедлительно этим и займусь?

— Пожалуйста, сядь. Подозрения зародились у меня сразу, как только тебя увидела. Сто пятьдесят долларов — большие деньги. И это лишь первый взнос, без стоимости многих услуг. Спрашиваю еще раз, почему в Сардинальском пробеге ты бежал за моими девушками до самого финиша?

— Хорошо. Признаюсь. Меня очень интересуют газетные объявления. Особенно рекламные. Я изучаю ваш метод. Он оказался весьма эффективным. Реклама принесла вам известность.

Губы Марты изогнулись в некоем подобии улыбки.

— Послушай...

— Разве я не видел надпись «Дружеские услуги Бена Франклина» на спортивных страницах? Вчера. Два больших фотоснимка. Девушек сняли спереди и сзади. В «Кроникл-Газетт»?

— «Ньюс-Трибюн».

— Совершенно верно. И реклама эта обошлась вам в стоимость дюжины футболок. Превосходный результат.

— Так ты шпион.

У Флетча округлились глаза.

— Шпион? — Он понизил голос до шепота. — Вы хотите сказать, я из Китая?

— Ты следил за нами, не так ли? Потому-то в воскресенье и бежал следом за девушками. А сегодня появился сюда. Ты изучаешь особенности нашего бизнеса.

— О, так вы о промышленном шпионаже. Значит, меня заслали не из Китая, а из Японии.

— Выяснив, как мы ведем дела, ты собирался открыть собственное заведение, предлагающее те же услуги.

— Я? Да вы посмотрите на меня. Как в моем возрасте добыть столько денег, чтобы можно было открыть гимнастический зал наслаждений?

— Этого я не знаю, но ты здесь.

— Я понятия не имею, сколько стоят все эти тренажеры, но думаю, что недешево. А еще зеркала. Освещение, ванны. Лосиный рог.

— Кто-то может выдать тебе кредит.

— Да что вы, леди. В мои годы мне не получить кредита даже у молочника.

По телу Марты пробежала дрожь.

— Не называй меня леди.

— Как скажете. Извините.

— Итак, что привело тебя сюда, Флетчер Джефф?

Флетч разглядывал пальцы ног.

— Думаю, вы уже обо всем догадались. — Флетч почти уверовал, что его раскрыли, но надежда всегда умирает последней.

— Ты хотел бы получить работу, — самодовольно изрекла Марта.

— Вы правы, — без запинки ответил Флетч.

— Мне приходится проявлять осмотрительность. — Марта откинулась на спинку кресла.

— Я понимаю.

— В нашем деле нужно держать ухо востро. Надо притереться, проверить друг друга, прежде чем выкладывать карты на стол.

— Это точно.

— Ты, разумеется, рассчитывал, что унесешь с собой эти сто пятьдесят долларов. — Она подняла стопку банкнот. — Вот они. Флетч взял деньги.

Марта на мгновение задумалась, затем продолжила:

— На сегодня мы выделяем для женщин только два зала три дня в неделю. Во вторник, среду и четверг, когда число клиентов-мужчин уменьшается. Не волнуйся. За эти три дня ты заработаешь больше, чем где бы то ни было, за исключением, может быть, нейрохирургии. У женщин, разумеется, отдельный вход, но приходят они за тем же. Основной принцип прост: секс приносит гораздо большее удовлетворение после интенсивной физической нагрузки. Ты понимаешь, эти упражнения на тренажерах всего лишь прелюдия. Когда дело подойдет к главному, мы, разумеется, не станем требовать, чтобы ты использовал свой личный, я бы сказала, интимный инструментарий. — Марта хохотнула. — За исключением, пожалуй, пальцев. В отличие от женщин мужчины не могут пропустить через себя всех желающих. Наши клиентки это понимают... — В дверь постучали. — Заходи, дорогая.

Вошла Синди и прислонилась к дверному косяку. В кроссовках, белых носках до коленей, короткой юбочке, светло-синей блузке с закатанными рукавами.

— Поздоровайся еще раз со своим новым коллегой, дорогая. — Марта встала. — Флетчер Джефф теперь работает в «Дружеских услугах Бена Франклина». Я хочу, чтобы ты пригласила его на ленч и рассказала о наших успехах и проблемах.

Теперь Синди смотрела на Флетча.

В горле у него пересохло.

— Флетчер нашел к нам оригинальный подход, — добавила Марта. — Он понимал, что не может просто прийти и попросить взять его на работу, так как наверняка получил бы отказ. Он оказался крепким орешком, который я расколола с большим трудом. Именно такой парень нам и нужен, чтобы увеличить число клиенток. Не так ли, Синди?

— Конечно. — Синди по-прежнему смотрела на Флетча. — Полагаю, что да.

— Красавец мужчина. Такого я и искала. Добро пожаловать на борт нашего корабля. Можешь начать работать в любой день.

— Благодарю.

— Расскажи ему все, Синди. Объясни, что к чему.

Флетч повернулся к Синди.

— С твоего разрешения я сначала приму душ.

— Нет вопросов.

— Идите, дети мои. Сегодня за ваш ленч платит фирма. Но помните: пища должна быть богата белками, с минимумом жира и углеводов.— Вернувшись к столу, Марта широко улыбнулась Флетчу.— Для тебя, Флетчер, моя дверь всегда открыта.

ГЛАВА 14

— Раньше такого не случалось.— Синди покачала головой.— Чтобы Марта просто открыла дверь и ворвалась в зал? Я и представить себе не могла, что такое возможно.— Они шли от ее машины к столикам уличного кафе «Маноло».— Конечно, я сразу поняла, что ты не такой, как все. Станный какой-то.

На Флетче были тенниска и шорты, украшенные спереди надписью «ВАМ НУЖЕН ДРУГ?», а сзади — «БЕН ФРАНКЛИН». Превратившись в шагающий рекламный щит, он надеялся лишь на то, что немногие понимают истинный смысл слов, написанных на его груди и спине.

— Итак,— усевшись за столик, Флетч вытянул ноги,— ты — проститутка с золотым сердцем.

Руки он сложил на груди, чтобы закрыть от чужих глаз надпись на тенниске.

— Не думаю, что золотое сердце хорошо качает кровь. Я предпочитаю хранить золото в другом месте.

— И много золота ты добыла у Бена Франклина?

— Достаточно, чтобы покинуть это заведение. Марта еще ничего не знает. Пожалуйста, не говори ей. Мы хотим преподнести Марте сюрприз в конце недели. Пятница — мой последний рабочий день. В субботу надо уладить кое-какие дела, а в воскресенье мы сматываемся в Колорадо. Навсегда.

— Вы хотите сбежать?

— Совершенно верно.

— Если ты зарабатываешь так много золота...

— Конечно, не следует мне этого говорить. Ты только поступаешь на службу, я — ухожу. Но «Дружеские услуги Бена Франклина» — препоганенькое местечко.

Официант, обслуживавший Флетча днем раньше, узнал его и огляделся в тщетной надежде найти другого официанта. Затем неохотно подошел к столику.

— Рад видеть вас живым и здоровым,— пробурчал он.

— Благодарю.

— Так что будет «как обычно» сегодня? Мне не терпится услышать. Кроме того, я уверен, что шеф-повар этой ночью не сомкнул глаз, вспоминая ваш вчерашний заказ, а с утра дрожит на кухне мелкой дрожью, предчувствуя, что вы появитесь и сегодня.

— Ты ел здесь вчера? — спросила Синди.

— И память об этом сохранится в наших сердцах, мисс. Мы даже попросили ресторанный критика из «Ньюс-Трибюн» обходить наше кафе стороной, пока этот удивительный клиент не выедет за пределы штата или не отойдет в мир иной в приступе икоты.

— Всего-то я заказал...— Флетч повернулся к Синди.

Официант поднял руку, призывая его не продолжать.

— Пожалуйста, сэр. Не повторяйте, я этого не переживу. Услышав вчера ваш заказ, я до сих пор сам не свой. Как жить без веры, что каждый следующий день будет лучше предыдущего?

— Как, по-твоему, он оскорбляет меня? — спросил Флетч у Синди.

— О, нет. Я думаю, он пытается объяснить тебе преимущества пиццы быстрого приготовления, вроде гамбургера или пиццы. — Синди посмотрела на официанта. — Не волнуйтесь, сегодня заказывать буду я.

— О, восславим Господа нашего! Наконец-то и на вас нашлась управа. — Последнее относилось к Флетчу.

— Принесите ему пять яиц, сваренных вкрутую.

Официант от изумления едва не потерял дар речи.

— И всего-то?

— Еще шоколадный гоголь-моголь, — пробормотал Флетч.

— Да, — кивнула Синди. — Видите ли, он получил новую работу, требующую строгой диеты.

— Ему это неинтересно, — вставил Флетч.

— А что принести вам, мисс?

— Банановый «сплит»*, три шарика мороженого, взбитые сливки, зефир и жареные орешки.

— Не много ли натошак? — с завистью спросил Флетч.

— Хочу устроить своему желудку маленький праздник.

Флетч повернулся к официанту.

— К вашему сведению, эта молодая женщина накормила меня с утра толченым лосиным рогом.

— Я мог бы и догадаться, — вздохнул официант.

— Ерунда, — махнула рукой Синди. — Где сейчас найдешь лося? Скорее всего то был толченый коровий рог.

— О, Господи! Куда подевались милые молодые люди, которые говорили: «Пожалуйста, коку и гамбургер»?

— Официанты не питают ни малейшего уважения к молодым, чтобы они ни говорили, — пробормотал Флетч.

— Как меня теперь называть? — спросил Флетч, посасывая через соломинку принесенный в высоком стакане шоколадный гоголь-моголь. — Юноша по вызовам?

— Вы проститутка, сэр, как и все мы, и, пожалуйста, не забывайте об этом. — Синди взяла со стола ложку. — Иначе потеряете контроль над собой, над клиентом. Такая уж у нас профессия. Контроль терять нельзя ни при каких обстоятельствах. Это опасно.

— Как же мы дошли до жизни такой?

— Полагаю, воспитывали нас одинаково. Как и многих, если не всех американцев. — Она добавила в вазочку с мороженым взбитых сливок, насыпала орешков, положила зефир. — Мы выращены, как сексуальные объекты, не так ли? Иначе для чего

* Сладкое блюдо из фруктов, мороженого, орехов.

все эти витамины, педиатры, диеты? Почему родители и учителя заставляли нас заниматься спортом? Чтобы вырабатывать философский взгляд на вещи, учиться, как надо выигрывать, а как — проигрывать? Чепуха! Родители и тренеры протестовали, жаловались и ругались с судьями и друг с другом куда больше нас. Ради нашего здоровья? Как бы не так. Много твоих друзей закончило школу без серьезных травм ног, спины, шеи? — Синди зачерпнула полную ложку «сплита» и отправила в рот. — Постоянно будь на свежем воздухе, но предохраняй кожу от прямых солнечных лучей, так советовала мне мамочка. Лосьоны утром и вечером. Цель одна — идеальная форма ног, рук, плеч, плоский живот, нежная, упругая кожа.

— Я — сексуальный объект? — переспросил Флетч.

— Именно так, брат мой. В твоём воспитании основное внимание уделялось философии? Культуре? Теологии? Помнится, я, тринадцатилетняя, прибежала из школы и влетела в дом со словами: «Мама, мне поставили А по математике!» Мама рассеянно ответила: «Да, дорогая, но я замечаю, что твои волосы блестят не так, как раньше. Каким шампунем ты пользуешься?»

Флетч молча ел яйца.

— На кого указывали нам как на героев? — вещала Синди. — На учителей? Математиков? Поэтов? Нет. Только на тех, кто мог похвастаться прекрасным телом, на спортсменов и кинозвезд. Именно у них постоянно брали интервью на телевидении. Но разве они рассказывали, каким потом даются им быстрые секунды или как они перевоплощаются в роль, которую играют? Нет, их спрашивали о сексуальной жизни, о том, сколько раз они вступали в брак, с кем и почему разошлись в последний или предпоследний раз. Престиж, Флетч, определяется числом людей, которых ты можешь завлечь в свою постель.

— В результате ты стала проституткой.

— Разве не к этому всё шло?

— Ты, похоже, зришь в корень.

— Думаю, да.

— Тебе нравится банановый «сплит»?

Синди уже съела добрую половину.

— Очень.

— Заметно.

— Очень нравится, — повторила она.

— Но, Синди, меня мучает совесть... делать это... ты понимаешь... за деньги.

Тут Флетч заметил направляющуюся к кафе женщину в знакомой желтой юбке, которая хорошо сочеталась с не менее знакомой темно-синей блузкой с короткими рукавами.

Приближающаяся к ним женщина тоже заметила Флетча.

Затем и Синди.

— О, нет, — простонал Флетч.

— Флетч! — воскликнула женщина.

— Э...

Синди обернулась. Лицо ее осветилось радостью.

— Барбара! — Она вскочила со стула и бросилась женщине на шею.

Барбара обняла Синди.

Флетч встал.

— Барбара...

Когда пыл радостных повизгиваний и объятий утих, Барбара посмотрела на Флетча. Она все еще держала Синди за руку.

— Я не знала, что вы знакомы.

ГЛАВА 15

— Что написано на твоей тенниске? — спросила Барбара, немного успокоившись. — «Вам нужен друг?» Что это значит? — Она взглянула на его колени. — И на шортах та же надпись.

— Да, — с достоинством признал Флетч.

— Ты что, нашел новую работу?

— Откуда вы знаете друг друга? — ушел от ответа Флетч.

— Мы дружим со школы, — ответила Барбара.

— Правда? Вы — давние подруги?

— Да.

— Близкие?

— Я говорила тебе о Синди. Именно она посоветовала мне выйти за тебя замуж.

— Ага! — кивнул Флетч.

— Флетч! — воскликнула Синди, ударив себя ладонью по лбу. — Так ты — Флетч? За этого Флетча ты выходишь замуж в субботу?

— За него. — Барбара положила руку на колено Флетчу. — Флетч, тебе, по-моему, очень жарко. Ты вспотел. У тебя красное лицо. Может, тебе нехорошо?

— Хо-хо-хо, — начала смеяться Синди.

— Мой Бог! — простонал Флетч.

— А как вы познакомились? — спросила Барбара.

— Хо-хо-хо, — смеялась Синди.

— Я... э... мы...

— В этом есть что-то забавное?

— Вроде бы нет.

— Хо-хо-хо, — продолжала смеяться Синди.

— Я очень надеюсь, что после свадьбы Флетч будет уходить и возвращаться домой в одной и той же одежде.

— Хо-хо-хо, — давилась смехом Синди.

— Барбара, — Флетч говорил медленно и серьезно, — у нас с Синди деловое знакомство.

— Хо-хо-хо. — На глазах Синди от смеха выступили слезы.

— Деловое знакомство?

— Деловое, — подтвердил Флетч. — А теперь, Барбара, дорогая, если...

— Барбара, дорогая! — воскликнула Синди.

Не понимая, чем вызван смех Синди, Барбара повернулась к Флетчу.

— Между прочим, по радио передали, что кто-то признался в убийстве Дональда Хайбека.

Флетч аж подпрыгнул.

— Кто?

— Мужчина по фамилии Чайлдерс. Сегодня утром он сам пришел в полицию и заявил, что убил Дональда Хайбека. Клиент Хайбека...

— Я помню,— прервал ее Флетч.— Судебный процесс завершился два или три месяца тому назад. Его обвиняли в убийстве собственного брата.

— А сегодня он признался, что убил Хайбека.

— Но его оправдали. Я хочу сказать: суд решил, что брата он не убивал.

— Так что тебе больше нет нужды расследовать убийство Дональда Хайбека. И ты можешь сосредоточиться на порученной тебе статье.

— Могу,— мрачно согласился Флетч.

— Мы поженимся в субботу, потом у нас будет медовый месяц, а после возвращения тебя, возможно, снова возьмут на работу.

— Возможно.

Синди перестала смеяться и посмотрела на Флетча так, словно увидела его впервые.

— Ты репортер!

Флетч развел руками.

— Совершенно верно.

— Из «Кроникл-Газетт»?

— Из «Ньюс-Трибюн».

— Что происходит? — Барбара недоуменно переводила взгляд с Флетча на Синди.

— Успокойся,— улыбнулась Синди.— Теперь мне все ясно!

— Боюсь, что да,— кивнул Флетч.

— Ты написал что-нибудь такое, что я могла прочесть?

— Воскресный выпуск. Ты читала «ЧУДАКИ ОТ СПОРТА НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ»?

— Да. Конечно, читала. Основная статья спортивного раздела. Очень хорошая. Ты ее написал?

— Только придумал заголовок,— не стал преувеличивать своих заслуг Флетч.

— Понятно.

Официант подал счет Флетчу.

— Вы становитесь нашим постоянным клиентом, сэр.

Но счет взяла Синди.

— За нас платит фирма.— Она вновь рассмеялась.— Откушали, можно сказать, за счет заведения.

— Синди, мы собирались расписаться на обрыве, над океаном. Я тебе говорила? В субботу обещают хорошую погоду.

Синди расплатилась наличными.

— Ты помнишь, что сегодня мы обедаем с мамой? — спросила Флетча Барбара.

— Сегодня на обед у меня будет моя голова на тарелке,— мрачно ответил Флетч.

— Синди, за углом есть магазин спортивных товаров. В витрине выставлен отличный горнолыжный костюм. Ты понимаешь, для нашего медового месяца. Пойдем со мной, посмотришь, как я в нем выгляжу.

— С удовольствием.— Синди оставила официанту щедрые чаевые.

Обе женщины встали из-за стола.

Флетч остался сидеть в глубоком раздумье.

— До свидания, Флетч,— попрощалась с ним Барбара.

Флетч не ответил.

— До встречи, Флетч! — весело воскликнула Синди.— Увидимся на твоей свадьбе! В субботу!

ГЛАВА 16

Бунгало ассистента профессора Томаса Фарлайфа находилось в восьми кварталах от университетского городка. В ряду соседских домов, не так уж давно выкрашенных, дом Фарлайфов выделялся серыми потеками на стенах, разбитым окном да бесколесным ржавым «фольксвагеном», застывшим как памятник перед домом на вытопанной лужайке, на которой не осталось ни травинки.

По пути к дому Фарлайфов Флетч включил радио. Из выпуска новостей он почерпнул дополнительную информацию. К сообщению о признании Чайлдерса, об этом ему сказала Барбара, добавилась любопытная подробность: выслушав упомянутое признание, полиция тут же освободила Чайлдерса.

Флетч встал на пороге дома и закричал что есть мочи: «Эй! Добрый день!»

Из кухни появилась женщина.

— Кто вы?

— Флетч.

— Кто? Я вас не знаю. Заходите.

Флетч вошел в холл-коридорчик.

— Вы студент?

— Я из «Ньюс-Трибюн».

— Том на кухне. Не знаю, проверил ли он вашу работу.— Она повела Флетча на кухню.— Так вы говорите, ваша фамилия Тербун?

В доме пахло мокрыми ползунками, подгоревшей едой, сбежавшим молоком и пылью.

— Я из газеты.

На кухне гремел телевизор, по полу ползал приводимый в движение батарейкой игрушечный танк, компанию кипам беля, мусорным ведрам и книгам составляли пятеро детей, все моложе семи лет. Двое в ползунках, трое в трусиках. Каждый, похоже, этим утром выкупался в воде, в которой чуть раньше вымыли посуду.

Низкорослый лысый мужчина кормил ребенка, сидящего в высоком стульчике. Он коротко глянул на Флетча. Глаза у него были удивительные, светло-синие. Цвет глаз передался четверым детям, но не того оттенка.

— У вас есть машина? — спросила женщина Флетча.

— Да. Вы — Нэнси Фарлайф?

— Он приехал к тебе? — полюбопытствовал мужчина.

— Да нет, ему нужен ты, Том. Насчет какой-то работы.

— Я приехал к вам обним, Нэнси. Я из газеты.

— А-а-а,— протянула она.— Насчет убийства отца.— На ней была широкая, землистого цвета юбка и зеленая, в грязных пятнах, блуза. Белые, не знающие загара руки и ноги, обвислый живот, волосы, висевшие слишшимися прядями.— Сказать мне вам нечего, но нужно кое-куда съездить.

— Я вас отвезу.

— Наша машина сломалась,— пояснил, не отходя от стола, мужчина.— Разбилась. Карут. Порушилась.

— Мне следовало съездить вчера.

— Да, да,— покивал мужчина.— Принести Бобби благую весть.

— Присядьте.— Нэнси сбросила со стула на пол стопку газет и телефонный справочник.— Я только переоденусь.— Она оглядела свою одежду.— Том, стоит мне переодеваться?

— Будь всегда в одном и том же, дорогая.

— Я все же переоденусь,— решила Нэнси.

— Чух, чух, чух, чух! — пыхтел Том Фарлайф.— А теперь паровозик подходит к тоннелю. Открываем тоннель! — Ребенок открыл рот, Том отправил в него ложку пюре.— Отлично. Чух, чух, чух, чух.— За первой ложкой последовала вторая. Миска уже практически опустела.

— Социальная защита! — процитировал Флетч.— Тротуары города! Дорога без жалости! Ограбленные старушки!

— Ага! — Ребенок доел пюре, и Том вытер ему рот заскорузлой тряпкой.— Вы знакомы с моими стихами.

— Вы называете их поэзией насилия?

— Именно так! — Том вытащил ребенка из высокого стульчика и осторожно опустил на пол. Подошел к самому младшему из детей, лежащему в пластмассовой колыбельке у самой плиты. Принес его вместе с колыбелькой и поставил ее на стол.

— Ваши стихи не такие, как у всех.

— Да, не такие.— Том пытался открутить крышку бутылочки с молочной смесью.— Почему бы вам не назвать их прекрасными?

Он передал бутылочку Флетчу, тот справился с крышкой и вернул бутылочку Тому.

— Подходит ли к ним эпитет «прекрасные»? — спросил Флетч.

— Почему нет? — Том закрепил на бутылочке соску.— Чух, чух, чух.— Младенец открыл рот.— В насилии есть красота. Она привлекает людей.

Держа бутылочку у рта младенца, Том посмотрел на пол, где возились и дрались уже четверо его детей. У одного из царашины на руке текла кровь. Второй заработал свежий «фонарь» под левым глазом.

— Потому-то у меня так много детей,— продолжил Том Фарлайф.— Посмотрите на их ярость. Разве она не удивительна? Ничем не сдерживаемое насилие. Я жду не дождусь того времени, когда они станут подростками.

— Возможно, ваши мечты осуществляются. И сколько из них, по-вашему, выживут?

— Вас тоже влечет насилие?

— Не то чтобы очень.

— Вы смотрите футбол?

— Да.

— Разве футболисты не насильники? — Ни у одного мужчины Флетч не видел таких мягких, пухлых рук. — Человека окружает насилие. Вот этот инструмент человеческого общения, — Фарлайф указал на телевизор, — каждый день обрушивает на нас больше насилия, чем большинство людей видит за всю жизнь. Не на экране, а наяву. Почему нас так тянет к насилию?

— Насилие завораживает, — ответил Флетч. — Людям хочется смотреть на насилие, обрушивающееся на других. Наверное, потому, что они представляют себя в роли насильников.

— Красота. Завораживающая красота насилия. Абсолютная ирония. Почему ни один поэт до меня не узрел этого?

— Какой курс вы читаете в университете?

— Творчество Джеффри Чосера*. Еще сравнительный анализ произведений Джона Драйдена** и Эдмонда Спенсера***. А также английский для первокурсников.

— Вы знакомите их с «Кентерберийскими рассказами»?

— Да. — Том поднял бутылочку, в которой осталось несколько капель, снял соску и допил их сам.

Младенец заплакал.

Том отнес бутылочку к раковине и вымыл ее.

— Вы проявили насилие по отношению к вашему тестю?

— Да, — кивнул Том. — Я женился на его дочери. Он нам этого не простил.

— Он ни разу не приезжал, чтобы посмотреть на внуков?

— Нет. Я сомневаюсь, что он знал, сколько у нас детей и как их зовут. Жаль. Он бы оценил их по достоинству.

Флетч наблюдал, как один из отпрысков Фарлайфа бросил морковку в голову другого.

— Думаю, что да.

— В Дональде Хайбеке не было ни грана честности.

— Вы живете в нищете, а ваш тесть — мультимиллионер.

— Убил ли я своего тестя? — Низкорослый, пухленький мужчина повернулся к раковине спиной и вытер руки листом газеты. — В этом не было бы иронии.

— Вы уверены?

— Безусловно. Невинность жертв обращает в поэзию происходящее с ними. А я — поэт.

— Вы знали, что он собрался пожертвовать все свое состояние музею?

— Нет.

— Если он умер без завещания, а такое, как я понимаю, среди адвокатов скорее правило, чем исключение, ваша жена унасле-

* Чосер, Джеффри (1340—1400) — английский поэт, родоначальник реалистической традиции в английской литературе.

** Драйден, Джон (1631—1700) — английский писатель, один из основоположников английского классицизма.

*** Спенсер, Эдмонд (ок. 1502—1599) — английский поэт.

дует столько денег, что вы сможете полностью переключиться на поэзию. Разумеется, при условии, что он не распорядился своим состоянием иначе.

На кухню вернулась Нэнси Фарлайф. В балетных тапочках, длинной черной юбке и блузке, когда-то белой, но посеревшей от многочисленных стирок. Она даже попыталась причесаться.

— Можем ехать? — спросила Нэнси.

Флетч встал, не зная, куда теперь занесет его судьба.

— Мортон Рикмерз, редактор отдела книг «Ньюс-Трибюн», хотел бы взять у вас интервью, мистер Фарлайф. Вы не против?

— Видишь, — Том Фарлайф улыбнулся жене, — я уже пожиная плоды сенсационного убийства твоего отца. — Он повернулся к Флетчу. — Разумеется, нет. Готов принять его в любое время. Я сделаю все, чтобы способствовать росту своей непопулярности.

ГЛАВА 17

— Можно оставлять его с детьми? — Флетч застегнул ремень безопасности.

— А почему вы спрашиваете? — Нэнси последовала его примеру.

— Ваш муж находит красоту в насилии. Дети бьют друг друга у него на глазах.

— Детям с ним лучше, чем со мной. У него больше терпения.

— Вернее, выдержки. — Флетч повернул ключ зажигания. — Куда едем?

— Монастырь Святого Томаса, в Томасито.

— Томасито? — Флетч уставился на Нэнси. — Да туда же сто километров!

— Не меньше.

— Я собирался подвезти вас до центра.

— Мой брат в монастыре. — Нэнси смотрела прямо перед собой. — Монастырь закрытый. Едва ли он узнает, что отец мертв. Я должна с ним переговорить.

— Ваш брат — монах?

— Монах, монах. Полагаю, Том мог бы сложить об этом замечательную поэму.

Флетч включил первую передачу, отпустил сцепление, и машина тронулась с места.

— Извините за шум. Глушитель прохудился.

— Мне без разницы.

— Вы католичка?

— Я? Разумеется, нет. Уход Боба в монастырь — его личная инициатива. Не имеющая ничего общего с семьей, я хочу сказать, с вашим воспитанием. Подозреваю, он пытается искупить грехи своего отца. Хотя они и не переходят к сыну. Он подобрал себе занятие по душе.

— Человек, беседовавший с вашим отцом на прошлой неделе, сказал мне, что он собирался уйти в монастырь.

Нэнси вытаращилась на Флетча.

— Мой отец? — Она рассмеялась. — Я знаю, что газеты печатают только вымыслы.

— Это правда. Во всяком случае, в том, что мне сказали, сомневаться не приходится.

— Возможно, мой отец ушел бы в монастырь, услышав трубу Судного дня. На него это похоже. Ловкий адвокатский ход.

— Он старел.

— Ему чуть больше шестидесяти.

— Может, у него пошатнулось здоровье.

— Это хорошо. Если кто и заслужил проказу, так это он.

— Вы никогда не были близки?

— Не знаю. В детстве я его практически не видела. Черный костюм и черные туфли, выходящие из дома и входящие в дом. Когда я выросла, я поняла, что он превращает правосудие в посмешище. Растаптывает веру в закон. Ради денег. Он не верил ни в добро, ни во зло, ни в справедливость, ни в заповеди Господни, на которых зиждется наша жизнь. Он сам решал, что хорошо, а что плохо, невзирая на социальные последствия. А цель была одна — набить деньгами карманы. Я не знаю более асоциального и аморального человека, чем мой отец. Если б он не получил юридического образования, то стал бы маньяком-убийцей. — Нэнси сухо рассмеялась. — Мой отец — монах.

— Ваш муж воспекает насилие, — напомнил Флетч.

— Разве вы не видите разницы? Мой муж — учитель. Поэт. Жертвуя собой, он указывает на красоту насилия. Оно нас привлекает. Он заставляет нас бороться с насилием в себе. Показывает нам, кто мы есть. Его поэзия не была бы столь доходчивой, если бы не отражала истину.

234 — Так или иначе, человек, которому я верю, сказал, что ваш отец собирался пожертвовать пять миллионов долларов музею. С тем, чтобы на эти деньги музей приобрел высокохудожественные произведения современного религиозного искусства. Остатки своего состояния он хотел передать монастырю, в который намеревался уйти.

Нэнси пожала плечами.

— Наверное, на то были причины. Полагаю, кто-то собрал на него компромат. Министерство юстиции. Департамент налогов и сборов. Или Ассоциация американских адвокатов. Думаю, после того, как дым рассеялся, вы нашли бы моего отца вместе с его сексапильной, безмозглой женой под защитой какого-нибудь религиозного или культурного фонда, при деньгах, которые по закону отнять у него никто бы не смог.

— Возможно, вы правы. Но вы знали, что ваш отец выражал желание избавиться от своего состояния?

— Я прочитала об этом в газете. Сегодня утром. После того, как его убили.

— А ранее вы об этом не подозревали?

— Нет.

Какое-то время они ехали молча, слушая льющуюся из радиоприемника музыку.

Первым заговорил Флетч:

— Вчера в доме вашего отца я встретил женщину лет шестидесяти, с седыми волосами, в цветастом платье и зеленых тен-

нисных туфлях. Я спросил, она ли миссис Хайбек, и получил положительный ответ. О вашем отце она сказала, что он носил черные туфли и вечно блуждал. Фирму «Хайбек, Харрисон и Хаулер» она называла «Хай, Ха, Хау». Это ваша мать?

— М-м-м.— Нэнси заерзала на сиденье.— То, что написано на ваших шортах, правда? Вы можете быть другом?

— Смысл этой надписи несколько в ином.— Флетч поменял только тенниску, так как надеялся, что последняя, надетая навывпуск, скроет рекламу «Бена Франклина».

— Вы угадали,— продолжила Нэнси.— Пока я росла, мать с отцом игнорировали друг друга. Я тоже его не интересовала. Став постарше, я начала презирать его. Блестящий адвокат. Дерьмо собачье. Он был преступником. Когда он избавился от матери, засадил ее в дурдом, между нами произошел полный разрыв. Я никогда не заговаривала с ним первой, никогда не заходила к нему. Извините. Поначалу я не сказала всю правду. Я ненавидела этого сукиного сына.

— Однако...

— Не было никакой нужды выбрасывать маму из ее дома. Запирать в клинику, какими бы мягкими ни были тамошние порядки. Ее просто мучило одиночество. Да, одиночество,— повторила Нэнси.— Год за годом отец оставлял ее в доме. Никто не хотел знаться с ней. Сначала она пыталась бывать на людях, что-то делать, даже записалась в Цветочный клуб. А потом папочка выиграл очередной сенсационный процесс, добившись оправдательного приговора для какого-то насильника. Газеты, конечно, вопили, а мамыны цветочные композиции не взяли на выставку. Ее телефон никогда не звонил. Потом, я уже была подростком, мама устроилась продавщицей в цветочный магазин. Но папаша быстро это прекратил. Бедная, несчастная душа. Она плесневела в доме. Разговаривала сама с собой. Накрывала стол к обеду на шесть, восемь, двенадцать персон. К ней никто не приходил.— Слезы текли по щекам Нэнси, но голос звучал ровно, без дрожи.— Что я могла поделать? Проводила дома как можно больше времени. Бывало, за день она посещала шестерых парикмахеров только ради общения с людьми. Сожгла себе волосы. Целыми днями ходила по торговым центрам, покупая все, что попадает под руку,— газонные косилки, стиральные машины, полотенца. Как-то за одну неделю к нам привезли двадцать стиральных машин. Когда ее собирали в «Агнес Уайтейкер Хоум», выяснилось, что у нее две тысячи пар обуви. Она любила болтать с продавщицами.

Флетч свернул с автострады на шоссе к Томасито.

— Она часто уходит из клиники?

— Почти каждый день. Поначалу персонал бил тревогу. Звонили мне. Полагаю, звонили и отцу. Ругали ее, когда она возвращалась. Но она не обидит и мухи. У нее нет ни денег, ни кредитных карточек. Я понятия не имею, как ей удается передвигаться по городу. В погожие дни она гуляет в парках, ходит по магазинам, прикидываясь, будто хочет что-то купить, забредает в свой прежний дом и сидит у бассейна.

— Да, там мы вчера и встретились.

— Для Жасмин она, должно быть, Призрак первой жены. — Нэнси рассмеялась. — Страшного ничего в ней нет. В моем доме она появляется два или три раза в неделю. Сидит и смотрит телевизор. Сидит и смотрит на детей. Рассказывает какие-то фантастические истории. О том, как в лесу она подружилась с большим черным медведем, который научил ее ловить рыбу. Дети ее обожают.

— Она любит детей?

— Откуда мне знать? Но она постоянно приходит.

— И вы думаете, что эту женщину не следовало отправлять в психиатрическую клинику?

Нэнси нахмурилась.

— Я думаю, ее не следовало долгие годы держать в изоляции. Изгонять из общества. Выбрасывать из собственного дома. Когда за ней стали замечать странности, отец мог бы уйти с работы. Они переехали бы в другой город, начали новую жизнь. Или, если бы дело зашло слишком далеко, отец мог нанять маме сиделку, чтобы ей было с кем поговорить. — Нэнси помолчала. — Мой отец избавился от нее, потому что хотел жениться на этой безмозглой Жасмин.

— Жасмин вы, разумеется, не любите.

— Не люблю? — Нэнси повернулась к Флетчу. — Я ее жалею. Ее ждет то же, что случилось с моей матерью. — Вновь долгая пауза. — Утром я слышала по телевизору, что кто-то сознался в убийстве моего отца.

— Да, — кивнул Флетч. — Стюарт Чайлдерс. Клиент вашего отца. Обвиненный в убийстве родного брата. Оправданный судом два или три месяца тому назад.

— И что?

— Полиция незамедлительно отпустила его. Не понимаю, почему.

— К чему вы клоните, друг?

— Я не думаю, что это гангстерское убийство, — ответил Флетч. — Хотя «Ньюс-Трибюн» высказала такую версию.

— Вы думаете, это моя работа?

— Кто-то из близких родственников мог узнать, что ваш отец собрался пожертвовать музею и монастырю все свое состояние из чистых или корыстных побуждений. Кстати, на прошлой неделе ваш отец сказал, что в семье «всем на него наплевать».

Нэнси фыркнула.

— Полагаю, это правда.

— Вот кто-то и решил покончить с ним до того, как деньги уплывут из семьи. Вы, ваш муж, ваша мать, ради вас и ваших детей, вторая жена вашего отца.

— Вы не понимаете Тома.

— Он, возможно, известный поэт, интеллектуал. Но где он был в понедельник утром?

— В университете.

— Когда у него начинаются занятия по понедельникам?

Нэнси замаялась.

— В два часа дня.

— Понятно.

— Нищета важна Тому. Общество должно презирать его самого и стихи, которые он пишет. Он мученик, жертвующий собой ради поэзии.

— Но вы-то воспитывались не в нищете, — заметил Флетч. — Ваш папочка, возможно, не подбрасывал вас на коленке, но обеспечивал вам и набитый холодильник, и чисто прибранный дом, и плавательный бассейн во дворе. Плюс множество стиральных машин.

— Откровенно говоря, от моего отца мне не нужно ни цента. Людей по-прежнему грабят, убивают, насилуют, потому что мой отец берет их деньги.

— Ах, красота насилия! — воскликнул Флетч. — У вас пятеро детей, ползающих по грязному полу. Вы сами говорите, что того и гляди окажетесь на паперти. Немногие матери хотят, чтобы их дети голодали, а тут возникает неплохая альтернатива.

Нэнси ответила не сразу.

— В понедельник утром я была дома с детьми.

— Отличные свидетели. А других нет?

— Нет.

Флетч притормозил, как только они проехали щит-указатель с надписью «МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО ТОМАСА». Свернул с шоссе направо.

— На стоянке «Ньюс-Трибюн» дежурит охранник. Проверяет машины. И мне представляется, что человек, знавший о намерении вашего отца приехать в понедельник утром в редакцию «Ньюс-Трибюн» и объявить о своем решении пожертвовать пять миллионов долларов художественному музею, мог зайти на стоянку, пристрелить его, когда он вылезал из своего «кадиллака», и спокойно уйти, ни у кого не вызывая подозрений.

Они ехали по узкой дороге, окруженной лесом.

— Кто, мама?

— Она ходит, где ей вздумается. И имеет свою точку зрения на многие события. Что ей терять? Ее уже признали невменяемой.

— Вы не упомянули Жасмин.

— Я еще не встречался с Жасмин. Между прочим, ваш отец нанял кухарку.

— Хорошо. Жасмин есть с кем поговорить. Я сомневаюсь, что она может поджарить яичницу.

— Молодая жена, которую муж вознамерился оставить без цента...

На холме высились внушительных размеров здание, построенное в испанском стиле.

— Деньги уничтожат образ, который создал себе Том. Моя мать ни на чем не может сосредоточиться, а подготовка убийства требует времени и терпения. Мне же столь безразличны отец и его деньги, что убивать его я бы не стала.

— Значит, остается Роберт. — Флетч зарулил на усыпанную гравием автостоянку и заглушил двигатель.

— Теперь вы вообще несете чушь.

— Я подожду вас здесь.

Нэнси взялась за ручку дверцы и застыла, глядя прямо перед собой.

— Мне вас очень жаль. Это тяжелая встреча. Я подожду.

— Нет. Пойдемте со мной. А то у меня мурашки бегут по коже, когда я вхожу в монастырь.

ГЛАВА 18

— Раньше вы бывали в монастыре? — Роберт Хайбек взял Флетча под локоть и увлек к скамье на другой стороне маленького дворика.

— Нет, — ответил Флетч. — Тишина здесь оглушающая.

— Я услышал шум вашей машины, — улыбнулся Роберт.

Нэнси представила Флетча как «друга».

— Вы — квакер*? — спросил Роберт, глянув на шорты Флетча.

— Я? Нет.

Белую, до шиколоток, рясу Роберта перетягивал черный пояс. Сандалии на босу ногу. Заметно поредевшие волосы. Растущая островками, словно подвергнувшаяся нашествию стаи саранчи, борода. Устремленный вовнутрь взгляд.

Следуя за ними, Нэнси выкладывала брату новости последних лет.

— У меня теперь пятеро детей, Роберт. Том по-прежнему преподает в университете. Он стал известным поэтом. Мама все еще в «Агнес Уайтейкер Хоум». Физически она вполне здорова. Мы часто видимся.

Роберт сел на скамью. Нэнси опустилась рядом.

Флетч, скрестив ноги, уселся на вымощенную каменными плитами площадку перед скамьей.

— Роберт, у меня ужасная новость. — Несмотря на все, сказанное в машине, Нэнси заплакала. — Папа мертв. Его застрелили на автостоянке. Вчера.

Роберт никак не выразил своих чувств.

Отчаянно пытаясь взять себя в руки, Нэнси вытерла глаза подолом юбки.

Наконец Роберт вздохнул.

— Понятно.

— Не знаю, что делать с похоронами, — всхлипнула Нэнси. — Жасмин... Партнеры... Роберт, ты пойдешь на похороны?

— Нет. — Он положил руку на скамью и оглядел маленький дворик с таким видом, словно хотел встать и уйти. — Здесь мы привыкли к смерти... Смерть сама приходит к нам... И нет нужды ходить к ней.

— Вы собираетесь когда-нибудь покинуть монастырь? — спросил Флетч.

— Зачем?

— Вы хоть выезжаете за его пределы?

* Квакеры — члены религиозной христианской общины, основанной в Англии в середине XVII века.

— Иногда я езжу на грузовике на рынок. Или в пикапе к дантисту.

— А один вы куда-нибудь ездите?

— Один я не бываю никогда. Я ношу Спасителя в своем сердце.

Нэнси накрыла руку Роберта своей.

— Что бы мы ни думали о нем, Роберт, это ужасно. Так трудно осознать, что кто-то убил его. Встал перед ним и застрелил.

— О, Великая Самонадеянность! — воскликнул Роберт. — Откуда в людях такая уверенность, что все они имеют право умереть естественной смертью, от старости? Ведь причиной смерти многих становятся несчастный случай, насилие, война, болезни, голод...

Нэнси посмотрела на Роберта, потом на Флетча и убрала руку.

— Да... ваш отец умер насильственной смертью, — подал голос Флетч.

— Вроде бы убийство — деяние, которым кто-то поправляет Бога, — улыбнулся Роберт. — Мы должны верить, что это так. Но нет. Нельзя поправить совершенство.

— Роберт, вчера утром ваш отец приехал в «Ньюс-Трибюн» на встречу с издателем Джоном Уинтерсом. Он хотел посоветоваться, как лучше объявить о своем намерении пожертвовать пять миллионов долларов художественному музею. Музей, кстати, не горел желанием брать эти деньги, потому что ваш отец выставил жесткое условие — тратить их исключительно на произведения современного религиозного искусства.

На лице Роберта отразился интерес.

— Более того, — добавил Флетч, — ваш отец сказал куратору музея, что собирается передать остаток своего состояния монастырю, в который хочет уйти монахом.

Брови Роберта взмыли вверх, он уставился на Флетча. Потом губы превратились в тонкую полоску, глаза закрылись. Сцепив руки, Роберт наклонил голову.

Нэнси и Флетч переглянулись.

— Вы сердитесь? — спросил Флетч.

— Этот человек, — процедил Роберт сквозь зубы.

— Может, он искал путь к вам? Своему сыну.

— Этот человек, — повторил Роберт.

— Вы верите тому, что я сказал?

— Невозможно, — выдавил из себя Роберт. — Нэнси писала мне, что мой отец, избавившись от матери, заточив ее в психушку, взял новую жену.

— Жасмин, — вставила Нэнси.

— Полагаю, она не умерла?

— Нет, — ответила Нэнси.

— Нельзя развестись с женой, чтобы уйти в монастырь, — отчеканил Роберт.

— Однако, — вырвалось у Флетча.

— Значит, это ложь. Как и вся жизнь отца. Даже будь он свободен, требуются месяцы, если не годы, наставлений и размышлений, открывающих путь к Богу.

— Роберт, вы должны верить в искупление грехов, — обратился к нему Флетч. — Неужели вы и представить себе не можете, что ваш отец способен так круто изменить свою жизнь в шестьдесят лет?

— Мой отец. — Слова давались Роберту с трудом. — Мой отец потратил жизнь на то, чтобы обойти закон. Самым коротким путем. А в рай коротких путей нет. Нельзя обойти законы Божьи.

Нэнси хохотнула.

— Роберт, неужели ты не можешь простить?

Роберт повернулся к сестре.

— А ты можешь?

— Нет. Нельзя простить того, что он сделал с матерью.

— Конечно, никому не доступна воля Божья, — продолжал Роберт. — Возможно, этот человек умер, прощенный Им. Но я в этом искренне сомневаюсь.

По выражению лица Роберта Флетч понял, что тот не хотел бы оказаться в компании отца ни в монастыре, ни в раю.

— Что он сделал с матерью? Что он сделал со всеми нами?

— А что он сделал? — спросил Флетч.

Глаза Роберта мрачно вспыхнули.

— Он научил нас тому, чему нельзя учить ни детей, ни общество: если складно лгать, можно остаться безнаказанным, даже сотворив зло. И вы думаете, что человек с такими жизненными принципами может прийти к Богу? — По телу Роберта пробежала дрожь. — Всю сознательную жизнь я провел, стараясь отделиться от этого мерзкого принципа. Он может уничтожить общество. И погубить душу. — Роберт попытался улыбнуться Флетчу. — Неужели вы верите, что такой человек способен на искреннее раскаяние?

Флетч почувствовал, что ответа от него не ждут.

— То, что он сделал с нами, непростительно, потому что он развратил нас сверх всякой меры.

Флетч встал. А Роберт продолжал говорить, глядя на свои мозолистые руки.

— И не важно, кто убил его. Нас всех убивает наша жизнь, наш образ жизни. Разумеется, он умер насильственной смертью. Но он сам постоянно поощрял насилие. Мы все жертвы самих себя. Важно лишь одно: умер ли он, прощенный Господом? Хотя я в это не верю и убежден, что он будет ввергнут в геенну огненную, обреченный на вечные муки. Но мы этого никогда не узнаем.

— Пусть меня привело сюда трагическое известие, я рада, что повидала тебя, Роберт. — Нэнси одернула юбку. — Ну, хорошо, постарайся обрести душевный покой. — Она двинулась по дорожке.

Флетч последовал за ней.

ГЛАВА 19

— Эй! Черт побери! Откройте! — Флетч забарабанил в дверь. Оглянулся. Дернул за ручку. Вновь прочитал табличку на двери:

ЗАПАСНОЙ ВЫХОД
ТОЛЬКО ДЛЯ ЭКСТРЕННЫХ СЛУЧАЕВ
Главный вход за углом.
АГНЕС УАЙТЕЙКЕР ХОУМ

Он в последний раз стукнул в дверь кулаком.

— Эй!

Дверь открылась.

За ней на бетонном полу стояли зеленые теннисные туфли.

— Я увидела вас через окно, — сообщила ему миссис Хайбек. — Вам лучше войти.

Флетч переступил порог и быстро закрыл за собой дверь.

— Почему вас преследовал полицейский? — спросила миссис Хайбек.

— Если б я знал! — Флетч глубоко вдохнул, выдохнул, снова вдохнул. — Только я поставил автомобиль у тротуара, в пяти кварталах отсюда, как этот коп выскочил из патрульной машины, что-то закричал и побежал за мной. Его напарник застрял в пробке. Спасибо, что впустили меня.

— Вы намного его опередили. — В голосе миссис Хайбек слышалось восхищение. — Разумеется, вы одеты для бега. Если полицейским вменено в обязанность гоняться за людьми, почему они не носят шорты и спортивную обувь?

В темном холле, где они стояли, ее цветастое платье казалось особенно ярким.

— Я не знаю вашего имени.

— А зачем вам оно? — Миссис Хайбек повернулась и вывела его через другую дверь в коридор. — Я вас ждала, но вы припозднились. Скоро нас позовут ужинать. Еще рано, но в больницах стараются кормить нас все три раза, не выходя за пределы восьмичасового рабочего дня. В результате часть больных очень толстые, другие очень худые. И никто не сможет обогнать полицейского.

Коридор привел их в большую комнату.

Флетч и миссис Хайбек сели у окна, из которого просматривалась вся улица.

— Меня зовут Луиза, — сообразовалась представиться миссис Хайбек.

— А как обращаются к вам друзья?

— Нет у меня друзей. И не было с той поры, как я вышла замуж. Знакомые моего мужа нас не любили. Никто из них. Ваши шорты спрашивают, нужен ли мне друг? Да, очень был нужен в свое время. Как чашка чая в пустыне. Я уверена, вы меня понимаете. Чашки этой я не получила, но все как-то устроилось само по себе. И чашка эта стала вроде бы уже и ни к чему. — Она подняла с пола большой бумажный пакет и положила Флетчу на колени.

В пакете, аккуратно сложенные, лежали его джинсы, тенниска, трусы и носки. Под ними прощупывались теннисные туфли.

— Вы выстирали мою одежду!

— Я же обещала.

— Мои любимые теннисные туфли!

— Они издавали такой забавный звук, когда вертелись в су-

шилке. Словно верблюд, бегущий во весь опор.

Флетч уже снимал новые теннисные туфли, чтобы надеть старые, дырявые. Миссис Хайбек наблюдала, как он шевелит вылезшими из дыр пальцами.

— В этих вы могли бежать от полицейского еще быстрее, — отметила миссис Хайбек. За окном полицейский стоял у бордюрного камня, уперев руки в боки. — Мой муж всегда носил черные туфли. Так или иначе, ему удавалось блуждать в черных туфлях.

К тротуару подкатила патрульная машина, подобрала полицейского и покатила дальше.

— Понятия не имею, с чего этот коп бросился за мной, — покачал головой Флетч. — Следовало, видимо, остановиться и спросить, но у меня сегодня еще столько дел.

— Ваше прибытие всегда запоминается. Мне это нравится. Вы ни на кого не похожи.

— А вам удаются уходы. — Зашнуровывая теннисные туфли, Флетч напомнил миссис Хайбек, что днем раньше она ретировалась с его одеждой.

— О да, — легко согласилась она. — После того, как тебя выгоняют из собственного дома, уходить становится очень просто.

— Скажите, вы знаете, что ваш бывший муж умер? — мягко спросил Флетч.

Миссис Хайбек рассмеялась и хлопнула себя по колену.

— Теперь он действительно стал бывшим.

Флетч откашлялся.

— Сегодня я виделся с членами вашей семьи.

— Вы пытались выяснить, кто убил Дональда? — весело воскликнула миссис Хайбек.

— Я старался собрать материал для статьи. Пожалуйста, пойте...

— Дональда понять нельзя. Ни тогда, ни теперь. Если б он сам сказал мне, что мертв, я бы подождала некролога, прежде чем поверить.

— Некрологам тоже не всегда можно верить, — заметил Флетч.

— Я бы надеялась, что тот, кто его написал, получил информацию не только от Дональда или его фирмы.

— Он умер. Его застрелили. На автостоянке одной из газет.

— Наверное, в это время где-то заседали присяжные.

— Что вы хотите этим сказать?

— Дональд всегда привлекает к себе внимание, если знает, что по какому-то процессу присяжные собираются вынести выигрышное для него решение. Он говорит, что это положительно сказывается на бизнесе.

— Он не застрелился, — уточнил Флетч. — Пистолет не нашли.

— Он ушел. Ушел в черных туфлях.

— Да, похоже, что так. Скажите, как часто вы приходите в дом, где жили раньше? Садовник вас не знает.

— Не слишком часто. Обычно я не захожу туда, не убедившись, что в саду никого нет. Я привыкла к тому, что дом пуст.

Иногда появляется Жасмин. Выходит из дома и садится рядом со мной. Мы беседуем. Она уже знает, что жить с Дональдом более одиноко, чем одной. Он блуждает.

— В черных туфлях. Чем отличался вчерашний день?

— Вчерашний день? Ах да, Дональда застрелили.

— Я имел в виду, почему вы остались у бассейна, несмотря на присутствие садовника?

— Было так тепло.

— Когда мы встретились, вы уже знали, что Дональд убит?

— Мне об этом известно. Точно не помню, когда я узнала о его смерти, до встречи с вами или после.

— Вы знали о намерении Дональда пожертвовать музею пять миллионов до того, как я сказал вам об этом?

— Я постирала вашу одежду. Бампи-бампи-бам! Так гремели теннисные туфли в сушилке. Словно бегущий верблюд.

— Как вы ездите по городу?

— По-разному.

— Расскажите, как попадаете к дочери, в свой...

— Я сажусь в пустой автомобиль. Когда приходит владелец, из магазина или откуда-то еще, я прошу отвезти меня в нужное место. Они отвозят.

— Всегда?

— Всегда. Я седенькая старушка в цветастом платье и зеленых теннисных туфлях. С чего им отказывать? Бывает, что сначала мы заезжаем в другое место. Секрет в том, что я никуда не спешу.

Флетч нахмурился.

— Сегодня вместе с вашей дочерью я ездил в монастырь Святого Томаса и говорил с Робертом.

— Этот грешник!

— Почему вы так его называете?

— Вы не слышали о грехе пренебрежения?

— Нет.

— Роберт пренебрег жизнью, уйдя в монастырь. Подозреваю, он скорее бы сел в тюрьму. Но он знал, что отец это предотвратит, каким бы тяжким ни было совершенное им преступление. Я думаю, некоторым людям хочется сидеть в тюрьме. Вы согласны?

— Застрелив отца, он одним выстрелом убил бы двух зайцев, так?

— Именно так.

— Ваш сын, монах, сказал мне, что он не будет горевать, если его отец попадет в ад.

— О, мы все относились к Дональду точно так же. А вы?

— Мне не довелось познакомиться с ним.

— Не жалейте об этом.

— Нэнси плакала, когда говорила Роберту, что их отец мертв.

— Нэнси! Я воспитала ее такой милой девушкой, а она стала плохой.

— Неужели?!

— Вышла замуж за своего коллежского профессора. Как там его зовут?

— Том Фарлайф.

— Вчера вы не знали его имени. Сегодня знаете. Видите? Знаний у вас прибавилось.

— Если и прибавилось, то ненамного.

— Я стараюсь, чтобы его имя получило известность.

— Довольно странный человек, не правда ли?

— О, он душка. Очень добр ко мне. Публикует мои стихи.

— Что?

— Да, публикует. Разумеется, под своей фамилией.

Флетч наклонился вперед.

— Что?!

— Я вижу, вам нравится узнавать новое.

— О чем вы говорите?

— Об этой маленькой книжице — «Нож. Кровь». В ней собраны мои поэмы.

Флетч вытаращился на седенькую старушку, сидящую на стуле в комнате отдыха «Агнес Уайтейкер Хоум».

— Вам действительно нравится играть со словами?

— Очень нравится, — подтвердила миссис Хайбек.

— Хай, Ха, Хау.

— Хорошие поэмы, не так ли?

— Я вам верю. Поэзия насилия, написанная...

— Несколько критиков, рецензировавших эти поэмы, охарактеризовали их именно как «поэзия насилия». Возможно. Но скорее поэзия истины и красоты. Я не люблю ярлыков.

— Ваше авторство полностью меняет смысл этих стихов.

— Правда? Такого быть не должно.

— Меняется точка отсчета. «Тротуары города, — процитировал Флетч. — Дорога без жалости! Ограбленные старушки!» Если думаешь, что написал это молодой мужчина, стихотворение кажется жестоким. Если узнаешь, что автор — шестидесятилетняя женщина...

— Я не сильна в литературной критике. Я знаю, что Тому нужны публикации, чтобы остаться в университете. Его собственные стихи блуждают, как Дональд в черных туфлях. Никогда не могла понять, о чем они. Естественно, их никто не печатал. Тогда я дала ему свои поэмы. Ему нужно кормить пятерых моих внуков.

— Мой Бог! Жизнь безумна.

— Любопытная мысль.

— Том ведет себя так, словно сам написал эти поэмы.

— Все правильно. Это секрет, знаете ли. Даже Нэнси ни о чем не догадывается. Вы упомянули точку отсчета. Кто будет публиковать стихи старушки, живущей в дурдоме? Том — университетский профессор. Если он принесет стихи в издательство, их хотя бы прочтут. Так? И с этим ничего не поделаешь.

— Если люди настолько испорчены, что хотят слушать ложь, нельзя отказывать им во лжи.

— Том работает сейчас над вторым сборником. Я помогаю. Ему нелегко, знаете ли. Когда каждый день читаешь пятидесятиминутные лекции, практически невозможно писать коротки-

ми, сжатыми строками, в которых каждое слово несет огромную смысловую нагрузку, да еще сохранять четкий ритм. Вы так не думаете?

— Я в этом ничего не понимаю. Мне говорили, что Дональд Хайбек решил обратиться к религии, — сменил тему разговора Флетч.

— Дональд всегда был очень религиозен.

— Никто, похоже, этого не замечал.

Луиза Хайбек пожалала плечами.

— Он был лжецом, — продолжал Флетч. — Хорошо оплачиваемым лжецом, профессиональным лжецом. Вы сами говорили, что не поверили бы ему, если б он сказал вам, что умер.

— Лжец жаждет правды куда больше, чем мы. Лжец верит, что правда есть что-то особенное, загадочное, мистическое, мифологическое, недостижимое, требующее долгих, упорных поисков. Для остальных правда очевидна и ясна, как простое четверостишие.

— Вы мне поверите, если я скажу, что Дональд хотел уйти в монастырь?

— О да. Это так на него похоже. Именно так он и поступил бы. Он все время читал религиозные трактаты, сборники проповедей и тому подобное.

— Как получилось, что дети этого не знали?

— Они ничего о нем не знали, кроме того, что читали в газетах. Никто не знал. Газетные публикации отбивали охоту узнать о Дональде что-либо еще.

— Он готовил себя к служению Господу?

— Конечно. Именно этим он и занимался по вечерам. Потому-то я никогда его не видела. И дети не видели. И не знали его.

— Послушайте, но Дональд Хайбек засадил в дом для умалишенных очень необычную даму, которую мы оба знаем.

— Да, — кивнула Луиза Хайбек. — Меня. Дональд поступил правильно. Жить здесь интереснее, чем с ним. Я могу наблюдать, как едят другие люди. У меня есть компания. Я прихожу и ухожу, когда мне вздумается. Люди меня подвозят. Разговаривают со мной. Я рассказываю им истории о Перу. Дональд был прав и в другом: я покупала слишком много газонокосилок и стиральных машин.

— Вы побывали в Перу?

— Нет, но они зачастую понятия не имеют, на каком континенте находится эта страна.

— Миссис Хайбек, ваш сын — монах, который не может обрести душевный покой. Ваша дочь и внуки живут в нищете. Ваш зять — толстый самозванец.

— При чем тут Дональд?

— Дональд мог бы им помочь, постараться их понять, сблизиться с ними.

Луиза Хайбек долго смотрела в пол.

— Дональд блуждал в поисках Бога. Я ненавидела его за это. — В глубине здания мелодично прозвенел гонг. — Дональда застрелили, прежде чем он успел уйти из своей, полной лжи жизни.

— Вы застрелили его?

Она улыбнулась.

— По крайней мере я знаю, где он сейчас.

Другие обитатели клиники спешили к двери.

— Пойдемте.— Луиза встала.— Я выведу вас через запасной выход. Это проще, чем выходить через приемную. Вас не записали при входе, так что может возникнуть путаница.

В коридоре она посмотрела на Флетча.

— Стирая вашу одежду, я полюбила вас.

У раскрытой двери Флетч обернулся.

— Вы не станете возражать, если я как-нибудь приглашу вас на чашку чая?

Луиза Хайбек покачала головой.

— Сомневаюсь, что меня будет мучить жажда.

ГЛАВА 20

Флетч несколько раз позвонил, подождал, но дверь дома 12339 по Полмайр-драйв так и не открылась. Солнце уже садилось. Холодало. На подъездной дорожке не стояли машины, на двери не висел венок. Луиза Хайбек осталась в доме для умалишенных. Роберт Хайбек терзался в монастыре. Нэнси Хайбек жила в нищете с мужем, самозванным поэтом. Дональда Хайбека убили.

А Жасмин?

Когда Флетч сел за руль, дверь дома 12339 по Полмайр-драйв открылась. В проеме возник женский силуэт.

Он захлопнул дверцу и запагал обратно к дому.

Женщина спустилась со ступенек. Дверь за ее спиной захлопнулась.

— О, черт! — воскликнула она.— Как же я попаду в дом?

— Вы Жасмин?

Она кивнула. Вблизи женщина выглядела старше, чем издали. Толстый слой косметики на лице, выщипанные брови, крашенные волосы.

— Моя фамилия Флетчер. Я работаю в «Ньюс-Трибюн».

— Как же мне попасть в дом?

— Кухарки нет?

— Мне нечем ей платить. Она ушла.

— А почему вы вышли на улицу?

— Из любопытства.— Наряд Жасмин ни в коей мере не напоминал траурный: желтый, с глубоким вырезом пуловер, зеленые брючки, туфельки на шпильках.

— Жасмин, я в недоумении.

— Мы тоже.

— Дональд говорил вам, что собирается пожертвовать пять миллионов долларов музею?

— Нет.

— Не говорил?

— Ни разу. Музею? Вроде бы в утренней газете написано, что он хотел отдать деньги какому-то человеку.

— Он обсуждал с вами религиозное искусство? Показывал какие-либо картины, скульптуры?

— Никогда. Религиозное искусство? Я думала, что религиозными могут быть только люди.

— Он говорил с вами о религии?

— Нет. В последнее время он читал толстые книги, вместо того чтобы спать. Большие романы.

— Он говорил вам о посещении монастыря в Томасито?

— В котором находится его сын? Нет. И я там не была.

— Он намекал, что собирается уйти в монастырь?

Ее глаза широко раскрылись.

— Нет!

— Вы правы. Мы все в недоумении.

— Он и жил, как монах, — добавила Жасмин. — Читал ночи напролет. «Война и мир», «Братья Карамазовы».

Флетч весь подобрался.

— Не творить зла? Что-то в этом роде. Уйти и не творить больше зла?

— Да, — кивнула Жасмин. — Что-то такое он говорил. Два или три раза. Я его никогда не понимала.

— Он не собирался уйти вместе с вами?

— Нет. С какой стати?

— Вы же Жасмин Хайбек, не так ли?

— Нет. Газета ошиблась.

— Вас зовут Жасмин?

— И да, и нет. Мы не женаты. Дональд не разводился со своей первой женой. Вы с ней встречались?

— Да.

— Странная дама. Хотя и очень милая. Приходит, садится, долго молчит, а потом неожиданно спрашивает: «Жасмин, что вы думаете о слове «синий»?» Я отвечаю, что вообще не думаю об этом слове. А она добавляет: «Синий Дональд синее в синем костюме». Странно, не правда ли?

— Я уже не так недоумеваю, как раньше.

— Это хорошо.

— Вы жили здесь как его подруга?

— Вроде бы ничего другого мне не оставалось. — Она переступила с ноги на ногу. — Может, вы подскажете мне, что делать дальше?

— Готов попытаться.

Она шагнула к Флетчу.

— Видите ли, я включена в Федеральную программу защиты свидетелей.

— О?

— Я давала показания на суде в Майами со стороны обвинения. Подсудимых я знала, хорошие парни, денег у них куры не клюют. Но начались неприятности, и прокуратура сказала, что я могу им помочь, если буду свидетельствовать против них, или же сама окажусь за решеткой. А я не делала ничего плохого. Взяла только кое-какие драгоценности у Пита... — она подняла руку с перстнем на среднем пальце, — меха. Так что я ответила: «Нет проблем», — а потом долго ходила в суд, отвечала на какие-

то глупые вопросы. Теперь меня охраняет федеральное правительство. Как по-вашему, мне нужно звонить в Вашингтон?

— А при чем здесь Дональд Хайбек?

— Ни при чем. Я находилась в кабинете одного адвоката в Майами, когда туда случайно заглянул Дональд. Он пригласил меня в ресторан. А через два дня я приехала с ним сюда. Но официально мы не женаты. И мое настоящее имя, естественно, не Жасмин.

— Естественно.

— Думаю, такого имени нет ни у кого.

— Скорее всего вы правы.

— Так что мне теперь делать, после смерти Дональда? Звонить в Вашингтон или как?

— Кто из федеральных сотрудников занимался с вами в Майами?

— В этом-то и беда. Фамилии его я не знаю. А звали его Том или Джон.

— А партнеры Хайбека? Они знали, что вы подпадаете под Федеральную программу защиты свидетелей?

— Думаю, что нет. Для них я вторая миссис Хайбек. Когда мы встречались, они со мной не разговаривали. Ну, может, обращались с просьбами вроде: «Жасмин, принесите мне, пожалуйста, виски с содовой». Пит и его парни были куда галантнее. По крайней мере они знали, что я женщина, вы понимаете, что я хочу этим сказать? Они относились ко мне как к равной. И я рада, что уехала с Дональдом до того, как закончила давать показания.

— Ясно. — Флетч разглядывал торчащие из теннисных туфель пальцы. — И вы сидите здесь без денег, без друзей...

— Да. Мне нужен друг.

— Вы не вдова Дональда Хайбека, даже не Жасмин...

— Я была бы мисс Никто, если б дважды не выходила замуж.

— Дональд хоть говорил, какое будущее уготовил вам после его ухода в монастырь?

— Я понятия не имела, что он собирается уйти в монастырь. Наверное, это желание возникло у него внезапно.

— Думаю, вам следует связаться с кем-либо из федеральных чиновников в этом городе.

— А как я доберусь до телефона? — Она оглянулась на дом. — Дверь-то заперта. Там остались мои меха.

Флетч вместе с ней двинулся к дому.

— Дом оснащен охранной сигнализацией? Что-то я ее не заметил.

— Нет никакой сигнализации. Глупость, не правда ли? Криминальный адвокат живет в доме без охранной сигнализации. Следовало бы ему знать некоторых из моих знакомых.

— Об этом можете не беспокоиться, Жасмин. Я уверен, что он знал их всех.

ГЛАВА 21

— Лейтенант Гомес на месте?

Перегородка в дежурной части полицейского участка была

достаточно высокой, чтобы прибывший по какому-то делу законопослушный гражданин чувствовал себя жалким червяком.

— А чего ты спрашиваешь? — пробурчал сержант.

— Я хотел бы поговорить с ним. И кое-что ему передать.

— Оставь мне. Я прослежу, чтобы он получил твою посылку.

На табличке Флетч прочитал: «СЕРЖАНТ ВИЛЬГЕЛЬМ РОМ».

— И все-таки я бы хотел с ним переговорить. Он в участке?

— А что у тебя в конверте? — Сержант Ром усмехнулся, заметив надпись на шортах Флетча.

— То, что я хочу ему передать.

— Не знал, что в борделе есть посылные. Это хорошо. Что в конверте, красавчик?

— Пистолет.

— Из него стреляли?

— Думаю, что да.

— Я ему передам.

— Так лейтенанта нет?

Сержант взял конверт и ощупал его содержимое.

— Не сотрите отпечатки пальцев, — предупредил Флетч.

— Не волнуйся, — хмыкнул сержант.

— По крайней мере позвольте мне написать ему записку.

— Пиши, красавчик. — Сержант взял какой-то бланк с пустой оборотной стороной, ручку и пододвинул их к Флетчу. — Пиши, что хочешь, жеребец. Мы обожаем признания. Если их представляют, адвокатам иногда не удается добиться освобождения своих подзащитных.

— Почему вы освободили Стюарта Чайлдерса?

— А тебе что до этого?

— Просто любопытно.

— Стюарта Чайлдерса освобождают всегда. Он приходит сюда раз в день. Бывает, что и два. Сознается в любом убийстве, о котором сообщают по радио. А также в ограблении, поджоге и агрессивном поведении. Ему, наверное, очень понравилось в суде. И вновь хочется сыграть роль обвиняемого.

Флетч написал:

Лейтенант Гомес!

Орудие убийства Дональда Хайбека вы искали без особого усердия. Наличие охранника, проверяющего машины, въезжающие и выезжающие со стоянки «Ньюс-Трибюн», указывает на то, что убийца вошел, а потом вышел со стоянки. Я представил себе путь убийцы после рокового выстрела, вышел на улицу и нашел этот пистолет в кустах перед фасадом здания редакции «Ньюс-Трибюн». Пистолет я поднял карандашом, который всунул в кольцо у спускового крючка, так что вы сможете снять все отпечатки пальцев. Жду также результатов баллистической экспертизы. Скажите вашему приятелю, Биффу Уилсону, что всегда рад содействовать в его благородном деле. Ему явно требуется помощь при написании некрологов.

И. М. Флетчер.

— Ты что, пишешь автобиографию? — полюбопытствовал сержант, не обращая ни малейшего внимания на плачущую негрятянку, что стояла в метре от Флетча. — Хотелось бы знать, что вы, проституты, такого делаете, чтобы вам платили? Мне вот никто не предлагал за это деньги.

Флетч протянул ему сложенную вчетверо записку.

— Положите ее, пожалуйста, в конверт.

— Не волнуйся, жеребец. Я о ней позабочусь.

— Пожалуйста, — повторил Флетч, — это очень важно.

— Конечно, жеребец, конечно. А теперь вали отсюда, а не то я упеку тебя в камеру, где тебе придется делать все то же самое, но только за бесплатно.

ГЛАВА 22

— Что это вы тут делаете?

Барбара и Синди сидели в шезлонгах на открытой веранде коттеджа. На маленьком круглом столике стояли высокие стаканы, полупустая бутылка виски и ведро со льдом.

— Банановый «сплит» утром и шотландское вечером. — Флетч покачал головой. — Синди, ты потеряешь форму.

Синди потянулась.

— Пустяки. Я скоро выхожу из дела.

— Да, да, — покивал Флетч. — Ты же собираешься разводить собак.

Над океаном поднялся серпик луны. Мимо коттеджа спешил на юг ярко освещенный лайнер.

— Выпей с нами, — предложила Барбара.

— Да, у тебя же был трудный день, — поддержала ее Синди. — Утром ты нанялся на вторую работу, потом деловой ленч...

— Ты не знаешь и половины того, что я переделал сегодня.

— Думаю, для тебя это был день разочарований, — вернула Барбара.

— Конечно, разочарований, — согласилась с ней Синди. — Утром успешно пройти интервью с работодателем, чтобы быть полностью разоблаченным за ленчем.

Женщины рассмеялись.

— Бедный Флетч, — вздохнула Барбара. — Он так разочаровался в жизни.

— Есть что-нибудь из еды? — пробормотал Флетч.

— Ничего, — ответила Барбара. — Ты же отменил обед с мамой.

— Мы тоже не ели, — заметила Синди.

— А уже десять часов.

— Мы говорили, — пояснила Синди. — Я рассказывала историю своей жизни.

— Может, тебе съездить за пиццей? — предложила Барбара.

Флетч сел на стул.

— Итак, Синди... Ты разрушила мои надежды получить работу? Открыла глаза Марте? Сказала ей, что я не проститут, а честный журналист, решивший показать всем, чем занимается фирма «Дружеские услуги Бена Франклина»?

— Я об этом так много думала, что сегодня днем не могла полностью уделить внимание клиентам.

— Так сказала ты Марте или нет? — настаивал Флетч.

— Я решала, то ли сказать Марте, кто ты такой, и вывести тебя на чистую воду, то ли сказать Барбаре, кто я такая, и послать Марту ко всем чертям.

— Трудное решение.— Флетч наблюдал за Барбарой.— Значит, ты сказала Барбаре, своей давней подруге, кто ты такая, чем зарабатываешь на жизнь... и так далее?

— Да.

— И как ты восприняла откровения Синди? — спросил Флетч Барбару.

Та ответила не сразу.

— Кажется, я ее поняла. И куда больше удивилась самой себе.

— В каком смысле?

— Как я могла дружить с человеком и так мало знать о нем? Поневоле задумаешься, неужели я такая бесчувственная? — Барбара уставилась в стакан, что держала в руке.— Объяснить это трудно. Понимаешь, теперь я начинаю задумываться, а какой ты на самом деле, Флетч, за кого я через три дня выхожу замуж? Чего я о тебе не знаю? Могу ли я доверять своим чувствам?

— Глупости все это,— вставила Синди.

— Сегодня я тоже кое-что узнал о некоторых людях. О чем и подумать не мог. Можно сказать, добавил несколько интересных экспонатов к моей человеческой коллекции. Так что же ты решила? — обратился Флетч к Синди.

— Я решила помочь тебе с этой статьей. Давай разоблачим «Бена Франклина».

— Отлично.

— Пусть это будет моим свадебным подарком тебе и Барбаре. Я-то собиралась подарить вам колли после вашего возвращения из свадебного путешествия.

— Колли! — воскликнула Барбара.— Если Флетч вылетит с работы, мы не сможем прокормить даже себя!

— Говори, что тебе нужно,— повернулась Синди к Флетчу.

— Главное, узнать, кому принадлежат «Дружеские услуги Бена Франклина».

— Фирме, которая называется «Лесная нимфа, инкорпорейтед».

— Это замечательно.

— Нимфы тут очень кстати,— засмеялась Барбара.

— А кто владелец «Лесной нимфы»? — спросил Флетч.

— Понятия не имею.

— Нимфоманки,— предположила Барбара.— Кто же еще?

— Это надо узнать. Также меня интересует перечень предоставляемых вами услуг и стоимость каждой из них.

— Это я могу сказать тебе прямо сейчас.

— Пожалуйста, не надо,— замахала руками Барбара.— Не портите мне аппетит.

— Потом я хочу, чтобы ты написала мне о представлениях, которые показывают зрителям, сидящим за зеркалами. О том,

что клиенты зачастую не знают, как их используют. И описание эскорт-услуг, то есть свидетельство того, что вы, по существу, девушки по вызовам. Особое внимание надо уделить шантажу клиентов, видеокамерам...

— Видеокамеры! — воскликнула Барбара. — Лицемерие — последний бастион личной жизни.

— Ты сможешь добыть все это завтра? — спросил Флетч Синди.

— Постараюсь.

— Пицца! — воскликнула Барбара. — Очень хочется пиццы! Синди взглянула на Флетча в глаза.

— А как насчет полного списка наших клиентов?

— Почему нет? Проституция не может существовать без тех, кто жаждет платить за ласки.

— Ты опубликуешь их фамилии?

— Не знаю. Честное слово, не знаю. Я представлю их для публикации.

— Понятно, — вздохнула Синди. — Как ни крути, в этом мире правят мужчины.

— Ты привезешь нам пиццу, Флетч? — гнула свое Барбара. — Мне с перчиками. Анчоусов что-то не хочется.

— Мы вам звонили, — улыбнулся Флетч продавцу. — Три пиццы, заказывала Ролтон.

— Будут готовы через несколько минут, — пробурчал тот.

Продавец взял с прилавка телефонный аппарат, набрал номер и отвернулся.

— Мы же позвонили полчаса тому назад, — сказал Флетч продавцу. — Заказ на фамилию Ролтон.

Вновь продавец хмуро глянул на него.

— Через несколько минут все будет готово.

Вошли двое полицейских. Патрульная машина застыла напротив двери. Фамилия, на которую они заказывали пиццу, названа не была.

Они посмотрели на продавца, и тот кивнул на Флетча. Копы тут же бросились на него, схватили, развернули.

Мгновение спустя Флетч лежал на прилавке, уткнувшись в него лицом. Один из копов держал его за шею, второй обыскивал. Через пару минут копы подтолкнули Флетча к двери.

— А нельзя ли нам взять с собой мою пиццу? — спросил Флетч. — Я поделюсь с вами.

— Незачем, — ответил коп. — Мы только что перекусили в китайском ресторанчике.

Флетча усадили на заднее сиденье, дверца захлопнулась.

Сами копы уселись впереди. Тот, что сидел рядом с водителем, посмотрел на часы.

— Одиннадцать сорок. Если мы повезем его в центр, то до двенадцати нам никак не смениться.

— А что в нем такого особенного?

— Приказано доставить его в центральный участок.

— Ну вот, — вздохнул коп-водитель, поворачивая ключ зажигания. — Мы уже заменяем такси.

— Вы могли бы и не ехать так далеко, — подал голос с заднего сиденья Флетч. — Удостоверение личности у меня в бумажнике.

— Где ж ему еще быть, — пробасил коп, сидящий рядом с водителем. — Поехали, Олф.

— Вы поймали не того парня.

— Двенадцать лет я в полиции, — ответил коп, — и не было случая, чтобы мы ловили, кого надо. Если, конечно, послушать пойманных.

Патрульная машина тронулась с места.

— Мы не прочитали ему его права, — заметил водитель.

Второй коп обернулся.

— Ты знаешь свои права?

— Конечно.

— Это хорошо. Он знает свои права, Олф.

Патрульная машина набрала скорость.

— Следующая остановка — гильотина, — пробормотал Флетч.

ГЛАВА 23

— Флетчер!

Флетч, лежащий на койке в провонявшей антисептиком камере, облегченно вздохнул. Охранник открыл дверь и выкрикнул его фамилию. Теперь-то с недоразумением будет покончено. Он сможет вернуться в свою квартиру и выспаться.

Флетч встал. По его расчетам часы должны были показывать около четырех утра.

Примерно три часа он пролежал на своей койке, слушая, как двое мужчин попеременно блевали, старик что-то верещал, а еще один мужчина распевал похабные песни... В соседней с ним камере двое проститутов жарко спорили о мастерстве каких-то парикмахеров. Один даже спросил Флетча, как получить работу в «Дружеских услугах Бена Франклина». Флетч ответил, что не знает, потому что он там всего лишь вышибала. В камере компанию Флетчу составлял мужчина средних лет, с округлым животиком, в белых брюках и сандалиях, представившийся учителем. Предыдущим днем он, по его же словам, зарезал студента. Поведав Флетчу о совершенном преступлении, мужчина свернулся калачиком на койке и заснул.

— Выходи, — приказал охранник. — Быстро.

— Я свободен?

Вслед за охранником он направился по коридору к стальной двери.

В камеру его посадили как Александра Лиддикуота, обвиняемого более чем в двадцати вооруженных ограблениях. Фотографии Лиддикуота смотрели на него с плакатов с надписью «РАЗЫСКИВАЕТСЯ». Флетч не мог не отметить отдаленного сходства между собой и преступником. При заполнении протокола Флетч обратил внимание дежурного на удостоверение, на карточку представителя прессы. Дежурный даже не взглянул на фотографии, но добавил в протокол обвинение в краже бумажника с документами Ирвина Мориса Флетчера.

По другую сторону стальной двери Флетч повернул направо, к ступеням в дежурную часть и на улицу.

Охранник схватил его за локоть.

— Сюда, пожалуйста.

Они пошли налево, мимо многочисленных кабинетов, и остановились в конце коридора перед закрытой дверью. Охранник открыл ее своим ключом и включил свет.

Вся обстановка состояла из длинного стола и шести стульев. В дальней стене темнело забранное решеткой окно.

— Подождите здесь,— распорядился охранник.

— Почему вы не освобождаете меня?

Дверь за охранником захлопнулась.

Флетч выключил свет, улегся на стол и заснул.

Когда вспыхнул свет, Флетч первым делом увидел открытую дверь. У стола стоял лейтенант Гомес.

— Везде устраиваешься, как дома, не так ли?

Флетч сел.

— Который час?

— Половина шестого утра. Тюремный бассейн откроется только через полчаса. Сейчас его чистят для тебя мэр и его заместители. Они знают, что поутру ты любишь поплавать гольшом.

— Рад вас видеть.— Флетч остался сидеть на столе.— Рано вы приходите на работу.

— Расследую серьезное преступление. Убийство Дональда Эдвина Хайбека. Ты что-нибудь об этом знаешь?

— Да. Что-то читал в газете.— Флетч зевнул и потер глаза.—

Пистолет вам передали?

— Какой пистолет?

— Который я оставлял для вас вчера вечером. У дежурного, с запиской.

— Какой пистолет? — повторил Гомес.

— Я думаю, это пистолет, из которого застрелили Хайбека.

Я нашел...

Гомес смотрел на дверь.

На пороге возник Бифф Уилсон, чисто выбритый, но, как обычно, в мятом костюме.

— О, привет, Бифф! — воскликнул Гомес.— Принес кофе?

Бифф хмыкнул.

— Полагаю, когда-то я тоже был шустриком. Был ли я шустриком, Гомес?

— Никогда,— покачал головой лейтенант.— Ты всегда вел себя, как херувим.

— Скорее всего ты прав.— Уилсон вошел и прикрыл за собой дверь.— Привет, парень. Слышал, тебя упекли за решетку?

— Досадная ошибка,— пожал плечами Флетч.— Меня приняли за грабителя, Лиддикуота. Вероятно, плакаты с его физиономией висят во всех винных магазинах, пиццериях...

Бифф повернулся к Гомесу.

— Мы можем еще какое-то время держать его здесь по этому обвинению?

— Какое-то, да.

— Не можете,— возразил Флетч.— Дежурный уже проверил

документы, что лежали в моем бумажнике. Потому-то вы и узнали, что я арестован, не так ли?

— В бумажнике? — переспросил Бифф Гомеса.

— Бумажника при нем не было, — ответил лейтенант. — Лишь украденные часы.

Бифф кивнул Флетчу.

— Мы говорили о пистолете, — напомнил Флетч.

Бифф посмотрел на Гомеса.

— Каком пистолете?

— Пистолете, который я нашел, — ответил Флетч. — Около редакции «Ньюс-Трибюн». Вчера вечером я оставил его у серванта Вильгельма Рома с просьбой передать пистолет лейтенанту Гомесу.

— Хороший мальчик. — Бифф погладил ногу Флетча. — Очень хороший мальчик.

Флетч убрал ногу.

— Мышцы. — Пальцы Биффа впились в голень Флетча. — Посмотри, какие мышцы, Гомес.

Флетч спрыгнул со стола и отступил на пару шагов.

— А что написано у него на шортах? — Бифф прищурился. — Я так далеко не вижу. Название какой-то команды?

— Дружеские услуги Бена Франклина, — ответил Гомес.

— Футбол, — покивал Бифф. — Я думаю, речь идет о футбольной команде.

— Это совсем другая история, — покачал головой Флетч.

— Мне бы хотелось знать, что ты выяснил, — усмехнулся Бифф.

— Много чего. Вы пишете отвратительные некрологи, Бифф.

— А почему ты так репил, Лиддикуот?

— Во-первых, Жасмин и Дональд Хайбек не женаты. Он не разводился со своей первой женой.

— Да? Что еще?

Флетч перевел взгляд с Гомеса на Уилсона, вновь покачал головой.

— Что еще? — повторил Бифф.

— Вы уже говорили с Габо?

— С кем?

— С Феликсом Габо. Раствителем малолетних. Бывшим клиентом Хайбека. Выпущенным из тюрьмы на прошлой неделе.

— А ты с ним поговорил?

— Еще нет.

— Ты всю неделю путаешься у меня под ногами, парень. Пообещался со всеми членами семьи Хайбека. Даже с сыном-монахом. Ты ворующь мой хлеб. Зачем тебе это нужно, Лиддикуот?

В какой уж раз Флетч покачал головой.

— Это не гангстерское убийство, Бифф. Вы взяли не тот след.

— А ты разбираешься в этом лучше меня, так? Газета поручила тебе это расследование?

— Только ту его часть, что касается музея.

— Ага, музея. Ты что-нибудь понимаешь, Гомес?

— По-моему, он несет чушь.

— Я думаю, его стоит потерять. — Бифф повернулся к Гомесу.
 — Мы его потеряем, — заверил его лейтенант.
 — Такое случается, парень. — Теперь Бифф смотрел на Флетча. — Дежурный, бывает, ошибается, заполняя ворох необходимых бумаг.

— Конечно, — улыбнулся Гомес. — Сегодня же отправим его в дурдом. А дней через десять все и прояснится, если о нем кто-нибудь вспомнит.

— А что вы выгадаете? — удивился Флетч. — Несколько дней. Или вы думаете, что я буду молчать?

— Да кто будет винить нас за бюрократическую ошибку? — удивился Бифф. — Я вообще не появлялся утром в участке. Да и ты еще не приходил, не так ли, Гомес?

— Я никогда не прихожу так рано.

— А шустрик-то наш хорош. Его не испугало наше предложение отдохнуть несколько дней в дурдоме. А может, повесим ему что-нибудь посерьезнее? Чтобы отделаться от него навсегда. Так что у вас делают с шустриками? Я забыл.

— Обычно, Бифф, если уж бьешь человека, надо ударить его так, чтобы он не смог дать сдачи.

— Ясно. — Уилсон не повышал голоса, но Флетч видел, как на его висках пульсируют вены. Да и глаза недобро блестели. — Где-то я уже это слышал. Давай порадуем его таким обвинением, чтобы он не смог дать сдачи. Значит, так. Его арестовали, как Александра Лиддикуота. При обыске в дежурной части у него в кармане нашли кокаин. Ты поделишься своим, Гомес?

— Ради такого дела, конечно, — кивнул лейтенант.

Флетча прошиб пот.

— И все потому, что я покусился на ваше расследование, Бифф?

— Потому что ты шустрик. В журналистике шустрикам не место. Так, Гомес?

— Ты вот всегда был пайнкой, — ответил лейтенант.

— Мы играем по правилам, парень, — продолжил Бифф Уилсон. — Ты получишь срок за владение, а может, и за распространение наркотиков, Флетчер, и я сомневаюсь, что Джон Уинтерс или Френк Джефф поручит тебе подметать пол в редакции «Ньюс-Трибюн». Едва ли тебя возьмут и в какую-то другую газету.

— Что я должен сказать? — спросил Флетч. — Извиниться и пообещать, что теперь буду хорошим мальчиком?

— Слишком поздно, — отрезал Бифф. — Я решил, что ты шустрик. От тебя надо отделаться.

— А если я пообещаю уйти добровольно?

— Ты и так уйдешь. За казенный счет. Мы об этом позаботимся.

Флетч рассмеялся.

— Неужели вы думаете, что я не вернусь, Бифф?

Бифф посмотрел на Гомеса.

— Может, вернешься. Может, нет. Кого это волнует?

— Вас-то должно волновать.

— С чего ты так решил? В тюрьме ты проведешь несколько

лет, и я не уверен, что тебе удастся выйти из нее на своих двоих. Это не пустая угроза. Обыденный факт.— Бифф повернулся к Гомесу: — Выясни, о каком он говорил пистолете. Где у тебя кокаин?

— В шкафчике раздевалки спортзала.

— Принеси. Потом поднимемся в твой кабинет и перепишем протокол задержания этого парня.

— У меня есть хороший кофе. Выпьем по чашечке?

— Не откажусь.

— О Боже! — воскликнул Флетч.— Бифф, вы это серьезно?

— А ты решил, что я шучу?

— Эни Макгаррахэн предупреждала, что вы — дерьмо.

— Уж она-то знает. Она допустила большую ошибку, выйдя за меня замуж. Все так говорят. Полагаю, парень, больше я тебя не увижу.— Бифф направился к двери.— И сожалеть об этом, пожалуй, не буду.

— Бифф...

— Тебя отведут в камеру,— добавил Гомес, следуя за криминальным репортером.— Понаслаждайся одиночеством. Когда еще тебе доведется побыть одному?

— Мы напишем такой протокол, что комар носа не подточит.— Бифф держал дверь открытой, пропуская лейтенанта.— Мы с Гомесом в этом деле доки.

Флетч остался один в залитой светом комнате. Хлопнула закрывшаяся дверь. Шаги Биффа и Гомеса затихли в коридоре.

Флетч посмотрел на грязное, забранное решеткой окно. Несмотря на прутья, к стеклу крепился датчик охранной сигнализации. Голые стены покрывала светлая краска.

Флетч подошел к двери и повернул ручку. Дверь открылась. Он выглянул в коридор. Пусто.

С гулко бьющимся сердцем Флетч миновал коридор, поднялся по лестнице. У перегородки, разделяющей дежурную часть надвое, никого не было. Сержант за столиком читал спортивный раздел «Ньюс-Трибюн». В конце концов он оторвался от газеты и посмотрел на Флетча.

— Лейтенант Гомес и Бифф Уилсон пьют кофе в кабинете лейтенанта,— отчеканил Флетч.— Они хотят, чтобы вы послали кого-нибудь за пончиками с сахарной пудрой.

— Понятно.— Сержант снял трубку и трижды повернул диск.— Лейтенант хочет пончиков,— сказал он в трубку.— Нет, кофе у него есть. Ты же знаешь Гомеса. Если в чашке жидкость, это не кофе.

— Пончики в сахарной пудре,— напомнил Флетч.

— Посыпь пончики сахарной пудрой,— добавил сержант.

ГЛАВА 24

— Я из «Ньюс-Трибюн»,— представился Флетч женщине, открывшей дверь квартиры на первом этаже дома 45447 по Туинг-стрит. Женщина сидела в инвалидном кресле-коляске.— Вы Тереза Габо?

Черные глаза, серая кожа, немые, нечесанные волосы.

— Мы не можем позволить себе покупать газеты. Да и не люблю я их.

— До меня из «Ньюс-Трибюн» к вам никто не приезжал?

Тереза покачала головой.

— А кто-нибудь у вас был? Полиция?

Женщина вновь покачала головой и откатилась в сторону. Флетч подумал, что сейчас она захлопнет дверь, и придержал ее рукой.

— Я ищу Феликса Габо.

В ее взгляде мелькнуло удивление.

— Ему тоже не нужна газета.

Флетч переступил порог.

— Мне надо с ним поговорить.

В комнате он увидел кровать, матрац и несколько одеял, сложенных на ящике. Женщина уже не обращала на него ни малейшего внимания, не сводя глаз с телевизора, стоящего на массивной тумбе.

Флетч прошел в другую комнату, вернее, кухню. Холодильник, плита, раковина. Все грязное, на полу мусор. Раковина завалена пустыми консервными банками. Матрац у стены, без подушек и одеяла. Кресло между матрацем и холодильником. А в кресле — человек-гора.

Мужчина пристально разглядывал стену над плитой. В руке он держал недопитую бутылку пива. Рубашку и черный, выданный при выходе из тюрьмы костюм покрывали пятна. Похоже, за столом мистер Габо не пользовался салфеткой.

Флетч присел на краешек матраца.

— Что вы делали, выйдя из тюрьмы?

— Купил это кресло. — Свободная рука Габо подвинулась и опустилась на подлокотник. — Купил этот матрац. — Взгляд упал на матрац. — Купил пива. — В углу у холодильника валялось не меньше двадцати пустых пивных бутылок. — Теперь меня насыщает только пиво. У меня все нормально. Первая неделя на воле.

— Похоже, в тюрьме вас неплохо кормили.

— Да. Но она страдала. — Феликс указал бутылкой на другую комнату. — Никто не заботился о моей сестре одиннадцать лет. Она выклянчивала талоны на питание. Посылала детей купить ей кошачьей еды. Владелец дома отнял у нее гостиную и вторую спальню. Только потому, что не мог вышвырнуть ее на улицу. Видите стену, которую он поставил? — Судя по слою наростшей на стене грязи, воздвигли ее одиннадцать лет тому назад. — И вы называете это законом? Она не сделала ничего плохого. Почему она страдала?

— А вы сделали что-то плохое?

На глаза Феликса Габо мгновенно навернулись слезы.

— Не следовало сажать меня в тюрьму. Я больной человек. Как вы назовете человека, который пристаёт к маленьким детям?

— Больной.

— Совершенно верно. Они должны были отправить меня на лечение. Меня же бросили в камеру. Разве можно так обращаться с больными?

— На суде вы не просили признать вас невменяемым.

— На суде я не произнес ни слова! — Феликс и не пытался сдерживать катящиеся по щекам слезы. — Вы знаете, как чувствует себя обвиняемый в зале суда? Он цепенеет.

— Вашим адвокатом был Дональд Хайбек, не так ли?

— Мистер Хайбек. Да. Я мог бы кое-что сказать, если бы он не говорил так много. Видите ли, у меня были резоны. Я все видел в ином свете и мог бы объяснить...

— Вы могли бы объяснить растление детей? Как вы расплатились с Хайбеком? Как вы смогли нанять такого дорогого адвоката?

— Я не платил мистеру Хайбеку. Ни цента.

— Почему же он взялся защищать вас?

— Не знаю. Однажды он пришел в камеру и сказал: «Я твой адвокат». Он ни о чем меня не спрашивал. Не давал ничего объяснить. Не позволил судье задать мне хотя бы один вопрос. Каждый день газеты писали о моем процессе, а телевидение вело передачи из зала суда. Они охотились за моей сестрой. Сводили ее с ума своими расспросами. Показали дом, где мы жили. Рисовали карты. Показывали детские площадки и школьные дворы, куда я приходил с собаками и встречался с детьми. Газеты — дерьмо! Они затравили мою сестру.

— Я начинаю кое-что понимать.

— Вы узнали о суде из газеты?

— Ваш процесс — единственный, который проиграл Хайбек. Проиграл с треском. Впрочем, мог ли он рассчитывать на иной исход? Растлитель детей...

— Почему он так поступил? Почему так затягивал процесс? Почему говорил сам? Почему не позволил мне все им рассказать?

— Он использовал вас для рекламы. На вашем примере хотел показать, что и Хайбек может проиграть большой процесс.

Его фамилия каждый день появлялась на первых полосах газет. Непонятно мне другое, почему вам дали только одиннадцать лет?

— Очень даже понятно! После всех этих издевательств, которые изо дня в день терпела моя сестра по милости газет и телевидения, Хайбек поднялся на одном из заседаний и заявил: «Ваша честь, мой клиент признает себя виновным по всем пунктам».

— Не предупредив вас?

— Нет! Хайбек вообще не разговаривал со мной. Он все испортил, и меня бросили за решетку.

Флетч покачал головой.

— Почему вы так растолстели в тюрьме?

— Меня не брали в рабочие бригады, а отправили на тюремную ферму. Они знали, кто я такой. Из газет. Если мистер Хайбек собирался заявить суду, что я во всем виновен, почему он не сделал этого сразу, почему позволял газетам так долго мучить мою сестру?

— За это вы и убили Хайбека?

— Я никого не убивал! Меня надо было изолировать от общества. Собак убили. Я заслужил наказание!

— Но не ваша сестра.

Феликс указал на себя обеими руками.

— Могу я выйти на улицу и кого-то убить? Я же конченный человек.

— Вы же злы на Хайбека.

— Я выхожу на улицу только по делу. Купил матрац, кресло. Они мне необходимы. Какой сегодня день?

— Среда.

— Завтра четверг. Я должен отметить в полиции. Вы съезжаете туда со мной?

— Я? Нет.

— Моя сестра не сможет поехать. Это в центре.

— Вам обязательно надо отметить в полиции.

— Вы не сможете поехать со мной?

— Нет.

— А что вы сделаете для моей сестры?

— Кажется, я уже слышал этот вопрос.

— Неужели вы появились здесь лишь для того, чтобы выслушать историю моей жизни?

— Я хотел услышать ваше признание в убийстве Дональда Хайбека.

— Кто вы?

— Ай-эм Флетчер.

— Вы не из службы социального обеспечения?

— Я же сказал, что я из газеты. — Флетч уже стоял у двери. — Вы не расслышали?

Глаза Феликса Габо вылезли из орбит. Он попытался подняться.

— «Ньюс-Трибюн», — добавил Флетч.

Габо упал в кресло.

В полуквартале от дома Габо Флетч едва успел сесть за руль, как на Туинг-стрит свернула машина Биффа Уилсона, с мигалкой, антенной и надписями «Ньюс-Трибюн» на капоте, багажнике и по бокам. Остановилась она у дома 45447.

ГЛАВА 25

Часы показывали половину первого.

В этот день Флетчу следовало избегать многих мест. Во-первых, собственной квартиры. Во-вторых, редакции «Ньюс-Трибюн». Да и езда по улицам без водительского удостоверения и регистрационного талона на автомашину, отобранных прошлой ночью полицией, таила в себе немалую опасность. Его могли арестовать и как Александра Лиддикуота, грабителя, и как Ирвина Мориса Флетчера, распространителя наркотиков.

Поэтому как только Бифф Уилсон вылез из своей машины, застегнул пиджак и скрылся в подъезде дома 45447 по Туинг-стрит, Флетч заехал на стоянку салона, торгующего поддержанными автомобилями. Поставил «датсан 300ZX» в первый от

улицы ряд. Снял картонную табличку с ветрового стекла соседней машины и подsunул под «дворник» своей. На табличке значилось: «ПРОДАЕТСЯ. \$ 5000. И ЭТОТ АВТОМОБИЛЬ ВАШ».

Под прикрытием таблички Флетч мог не только спокойно говорить по телефону, но и наблюдать за домом 45447 по Туинг-стрит.

Синди сняла трубку после первого звонка.

— Флетч?

— У тебя все в порядке?

— Конечно. Почему нет?

— Извини, что не смог привезти пиццу.

— Разве можно ждать от мужчины чего-то иного? Договариваются с женщинами, а потом уходят от них, игнорируя прежние обещания. Даже если речь идет о пище. Меня это не удивляет. Разумеется, Барбару твой поступок задел. Жаловалась она и на голод.

— Слушай, Синди, не надо на меня сердиться. Если б ты знала, что со мной произошло...

— Не хочу я слышать никаких оправданий. Мужчины не способны говорить женщинам правду.

— Синди, где ты находишься?

— Не твое дело.

— Я хочу лишь убедиться, что ты в полной безопасности. И тебя никто не подслушивает.

— Не волнуйся, не подслушивает.

— Хорошо. Кому принадлежат «Дружеские услуги Бена Франклина»?

— Как я и говорила, «Лесной нимфе, инкорпорейтед». Сегодня утром я порылась в бумагах в кабинете Марты и нашла упоминание о двух других корпорациях. Одна называется «Кангуэлл скрю», вторая — «Лингман тойз, инкорпорейтед».

— И какая же связь между этими тремя компаниями?

— Точно не знаю. Разобраться не успела. Но мне представляется, что «Кангуэлл скрю» и «Лингман тойз» — инвесторы, владельцы «Лесной нимфы».

— А кто руководит этими компаниями?

Бифф Уилсон выскочил из подъезда дома 45447. Захлопнул за собой дверь. Оглядываясь, сбежал по ступенькам.

— Марта, Президент «Лесной нимфы». Вице-президент «Кангуэлл скрю» и «Лингман тойз». Президент «Кангуэлл скрю» — Мариэтта Рамсин.

Дверь подъезда дома 45447 по Туинг-стрит вновь открылась. Феликс Габо с зажатай в руке бутылкой переступил порог. Габариты его поражали воображение. Он бросил бутылку вслед убегающему Биффу Уилсону. Бутылка угодила Биффу прямо в ухо, упала на тротуар и разбилась.

— Забавно, — прокомментировал Флетчер.

— Президент «Лингман тойз» — Ивонн Хеллер. Начальник финансового отдела во всех компаниях один — Джей Демарест. Я его знаю.

— Правда?

Окно на нижнем этаже дома 45447 открылось, и из него высунулась Тереза. Она трясла рукой и что-то кричала в спину Биффа.

— Да. Постоянно приходит к нам. Пользуется всеми благами, никогда ни за что не платит. Получает все, что требует.

— И что ты можешь о нем сказать?

Феликс Габо тем временем собирал с тротуара осколки бутылки.

— За те два года, что я его знаю, физические упражнения изменили его в лучшую сторону. Я говорю о спортивной форме. Ему чуть больше тридцати. Не женат.

— Кто ж будет жениться, имея таких друзей?

— Что?

Прижав руку к ушибленному уху, Бифф повернулся, чтобы броситься на Феликса. Феликс швырнул осколки в лицо Биффу.

— Ничего.

— Я бывала с ним. Эскорт-услуги. Когда он приглашал друзей к обеду.

— И что у него за друзья?

Под крики брата и сестры Габо Бифф Уилсон загрузился в машину.

— Неудачники. Ты понимаешь, что я имею в виду? Люди, которые ничего не могут сделать как следует.

— Ты думаешь, что Джей Демарест — истинный владелец компаний?

У Биффа никак не заводилась машина. Наконец «мигалки» на крыше включились.

— Он ведет бухгалтерский учет и заказывает лосиные рога. Козел отпущения.

Теперь Феликс набросился на машину. Пнул левое заднее крыло, да так сильно, что на нем появилась приличных размеров вмятина. Затем его кулаки забарабанили по багажнику.

— Да. Я думаю, он и Марта — наемные работники.

Взревел двигатель машины Биффа.

— Когда ты сможешь узнать все остальное?

С поврежденными багажником и левым крылом, с включенными «мигалками», машина рванула с места.

Камень, который Феликс уже держал в руке, полетел следом и разбил заднее стекло.

Поворачивая за угол, Бифф Уилсон едва не врезался в проезжающий автобус.

— Да, нелегка репортерская жизнь, — вздохнул Флетч.

— Что?

Тереза и Феликс Габо все еще что-то кричали и махали кулаками вслед уже скрывшейся за углом машине.

— Когда ты сможешь узнать все остальное?

— Давай договоримся о встрече, и к этому времени я все подготовлю. Перечень услуг и их стоимость я уже написала. У меня есть фамилии и адреса некоторых клиентов. А также фотографии и видеокассеты.

— Отлично. А Марта там есть?

— Конечно. Ей тоже нравится иной раз поразмяться.

— Джей Демарест?
— Естественно. Думаю, Марта запечатлела его на пленку на случай, если он взбрыкнет. Милая дама, не так ли? Все они друг друга стоят. Настоящий гадючник.

— Я не хочу подвергать тебя риску, Синди.

— Не волнуйся. Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

— Тут ты права. Я найду тебя по этому номеру?

Окно и дверь подъезда дома 45447 закрылись. Тереза и Феликс Габо ретировались в грязь и зловоние своей квартирки.

— Да. Я могу выйти, но обязательно вернусь сюда. Только не звони мне в «Бен Франклин».

— Как я могу? Марта спросит, когда я приступлю к работе.

По улице мимо Флетча медленно проехала патрульная машина.

— Рад, что ты позвонил! — воскликнул Олстон Чамберс. — Я пытался разыскать тебя. Твоя квартира не отвечает, коттедж не отвечает, телефон в машине тоже не отвечает. В редакции понятия не имеют, где тебя искать. У меня есть новости. Кстати, где ты сейчас?

— В данный момент прячусь на стоянке салона по продаже подержанных автомобилей, изображая манекен, сидящий за рулем «датсена 300ZX».

— Как же я не догадался об этом?

— Хочу попросить тебя о паре услуг, дружище.

— Не много ли ты от меня требуешь? Я уже согласился быть твоим шафером. В субботу, не так ли?

— Я пытаюсь выяснить, кто убил твоего босса.

— Об этом на фирме никто и не вспоминает. Хладнокровные мерзавцы. «Хайбек, Харрисон и Хаулер» заинтересуется убийцей Дональда Хайбека лишь в одном случае: если им придется защищать его или ее в суде при условии, что он или она достаточно богаты или этот процесс послужит хорошей рекламой. Кстати, кто убил Дональда Хайбека?

— Я не знаю. Пока я пообщался со всеми членами его семьи и пришел к выводу, что каждый мог убить его, если б узнал, что Хайбек намерен разделить свои деньги между музеем и монастырем.

— Монастырем? Что ты такое говоришь?

— Я забыл. Мы с тобой давно не разговаривали. Поверишь ты мне или нет, но получается, что лжец один раз сказал правду.

— И никто ему не поверил?

— Разумеется, нет. Хайбек действительно хотел пожертвовать пять миллионов долларов музею. А в газету он собирался обратиться для того, чтобы под нажимом прессы заставить музей принять его дар с обещанием потратить эти деньги на создание коллекции современного религиозного искусства. Так что мне и «Ньюс-Трибюн» в замысле Хайбека отводилась роль пешек.

— Единожды в жизни сказанная правда не превращает человека в монаха.

— Я уверен, что Дональд Хайбек хотел уйти в монастырь. Мои безумные и прочие, столь же ненадежные, источники ин-

формации убедили меня в этом. Долгие годы он готовил себя к этому. Он не развелся со своей первой женой, хотя она уже давно находится в частной психиатрической клинике. Возможно, таким образом Дональд пытался найти путь к сердцу сына. А может, ими обоими двигало одно и то же чувство. И, разумеется, Хайбек не лгал, говоря, что всем на него наплевать. Так оно и было. Кроме того, Хайбек читал русские романы, с иконами на каждой странице, главная идея которых, особенно у Достоевского, — уход от мира.

Последовала долгая пауза.

— Послушай, Флетч...

— Да, Олстон?

— Ты уверен, что в своем расследовании пользуешься абсолютно законными методами?

— Естественно. А какие тут могут быть сомнения?

— Я не слышал, чтобы полиция считала уликой перечень прочитанных жертвой книг.

— И напрасно. Образ мыслей человека наиболее полно характеризуется книгами, которые он читает.

— Вернемся к фактам. Ты знаешь, что Хайбек и Жасмин не расписаны?

— Дональд и Луиза не развелись. Я знаю, что Жасмин не стала миссис Хайбек. Знаю, что ее настоящее имя совсем не Жасмин. Вот мы и подошли к первой услуге, о которой я хочу попросить тебя, дружисце.

— А кто же тогда Жасмин?

— Она думает, что все, происходящее с ней, напрямую связано с Федеральной программой защиты свидетелей. Она давала показания на суде в Майами, когда Дональд Хайбек увез ее оттуда. Вероятно, он убедил Жасмин, что больше ее ни о чем спрашивать не будут, она вольна ехать, куда ей вздумается, а он, помимо прочего, лицо официальное. С умом у Жасмин не густо. Она поверила Хайбеку. Тебя не затруднит связаться с кем полагается, чтобы о ней позаботились? Возможно, ее показания все еще интересуют суд в Майами.

— И это ты называешь услугой? Конечно, позвоню. Всегда готов помочь государству в борьбе с преступниками. Моя же новость такова: Дональд Хайбек оставил завещание. Оно написано пять лет тому назад и с тех пор не менялось.

— То есть его завещание юридически законно?

— Да. Согласно воле Дональда Хайбека, все его состояние отходит детям Нэнси Хайбек и Томаса Фарлайфа по достижении ими совершеннолетия.

— Однако. Теперь у детей сапожника есть сапоги. Вернее, будут.

— В том, что все состояние завещается внукам, нет ничего удивительного.

— Ты не видел, как эти внуки дрались из-за игрушечного танка.

— Паршивцы?

— Получив деньги, они погонят такую волну насилия, что мир ахнет.

- Отлично. Похоже, всем им потребуются адвокаты.
- Не без этого.
- А ты не думаешь, что их папочка, певец насилия, укукошил дедулечку?
- Том Фарлайф способен лишь на то, чтобы швырнуть комком земли в бродячего кога.
- Повтори, пожалуйста.
- Насилие не присуще Тому Фарлайфу. Он получает его от своих родственников по линии жены.
- А я думал, что ты прижал его к стенке. Значит, никто из родственников не убивал Хайбека?
- Убить мог любой. Включая Луизу, Нэнси, даже Роберта, монаха. Реакция на его смерть у всех одинаковая: «Ну и черт с ним». Но есть сомнения. Одно серьезное, второе не очень. Серьезное состоит в том, что никто, похоже, не знал, что перед самой смертью Дональд Хайбек решил лишить их наследства в пользу музея и монастыря. Разумеется, трудно доказать, что люди знают, а чего — нет. Но и заподозрить их во лжи нелегко, учитывая, что Луиза — в дурдоме, Нэнси — в нищете, а Роберт — в монастыре, и все в один голос твердят, что ничего не знали о намерениях Дональда Хайбека.
- Адвокат никогда никому не верит, это аксиома.
- И второе сомнение — транспорт. Поверишь ли, в наши дни ни у кого из них нет машины. Автомобиль Фарлайфов ржавеет перед домом. Роберта изредка вывозят из монастыря. Луиза садится в чужие машины и ждет, пока не появится хозяин и не отвезет, куда ей нужно. А ведь при подготовке убийства временной фактор едва ли не главное. Я не думаю, что убийца въезжал на стоянку «Ньюс-Трибюн» на автомобиле. Но как он или она добрались без него до редакции?
- Извини, что напоминаю тебе об этом, Флетч, но существуют и другие направления расследования. Надеюсь, ты хоть что-то оставил полиции. Неплохо бы обратить внимание на партнеров.
- Ты прав. Но семья прежде всего. Именно родственников Дональд Хайбек лишил наследства. Это ли не повод для убийства?
- Его нынешние и бывшие клиенты...
- Да, я виделся с Габо. Хайбек использовал его в рекламных целях. По словам Габо, сломал жизнь не только ему, но и его сестре. Габо ненавидит Хайбека. Но я не думаю, что он способен на убийство. Тюрьма раздавила его.
- Стюарт Чайлдс.
- Вот-вот. Расскажи мне о нем. Сколь вескими были улики, доказывающие его вину в смерти брата?
- Более чем веские, но, к сожалению, полученные со слов самого Стюарта. Досье у меня на столе. Я предполагал, что оно тебя заинтересует. Ага, вот оно. Ричард был на два года старше Стюарта. Настоящий плейбой. Не работал ни дня, не женился, сосал деньги из родителей, завсегда яхт-клуба, разбивал не меньше одной машины в год. В последней аварии погибла девушка, которая ехала вместе с ним. Время от времени ему

предъявлялись обвинения в хранении наркотиков, вандализме, даже в поджоге. Но всякий раз родители помогали ему избежать наказания.

— Нанимая фирму «Хайбек, Харрисон и Хаулер»?

— Совершенно верно.

— Родители богаты?

— Ты же слышал о «Чайлдерс иншуренс». Самая большая, старейшая и богатейшая страховая компания в местных краях.

— Расположена на Городском бульваре, так?

— Там находится центральное отделение. С другой стороны, Стюарт был хорошим сыном. Послушным, трудолюбивым. Не доставлял никаких хлопот. Окончил колледж с отличием. С шестнадцати лет каждое лето работал в «Чайлдерс иншуренс». После окончания учебы занял в фирме достойное место.

— Хороший сын, плохой сын — какая проза.

Пока Флетч произносил эти слова, мимо него на малой скорости проехала еще одна патрульная машина.

— После аварии, в которой погибла девушка, мама и папа Ричарда Чайлдерса выставили его за дверь, сказав, что больше он не получит ни цента. Устраивайся, мол, сам, ищи работу, зарабатывай на жизнь. Вместо этого Ричард начал шантажировать младшего брата.

— А в чем провинился Стюарт?

— Получил диплом с отличием обманным путем. Заплатил ассистенту профессора, чтобы тот написал за него выпускную работу. Ричард, конечно, и дня не проучился в колледже, но был хорошо знаком с ассистентом.

— И мысль о том, что родители подумают, будто он ничуть не лучше своего брата, свела Стюарта с ума.

— Так он и сказал.

— Кто сказал?

— Стюарт. Ричарда нашли мертвым на тротуаре, четырнадцать этажами ниже лоджии его квартиры. В комнатах остались многочисленные следы борьбы: перевернутые столы, стулья, разбитые стекла. Эксперты обнаружили в квартире отпечатки пальцев Стюарта. Как, впрочем, и других людей. Ричард звался Бог знает с кем, а потому в протоколе записали, что убийца неизвестен.

— Я знаю, что Стюарт сознался.

— Совершенно верно. Пришел в полицейский участок после полудня и сказал, что хочет сделать признание. Ему зачитали его права, препроводили в отдельный кабинет, включили диктофон, затем попросили подождать, пока машинистка не отпечатает признание, которое он и подписал.

— И тут на сцене появился Дональд Хайбек.

— Чайлдерсы вызвали Хайбека, как только узнали, что их младший сын отпирался в полицейский участок, чтобы признаться в убийстве старшего брата. Первым делом Хайбек распорядился, чтобы у Стюарта проверили содержание алкоголя в крови. Вероятно, перед тем, как пойти признаваться, Стюарт выпил для храбрости не меньше кварты джина.

— То есть признание не имело юридической силы?

— Копы не только знали, что он выпивши, они еще подносили ему виски, чтобы он говорил не останавливаясь. А последнюю стопку дали перед тем, как он взял ручку, чтобы подписать отпечатанный текст.

— Неужели они так глупы?

— Слушай, копы всегда пытаются добиться максимума возможного до появления адвоката. Тут-то они обычно и допускают ошибки.

— *In vino veritas** не есть догмат юриспруденции?

— В досье почерком Хайбека записано: «В суде давать Стюарту успокоительное».

— Его накачивали транквилизаторами?

— Так точно. Суд не счел признание Стюарта доказательством его виновности. И хотя оба брата не были друзьями, Хайбек резонно заявил, что нельзя обвинять человека в убийстве только потому, что отпечатки его пальцев обнаружены в квартире убитого. Тем более что там хватало и отпечатков пальцев других людей, личности которых не были установлены следствием.

— Ты говорил, что каждый имеет право на защиту.

— Естественно.

— Даже если человеку это не надо?

— Ну, не знаю. Во всяком случае, Хайбек честно отработал свой гонорар.

— Теперь насчет второй услуги, дружище...

— Да?

— Для меня это очень важно. Меня интересует, как связаны между собой компании «Лесная нимфа», «Кангуэлл скрю» и «Лингман тойз». А самое главное, кто их владелец.

— Я сейчас же это выясню.

— Можешь не спешить. Я могу подождать минут пятнадцать — двадцать.

— Зачем ждать, если можно все узнать сразу.

— Разве «Хайбек, Харрисон и Хаулер» не припасли для тебя другой работы?

— Нет. Я уволился час тому назад.

— Что?

В трубке раздались гудки отбоя: Олстон Чамберс положил трубку.

ГЛАВА 26

— Вы из «Ньюс-Трибюн»? — Стюарт Чайлдес, сидящий за широким столом в деловом костюме и галстучке, выглядел очень молодо. Крепкий, здоровый парень, пусть и с мешками под глазами. Скорее всего от недосыпания. Он постоянно кусал губы.

— Да. Моя фамилия Флетчер.

— Полагаю, вы пришли сюда не за страховкой.

— Нет. Швейцар вашего дома сказал, что я найду вас на работе.

— Наверное, Бог услышал мои молитвы. — Стюарт Чайлдес

* Истина в вине (лат.).

достал из верхнего ящика стола пистолет двадцать второго калибра и положил его перед собой. — Если меня не арестуют за убийство до пяти вечера, я пуцую себе пулю в лоб.

— Серьезная угроза. — Флетч сидел на стуле напротив Чайлдерса. — Когда боги хотят наказать нас, они отвечают на наши молитвы.

— Вы хотите выяснить, кто убил Дональда Хайбека, не так ли? — спросил Чайлдерс.

— Это работа полиции и суда, — ответил Флетч.

— Полиции! — пренебрежительно фыркнул Чайлдерс. — Суда! Боже ты мой!

— Мне нужен материал для статьи, — пояснил Флетч. — Я журналист. Моя задача — понять, каким был Дональд Хайбек, и что привело его к трагическому концу.

— И далеко вы продвинулись?

— Да. Многого уже прояснилось.

Чайлдерс разглядывал пистолет.

— Дональда Хайбека убил я.

— Вы это уже говорили.

— Полиция не стала меня слушать.

— За последние два месяца вы признавались во всех преступлениях, что совершались в городе.

— Я знаю. Это была ошибка.

Флетч пожал плечами.

— Мы все ошибаемся.

— Что вам известно о смерти моего брата?

— Я знаю, что вы, напившись, сознались в его убийстве. Знаю, что во время суда Хайбек держал вас на таблетках.

— Да. Транквилизаторы. Хайбек говорил, что всегда дает их клиентам. Я понятия не имел, какие они сильные. Перед глазами у меня все плыло, словно я смотрел на происходящее из окна быстро несущегося поезда. Я убил своего брата.

— Думаю, так оно и было.

— Разве такое прощается? Ричард сказал, что будет шантажировать меня, сосать из меня деньги, чтобы продолжать разгульный образ жизни. Если б я и согласился платить, у меня не было уверенности, что он будет держать язык за зубами. Потому что он обожал мучить меня, моих родителей. Моя ошибка в том, что я испугался. На самом деле мир не рухнул бы, узнай мои родители правду о моей дипломной работе. Да, мне написал ее ассистент профессора. За деньги. И ничего ужасного в этом нет. Но я поехал к Ричарду. Убивать его я не собирался. Разговор как-то сразу перешел на крик, мы носились друг за другом по квартире. Оказались на балконе. Внезапно лицо его исказилось. Он подался назад. Перевалился через ограждение и упал вниз.

— Признаетесь вы очень убедительно.

— Я пришел в себя после окончания процесса. Вернулся в свою квартиру. Каждый день ходил на работу. Все говорили мне, что дело закрыто, а жизнь продолжается. Но разве я мог так жить? Для меня дело не закрылось. Мои родители знали, что я получил диплом с отличием нечестным путем. Один их сын

умер. Второй его убил. Родители знали и это. Я погубил все их надежды. С тем же успехом я мог убить и их.

Начитавшись о каком-нибудь громком преступлении, я шел в полицию и говорил, что совершил его я. Поначалу меня слушали. Но улики против себя мне приходилось придумывать. Это была ошибка. Улики не выдерживали проверки. Так что верить мне перестали.

— Вы уверены, что вам не хочется еще раз сыграть главную роль в суде? Некоторым это нравится.

Чайлдерс вздохнул и посмотрел на пистолет.

— Стюарт, вас не могли вновь судить за убийство брата*.

— Знаю. Поэтому я убил Хайбека.

— В это трудно поверить.

— Почему?

— Брата вы убили импульсивно, под влиянием момента. Два брата, никогда не ладившие между собой. Слово за слово, замелькали кулаки, балкон, неловкое движение. Все достаточно ясно и объяснимо. И совсем другое дело — подготовить и осуществить убийство человека, который не позволил вам понести наказание за первое преступление.

— Неужели? Вероятно, вы правы. — Чайлдерс коротко глянул на Флетча. — После того, как отнял одну жизнь, отнимать следующие уже легче.

— Это расхожее выражение. Люди, убившие в гневе, импульсивно, редко совершают подобное вторично. Объект их ненависти уже мертв.

— Разве я не мог перенести свою ненависть с брата на Хайбека?

— Не сдавайтесь, Стюарт. Ищите логичное объяснение.

— Кто сказал, что убивший под влиянием момента не может пойти на второе убийство, уже тщательно подготовленное?

— А с чего вам готовить убийство Хайбека? Этот сукин сын спас вас.

— Да, спас! — Чайлдерс наклонился вперед. — И этот сукин сын знал, что я виновен! Он воспрепятствовал свершению правосудия.

— Ради вашего блага! Вы же вышли из зала суда свободным человеком!

Чайлдерс откинулся на спинку кресла.

— Я не слишком хорошо разбираюсь в юриспруденции, но считаю возможным назвать Дональда Хайбека соучастником убийства. Он стал им, добившись моего освобождения. Или я не прав? Сколь часто становился он соучастником убийств, уводя преступников от заслуженного наказания?

— Возможно, вы пришли к правильному выводу, — пробурчал Флетч. — Хорошо, Стюарт. Допустим, вы застрелили Хайбека, чтобы понести заслуженное наказание. Как получилось, что вы покинули место преступления? Почему вас не нашли стоящим над еще теплым трупом с пистолетом в руке?

* По законам штата Калифорния человека, признанного судом невиновным в каком-либо преступлении, не могут судить за него второй раз.

— Мне стало нехорошо. Закружилась голова. Захотелось выпить. Пропустить несколько рюмок перед тем, как сдать полицию.

— Вы хотели опять напиться перед признанием, не так ли? Ради чего, Стюарт?

— Я хотел совладать с нервами. Пришел домой, выпил виски, принял ванну, выспался. Утром позавтракал. И пошел в полицейский участок, чтобы сознаться в убийстве. — Чайлдерс пожал плечами. — По-моему, так и должен вести себя джентльмен. Во всяком случае, так меня воспитали.

Флетч покачал головой.

— Как вы узнали, что в понедельник около десяти утра Дональд Хайбек окажется на автостоянке «Ньюс-Трибюн»?

— Я этого не знал. К решению убить Хайбека я пришел в выходные дни. Поэтому в понедельник утром поехал к его дому. Добрался туда где-то в половине восьмого. Подождал, пока он выедет из гаража на своем синем «кадиллаке», и последовал за ним. Он подъехал к воротам автостоянки. Пока он говорил с охранником, я припарковался у тротуара и зашел на автостоянку. Это была его первая остановка после выезда из гаража. Когда он открыл дверцу «кадиллака», я его убил.

— А что вы сделали с орудием убийства?

— Вы знаете?

— Нет.

— И я не знаю.

— Вы не знаете, что сделали с пистолетом?

— Не знаю. Когда я пришел домой, пистолета при мне не было. Я пытался вспомнить... восстановить цепь событий...

— Естественно.

— Должно быть, я забросил его в кусты.

Флетч пристально смотрел на него.

— В кусты перед зданием?

— Скорее всего.

— Что это был за пистолет?

— Двадцать второго калибра.

— Стюарт, ваш пистолет двадцать второго калибра лежит перед вами.

— Я купил его вчера вечером. А тот, из которого я стрелял в Хайбека, был у меня много лет. Я получил его в подарок от отца, когда мне исполнилось шестнадцать. — Чайлдерс улыбнулся. — Ричарду он пистолет не дарил.

— О, мой Бог!

— Что?

Флетч встал.

— Почему полиция не нашла пистолет? — спросил Чайлдерс.

— Почему вы не нашли пистолет? — задал Флетч встречный вопрос.

— Я пытался. Полазил по кустам. Там его не было.

Флетч указал на пистолет, лежавший на столе.

— Могу я его взять?

Чайлдерс накрыл пистолет рукой.

— Не пытайтесь, если не хотите получить пулю в лоб.

— О, нет,— усмехнулся Флетч.— Зачем заставлять вас лиш-
ний раз признаваться?

ГЛАВА 27

— Слушаю, слушаю.— Флетч услышал жужжание радиотеле-
фона, открывая дверцу «датсана».

— Говорит информационная служба «Ньюс-Трибюн». Назови-
те, пожалуйста, вашу фамилию и регистрационный номер.

— О, привет, Мэри.

— Это Пилар. Регистрационный номер, пожалуйста.

— Семнадцать девяносто дробь девять.

— Мистер Флетчер, вас и Биффа Уилсона приглашают на
совещание в кабинет главного редактора в три часа дня.

— Какая честь для меня.

— Да уж, пожалуйста, приезжайте.

Флетч взглянул на часы на приборном щитке. Два двадцать.

— Боюсь, не успею.

— Мистер Джефф просил передать следующее: «Приходи
в мой кабинет ровно в три или можешь вообще не появляться
в редакции».

— В жизни постоянно приходится делать выбор.

— Как видите, не только вам, но и «Ньюс-Трибюн». Ваше
последнее слово?

— Нет проблем.

То и дело поглядывая на часы, Флетч сидел в припаркованной
у тротуара машине и думал. Когда стало ясно, что к трем часам
успеть невозможно, он завел двигатель и неспешно покати-
л к своей квартире.

271

— Олстон, я понимаю, что у тебя нет времени...— Малой
скоростью Флетч все еще ехал домой.

— Наоборот, дружище, времени у меня невпроворот. Как
только я объявил об уходе из фирмы, появилась дама и забрала
с моего стола все бумаги. Даже материалы того дела, с которым
я работал. Представляешь?

— Да, конечно. Ты уволился. Расскажи, почему?

— Я учился на адвоката не для того, чтобы становиться
преступником. Полагаю, тут никто бы не возражал, уйди я сей-
час домой и вернись только в пятницу, за последним чеком.
Может, я так и сделаю. Давай встретимся у «Маноло»?

— Олстон, я не ожидал, что на моей свадьбе в субботу будет
хоть один безработный.

— Главное, не говорить об этом официанту. Между прочим,
старина, о свадебном подарке от шафера можешь не беспокоить-
ся. Ты его обязательно получишь, но с некоторой задержкой.

— Разве не я должен сделать тебе подарок? За то, что ты
согласился стать моим шафером?

— И я его получу?

— Боюсь, что и здесь задержки не избежать.

— Но уж свадьба состоится в назначенный срок?

— Да. Состоится.

— Между прочим, последний час я не разгибаясь работал на тебя, задействовав немалые резервы фирмы «Хайбек, Харрисон и Хаулер». Не волнуйся, оплатить эти услуги ты не сможешь.

— Это правда.

— Теперь насчет интересующих тебя компаний... «Лингман тойз» и «Кангуэлл скрю», похоже, существуют с единственной целью: владеть напололам «Лесной нимфой, инкорпорейтед». «Лингман тойз» и «Кангуэлл скрю», в свою очередь, принадлежат «Параска стимшип компани». Это типичная корпоративная схема, призванная гасить нездоровое любопытство посторонних. Смысл в том, чтобы развести подальше владельцев фирмы «Дружеские услуги Бена Франклина» и саму фирму, попросту бордель.

— Кому принадлежит «Параска стимшип компани»?

— Четрем женщинам. — Олстон начал называть имена и фамилии. Флетч резко затормозил на желтый свет. Водитель идущей следом машины возмущенно нажал на клаксон.

— Что ты сказал? Повтори!

Рядом остановилась патрульная машина, и полицейский начал всматриваться в лицо Флетча.

— Пока, Олстон! — Флетч бросил трубку на колени и вдавил в пол педаль газа.

Проехал на красный свет, развернулся на перекрестке, вновь проехал на красный, но уже в противоположном направлении. Патрульная машина повторила его маневр.

— Лейтенанта Франсиско Гомеса, пожалуйста. Срочно. Ситуация критическая.

В последнем Флетч не кривил душой. Теперь уже две патрульные машины мчались за ним по городским улицам. И его попытка обогнать их, одновременно разговаривая по радиотелефону, гянула на тринадцатый подвиг Геракла.

— Кто звонит?

— Бифф Уилсон, — без запинки ответил Флетч.

Он включил левый поворотник и повернул направо из левого ряда. Сбросить с «хвоста» преследователей ему не удалось, но на перекрестке тут же образовалась пробка.

— Да? — Гомес говорил так, словно разговор длился уже минут пятнадцать.

— Гомес, у Биффа Уилсона крупные неприятности.

— Кто это?

— Флетч, он же Лиддиккут. Помните нас?

— Дерьмо собачье! Где ты?

— Как, разве вы не знаете? — Резким поворотом руля Флетч загнал «датсан» в переулок. — Я думал, у полиции повсюду глаза и уши.

— Что ты несешь? И с чего такой шум? Полицейские сирены, визг тормозов.

— Да, полиция обеспечила мне почетный эскорт. Я спешу, знаете ли. Лаборатория установила, чьи отпечатки пальцев остались на пистолете?

— Каким оружием?

— Который я оставил вам.

— Ты ничем не лучше Чарльза, нет, Чайлдера, Стюарта Чайлдера. Хочешь поиграть в полицейских и воров. Только тебе охота быть полицейским, а ему — вором.

— Да и результаты баллистической экспертизы, несомненно, уже готовы.

На какое-то время Флетч обрел мир и покой, свернув на улицу с односторонним движением, естественно, навстречу идущим машинам.

— У меня ордер на твой арест, Флетчер. Незаконное владение и распространение наркотиков. Вещественные доказательства лежат на моем столе.

— С нетерпением жду встречи с ними. — На углу Флетча заметили три патрульные машины и устремились к его «датсану». — Вы меня не поняли, Гомес? Ваш приятель Бифф попал в передрагу.

— Неужели?

— Сейчас он в кабинете Френка Джеффа. Можно сказать, на ковре. Ему грозит увольнение.

— Не болтай ерунды.

— Вы же знаете, какие за ним водятся грешки.

Гомес промолчал.

Флетч включил фары и вклинился в середину похоронного кортежа. Три патрульные машины пронеслись мимо, безо всякого уважения к усопшему.

— Ему нужна ваша помощь, — продолжил Флетч. — Результаты баллистической экспертизы и выводы дактилоскопической лаборатории по этому пистолету. Немедленно.

— Неужели?

— С чего мне вам лгать. — Флетч выключил фары и свернул в проулок. — Получив результаты, сразу же звоните в «Ньюс-Трибюн». Попросите соединить вас с кабинетом Френка Джеффа. Бифф в кабинете Френка.

В двух кварталах впереди патрульная машина замерла на перекрестке. Заметив «датсан» Флетча, устремилась к нему, включив сирену и мигая «маячками».

— Гомес, вы хотите, чтобы Биффа вышибли из редакции?

В трубке раздались гудки отбоя.

Флетч бросил ее на колени. Он уже видел крышу здания «Ньюс-Трибюн». Три патрульные машины неумолимо настигали его.

Еще два поворота отделяли Флетча от желанной цели...

ГЛАВА 28

— Эй, тут нельзя оставлять машину! — крикнул охранник в вестибюле редакции «Ньюс-Трибюн», известный внезапными вспышками гнева.

Флетчу удалось проскочить мимо него. Обернулся он, уже ступив на эскалатор, уносящий его в зал городских новостей.

— Что?

Стоя у эскалатора, охранник смотрел на входную дверь.

— Почему режут сирены?

— Я вас не слышу, — ответил Флетч. — Слишком много сирен. В коридоре он столкнулся с Мртоном Рикмерзом.

— Вы виделись с Томом Фарлайфом? — спросил Рикмерз. — Стоит брать у него интервью?

— Нет, — качнул головой Флетч. — Он — седовласая дама в зеленых теннисных туфлях.

Мортон наморщил лоб.

— Как скажете.

Через стеклянную дверь кабинета Френка Флетч видел самого Френка, сидящего за столом, и Биффа Уилсона, устроившегося в кресле. Цветом лиц они вполне могли составить конкуренцию охраннику в вестибюле, в данный момент, несомненно, общающемуся с полицейскими.

— Ты припозднился, — заметила секретарь Френка.

— Все относительно, — философски ответил Флетч.

Он вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

— Добрый день, Френк. Как мило с вашей стороны пригласить меня заглянуть к вам. — Глаза Френка пробежались по тенниске и джинсам Флетча, дырявым теннисным туфлям. — Добрый день, Бифф. — Лицо Биффа закаменело. Он отвернулся. Правое ухо распухло и горело огнем. — У вас не ухо, а царский рубин, — прокомментировал Флетч. От стекла, брошенного Биффу в лицо, на коже остались многочисленные царапины. — Вам повезло, что стекло не попало в глаза. — Бифф зыркнул на Флетча, но тот уже повернулся к Френку. — Это еще что. Видели бы вы машину «Ньюс-Трибюн», на которой ездит Бифф. Вмятины в корпусе, разбитое заднее стекло. Едва ли за нее много дадут даже в салоне подержанных автомобилей.

— Откуда ты знаешь? — прорычал Бифф.

— Я репортер. — Флетч сел на стул. — Так вот, Френк, имею честь доложить вам, что миссис Хайбек не сдабривает чай водкой. Более того, бедняжке не дают и чая. Я получил хороший урок. Нельзя начинать готовить статью, заранее составив мнение о ее предмете. Так, Бифф?

— Я удивлен, что ты все-таки появился, — разлепил губы Френк.

— Френк, с минуты на минуту у вас зазвонит телефон. Лейтенант Франсиско Гомес попросит передать трубку Биффу. Он знает, что Бифф в вашем кабинете. Я бы хотел, чтобы вы выслушали все, что он хочет сообщить Биффу.

Через окно в кабинете Френка, выходящее в зал городских новостей, Флетч увидел шестерых полицейских, петляющих между столами.

— Что между вами произошло? — Несмотря на багрянец лица, Френк пытался сохранить хладнокровие. — Флетч, Бифф рассказал мне такое, чему я не могу поверить. Везде, где он только ни побывал, готовя материал по убийству Хайбека, ты уже успевал напакоистить. Плавал с голым задом в бассейне Хайбека, так расстроил его сына, монаха, что тот отказался встречаться с Биффом, разозлил еще одного подозреваемого до

такой степени, что этот подонок забросал Биффа бутылками из-под пива. Тебе не поручалось расследование убийства Хайбека. Энн Макгаррахан и я высказались на этот счет предельно ясно. Нет нужды прилагать такие титанические усилия ради того, чтобы вылететь из редакции.

— Я не потерял, чтобы какие-то молокососы путались у меня под ногами, — прорычал Бифф. — Особенно такие умники.

— Я думал, что ты сожжешь лишнюю энергию, готовя статью о борделе, — продолжал Френк. — А вместо этого вчера вечером ты сказал мне, что не сможешь написать ее.

— Теперь смогу.

— Ты же сказал, что тебе не хватает времени. Наверное, потому, что ты тратил его, идя по стопам Биффа.

Через окно Флетч видел Мортон Рикмерза, разговаривающего с одним из полицейских. Мортон Рикмерз указал на кабинет Френка.

— Достаточно. — Бифф Уилсон приподнялся. — Не будем терять времени. Выгоните этого сукиного сына и позвольте мне вернуться к работе.

— Вам нравятся наглецы, Френк? — спросил Флетч. — Мне — нет.

Френк хохотнул.

— Бифф работал в «Ньюс-Трибюн» всю сознательную жизнь. А сколько ты работаешь у нас? Три месяца? Он — лучший криминальный репортер. И имеет полное право заниматься своим делом.

— Он наглец, — гнул свое Флетч. — Я не люблю наглецов.

— И начал параллельное расследование только потому, что он наглец? — спросил Френк. — Черта с два. Ты пошел по его следам, потому что решил, что сможешь обставить его. Как мало ты смыслишь в нашем деле.

— Я его обставил.

— Естественно, — хмыкнул Бифф. — И можешь поставить точку в расследовании убийства Хайбека? Как бы не так.

— Да, могу.

Френк пристально смотрел на Флетча.

— Два дня тому назад, в понедельник, я сказал тебе, Флетч, что твоими выходками мы сыты по горло. Я думал, что поручил тебе настоящее дело, статью о борделе Бена Франклина...

— Я готов написать и ее. — Флетч изучал молчащий телефон на столе Френка.

— Конечно, готов, — скорчил гримасу Бифф. — Скажи нам, кто убил Дональда Хайбека, умник. Нам не терпится услышать твою версию. Держу пари, член семьи. Безумная Луиза? Безмозглая Жасмин? Дочурка Нэнси бросила пять своих оборвышей в мокрых ползунках и отправилась убивать папашку? Или ее муж, никчемный поэт? А еще лучше, монах, Роберт. Расскажи нам, как монах убил своего отца. За это ухватятся все газеты.

Телефон на столе Френка по-прежнему молчал. Флетч глубоко вдыхнул.

— Дональда Хайбека убил Стюарт Чайлдерс.

Бифф расхохотался.

— Блестяще! Готов спорить, он сам признался тебе в этом.
— Да, — кивнул Флетч. — Признался. Иногда лжецы говорят правду.

Френк посмотрел на зал городских новостей.

— А что тут делают копы?

Шестеро полицейских обступили секретаря Френка.

— Преступник есть жертва собственного преступления, — сказал Флетч Биффу. — В чем, я думаю, вам вскорости предстоит убедиться.

Зазвонил телефон. Секретарь, занятая спором с полицейскими, не смогла взять трубку. Так что отвечать пришлось Френку.

— Слушаю!.. Кто это? — Он посмотрел на Биффа. — Лейтенант Гомес... Да, Бифф у меня... Нет. — Взгляд на Флетча. — Я ему все передам, лейтенант... Пистолет? Хорошо... Пистолет двадцать второго калибра. Зарегистрированный на Стюарта Чайлдера... — Бифф поднял голову. — Отпечатки пальцев Стюарта Чайлдера... — Френк злобно глянул на Биффа. — ...Баллистическая экспертиза... Дональда Хайбека убили из этого пистолета... Будьте спокойны, я все передам... — Френк медленно положил трубку и откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди.

Бифф сидел, выпрямив спину, на краешке кресла, готовый сорваться с него в любую минуту.

Шум за дверью усиливался. Двое полицейских спорили друг с другом. Оба показывали пальцем на Флетча.

— Ладно. — Бифф поправил левую брючину. — Подготовку материалов по убийству Хайбека я веду в тесном контакте с лейтенантом Гомесом. Поэтому он и звонил мне.

— Ты даже не знал, что звонит именно он, — заметил Френк. На помощь секретарю прибыл Хэмм Старбак. Встал между полицейскими и дверью в кабинет Френка.

Флетч наклонился вперед.

— А теперь, Френк, насчет Бена Франклина...

— Заткнись! — рявкнул Бифф.

Френк изогнул бровь.

— Рассказывай, — приказал он Флетчу.

— «Дружеские услуги Бена Франклина» принадлежат «Лесной нимфе, инкорпорейтед». Которой, в свою очередь, владеют две компании, «Кангуэлл скрю» и «Лингман тойз». — Френк переводил взгляд с Биффа на толпу перед дверью кабинета, но одновременно и слушал. — У «Кангуэлл скрю» и «Лингман тойз» один хозяин — «Параска стимшип компани», совладельцами которой являются четыре женщины: Ивони Хеллер, Анита Гомес, Мариэтта Рамсин и Аврора Уилсон.

Лицо Биффа Уилсона побагровело.

За дверью кричали все, даже Хэмм Старбак.

Френк смотрел на телефон.

— Анита Гомес. — Он глянул на Биффа. — Аврора Уилсон. — Френк придвинулся к столу. — Гомес и Уилсон. Похоже, вы действительно работаете в тесном контакте. — Он потянулся к телефону. — Теперь я понимаю, как фотоснимки этих плюшек попали в понедельник на страницы спортивного раздела.

— Сукин ты сын! — взорвался Бифф.

— Матт? — Френк уже говорил по телефону. — Френк Джефф. Выпиши чек на выходное пособие для Биффа Уилсона. Я хочу, чтобы к пяти часам ноги его здесь не было... Да, он уволен. Далее ни он, ни его компании не будут прикрываться «Ньюс-Трибюн».

Бифф вскочил. Пальцы его сжались в кулаки.

— Сукин ты сын! — повторил он.

Шагнул к Флетчу и ударил его.

Флетч свалился со стула и покатился по ковру.

Дверь открылась.

Первым вошел Хэмм Старбак.

— Извините, Френк, но копам нужен Флетч. — Он посмотрел на лежащего на ковре Флетча. — С чего это ты предпочитаешь стульям ковер?

Бифф уже стоял над Флетчем и держал руками его шею.

— Александер Лиддикуот! — крикнул один из полицейских. —

Я его узнал, когда остановился перед светофором!

— Ты не сверил номера! — закричал второй. — А мы сверили.

Он — Ирвин Флетчер, разыскиваемый за хранение и распространение наркотиков.

— Помогите! Помогите! — хрипел Флетч.

— Вооруженное ограбление...

— Ты спал, что ли, на утреннем инструктаже?

— Кокаин...

— Слушай, Флетч. — Френк обошел стол, присел рядом с Флетчем, которого душил Бифф Уилсон. — Статья об убийстве Хайбека, включающая признание Чайлдерса и его арест, нужна мне для утреннего выпуска. Гомес сказал, что его арестуют до вечера. Разумеется, об аресте напишут и другие газеты, но подноготная этой истории появится только у нас. С сылкой на то, что он признался в убийстве репортеру «Ньюс-Трибюн». Продолжение мы дадим в субботу.

— Г-р-р-р! — Флетч пытался разжать руки Биффа.

— Прекрати! — Френк стукнул Уилсона по плечу.

— Он нарушил все правила дорожного движения! — воскликнул третий полицейский. — Кто бы он ни был, мы его арестуем. Да еще машина у него с пробитым глушителем.

— А уж для воскресного выпуска, — продолжал Френк, — мне нужна большая аналитическая статья о проведенном тобой расследовании, со всеми фактами. Она должна лежать у меня на столе в субботу, в шесть вечера.

Хэмм Старбак, ранее безучастный зритель, приступил к решительным действиям. Ибо лицо Флетча, до того красное, сначала побелело, а потом начало синеть. Обхватив Биффа сзади, Старбак сцепил руки у него на груди и поднял его.

Бифф не отпускал шею Флетча, поэтому Флетч завис над ковром.

Шестеро полицейских кричали друг на друга.

Звонил телефон.

Встал и Френк.

— Теперь о «Бене ФранкLINE». Я думаю, мы должны дать

разоблачительную статью в воскресенье. Порадуем читателей. А в пятницу и субботу напечатаем о ней короткие сообщения. Разождем их интерес. То есть все материалы, включая фотографии, должны быть у меня в субботу, к двум часам дня.

Хэмм наконец оторвал Биффа от Флетча.

Шея Флетча освободилась. Он рухнул на ковер и ударился головой.

— Ты сможешь это сделать? — спросил Френк.

— Я женюсь в субботу, — просипел Флетч, жадно лоя ртом воздух.

— Он женится! — Френка аж передернуло. — Выветрился из молодежи репортерский дух.

В одном углу Хэмм Старбак все еще боролся с Биффом Уилсоном. Пятеро копов никак не могли договориться друг с другом насчет Ирвина Флетчера, кокаина, Александра Лиддикуота, вооруженных ограблений и нарушений правил дорожного движения. Двое уже достали дубинки. Шестой полицейский, наклонившись, пытался надеть наручники на руки Флетча.

Флетч растирал шею.

Репортеры в зале городских новостей следили за происходящим в кабинете Френка.

— Что тут, черт возьми, происходит! — взревел Френк и схватил за руку полисмена с наручниками. — Прекратите! Он мне нужен. О Боже! Кто позволил полиции вламываться в редакцию?

— Газете нужна свежая кровь, — процитировал с пола Флетч. — Этаким юный диссидент, который встряхнет сложившийся жизненный уклад...

Над ним склонилась секретарь Френка Джеффа.

— Флетчер, тебя к телефону. Звонит женщина. Говорит, по очень срочному делу.

— ...Посмотрит на рутинное под новым углом. — Флетч поднялся. — Заставит остальных оторвать глаза от борозды и оглядеться. — Флетча качало. — В этом было мое предназначение, не так ли, Френк? Потому-то меня и взяли в редакцию?

Шестеро полицейских что-то говорили Френку — одновременно и каждый свое.

Среди репортеров, наблюдающих за захватывающим зрелищем, была и Энн Макгарраэн. На ее губах играла улыбка.

Хэмм Старбак что-то втолковывал Биффу Уилсону. Бифф дважды согласно кивнул, и Хэмм отпустил его.

Поправив пиджак, затем вновь сжав пальцы в кулаки, Бифф направился к двери, огибая спорящих копов.

— Бифф! — крикнул ему вслед Флетч, растирая шею. — Я знаю хорошего адвоката! Он с удовольствием займется твоим делом!

— Она сказала, что ее зовут Барбара Ролтон, — добавила секретарь.

Френк тем временем обратился к полицейским:

— Послушайте, парни, сейчас он не может пойти в полицейский участок. Он нужен мне здесь. — Френк коротко глянул на Флетча, взявшего трубку с телефонного аппарата на его столе. — С вами пойду я. И улажу возникшие недоразумения.

— Привет, Барбара! — прокричал Флетч. — Я не смогу пообедать с твоей мамой. Ни сегодня, ни завтра. Ни в пятницу. Абсолютно невозможно. У меня по горло работы. Постараюсь увидеться с тобой в субботу. Подожди. — Флетч прикрыл ладонью микрофон. — Френк?

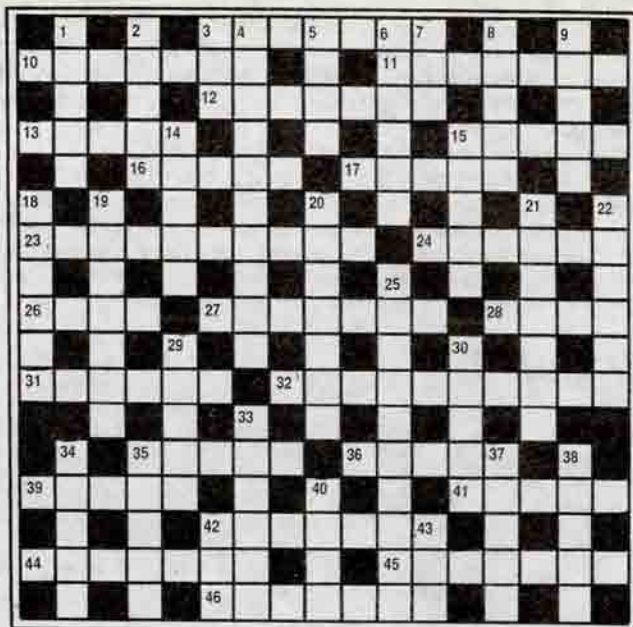
В углу кабинета тяжело дышал Хэмм Старбак.

Френк, окруженный полицейскими, посмотрел на Флетча.

— Я насчет статьи о «Бене ФранкLINE». — Флетч потер шею. — Нужно ли упоминать о причастности к этому заведению Биффа Уилсона, уволенного сегодня из «Ньюс-Трибюн»?

— Обязательно, — усмехнулся Френк. — Выдай этому наглецу на полную катушку.

**Перевод с английского
ВИКТОРА ВЕБЕРА.**

3. Возникший в конце XVI века стиль в английской литературе, восходящий к древним грекам Горгию и Исократу. 10. Электрический скат, чьи разряды римский врач Скрибоний Ларг рекомендовал применять против подагры, головной боли и эпилепсии. 11. Камень, чей цвет считали одним из самых красивых в Древнем Египте. 12. Арифметическая разность. 13. Питье, поданное римскими воинами Христу, распятому на кресте. 15. Противник египтян в первом документированном сражении — на реке Оронт. 16. Персидский поэт, прозванный или назвавший себя так, возможно, потому, что знал наизусть Коран. 17. Матушка-рожь кормит дураков сплошь, а пшеничка — на... (старинная пословица). 23. Должность отца Н. Римского-Корсакова на Волыни. 24. Французский поэт и философ, сказавший: «К великим истинам ведет тропа ошибок». 26. Глава хаджа, руководитель каравана мусульманских паломников. 27. Древнегреческий математик, с гордостью заявлявший, что «поставил математику выше интересов торговца». 28. Религиозный язык буддистов. 31. Английский идеолог бюргерской ереси, предшественник Реформации. 32. Религия, которую исповедовал декабрист М. Лунин. 35. Каждый из первых распространителей медицинских знаний на Руси. 36. Насекомое, по скорости полета способное соревноваться со скорым поездом. 39. Лекарственное растение, помогавшее, как считали древние греки, от беспло-

дия. 41. Долина, где повесился библейский Иуда. 42. Долгая песня, кисейная..., китайские церемонии. 44. Композитор, чье самое лирическое произведение — «Фиалка Монмартра». 45. Корабль, на котором Д. Кук совершил свое первое кругосветное плавание. 46. Алкивиад, Перикл или Фемистокл по отношению к армии.

По вертикали.

1. Животное, о спасении которого при пожаре должен был прежде всего заботиться хозяин в Древнем Египте. 2. Дидактический жанр поэзии миннезингеров. 3. Текущая через Токио река, по которой когда-то называли город. 4. Насыщение правдой; развитие совести. 5. Химический элемент, которому Д. Менделеев интуитивно удвоил атомный вес, и оказался прав. 6. Монета, введенная в Польше в 1528 году в подражание венгерскому гольдгульдону. 7. Цветок, каким Морфей прикасался к человеку, когда хотел его усыпить или навеять приятные грезы. 8. Африканская антилопа, живущая обычно в сообществе с царьками ради безопасности. 9. Философ, чья первая работа «Опыт критики всяческого откровения» была принята за труд И. Канта. 14. Морская рыба, под лучом прожектора выпрыгивающая из воды. 15. Песнопение, с которым связано возникновение контрапункта. 18. Латиноамериканский водопад с «глоткой дьявола». 19. Порода малорослых, крепких лошадей. 20. Представитель сибирского народа, живущего, по словам В. Распутина, «возле самого неба». 21. «Трамвай «...» — пьеса Т. Уильямса, закрепившая за ним репутацию «авангардиста». 22. Елей. 25. Название договора во времена Дмитрия Донского. 29. Каждый из греческих учителей, выдворенных из Рима в 161 году до н. э. 30. Немецкий график, основавший журнал «Эйленшпигель». 33. Сын французского посла, с которым М. Лермонтов дрался на дуэли. 34. Французский фотограф, один из первых воздухоплавателей. 35. Бельгийский скульптор и живописец, автор «Пмятника труду» в Брюсселе. 37. Неземное существо, прототипом которого была греческая богиня Ника. 38. Древнее название Кореи, и сейчас фигурирующее в официальном названии КНДР. 40. Старинное орудие пытки. 42. Голос, для которого написана партия Сусанина в опере «Жизнь за царя». 43. Американский космонавт, командир первых двух полетов на корабле «Спейс шаттл».

281

ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

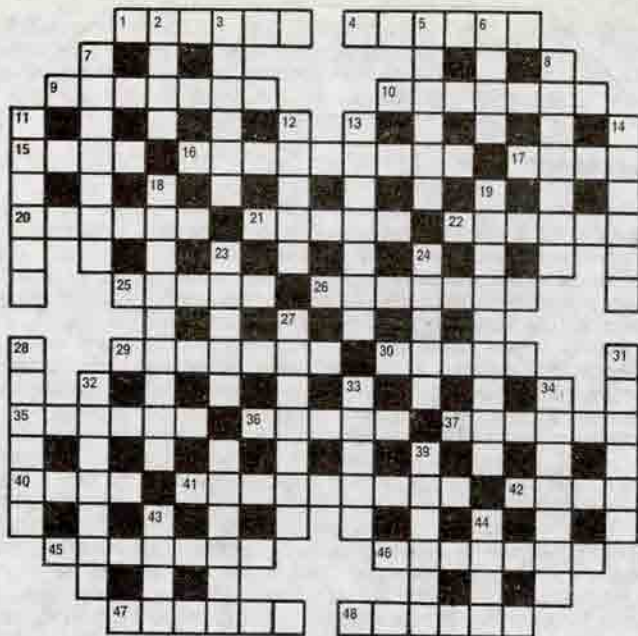
По горизонтали.

1. Гудено. 5. Эффект. 9. ...«Ира». 11. Макинтош. 12. Биохимия. 14. Амба. 15. Каверза. 16. Янки. 19. Табак. 20. Чон. 22. Данио. 24. Ребаб. 26. ...лбы. 28. Страхование. 29. Шоу. 31. Коран. 33. ...дверь. 34. Вор. 35. Стерн. 40. «Рожь» (И. Шишкина). 41. Цинновка. 42. Юсуф. 45. Зенкевич. 46. «Калевала». 47. Руд. 48. «Идеалы». 49. Коньки.

По вертикали.

1. Гумбаз. 2. Дикобраз. 3. Нона. 4. Ерш. 6. Фахр. 7. Еммануил. 8. Таяние. 9. Иолай. 10. Шиизм. 13. Белобородов. 17. Пантера. 18. Мачисте. 20. Чехов. 21. Навар. 23. Обь. 24. ...рак... 25. Бан. 27. Йод. 30. Уважение. 32. Хрусталь. 36. Гризли. 37. Житие. 38. Оклад. 39. Афгани. 43. Вейл. 44. Небо. 46. Кум.

КРОССВОРД
Составил
И. НОХРИН,
Хабаровск

По горизонтали.

1. Единица объема и мера жидкости, восемь пинт.
4. Роман, написанный А. Kupриным в эмиграции.
9. Итальянский композитор, любивший одинокие прогулки на моторной лодке по озеру Массачукколи.
10. Гватемала — кетсаль, Гондурас — ... 15. Стихотворение Ивана Бунина о птице из народных сказаний.
16. Страна, четверть населения которой живет в штате Льянос.
17. «Энеида» Вергилия как род литературы.
20. Индонезийский музыкальный инструмент, «ксилофон» из гонгов.
21. Народ, древнейшие потомки коренного населения острова Сахалин.
22. Трава, из которой у нас делают салаты. Во Вьетнаме популярен суп из ее листьев.
25. Немецкий математик и физик, девятнадцатилетним решивший задачу, как построить семнадцатигульник с помощью циркуля и линейки.
26. Современный русский актер театра и кино.
29. Условный значок на карте в виде кружка, квадрата, треугольника.
30. Стужа.
35. Птица, один из национальных символов Индии.
36. Крестьянский дом в Китае.
37. Лукавый человек.
40. Русский князь, прибавивший свой щит к воротам Царьграда.
41. Каждый из персонажей картины И. Репина.
42. Верхний лучезарный слой воздуха в греческих мифах.
45. Земледелец.
46. Спортивная игра родом из Шотландии. Популярна в Европе и Канаде.
47. Тип загадки.
48. Дерево. В Древнем Египте его считали воплощением богини неба Нут.

По вертикали.

2. Единственная до XVII века турецкая серебряная монета. 3. Шведский натуралист, открывший и описавший около полутора тысяч видов растений. 5. Вольтеровская мебель, упомянутая в «Вешних водах» И. Тургенева. 6. Овощ, в старину заменявший на Руси картошку. 7. Длинный клок волос на голове (одно из слов, предположенных Н. Гоголем в словарики «Вечерам на хуторе близ Диканьки»). 8. Единое произведение искусства из нескольких частей. 11. Провинция с Монреалем — столицей Олимпийских игр 1976 года. 12. «Подвенечный» человек. 13. Самый распространенный в Восточной Африке язык. 14. Другое название матadora. 18. Минерал, названный по испанской провинции. 19. Наука о грибах. 23. «Тихо в чаще можжевеля по обрыву... — рыжая кобыла — чешет гриву» (С. Есенин). 24. Советский космонавт, дважды летавший в космос в качестве командира. 27. Соперник героя в романе В. Каверина «Два капитана». 28. Официальное свидетельство об изобретении. 31. Размер шрифта. 32. Имя известного дирижера Мравинского. 33. Разорившийся купец в Древней Руси. 34. Титул Рудольштадт — героини романа Ж. Санд. 38. Испанский танец-песня, который исполняют в сопровождении кастаньет. 39. Светлый символ России. 43. Разорительная «обновительница» одежды. 44. Самая короткая сказка Х. К. Андерсена.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали.

7. Аркебуз. 10. Эврипос. 13. Чулок. 14. Невир. 15. Генерал. 16. Моветон. 17. Назар. 18. Метек. 19. Якутка. 22. Цистра. 23. Алмаз. 24. Фея. 26. Орхидея. 28. Инталья. 31. Хоу. 32. Нивоз. 35. Гвидон. 38. Декот. 42. «Ровер». 43. Вилар. 44. Жарение. 45. Аквилон. 46. Нория. 47. Севан. 48. Татейма. 49. Ширинка.

По вертикали.

1. Юрченя. 2. Щелезуб. 3. Букарка. 4. Эвномия. 5. Циветта. 6. Сорока. 8. Кунак. 9. Борат. 11. Ревес. 12. ...Питер... 20. Ала. 21. Лауреат. 22. Цефей. 25. Гильдия. 27. Унион. 29. Под. 30. Тиверец. 31. Хориямб. 33. Зевксис. 34. Боливия. 35. Гранат. 36. Ворот. 37. Дения. 39. Кивер. 40. Калан. 41. «Тронка».

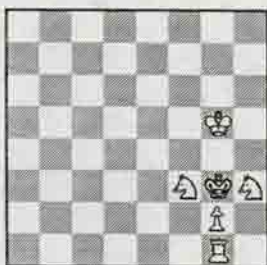
Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

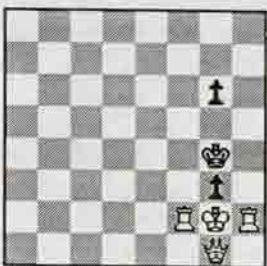
Продолжаем публикацию оригинальных композиций, присланных на III международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр. Напоминаем, что в конкурсе примут участие все присланные в редакцию «Смены» задачи, а не только опубликованные в журнале. Лишь после подведения итогов конкурса свободные (неопубликованные и не получившие отличий) задачи могут быть посланы на другие конкурсы.

58. Ю. ЛУБКИН
Москва

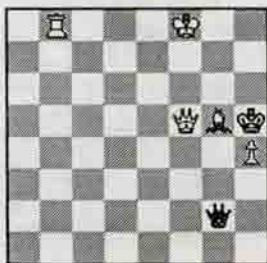
Мат в 2 хода

59. Н. НОВИК
г. Бирск, Байконгорстан

Мат в 2 хода

60. Н. ЗИНОВЬЕВ
*Усть-Каменогорск
Казахстан*

Мат в 2 хода

61. В. ЖЕЛТОНОЖКО

*Екатеринбург
А. ЛЫСЕНКО*

Оренбургская обл.

Мат в 2 хода

62. В. АНТИПОВ

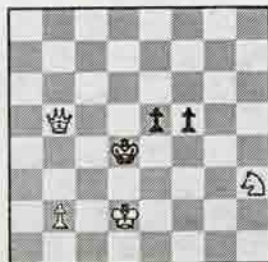
г. Боровичи

Мат в 2 хода

63. А. ЗАРХ

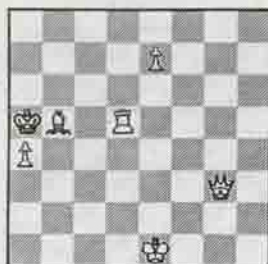
Рига, Латвия

Мат в 2 хода

64. В. ИВАНОВ

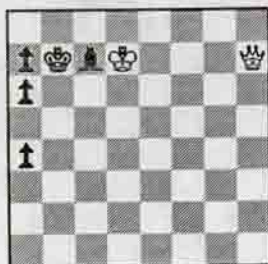
*п. Повенец,
Карелия*

Мат в 2 хода

65. Л. ГРОЛЬМАН

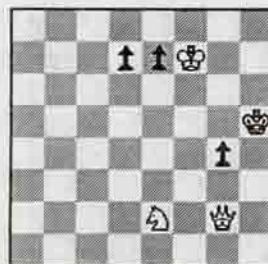
Казань

Мат в 3 хода

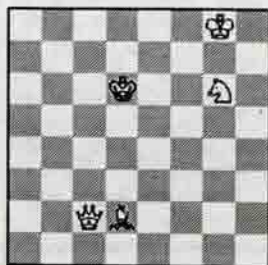
66. В. КОЖАКИН

Магадан

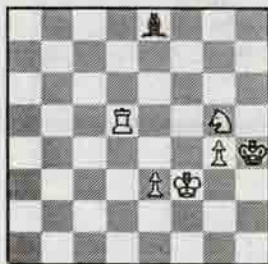
Мат в 3 хода

67. В. ИВАНОВ
 п. Повенец,
 Карелия

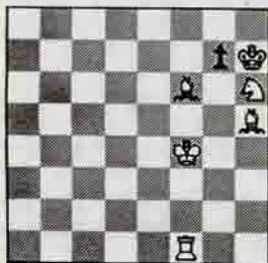
Мат в 3 хода

68. В. ШИЛЬНИКОВ
 г. Асбест
 Свердловской обл.

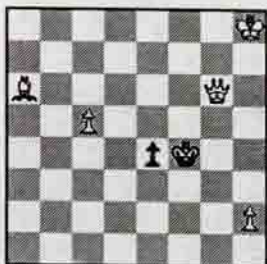
Мат в 3 хода

69. М. ЧЕРНУШКО
 г. Уссурийск

Мат в 3 хода

70. В. ЖЕЛТОНОЖКО
 Екатеринбург
 А. ЛЫСЕНКО
 Оренбургская обл.

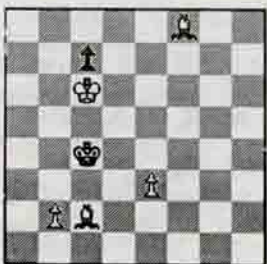
Мат в 3 хода

71. А. КОРМИЛЬЦЕВ
 Екатеринбург

Мат в 4 хода

72. В. АНТИПОВ
 г. Боровичи

Мат в 7 ходов

передвижническое дело прошло бы бесследно. Передвижники победили Академию, но только Репин указал силой своего таланта дальнейший путь к живописной красоте.

XXVI

Около Репина с меньшим талантом, но с большей последовательностью подвизался Савицкий. Он выступил даже ранее Репина, еще в 1868 г., однако важной подпорой Передвижников он стал лишь после того, как в 1874 г. появилась его картина «Ремонт железной дороги», несомненно, однородная по духу и теме с «Бурлаками». Изображен жаркий, душный, летний день. Вверх и вниз по узким дощатым дорожкам плетутся среди пыли и песков несчастные поденщики с тачками. Наиболее «тузовую» вещь Савицкого, впрочем, считается «Встреча иконы», появившаяся на выставке 1878 г.

Любопытно, что, начиная уже с Перова, духовенство и народное верование сделались для русского прогрессивного искусства (совершенно в духе западного позитивизма) самыми излюбленными темами для насмешек. Таких художников, которые подобно Достоевскому пожелали бы взглянуть глубже и внимательнее на эту важнейшую сторону русской жизни и разобраться в деле, требовавшем самого серьезного к себе отношения, не находилось вовсе. Религия для представителей шестидесятилетней образованности казалась народным суеверием, а служители религии лентяями, бездельниками, порочными сластолюбцами. Попады им не было. Жирный монах на «Мытицах», невежественный монах, припертый к стенке доводами студентов (рисунок Перова), пьяный священник в «Крестномходе», обжоры, лицемеры и сплетники, собранные за «Монастырской трапезой», чудовищный «Протодьякон» Репина, фатоватый дьякон и ханжеское домание в «Крестномходе», глупый поп на «Исповеди», гнусный странник у В. Маковского, сладостный игумен на «Отъезде из Монастырской гостиницы» Корзухина — вот типы, найденные русскими живописцами того времени в одной из самых важных областей русской жизни. «Встреча иконы» Савицкого как раз одно из самых характерных в этом антиклерикальном роде произведений. Простой народ, мужики, бабы и дети крестятся, кладут земные поклоны, толпятся вокруг чудотворной Иконы, молятся на нее и прикладываются к ней. Из кареты, в которой привезли Икону, вылезает жрец всего этого культа: некое чудовище, старый, ужасный, очевидно, в разврате и пьянстве обрюзглый архиерей. Рядом с ним дьячок, до полного отупения привыкший ко всем этим церемониям, преспокойно упивается табачком.

Впрочем, как «Ремонт», как «Встреча иконы», так и большинство последующих вещей Савицкого — сцены из жизни сибирских беглецов, очень верная и даже трогательная «Панихида зимой на кладбище» и даже такая явно неудавшаяся вещь, как «На войну», принадлежат по силе выражения к лучшему, что

было сделано передвижниками. Даже в техническом отношении картины эти если и уступают бесконечно работам Репина, то все же являются вполне удовлетворительными произведениями, стоящими значительно выше общего уровня школы. У Савицкого, как и у всех прочих, мало настоящей, простой действительности, и у него все это скорее сцены, сгруппированные ловким и опытным режиссером из хорошо знающих роль актеров, но преимущество Савицкого перед другими — это большая объективность, иногда очень серьезное внимание к пейзажу, типам и позам. Его «Ремонт» (несмотря на намерение автора) даже сразу и не примешь за произведение типичного передвижника и можно бы приписать какому-либо запоздалому Венецианову, вроде Морозова, настолько просто и спокойно все срисовано с натуры. В этой черте — большей объективности — сказывается принадлежность Савицкого к более молодому, нежели Перов и Корзухин, поколению.

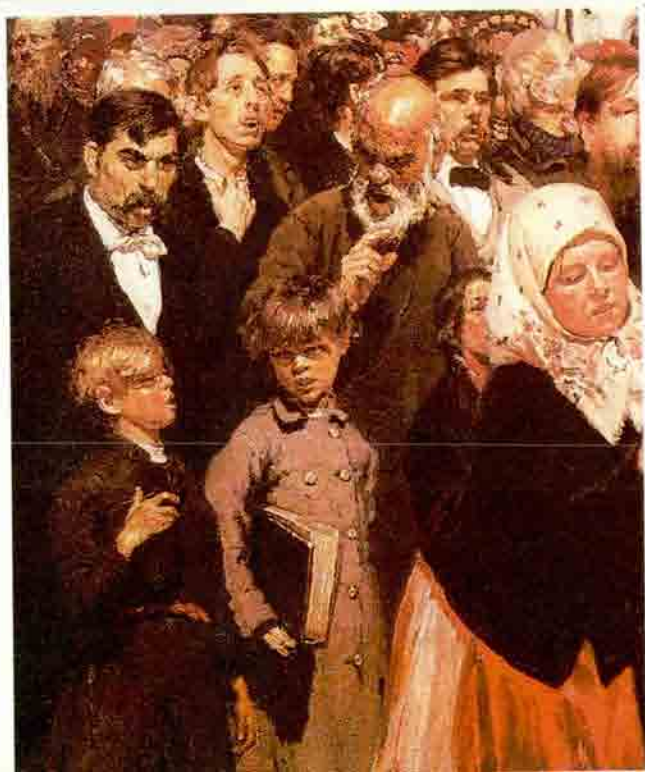
Последним столпом и знаменитостью среди передвижников был Ярошенко, выступивший в их лагере в 70-х годах. Ярошенко не был крупным талантом, и, не имея долгое время возможности всецело посвятить себя живописи, он остался в техническом отношении совсем неумелым, стоящим ниже уровня (не особенно уж высокого) всего общества. Однако имя его не должно заглухнуть, так как он слишком типичен для конца 70-х и начала 80-х годов, для этого времени курсисток и студентов, бурной, равшейся к героизму, наивно-прямолинейной молодежи и всевозможных «мучеников идеи». Ярошенко иллюстрировал это время как в сосредоточенных, иногда очень характерных и даже значительных, этюдах-портретах, так и в несколько сентиментальных и уж больно плохо исполненных картинах. С этими темами в тесной связи стояли и другие его излюбленные мотивы из жизни узников. В ряду этих картин две особенности имели большой успех: «Заключенный», с томительной тоской глядящий в крошечное оконце каземата на светлый и вольный воздух, «Всюду жизнь», где изображены разные типы преступников и ссыльных, *умиленно* наблюдающих из вагона, как ребенок одной из заключенных женщин кормит голубей. В этом отношении к своему предмету, примирительному и сердечному, сказала лирически настроенная симпатичная природа художника. Единственно Ярошенко из всех своих товарищей подошел таким образом, хоть отчасти, в намерениях к автору «Мертвого дома». И Ярошенко к концу своей жизни все больше и больше удалялся от «сюжетности», стараясь передавать попросту действительность. К сожалению, не обладая достаточным мастерством, он не произвел в этом роде ничего действительно прекрасного в художественном отношении.

Продолжение следует.

◀ В. ПЕРОВ. Странник.

▼ И. РЕПИН. Портрет А. Ф. Писемского. 1880.

▲ И. РЕПИН. Крестный ход в Курской губернии, фрагмент.

И. КРАМСКОЙ. *Девушка с распущенной косой.*